КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

М.В. Родзянко

Первое полное издание записок Председателя Г. Думы.
С дополнениями Е.Ф. Родзянко

M.V. Rodzianko

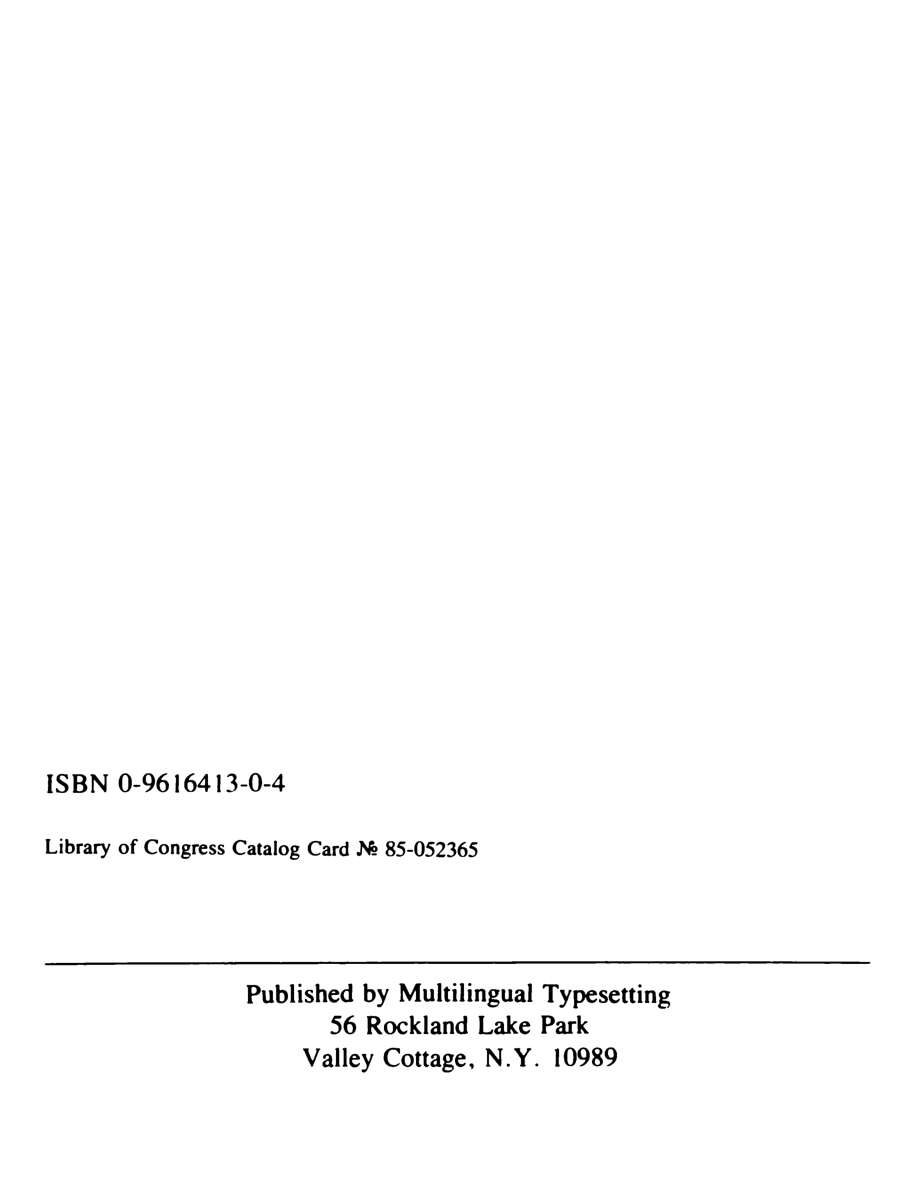
KRUSHENIE IMPERII
(COLLAPSE OF THE EMPIRE)

i (and)

Gosudarstvennaya Duma i fevralskaya 1917 goda revolutsia
(The State Duma and the 1917 February Revolution)

The first complete publication of the Notes
of the President of the State Duma,
with comments by E.F. Rodzianko

1986

ISBN 0-9616413-0-4

Library of Congress Catalog Card № 85-052365

Published by Multilingual Typesetting
56 Rockland Lake Park
Valley Cottage, N.Y. 10989

Копия той фотографии Государя Императора Николая II, которая постоянно стояла на письменном столе М.В. Родзянко до самой его смерти. После смерти М.В. стояла на столе его сына Михаила Михайловича.

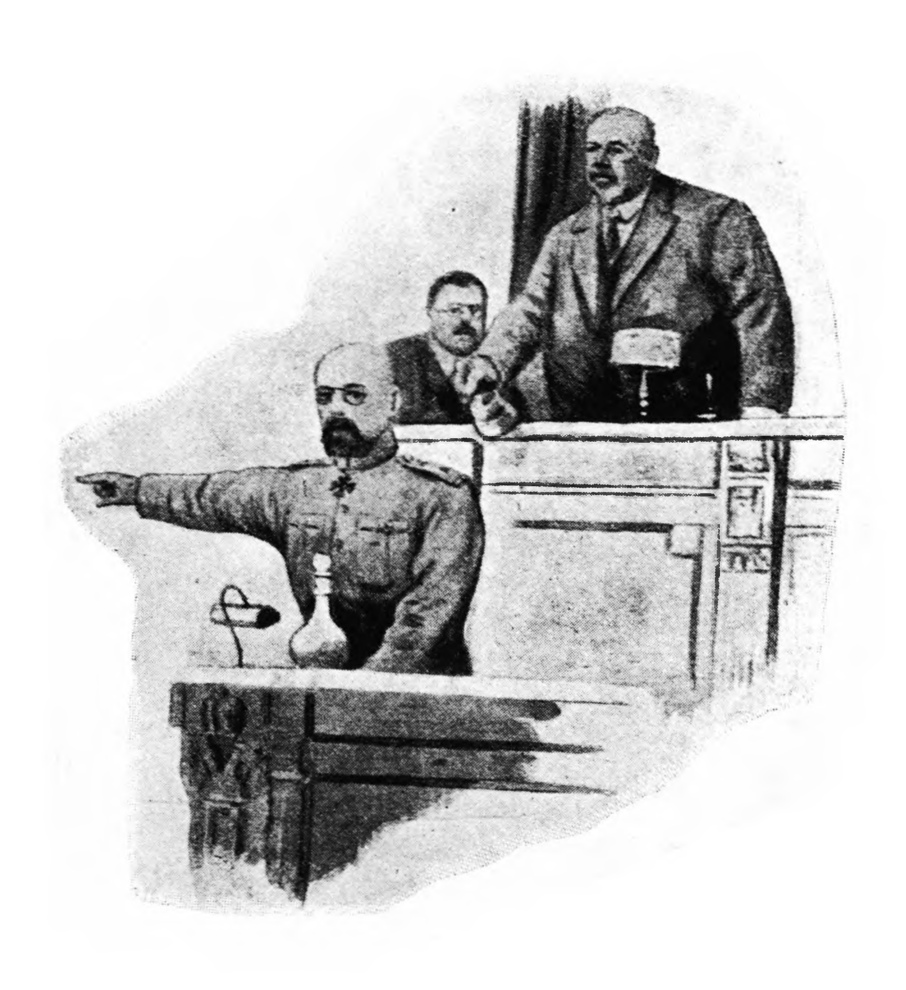
Время неумолимо изживает старые ценные книги, написанные очевидцами грозных судьбоносных дней, когда решалась судьба России. В семье нашей сохранилась одна копия книги М.В. Родзянко и время уже превратило эту книгу в такое состояние, что фотографически ее нельзя переиздать. Чтобы сохранить этот дорогой исторический документ для русской истории и для потомства мы переиздаем эту книгу, включая в нее и брошюру Председателя Думы, написанную еще во времена Белого Движения. Впервые печатаются некоторые дополнения Е.Ф. Родзянко к запискам М.В. Е.Ф. всю жизнь свою близко принимала участие во всем, что касалось в те же дни ее тестя. Памяти ее мы посвящаем это издание.

На обороте этой страницы портрет Государя. Этот портрет является для всех нас, внуков М.В., издающих эту книгу, воспоминанием детства. Мы помним этот портрет неотъемлемой частью письменного стола деда и, после его смерти, отца. Дорогим воспоминанием детства были и слова деда, что Государь был очень добрым, хорошим, образованным и умным человеком, и что дед горячо любил его . . .

Прошло много времени. Многое недооцененное тогда, оценилось теперь. Стали известны многие детали мученичества Царской Семьи. Наша Церковь причислила их, с сонмом новомучеников, к лику святых. У внуков и правнуков М.В. иконки новомучеников в «Красном углу» вместо портрета Государя на столе.

Настоящая книга правдиво описывает, что было в то время. Многое кажется нам из современности непростительно ошибочным. Но каковым бы наше прошлое ни было, мы все за него отвечаем. Дай Боже, чтобы все это было омыто мученической кровью. Мы, издающие эту книгу, верим, что слова Государя «Я знаю, я погибну, но я спасу Россию . . .», теперь молитвами его перед престолом Божьим, начинают исполняться.

Внуки

М.В. Родзянко председательствует в Государственной Думе во время речи Владимира Митрофановича Пуришкевича 19 ноября 1916 г. (см. стр. 294-295). (Зарисовка с натуры худ. Животовского. Момент, когда Родзянко пытается остановить оратора).

Михаил Владимирович Родзянко
(гравюра)

М.В. Родзянко

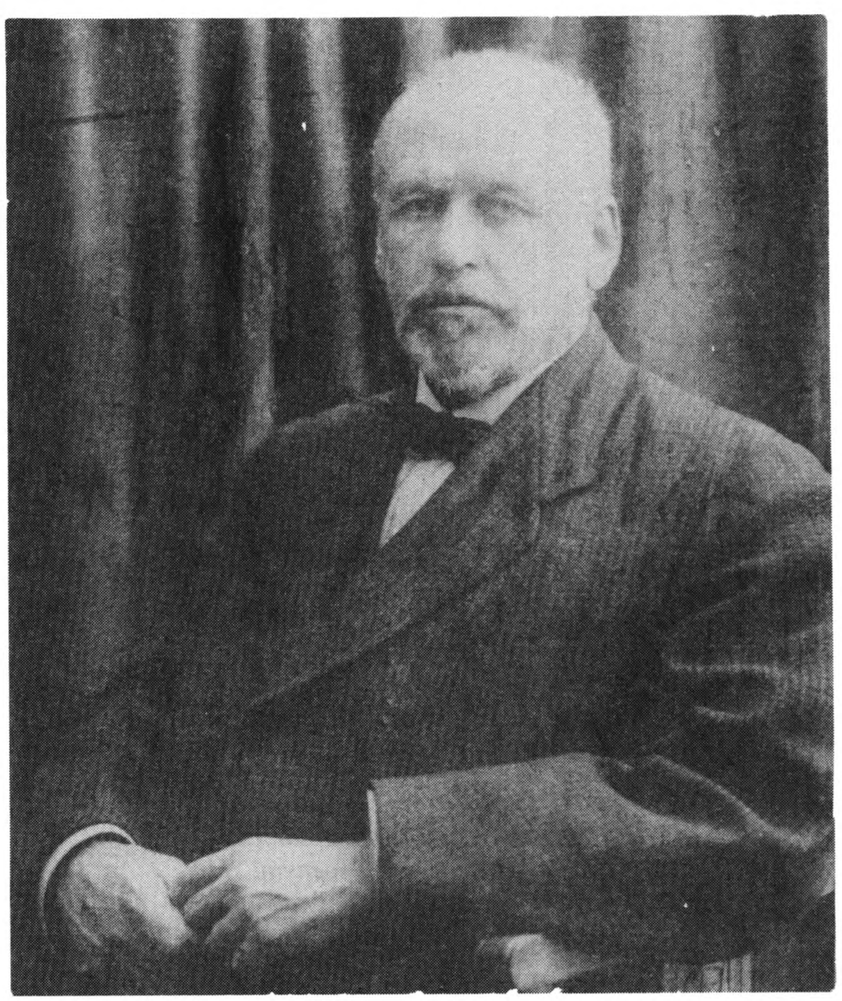
КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

и

Государственная Дума и февральская 1917 года революция

Первое полное издание записок
Председателя Государственной Думы.
С дополнениями Е.Ф. Родзянко

1986

Михаил Владимирович Родзянко в Ростове н./Д. во время Белого Движения.

Предыдущие издания:

1. «Государственная Дума и февральская 1917 года революция», Екатеринодар 1919 г.
2. «Государственная Дума и февральская 1917 года революция», Белград, Югославия 1923 г.
3. *Крушение Империи*, Белград, Югославия 1924 г.
4. *Крушение Империи*, Рабочее издательство «Прибой», Ленинград 1927 г.

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

(Записки председателя Русской Государственной Думы)
М. В. Родзянко

Предисловие А. И. Ксюнина

Никто не устраивает революцию и никто в ней неповинен. Виновны все.
(Талейран.)

С записками Михаила Владимировича Родзянко, с его лиловыми тетрадями, мелко исписанными им самим или под его диктовку, – я познакомился еще при его жизни. М. В. передал их мне для подготовки к изданию: он видел, что даже после всего пережитого в широких массах русских людей мало и плохо ознакомлены с событиями, предшествовавшими революции. М.В. испытал это на себе, вернее, испытывал до последних дней своей жизни. В период добровольчества и после – в эмиграции – озлобленные, нечестные и просто сбитые с толку своими несчастиями люди бросали Родзянко тяжкое обвинение, что это он «возглавил революцию» и «заставил Николая II отречься от престола».

Записки М.В. с беспристрастием летописца, излагающие ход политической жизни в России за последние пять лет до момента революции – лучший ответ на все эти обвинения. Они же, эти записки, вскрывают и безысходную трагедию Родзянко. Ему, убежденному монархисту, выросшему в глубоком уважении к достоинству Царя, невыразимо тяжко было сознавать, что он должен осуждать действия Монарха и бороться с его распоряжениями для пользы его же самого и родины, которую Николай II, не сознавая увлекал в пропасть.

Камер-паж при Императоре Александре II, офицер кавалергардского полка, предводитель дворянства, камергер, пропитанный монархическими идеями по воспитанию, положению и среде, в которой жил, – становится свидетелем, как прибли-

женными Царя и его министрами эта идея приносится в жертву своекорыстным интересам карьеры, выгоды и обогащения. Как Председатель Думы, как представитель народа, он считал преступным скрывать от Царя истину, как бы жестока она ни была. Широко пользуясь правом доклада, он до последних дней с упорством, пренебрегая оскорблениями, наносившимися его самолюбию, старался открыть глаза Николаю II на настоящее положение, но редко, когда в этом успевал. Другие влияния, безответственные, шедшие не наперекор, а угождавшие настроениям, неизменно брали верх. Во время войны, когда все усилия должны были быть сосредоточены на помощи фронту, – министры царского правительства и дворцовые круги вели борьбу не с врагом, а с народным представительством и общественными организациями. Ходом этой борьбы Председатель Думы выдвигается на первое место. После военных неудач 1915 года на промышленных съездах он провозглашает лозунг «все для войны» и добивается учреждения Особого Совещания по обороне. После, когда начался развал тыла, союзы земств и городов, земские и дворянские собрания и даже совет объединенного дворянства через Председателя Думы подают свой голос, предупреждающий, что «Родина в опасности» и что надо призвать к власти людей, пользующихся доверием страны. Родзянко об этом неоднократно доводит до сведения Государя – но опять напрасно.

К Председателю Думы обращаются офицеры и генералы с фронта тоже с самыми тревожными предупреждениями; к нему приезжают великие князья, брат Государя просит его как человека, «которому все доверяют», предупредить бедствие, надвигающееся на Россию, наконец одна из великих княгинь в присутствии своих сыновей предлагает М.В. взять на себя инициативу «устранения» Царицы. Всё и все тянулись к Председателю Думы, но перед престолом Родзянко неизменно оказывался одиноким, потому что кроме него почти никто не решался говорить тех правдивых и смелых слов, которые тогда озлобляли Императора и которые Николай II вспомнил слишком поздно, – когда после отречения он сказал генералу Рузскому: «Только один Родзянко говорил мне чистую правду».

Таким же одиноким оказался М.В. и вскоре после перево-

рота: как раньше при Царе он не умел и не хотел лстить у престола, так и с приходом власти народа он не мог потворствовать толпе демагогией.

Родзянко пришлось подобрать выпавшую из слабых царских рук власть, но он ни минуты не думал ее узурпировать.

Член Думы и первый комендант Таврического дворца Б.А. Энгельгардт в письме после смерти М.В. вспоминает эти первые дни революции еще до отречения Николая II:

«В кабинете Председателя Думы собрался весь временный комитет. На председательском месте за длинным зеленым столом сидит Михаил Владимирович Родзянко и на его, всегда уверенном, лице видны сомнения и тревога. Члены временного комитета в один голос настаивают на том, чтобы М.В. взял власть в свои руки. Ему говорят, что этого «от него ждет страна, что это его обязанность и от нее он не имеет права уклоняться».

«Что вы мне предлагаете, господа? – отвечает М.В. – Взять власть в свои руки – да ведь это прямой революционный акт. Разве я могу на это пойти...»

Тщетно взывая к Царю, он еще тогда надеялся предотвратить бедствие и, только убедившись, что прежней власти не существует, что носители ее позорно бежали, он пытался остановить развал, но это уже была задача неосуществимая.

Когда все были опьянены революцией, М.В. оставался абсолютно трезв. В то время имя Родзянко произносилось с восторгом: толпа на улицах встречала его криками «ура», солдаты и рабочие, являвшиеся в Таврический дворец, прежде всего шли к нему, большинство общества превозносило его до небес и выражения благодарности сыпались со всех сторон. Ему присылали благословения иконами, писали трогательные послания о том, что он «своим геройским поведением спас тысячи жизней», что если бы не он, «столица была бы залита кровью» и т.д. Характерно, как выражение мнения аристократии, письмо старого графа С.Д. Шереметьева. Он писал: «Я понимаю ваши страдания, зная вас за честного русского человека, преданного Монархии и России, но вам другого выхода не было из трагического положения и мы вас благодарим и благословляем».

Во временном комитете и в общественных кругах было течение, выдвигавшее на пост главы временного правительства

Родзянко, но против его кандидатуры появились возражения слева и особенно энергичные со стороны П.Н. Милюкова.

«В избрании князя Львова для занятия должности министра председателя и в отстранении Родзянко, – пишет в своих воспоминаниях В.Д. Набоков, – деятельную роль сыграл Милюков и мне пришлось впоследствии слышать от Павла Николаевича, что он не редко ставит себе мучительный вопрос: не было бы лучше, если бы Львова оставили в покое, а поставили Родзянко, человека, во всяком случае, способного действовать решительно и смело, имеющего свое мнение и умеющего на нем настаивать».

Как при царе – Н. Маклаков, Воейков, Вырубова, Распутин и другие больше всего клеветали на Родзянко, так и после переворота агитация из среды рабочих и солдатских депутатов была устремлена не против кого другого, как против Родзянко. Первый председатель с.р.д. Чхеидзе не стесняется в Таврическом дворце возбуждать солдат против Родзянко, а в это время на фабриках, в казармах и на улицах усиленно распускают слухи, что «Родзянко владеет такими огромными землями, которые превосходят территорию датского королевства». Агитация эта имела своей целью скомпрометировать в глазах народа и устранить с политической арены одного из наиболее популярных деятелей того времени, человека, стремившегося предотвратить развал России.

Понимая всю шаткость и ненормальность временного правительства, поставленного в положение непогрешимой и несменяемой власти, М.В. доказывал необходимость создания Верховного Совета, избранного из среды народных представителей. Если бы эта мысль была проведена – явилось бы возглавление власти и было бы кому сменять оказавшихся не на месте членов временного правительства.

После первых же дней революции М.В. оказался почти одиноким: большинство депутатов либо прекратило посешать Таврический дворец, либо вовсе бежало из столицы. Глава правительства, которому М.В. доказывал всю пагубность его распоряжения об отмене всей администрации на местах, уже не считался с думским комитетом, а комитет этот не только возглавлялся, но и представлялся чуть ли не единолично одним

Родзянко. У него осталась только моральная власть, в то время, как юридическая принадлежала правительству князя Львова, а фактическая – уже совету рабочих и солдатских депутатов. Открыто объявить о том, что Дума отошла в прошлое и что ни у Думы, ни у ее Председателя больше нет власти – значило бы похоронить идею народного представительства и с головою выдать членов Думы, обеляя себя самого. Этого по своему характеру М.В. сделать не мог. Кроме того, предвидя неминуемый крах временного правительства, он считал нужным сохранить идею Думы (о чем не раз говорил), надеясь, что она может еще сослужить службу. Позже, в деникинские дни, он пытался воскресить эту идею и созвать Думу в Екатеринодаре, но его не поддержали и не захотели слушать.

Еще до революции 1905 года М.В. было ясно, что тогдашнее государственное устройство России отжило свое время: еще в январе 1905 г. на дворянском собрании в Екатеринославе М.В. проводил мысль, что дворянство «на основании ст. 65 положения о дворянстве» обязано довести до сведения Государя о тех настроениях, которые неразрывно связаны с неудачами нашего оружия в Манджурии. Он предлагал «повергнуть к стопам его величества верноподданнейшие чувства дворянства с указанием, что существующее положение о государственном совете является устарелым и что в совет следует влить свежие силы из выбранных от дворянских обществ и земских собраний». Это крайне скромное пожелание было тогда признано екатеринославским дворянством слишком радикальным. Перед революцией те же дворяне через Родзянко просили об ответственном министерстве...

Человек исключительной политической честности, сильной воли, благородного патриотизма – Родзянко в то же время обладал редким даром государственного предвидения, чем были награждены далеко не многие его современники. Он предупреждал – его голосу не хотели внять; его с разных сторон, снизу и сверху, звали на авантюру – он не пошел.

Когда брат Царя великий князь Михаил Александрович, прежде чем подписать отречение, спросил М.В. может ли он гарантировать ему безопасность в случае, если он вступит на престол – Родзянко ответил: «Единственно, что я вам могу гаранти-

ровать – это умереть вместе с вами».

На исходе хилого владычества Керенского, которого Родзянко не раз убеждал, усовещевал, которому грозил – М.В. взялся организовать в российском масштабе процесс томившегося тогда в Быхове генерала Корнилова. Защиту Корнилова брали на себя лучшие адвокаты Москвы и Петрограда и М.В. заручился обещанием некоторых капиталистов дать нужные для ведения процесса средства, – но... пришел большевистский переворот. И на стенах Петрограда среди множества красных плакатов можно было прочесть объявление большевиков, обещавших пятьсот тысяч тому, кто живым или мертвым доставит в Смольный институт бывшего Председателя Думы Михаила Родзянко.

Под охраной донских офицеров М.В. должен был спасаться из столицы, но и на этом не окончились его муки. Красновский период на Дону, Ледяной поход, в который пошел Председатель Думы вместе с зеленой молодежью – горстью храбрецов, потому, что, как он говорил, ему некуда было больше идти, затем добровольческий период и эмиграция – принесли немало новых обид и оскорблений Родзянко и приблизили конец его жизни.

Записки Председателя Думы Михаила Владимировича Родзянко – лучший памятник этому большому русскому человеку, для которого превыше всего была – Родина.

Последний председатель Государственной Думы

В. Садыков

«Родзянко сделал революцию, он виновник всего нашего горя и несчастья» – вот клич, пущенный с легкой руки бесчестных людей, стремившихся всеми помыслами своими хотя как нибудь сложить с себя ту долю ответственности, которая всей тяжестью ложится на всю русскую интеллигенцию и в особенности на те классы, которые непосредственно стояли у власти последнее десятилетие перед революцией или были близки к правящим кругам того времени.

Этот клич был с особой легкостью воспринят на чужбине беженской массою в Сербии и эту клевету усиленно культивировали в народе люди, стоявшие на верхах, взявшие добровольно на себя заботы о беженцах.

Необходимо им было, не щадя сил и здоровья, поддерживать это нелепое, если не сказать больше, обвинение, ибо совершенно ясно – они боялись вопроса, обращенного к ним: «А вы, господа хорошие, что делали в то время, что вы сделали, чтобы спасти родину и несчастного Царя, портретами которого вы так старательно себя обшиваете здесь, на чужбине?»

Еще более обидно то, что как на виновника несчастья всего русского народа указывали на Михаила Владимировича и среди военной среды, среди остатков той доблестной армии, которую так любил покойный Председатель Г. Думы и на заботы о которой он положил столько сил и здоровья.

Когда в Сербии началась самая настоящая травля Михаила Владимировича, чем особенно отличалась натасканная в соответствующем духе военная молодежь, он долго, кротко и с громадным достоинством переносивший всевозможные оскорбления и издевательства, наконец не выдержал и отправился к уполномоченному по делам русских беженцев Палеологу, к которому сходились все нити указанной травли.

На вопрос, чем объясняется такая линия поведения этого почтенного политического деятеля, Палеолог ответил коротко и довольно определенно:

«Я творю волю, пославшего меня»*.

Пришлось идти к «пославшему» и свидание с генералом Врангелем объяснило все.

«Армия не должна заниматься политикой. Нам нужно было указать на кого нибудь, как на виновника революции, и мы избрали вас».

Свой тяжелый крест Михаил Владимирович безропотно нес до конца и никто, за исключением быть может самых близких ему людей, не чувствовал и не понимал той драмы, которую переживал этот кристальной честности человек и политический деятель.

Редко, в минуты слабости он, смотря в глаза, ища, как бы немедленного ответа, говорил: «А быть может, действительно, я не все сделал, чтобы предотвратить гибель России».

Эта фраза красной нитью проходила через все его страдания, а первый раз она была им произнесена рано утром в знаменательный день 27 февраля 1917 года и вот при каких обстоятельствах.

С 23 февраля начались беспорядки на улицах Петрограда, принявшие к 26-му стихийный характер. В этот день входные двери Михаила Владимировича не закрывались и к нему, как бы ища спасения, стекались люди всех рангов и состояний. Сохраняя наружное спокойствие, Михаил Владимирович для всех по обыкновению находил слова утешения, успокаивал по мере сил и возможности, не скрывая однако серьезности положения.

В это время он тщетно ждал ответа на свои отчаянные телеграммы, посланные им в ставку государю.

Тревожное настроение усуглублял окончательно окрепший к этому дню слух о том, что в кармане у министра внутренних дел Протопопова уже лежит подписанный царем указ о роспуске Г. Думы. Все понимали, а Михаил Владимирович особенно больно это чувствовал, что распустить Думу в такой момент – это бросить зажженую спичку в пороховой погреб, ибо если еще что сдерживало и что могло еще продлить хоть относительное спокойствие, так это Дума, на которую были обращены все взоры.

Около десяти часов вечера я уехал домой. С трудом успокоившись после всего виденного и слышанного, я был около трех часов ночи разбужен тревожным телефонным звонком. У аппарата был Михаил Владимирович, который просил меня немед-

ленно явиться к нему. Я застал его в кабинете за писменным столом. Он молча протянул мне бумагу... Я понял – это был указ.

Настала мучительная пауза. Михаил Владимирович сидел в глубоком раздумье и нервно перебирал пальцами свою бородку. Затем он встал и начал быстро ходить из угла в угол.

«Все кончено... Все кончено!..» – повторял он несколько раз, как бы про себя.

Видно было, как дорого стоили ему эти несколько часов. Многое, я думаю, передумал и перечувствовал этот человек за это короткое время. Он как то сразу оснулся, постарел, глубокая тень печали легла на его открытое, честное лицо, тень, которая оставила свой грубый след на всю его жизнь.

Он быстро остановился и с нескрываемой брезгливостью и злобой сказал:

«Позвоните сейчас 'этому' Протопопову».

Я взялся за аппарат, но все мои попытки связаться с министром внутренних дел были тщетны.

«Очевидно, сбежал герой» – с усмешкой заметил Михаил Владимирович и вновь заходил по кабинету. Он несколько раз подходил к письменному столу, брал роковой указ, бегло прочитывал его снова и снова и опять бросал его на место.

Время подходило к рассвету, я потушил электричество. В комнате стало как то еще печальнее. Мне бросилось в глаза необыкновенно бледное лицо Михаила Владимировича.

«Попробуйте дозвониться князя Голицына, быть может на этот раз вам посчастливится».

Я вновь взялся за трубку телефона и мне наконец удалось нарушить мирный сон председателя совета министров и вызвать его к телефону.

Михаил Владимирович подошел к аппарату и я услышал теперь уже ровный, спокойный голос:

«С добрым утром, ваше сиятельство».

Но тут он вдруг быстро, не отнимая трубки от уха, повернулся ко мне лицом и по его широко открытым глазам я понял, что происходит что-то недоброе.

Резким движением Михаил Владимирович повесил, почти бросил, телефонную трубку на аппарат и я услышал уже другой голос:

«Нет, вы не можете себе представить, что сейчас заявил мне этот председатель совета министров: 'Очень прошу вас, Михаил Владимирович, более ни с чем ко мне не обращаться. Я больше не министр, я подал в отставку'».

С этими словами Михаил Владимирович грузно опустился на стоящее в углу кресло и закрыл лицо обеими руками.

Настала полная тишина. Слышен был малейший шорох в комнате... Звякнул телефонный звонок... Отбой... Телефон разъединили. Я понял, что разъединили навсегда.

Снова тишина и я услышал почти шопот:

«Боже мой, какой ужас!.. Без власти... Анархия... Кровь...»

И первый раз я увидел на лице Михаила Владимировича слезы. Он тихо плакал.

Быстро встал, провел рукой по лицу, как бы стряхнув с себя этим жестом минутную слабость и, взяв меня за руки, притянул к себе и прошептал:

«Нет, нет, все это еще ничего... Все можно перенести, но меня мучает одно, и эта проклятая мысль гвоздем засела в мою голову. Скажите мне скорее, неужели я не сделал всего, что от меня зависит, чтобы предотвратить этот кошмар? этот ужас! Ведь это гибель России».

Как мог, я старался успокоить Михаила Владимировича и делал это от чистого сердца, ибо в течении трех с лишком лет я видел собственными глазами бескорыстную, неустанную борьбу за правду, безгранично честную, глубокопатриотическую деятельность Председателя Г. Думы.

«Идемте скорее в Думу, – услышал я снова спокойный голос Михаила Владимировича, – быть может, еще можно что сделать. Надо спешить».

С этими словами мы вышли в переднюю. Как бы забыв что-то важное, Михаил Владимирович быстро вернулся обратно, подошел к иконе и как глубоковерующий человек опустился на колени и трижды перекрестился.

Мы вышли. Шли пешком. Слышался какой-то отдаленный гул. Щелкали одиночные выстрелы.

* * *

Честность, правдивость и безграничная доброта – вот отличительные черты покойного Председателя Г. Думы. За эту правду его многие ненавидели, но вместе с тем и боялись. Я утверждаю, что за время моего секретарствования не было случая, чтобы когда-нибудь хоть кто-либо из министров осмелился отказать М.В. Родзянко в его просьбе. А писал и просил он очень много. Не для себя, не ради близких, а для всех тех, кто только к нему ни обращался. Каждый день к нему на прием являлись десятками люди всех сословий и состояний с самыми разнообразными просьбами. Почти всех принимал Михаил Владимирович лично, выслушивал, для каждого находил доброе, ласковое слово, а затем отсылал ко мне с кратким приказанием: «Выслушайте подробно и напишите соответствующему министру».

Бывали случаи, когда я, усумнившись в личности просителя, докладывал об этом Михаилу Владимировичу и всегда он мне говорил:

«Какой вы злой человек. Всегда вы стремитесь найти в человеке что-нибудь отрицательное. Помните одно: пусть я лучше помогу десяти недостойным, чем лишу этой помощи одного несчастного».

«Я калиф на час, – говорил он часто последнее время, – надо пользоваться, пока я у власти. Бог знает, быть может меня завтра сошлют в Сибирь или повесят, а пока я цел – я должен помогать ближним».

Все же я довольно часто, памятуя, что отказа в просьбе Михаила Владимировича быть не может, кривил душой и никому никаких писем не посылал и на этой почве мы неоднократно ссорились с Михаилом Владимировичем.

Последнее время часто приходилось слышать и читать о том, что правительство боялось Г. Думы. Это утверждение не совсем точно: правительство абсолютно не считалось с Думой, как таковой, оно презирало это, мешавшее им разваливать государство, учреждение, но оно боялось ее Председателя, ибо все твердо знали и не раз в этом убеждались, что Михаил Владимирович Родзянко на компромиссы не пойдет, он не остановится ни перед чем и ради правды и справедливости пригвоздит к позорному столбу всякого, безотносительно его положения и влияния, кто осмелится посягнуть на честь и достоинство или благополучие родины.

* * *

Помню характерный случай. Ждали Государя в Думу. Взволнованный пристав Г. Думы доложил Михаилу Владимировичу, что в Золотой Книге все первые страницы были уже заполнены и предлагал вплести для подписи Императора на первом месте чистый лист.

«Никаких фокусов и подлогов не надо, – ответил Михаил Владимирович, – Государь распишется на первом свободном листе». Он приказал только купить георгиевскую ленту (Государь как раз в это время получил Георгиевский крест) и ею заложили книгу там, где нужно.

Когда Государь, после сказанного им членам Думы слова, прошел в так называемый Полуциркульный зал, Михаил Владимирович подвел его к Золотой Книге и попросил расписаться.

Государь, открыл первый лист, затем второй, третий. Видя это, Михаил Владимирович обратился к нему и сказал:

«Опоздали, Ваше Величество, теперь уже придется расписаться там, где заложено».

Государь улыбнулся и расписался на указанном ему месте.

Сказанная Государем речь была с точностью записана двумя стенографистками. Эту коротенькую речь Михаил Владимирович распорядился золотыми буквами вырезать на мраморной доске, которую предполагал поместить в Екатерининском зале, где эта речь была произнесена.

Каково же было его удивление, когда в тот же день вечером от министра Двора пришла бумага, на которой была написана речь, якобы сказанная Государем. Эта речь была очень мало похожа на простые хорошие слова Императора.

Михаил Владимирович принял это к сведению и тут же отменил свое распоряжение, заявив:

«Вывешивать то, чего никогда не говорил Государь, я никому не позволю», о чем и довел до сведения министра Двора.

* * *

Одним из первых после переворота в полном составе в Думу явился запасной батальон Л.-Гв. Преображенского полка со всеми офицерами и командиром полковником кн. Аргутинским -Долгоруковым. Батальон первые несколько дней нес наружную и внутреннюю охрану Таврического дворца, а также и караулы у министерского павильона, где находились арестованные ми-

нистры. Солдаты были дисциплинированы и беспрекословно подчинялись всем приказаниям своих офицеров.

Но вот через несколько дней батальон сменил другой полк, а преображенцы отправились к себе в казармы.

В тот же день картина совершенно изменилась. В казармы явились агитаторы и к вечеру все офицеры были арестованы, подверглись всевозможным издевательствам и, как потом мне рассказывали, к ним в комнату ворвались окончательно распропагандированные, обезумевшие и вооруженные до зубов их же солдаты, обезоружили офицеров, хватали их и тащили для немедленной расправы во двор казарм.

Кто-то догадался крикнуть: «Товарищи, тащите их в Думу – там разберут».

Этот призыв спас несчастных. Всех офицеров, как они были, без шинелей, без фуражек, гурьбой, по морозу и снегу, гнали в Думу. Их втащили в Екатерининский зал. Возбуждение росло с каждой минутой. Уже раздавались крики: «Бей изменников, бей предателей».

Случайно увидев эту картину, я понял, что спасти положение может только Михаил Владимирович. Я бросился к нему.

Через несколько минут в зале появилась могучая фигура Председателя Г. Думы. Воцарилась тишина. Громовым голосом он приказал немедленно освободить офицеров и вернуть им оружие, а затем, обратившись к солдатам, громил их и в конце концов выгнал обратно в казармы. В полном порядке солдаты, молча, покинули помещение Думы. После этого случая в батальоне надолго воцарился относительный порядок.

Офицеры со слезами на глазах благодарили Михаила Владимировича за спасение и просили разрешения на эту ночь остаться в Думе. Они говорили, что только за спиной ее Председателя они чувствуют себя вне опасности.

Не одну тысячу жизней спас Михаил Владимирович, за то и отблагодарили они его впоследствии, забыв, как в свое время целовали ему руки.

Громадный кабинет Председателя Г. Думы был переполнен и ночь и день людьми, искавшими спасения. В большинстве случаев это были видные военные и сановники, бросившие все и бежавшие от опасности, которая им и не угрожала. Здесь они чувствовали себя как за каменной стеной.

Помню, как сейчас, видную фигуру начальника военно-автомобильной части генерала Секретева. Этот почтенный генерал, пользвавшийся в свое время благодаря Распутину, большим влиянием, где только мог, всегда старался выказать свое пренебрежение Председателю Г. Думы. Теперь он сюда прибыл одним из первых и с разрешения Михаила Владимировича без зазрения совести расположился в его кабинете, как у себя дома.

Как-то увидев меня, он обратился со следующими словами:

«Если я не ошибаюсь, я имею честь говорить с секретарем Председателя Думы?»

Я поклонился.

«Не откажите в любезности доложить его превосходительству, что я умоляю его дать мне возможность работать на общее святое дело, хотя бы в роли писца. Я ведь канцелярию хорошо знаю».

Гадко вспомнить. Я посоветовал генералу лучше вернуться в свою часть, где наверное он гораздо нужнее и полезнее, чем в Думе.

Мы расстались, а генерал вновь вернулся в «свой» кабинет.

В эти первые дни, вообще, не было отбоя от предложений своих услуг со стороны людей, занимавших видное положение до переворота, а в Думу шли работать все, начиная с рабочих и кончая сановниками.

Помню, по телефону из дворца великого князя Константина Константиновича ко мне обратились два его сына и просили передать Председателю Г. Думы, что они не могут в такое время ничего не делать и предлагали себя в распоряжение его превосходительства.

Я доложил об этом Михаилу Владимировичу, который приказал благодарить молодых князей, но вместе с тем убедительно просить их сидеть во дворце и никуда не выходить.

* * *

Помню последний доклад Михаила Владимировича Государю. Тучи на политическом горизонте сгущались все более и более. Какая-то невидимая рука старательно разрушала все, что с таким неимоверным трудом созидалось немногими благомыслящими людьми, стоявшими на страже интересов государства. Положение становилось невыносимым.

Михаил Владимирович решил снова ехать к Государю и еще раз попытаться открыть ему весь ужас создавшегося положения. Аудиенция была получена и Михаил Владимирович уехал.

По обыкновению я выехал на вокзал встретить его по возвращению из Царского Села. Подошел поезд. Из вагона в придворном мундире вышел Михаил Владимирович. По его лицу и фигуре я без слов понял, что мало хорошего он привез с собой.

Проходя молча по перрону, мы встретили начальника станции, который низко поклонился. «Здавствуйте», – любезно ответил Михаил Владимирович, а затем обратившись ко мне, заметил:

«Вот человек и не подозревает, что видит меня в этом наряде последний раз».

Мы сели в автомобиль. На мой вопрос, что означают его последние слова, Михаил Владимирович мне ответил:

«Я сегодня сказал Государю, что я у него в последний раз и больше его никогда не увижу. Я убежден, что это действительно так, я это ясно чувствую».

Разговор умолк. Михаил Владимирович задумался. Через несколько минут он вновь взволнованно заговорил:

«Вы подумайте только, что делается. Я лишен возможности сделать секрет из моего посещения Государя, а что же получается. Сегодня, прибыв во дворец, я узнал, что передо мной Государем был принят Протопопов. Совершенно ясно – это было стремление в соответствующем духе подготовить Государя к моему докладу и это я почувствовал с первых же произнесенных мною слов. Быть может мне все же горячей речью, неопровержимыми доводами и удалось хоть немного поколебать Государя и заставить его задуматься над тем бедствием, которое неминуемо грозит престолу и государству, но что же далее... при выходе я столкнулся с Щегловитовым. Это уже тяжелая артиллерия и я убежден, что после выступления «этого орудия», от моего доклада в голове Государя ничего не осталось. Я ломлюсь в открытую дверь и ясно вижу, что спасения нет и быть не может».

Михаил Владимирович был прав: это было его последнее свидание с Государем.

* * *

С 27 февраля, день за днем, с утра и до вечера, к Думе являлись всевозможные делегации, приходили непрерывной вереницей полки в полном составе, рабочие всех заводов и фабрик, учащиеся и т.д. В толпе царило радостное и восторженное настроение, всюду сохранялся порядок. У всех на устах было имя М.В. Родзянко, к которому шли и шли без конца. По много раз приходилось Михаилу Владимировичу выходить к толпе и объяснять народу создавшееся положение. Михаил Владимирович выбивался из сил.

Свивший себе тут же в Думе прочное гнездо совет рабочих депутатов первое время держался как-то в стороне. Появились и из их лагеря ораторы, речи которых сначала лились в унисон с тем, что говорилось от имени Думы. Однако скоро картина резко изменилась. Тон представителей этой организации стал менять свою окраску. Уже чувствовались демагогия и пораженчество. Последнее обстоятельство сильно беспокоило Михаила Владимировича, который не мог один бороться с этими явлениями. Ряды членов Г. Думы, разделявших первое время непосильный одному человеку труд, стали редеть. Наконец настало время, когда уже окончательно изнемогавший Михаил Владимирович не мог найти себе заместителя. Часто он рассылал во все концы гонцов за поисками членов Г. Думы, которых найти, однако не удавалось. Совет рабочих депутатов блестяще воспользовался создавшимся положением и быстро, очень талантливо, наладил дело пропаганды. И вот народ, стремившийся узнать правду и желавший понять происходящее, шел за разъяснениями в Думу, а здесь его встречали не депутаты, и народ получал «соответствующие» разъяснения и инструкции, приведшие его в результате к 25 октября.

Использовав до конца Г. Думу, совет рабочих депутатов с легкой душой переехали в полном составе в Смольный институт, где и продолжал свою разрушительную работу.

Пять суток не выходил Михаил Владимирович из Думы. С большим трудом его удалось уговорить поехать домой отдохнуть. Но едва он добрался до своей квартиры, как снова явились делегаты и умоляли Михаила Владимировича приехать немедленно в Думу, где его появления ждет громадная толпа.

Все улицы были запружены народом. Автомобиль с трудом продвигался вперед. Люди, давя друг друга, стремились к автомобилю, чтобы ближе видеть своего Председателя Г. Думы.

Многие пытались поцеловать его руку, многие плакали. Против американского посольства толпа остановила автомобиль и требовала слова Председателя Г. Думы. Эту картину увидел со своего балкона посол северо-американских Соединенных Штатов Фрэнсис и жестом пригласил Михаила Владимировича к себе. Мы поднялись к послу и здесь с балкона Михаил Владимирович произнес речь, все время прерываемую восторженными криками народа. Михаила Владимировича на руках донесли до автомобиля.

После произнесенной им около Думы речи, народ снова на руках отнес его в автомобиль. Здесь к Михаилу Владимировичу подошли начальники военно-учебных заведений и просили сказать несколько слов воспитанникам, выстроенным шпалерами вдоль улицы.

Слова Михаила Владимировича были покрыты несмолкаемыми криками «ура» военной молодежи и звуками оркестров.

Царило повсюду восторженное ликующее настроение и если кто был опечален в эти дни, так это только один Михаил Владимирович Родзянко.

* * *

Да простит мне незабвенный Михаил Владимирович за эти скромные строки, которые я посвятил его памяти. Не для его защиты хотел я по мере сил и возможности восстановить в памяти приведенные мною факты из его жизни.

В защите Михаил Владимирович не нуждается.

Я считал необходимым дополнить тот обширный матерьял, который в этой работе дает сам покойный, описанием событий, которым я был личным свидетелем и о которых естественно не мог упомянуть покойный Председатель Г. Думы в своих записках.

Недалеко то время, когда историк разберется в уже накопленном громадном матерьяле и будет наконец сказано веское слово, которое положит предел всем тем нелепым слухам, сплетням и инсинуациям, так старательно распускаемым вольными и невольными врагами правды и справедливости.

Белград 1924 г.

КАК СОЗДАВАЛИСЬ ЗАПИСКИ М.В. РОДЗЯНКО

Когда я давала читать рукописи «Крушение Империи», то слышала такие отзывы: «Ну да! Все это задним числом можно было придумать». Поэтому считаю своим долгом рассказать как создалось «Крушение Империи».

Дело было так:

В год избрания своего председателем Думы, Михаил Владимирович Родзянко приехал с женой в свое имение «Отраду», где мы с мужем жили. В то время гостили у нас их большие друзья Бродницкие и они обратились к Михаилу Владимировичу со словами: «В Екатеринославе ходят слухи упорно о каком-то Распутине. Объясните нам, что это все значит?» Михаил Владимирович стал им рассказывать, а я схватила тетрадь и начала записывать. «Я тебе запрещаю», обратился ко мне отец моего мужа. Но я ответила: «Папа, я пишу не для тебя и для себя... мои дети когда-нибудь обратяться ко мне с вопросом, а я не буду знать, что им ответить».

Он перестал протестовать, а я продолжала записывать.

Когда он уехал, жена его оставалась с нами и я с ней привела в порядок мои записи. Тогда был записан разговор председателя Думы с Императрицей Марией Федоровной и немного дальше.

Потом я заносила в мою тетрадь то, что писала нам моя свекровь из Петербурга, также рассказы приезжавших из столицы, сверяя это со сведениями из газет. Когда мы бежали, конечно, многое пришлось бросить, но эти мои записи я всюду таскала за собой.

Когда мы наконец обосновались в Югославии, незадолго до своей смерти, Михаил Владимирович все это проверил и кое-что добавил. Так был вставлен его разговор с великой княгиней Марией Павловной и ее сыновьями. Знаменательный разговор о котором он до того никому не говорил, даже своей жене.

У меня были записаны и события первых дней революции, но внезапная смерть Михаила Владимировича помешала это проверить и я решила это бросить, когда мы бежали уже из Югославии.

После смерти Михаила Владимировича, «Крушение Империи» было напечатано в XVII томе Архива Революции В. Гессена; конечно без моих добавлений вставленных уже в Америке.

Для сведения интересующихся сообщаю, что разговор по прямому проводу в первые дни революции, между Михаилом Владимировичем и генералом Рузским напечатан в Архиве Революции в томе третьем.

Елизавета Родзянко
Февраль 1976 года

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Приступая к изложению событий, предшествовавших революции, и обстоятельств, при которых или, вернее, в силу которых появился при Дворе Императора Николая Второго Григорий Распутин и получил столь пагубное влияние на ход государственных дел, я отнюдь не имею в виду стремление набросить тень на личность мученически погибшего русского Царя. Жизнь его несомненно была полна лучших пожеланий блага и счастья своему народу. Однако, он не только ни в чем не достиг, благодаря своему безволию, мягкости и легкому подчинению вредным и темным влияниям, а, напротив, привел страну к царящей ныне смуте, а сам со своей семьей погиб мученической смертью.

Мне, как близко стоявшему к верхам управления России, кажется, что я не вправе сохранять в тайне эти темные страницы жизни русского царства, страницы – раскрывшиеся во время такой несчастливой для нас мировой войны. Потомство наше себе в назидание должно знать все прошлое своего народа во всех его подробностях и в ошибках прошлого черпать опыт для настоящего и будущего. Поэтому всякий, знающий более или менее интимные детали, имеющие исторический интерес и государственное значение, не имеет права скрывать их, а должен свой опыт и осведомленность без всякого колебания оставить потомству.

С этой точки зрения я и прошу читателей отнестись к настоящим запискам. Быть объективным в своем изложении – моя цель, резкого же или пристрастного отношения к рассматриваемой эпохе я буду тщательно избегать.

Так или иначе, но начало разложения русской общественности, падение престижа Царской власти, престижа и обаяния самой личности Царя, роковым образом связаны с появлением при русском Дворе и его влиянием на жизнь Двора Григория Распутина. И виновным в том, что его влияние имело гибельные последствия для всего государства, нельзя считать, однако, Императора Николая Второго, но несомненно, и главным образом, тех государственных деятелей и приближенных к Импера-

торскому Двору лиц, которые не поняли или не хотели понять в своих личных выгодах и расчетах глубину той пропасти, в которую могут быть ввержены не только Императорская Семья, но и вся Россия. Обаяние Царского престола было замарано наличием вблизи его безнравственного и грязного проходимца. Эти лица должны были, не щадя себя, если им интересы и судьбы родины были выше личных выгод и соображений, мужественно сплотиться во имя блага Родины и спасти ее от могущих быть страшных потрясений. На деле этого не было. Люди, долг которых заключался в упорной борьбе с нарождающимся злом, этого долга перед Родиной не исполнили. Они, напротив, в личных выгодах поддерживали тлетворное влияние Распутина на Царскую Семью, видя в нем верное орудие для достижения своих тщеславных и корыстных целей.

Я самым решительным образом отбрасываю появившиеся в последние дни царствования Николая Второго недостойные и грязные инсинуации на Царскую Чету, все те памфлеты бульварного характера, которые принимались легко на веру взбудораженной, легковерной толпой. Долгом совести я считаю заверить, что причины влияния Распутина лежат более глубоко. Они относятся к области болезненного мистицизма Императрицы Александры Феодоровны, мистицизма, который постоянно и искуственно поддерживался Распутиным и его приспешниками, но ни в какой степени не основывались на интимных отношениях.

В своем изложении я буду базироваться на многих документах, имеющихся у меня, и на сохранившихся личных записках. Мне придется, однако, иногда приводить и бродившие в русском обществе слухи и рассказы, которые дают прямое отражение настроения умов описываемой эпохи.

I

Мистицизм Царицы и «пророки» с Запада. Епископ Феофан и появление Распутина. В чем сила его влияния на Царицу. Столкновение с Гермогеном и Илиодором и об. прокурором Синода Саблером.

К тому времени, когда после Японской войны я по избранию екатеринославского губернского земства сделался членом Г. Совета, относится и знакомство мое, более или менее, близкое, с высшими правящими сферами, а следовательно сделались доступными многие интимные подробности быта этих сфер, недоступные и неизвестные широкой русской публике.

Общее мнение, и несомненно правильное, заключалось в том, что Императрица Александра Феодоровна еще с малых лет имела склонность к мистическому миросозерцанию; это свойство ее природы, по мнению многих наследственное, крепло и усиливалось с годами, а в описываемый мною период достигло религиозной мании, скажу даже, религиозного экстаза: – вера в возможность предсказаний будущего со значительной долей суеверия.

Причины такого ее душевного состояния объяснить, конечно, трудно. Было ли это последствием частого деторождения, упорной мысли о желании иметь Наследника, когда у нее рождались все дочери, или крылось ли это настроение в самом ее душевном существе – определить я не берусь.

Но факт ее болезненного мистического и склонного к вере в сверхестественные явления настроения, даже к оккультному,

– вне всякого сомнения.

Это обстоятельство было немедленно учтено дальновидными политиками Западной Европы, изучавшими всегда более внимательно нас, русских, и особенно придворные настроения. Чтобы иметь сильную руку при дворе русском и, быстро ориентировавшись в создавшемся положении, они немедленно решили использовать это настроение.

В начале 1900 года стали появляться при Императорском русском дворе несколько загадочные апостолы мистицизма, таинственные гипнотизеры и пророки будущего, которые приобретали значительное влияние на мистически настроенный ум Императрицы Александры Феодоровны. В силу доверия, которое оказывалось этим проходимцам Царской Семьей, вокруг них образовывались кружки придворных, которые начинали приобретать некоторое значение и даже влияние на жизнь императорского двора.

В этих кружках тайное, незаметное участие принимали без сомнения и агенты некоторых иностранных посольств, черпая таким образом все необходимые для них данные и интимные подробности о русской общественной жизни. Так например, за это время появился некий Филипп. Он отвечал, как нельзя лучше, тому типу людей, которые, пользуясь своим влиянием на психологию царственной Четы, готовы служить всякому делу и всяким целям за достаточное вознаграждение.

Ко двору этот господин был введен двумя великими княгинями. Но вскоре агент русской тайной полиции в Париже Рачковский донес в Петербург, что Филипп темная и подозрительная личность, еврей по национальности и имеет какое-то отношение к масонству и обществу «Гранд Альянс Израелит». Между тем Филипп приобретал все большее влияние. Он проделывал какие-то спиритические пассы и сеансы, предугадывал будущее и убеждал Императрицу, что у нее непременно явится на свет в скором будущем сын, Наследник престола своего отца. Филипп приобрел такую силу при дворе, что агент Рачковский был сменен за донос его на Филиппа. Но как-то загадочно исчез и Филипп при своей поездке в Париж.

Не успел он исчезнуть с петербургского горизонта, как ему на смену появился в высшем обществе такой же проходимец, якобы, его ученик, некий Папюс, который в скором времени и

тем же путем был введен ко двору.

Не могу не отдать справедливости тогдашним руководителям русской внутренней политики и высшим иерархам Церкви. Они были озабочены столь быстро приобретаемым влиянием приезжающих, а может быть, и подсылаемых загадочных субъектов.

Власти светские были озабочены возможностью сложных политических интриг, так как в силу доверия, оказываемого им, Царями, вокруг них образовывались кружки придворных, имевших, конечно, в виду только свои личные дела, но способные и на худшее.

Власть же духовная в свою очередь, опасалась возникновения в высшем обществе сектантства, которое могло бы пойти из придворных сфер и которое пагубно отразилась бы на православной русской церкви, примеры чему русская история знает в царствование Императора Александра I.

Совокупными ли усилиями этих двух властей или в силу других обстоятельств и происков, но Папюс вскоре был выслан и его место занял епископ Феофан, ректор С.П.Б. духовной Академии, назначенный к тому же и еще духовником Их Величеств. По рассказам передаваемым тогда в петербургском обществе, верность которых документально доказать я, однако, не берусь, состоялось тайное соглашение высших церковных иерархов в том смысле, что на болезненно настроенную душу молодой Императрицы должна разумно влиять православная Церковь, стоя на страже и охране православия, и, всемерно охраняя его, бороться против тлетворного влияния гнусных иностранцев, преследующих очевидно совсем иные цели.

Личность преосвященного Феофана стяжала себе всеобщее уважение своими прекрасными душевными качествами. Это был чистый твердый человек, христианской веры в духе истого православия и христианского смирения. Двух мнений о нем не было. Вокруг него низкие интриги и происки быть не могли бы, ибо это был нравственный и убежденный служитель Алтаря Господня, чуждый политики и честолюбивых запросов.

Тем более непонятно и странным покажется то обстоятель-

ство, что к Императорскому двору именно им был введен Распутин.

Надо полагать, что епископ Феофан глубоко ошибся в оценке личности и душевных свойств Распутина. Этот умный и тонкий, хотя почти неграмотный мужик ловко обошел кроткого, незлобивого и доверчивого епископа, который по своей чистоте душевной не угадал всю глубину разврата и безнравственности внутреннего мира Григория Распутина. Епископ Феофан полагал несомненно, что на болезненные душевные запросы молодой Императрицы всего лучше может подействовать простой, богобоязненный верующий православный русский человек ясностью, простотой и несложностью своего духовного мировоззрения простолюдина. Епископ Феофан, конечно думал, что богобоязненный старец, каким он представлял себе Распутина, именно этой ясной простотой вернее ответит на запросы Государыни и легче, чем кто другой, рассеит сгустившийся в душе ее тяжелый мистический туман. Но роковым образом честный епископ был жестоко обморочен ловким пройдохой и впоследствии сам тяжко поплатился за свою ошибку.

Кто же был по существу своему Григорий Распутин. Его curriculum vitae до появления его на государственной арене установлено документально.

Крестьянин села Покровского Тобольской губернии, Распутин, повидимому, мало чем отличался от своих односельчан, был рядовым мужиком среднего достатка.

Из следственного о нем дела видно, что с молодых лет имел наклонности к сектантству; его недюжинный пытливый ум искал какие-то неизведанные религиозные пути. Ясно, что прочных христианских основ в духе православия в его душе заложено не было и поэтому и не было в его мировоззрении никаких соответствующих моральных качеств. Это был, еще до появления его в Петербурге, – субъект, совершенно свободный от всякой нравственной этики, чуждый добросовестности, алчный до материальной наживы, смелый до нахальства и нестесняющийся в выборе средств для достижения намеченной цели.

Таков нравственный облик Григория Распутина на основании следственного о нем дела, бывшего у меня в руках. Из этого же дела я почерпнул и следующие сведения. Местный священник села Покровского стал замечать странные явления во Дворе Григория Распутина.

Была возведена в глухом углу двора какая-то постройка, без окон, якобы баня. У Распутина сумерками стали собираться какие-то таинственные сборища. Сам Распутин часто стал отлучаться в Абалакский монастырь вблизи Тобольска, где содержались разные лица, сосланные туда за явную принадлежность к разным религиозным сектам. Пока местный священник выслеживал подозрительные обстоятельства, происходящие во дворе Распутина, этот последний решил испытать счастье вне родного села и махнул прямо в Петербург. Документально установить каким образом Распутин сумел втереться в доверие к епископу Феофану, мне не удалось. Слухов было так много, что на точность всех этих разговоров полагаться нельзя. Указывали, как на посредника между епископом Феофаном и Распутиным, на священника Ярослава Медведя, духовника одной из русских великих княгинь, ездившего почему-то в Абалакский монастырь или туда сосланного, где он будто бы познакомился с Распутиным и привез его с собой. Эта версия наиболее вероятная, но были и другие. Но как бы там ни было, вначале 1900 годов, еще до китайской войны, мы видели уже Распутина в большой близости к епископу Феофану, духовнику Их Величеств; недальновидный архипастырь ввел его ко Двору в качестве старца и начетчика, которыми еще при московских Царях кишмя кишели терема Цариц московских.

Распутин на первых порах держал себя очень осторожно и осмотрительно, не подавая виду о своих намерениях. Естественно, что он осматривался, изучал придворный быт и придворных людей, придворные нравы и своим недюжинным умом делал из своих наблдений надлежащие для своей дальнейшей деятельности выводы. Этим он не только укрепил веру в себя своего покровителя епископа Феофана, но приобрел еще влиятельного сторонника в лице епископа саратовского Гермогена, впоследствии члена св. Синода, сознавшего в конце концов свое заблуждение и много за него пострадавшего. Сторонником же Распутина явился небезызвестный иеромонах Илиодор, но про последнего определенно говорили, что это карьерист и провокатор, хотя своим пылким темпераментом и горячим красноречием был одно время в Саратове идолом толпы, народным трибуном и несомненно пользовался огромным влиянием на народ-

ные массы в Саратове и Царицыне, имея там могучего покровителя в лице местного епископа Гермогена.

В этот период времени Распутин не выходил из роли богобоязненного, благочестивого старца, усердного молитвенника и ревнителя православной Церкви Христовой. Во время тяжелого лихолетия японской войны и революции 1905 года он всячески утешал Царскую Семью, усердно при ней молился, заверял, что де при его усердной молитве с Царской Семьей и Наследником Цесаревичем не может случиться никакой беды, незаметно приобретал все большее и большее влияние и наконец получил звание «Царского лампадника», т. е. заведывающего горевшими перед святыми иконами неугасимыми лампадами.

Таким образом он получил беспрепятственный вход во дворец Государя и сделался его ежедневным посетителем по должности своей, вместо спорадических его там появлений по приглашению. Надобно при этом заметить, что Император Николай II был большой любитель, знаток и ценитель св. икон древнего письма и обладал редкой и высокоценной коллекцией таковых, которую очень бережно хранил. Надо полагать, что вверяя попечению Распутина столь чтимое им собрание икон, Государь несомненно проявлял к новопожалованному царскому лампаднику известное доверие, считая проявлемое им благочестие искренним и правдивым, а его самого достойным хранителем св. ликов.

Почувствовав таким образом под собою твердую почву, Распутин постепенно меняет тактику, отдаваясь мало по малу своим безнравственным наклонностям и сектантским побуждениям.

По мере того, как затихли революционные волны и жизнь государства входила исподволь в нормальное русло, стали ходить, сначало неопределенно, неясно слухи о проделках этого пройдохи. Потом определеннее и точнее стали указывать на то, что Распутин основывает хлыстовские корабли с преобладанием в них молодых женщин и девиц. Стали поговаривать, что Распутина часто видят в отдельных номерах петербургских бань, где он предавался дикому разврату. Стали называть имена лиц высшего общества, якобы последовательниц хлыстовского вероучения Распутина. Мало по малу гласность росла, стали говорить уже громко, что Распутин соблазнил такую-то, что две сестры,

молодые девицы, им опозорены, что в известных квартирах происходят оргии, свальный грех. В моем распоряжении находилась целая масса писем матерей, дочери которых были опозорены наглым развратником. В моем же распоряжении имелись фотографические группы так называемого «хлыстовского корабля». В центре сидит Распутин, а кругом около сотни его последователей: все как на подбор молодые парни и девицы или женщины. Перед ним двое держат большой плакат с избранными и излюбленными хлыстами изречениями св. Писания. Я имел также группу гостинной Распутина, где он снят в кругу своих поклонниц из высшего общества и, к удивлению своему, многих из них узнал. Мне доставили два портрета Распутина: на одном из них он в своем крестьянском одеянии с наперстным крестом на груди и с поднятой, сложенной трехперстно, рукой, якобы для благословения. На другом он в монашеском одеянии, в клобуке и с наперстным крестом. У меня образовался целый том обличительных документов. Если бы десятая доля того материала только, который был в моем распоряжении, была истинной то и этого было бы довольно для производства следствия и предания суду Распутина. Ко мне как к Председателю Г. Думы, отовсюду неслись жалобы и обличения преступной деятельности и развратной жизни этого господина.

Наконец дело перешло на страницы повседневной печати. Цензурный комитет и министерство внутренних дел переполошились не на шутку, конечно, имея через департамент полиции и его агентуру гораздо более точные сведения и неопровержимые доказательства справедливости бродящих в обществе слухов. Положение государственной власти было до нельзя трудное. Она не могла не понимать, в какую бездну влечет Распутин царскую Чету, а с другой стороны влияние на последнюю отвратительного сектанта становилось все сильнее и могущественнее.

Чем же объяснить это роковое влияние, несомненно положившее начало русской революции, ибо оно первое поколебало веру в престиж царской власти и растлило народную совесть.

Вне всякого сомнения, Григорий Распутин помимо недюжинного ума, чрезвычайной изворотливости и ни перед чем не останавливающейся развратной воли, обладал большой силой гипнотизма. Думаю, что в научном отношении он представлял

исключительный интерес. В этом сходятся решительно все, его сколько-нибудь знавшие, и силу этого внушения я испытал лично на себе о чем буду говорить впоследствии.

Само собой разумеется, что на нервную, мистически настроенную Императрицу, на ее мятущуюся душу, страдавшую постоянным страхом за судьбу своего сына, Наследника престола, всегда тревожную за своего Державного мужа – сила гипнотизма Григория Распутина должна была оказывать исключительное действие. Можно с уверенностью сказать, что он совершенно поработил силою своего внушения волю молодой Императрицы. Этой же силой он внушил ей уверенность, что пока он при Дворе, династии не грозит опастности. Он внушил ей, что он вышел из простого серого народа, а потому лучше, чем кто -либо может понимать его нужды и те пути, по которым надо идти, чтобы осчастливить Россию. Он силой своего гипнотизма внушил Царице непоколебимую, ничем не победимую веру в себя и в то, что он избранник Божий, ниспосланный для спасения России.

Вдобавок, по мнению врачей, в высшей степени нервная Императрица страдала зачастую истерически нервными припадками, заставлявшими ее жестоко страдать, и Распутин применял в это время силу своего внушения и облегчал ее страдания. И только в этом заключался секрет его влияния. Явление чисто патологическое и больше ничего. Мне помниться, что я говорил по этому поводу с бывшим тогда председателем совета министров И.Л. Горемыкиным, который прямо сказал мне: «C’est une question clinique».

Тем отвратительнее мне было всегда слышать разные грязные инсинуации и рассказы о каких-то интимных отношениях Распутина к Царице. Да будет грешно и позорно не только тем, кто это говорил, но и тем, кто смел тому поверить. Безупречная семейная жизнь царской Четы совершенно очевидна, а тем, кому как мне довелось ознакомиться с их интимной перепиской во время войны, и документально доказано. Но тем не менее, Григорий Распутин был настоящим оракулом Императрицы Александры Феодоровны и его мнение было для нее закон. С другой стороны Императрица Александра Феодоровна, как натура исключительно волевая, даже деспотическая, имела неограниченное подавляющее влияние на своего лишенного всяко-

го признака воли и характера, августейшего Супруга. Она сумела и его расположить к Распутину и внушить ему доверие, хотя я положительно утверждаю на основании личного опыта, что в тайниках души Императора Николая II до последних дней его царствования все же шевелилось мучительное сомнение. Но тем не менее Распутин имел беспрепятственный доступ к Царю и влияние на него.

Мне говорил следующее мой товарищ по пажескому корпусу и личный друг, тогда дворцовый комендант генерал-адьютант В.Н. Гедюлин: «Я избегал постоянно знакомства с Григорием Распутиным, даже уклонялся от него потому что этот грязный мужик был мне органически противен. Однажды, после обеда Государь меня спросил: 'Почему вы, В.Н., упорно избегаете встречи и знакомства с Григорием Ефимычем?' Я чистосердечно ему ответил, что он мне в высшей степени антипатичен, что его репутация далеко нечистоплотная и что мне, как верноподданному, больно видеть близость этого проходимца к священной Особе моего Государя. 'Напрасно вы так думаете, – ответил мне Государь, – он хороший, простой, религиозный, русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать и после такой беседы мне всегда на душе делается и легко, и спокойно'».

Вот какое влияние через Императрицу имел Распутин на Императора Николая II. Удивляться поэтому, что всякие честолюбцы, карьеристы и разные темные аферисты окружали толпою Распутина, видя в нем доступное орудие для проведения личных, корыстных целей, – нечего. И в этом обстоятельстве заключалась затруднительность государственной власти, обязанной свято хранить и блюсти неприкосновенность ореола и престижа власти верховной. Не надо забывать при этом, что в кружке Распутина были весьма влиятельные сановники, как например: Штюрмер, обер-прокур св. Синода Саблер, митрополит Питирим и др.

Как я уже сказал, разговоры о похождениях Распутина перешли на странницы печати. Толки эти пока концентрировались в столичной прессе, а провинция еще не ознакомилась с ними и время упущено не было. Разгоревшийся пожар можно было еще легко потушить. Но вместо того, чтобы понять весь ужас создавшегося положения, чреватого самыми мрачными последст-

виями, вместо того, чтобы, дружно сплотившись, в корне пресечь возраставшую вокруг царского престола грозную опасность, в размерах и значении которой Император и Императрица, очевидно, не отдавали себе отчета, высшие государственные чины разделились на два враждебных лагеря – распутинцев и антираспутинцев. К сожалению, была и третья группа сановников – нейтральная, которая хотя и понимала положение и скорбела искренно о нем, но, имея возможность противустоять беде, из малодушия, а может быть и личных расчетов – упорно безмолствовала, не противясь злу. К группе, которая открыто держала сторону Распутина, надо отнести: об. прокурора св. Синода В.К. Саблера, его товарища Даманского, законоучителя Царских детей протоиерея Васильева, генерала Воейкова, митрополита Питирима, гофмейстера Танеева, его дочь Вырубову, В.В. Штюрмера и многих им подобных. Во главе второй группы стоял до своей смерти П.А. Столыпин, со своими сотоварищами министрами, митрополит петербургский Антоний, сознавшие свою ошибку епископы Гермоген и Феофан и многие другие. Ясно, что такое деление высших сановных лиц только облегчало действие Распутинских сторонников. Пользуясь его влиянием, последние просто устраняли своих противников интригою и происками, очищая последовательно все препятствия на своем пути, усиливая этим значение и удельный вес своего предстателя. Нельзя забывать при этом, что постепенное возвышение и успех в своих начинаниях сторонников Распутина создавал соблазн для инаковерующих и случаи перебежки из антираспутинского лагеря в распутинский стали учащаться. Даже в нейтральной группе чувствовалось колебание... Но несомненно, что если бы высшие слои русского общества дружно сплотились и Верховная власть встретила серьезное, упорное сопротивление ненормальному положению вещей, если бы Верховная власть увидала бы ясно, что мнение о Распутине одинаковое у всех, что ей не на кого опираться, – то от Распутина и его клики не осталось бы и следа. Если бы все без исключения болели душой за наростающую угрозу Монарху, даже монархии и глубокий патриотизм, а не личный эгоизм был бы их политическим символом веры, то не было бы двух мнений, двух лагерей, один из которых Верховная власть могла взять себе для опоры, пренебрегая неразумно другим, антираспутинским, искренно преданным

Царю и России. Распутинцы положили вместе с крайне правыми течениями начало русской революции, отчуждая Царя от народа и допуская умаление ореола Царского Престола. Император Николай II, видя раскол мнений среди людей его окружающих, и находясь под влиянием своей августейшей супруги и не чувствуя иной опоры себе, не мог по существу своему избрать иной путь на почве антитезы распутинству. Вот почему я и позволил себе определенно утверждать, что вина за начавшуюся разруху не может быть отнесена исключительно на ответственность Императора Николая II, но всей тяжестью должна лежать на той части правящих классов, которая, одержимая исключительно честолюбием, карьеризмом и преследованием личных выгод, ослепленная этими побуждениями, забыла про громадную опасность для Царя и России.

Как только Распутин почувствовал под собой твердую почву, он стал постепенно изменять свою тактику из пассивной в агрессивную и наглел с каждым днем, не видя препон своим изуверским выходкам. Тем не менее надо удивляться, как быстро Распутин приобрел последователей и учеников среди общества. Последних он имел значительный круг и преимущественно женщин, которые льнули к нему как мухи к меду.

Вот, что мне рассказывали про силу внушения, которой обладал Распутин. Одна дама, наслышавшись в провинции про влияние Распутина при Дворе, решила поехать в Петроград хлопотать через него о повышении по службе своего горячо любимого мужа. Эта дама была счастливой и образцовой семьянинкой. Приехав в Петербург, она добилась приема у Распутина, но тот выслушав ее сурово и властно, сказал ей: «Хорошо, я похлопочу, но завтра явись ко мне в открытом платье, с голыми плечами, да иначе ко мне и не езди». Причем пронизывал ее глазами, позволяя себе много лишнего в обращении. Дама эта, возмущенная словами и обращением Распутина, покинула его с твердым намерением прекратить свои домогательства. Но вернувшись домой, она стала чувствовать в себе непреоборимую тоску, сознавала, что она что-то непременно должна выполнить и на другой день добыла платье декольте и в назначенный час была в нем у Распутина. Муж ее повышение получил впоследствии. Этот рассказ документально точен.

Легко себе представить, какое отталкивающее впечатление производила эта женско-распутинская вакханалия на окружающую этих лиц прислугу, для которой не существует альковных тайн, да и вообще на простолюдинов. Какое в них должно было подниматься презрение к «господам», предающимся цинично позорному разврату? Какими же соображениями религии и исканиями высшей правды можно это оправдать? Ясно было всем, что только самые низменные цели руководили искателями покровительства Распутина и ничего другого. Характерно то, что на серых людей обслуживающих прихоти этого развратника: – извозчиков, возивших его с женщинами в баню, банщиков, отводивших ему банные номера, половых в трактирах, служащих ему во время его пьяных оргий, городовых и агентов тайной полиции, охранявших драгоценную его жизнь и мерзнувших ночами на улицах для этой цели и т.д., Распутин вовсе не импонировал своей святостью ибо вся повседневная, видимая, его жизнь говорила совсем о другом. Их суждения сводились к выражению «господа балуются». Но ведь Распутин находился в приближении и под покровительством высочайших Особ. Какие же делались отсюда выводы – судите сами.

Развертывающаяся безнравственность и цинизм Распутина открыли, наконец, глаза его первородному покровителю епископу Феофану на то, что такое в сущности его детище. Епископ стал к нему в открытую оппозицию, старался убедить молодую Царицу, что мнимый праведный старец не заслуживает того внимания и почета, которые ему оказываются, что присутствие его компрометирует Двор и что он должен быть удален, – но было уже поздно. Недостойный старец оказался сильнее праведного святителя. Борьба оказалась неравная. Епископ Феофан был довольно быстро отрешен от звания царского духовника и от ректорства петербургской Академии и был переведен на епископскую кафедру Таврической епархии в Симферополе.

Распутин победил и, почувствовав легкость своей победы, сознав окончательно силу своего влияния, стал сначала истреблять лиц, не поклонявшихся ему при высочайшем Дворе, а засим перенес этого рода деятельность в ряды высших духовных иерархов, а позднее обратил свое внимание и на высших госу-

дарственных деятелей и сановников. Судьбу епископа Феофана разделил и другой покровитель его епископ Гермоген, тоже наконец убедившийся в мнимой святости рекомендованного им сгоряча старца, но удаление или, вернее падение преосвященного Гермогена сопровождалось уже общественным скандалом. Преосвященный Гермоген, не имевший доступа ко Двору, решил повести дело иным образом. Убедившись в безнравственности Распутина и огромной опасности для Царской Семьи, которая грозила ей от близости этого проходимца, он вызвал последнего к себе и в присутствии иеромонаха Илиодора, войскового старшины Родионова (автора небезизвестной книги *Наше Преступление*), келейника епископа и странника Мити – стал обличать все его грязные дела и увещевать его, убеждая добровольно покаяться и уйти от Царского Двора.

«Ты обманщик и лицемер, – говорил епископ Гермоген Распутину (рассказ привожу со слов Родионова), – ты изображаешь из себя святого старца, а жизнь твоя нечестива и грязна. Ты меня обошел, а теперь я вижу, какой ты есть на самом деле, и вижу, что на мне лежит грех – приближение тебя к Царской Семье. Ты позоришь ее своим присутствием, своим поведением и своими рассказами ты порочишь имя Царицы, ты осмеливаешься своими недостойными руками прикасаться к ее священной Особе. Этого нельзя терпеть дальше. Я заклинаю тебя именем Бога живого исчезнуть и не волновать русский люд своим присутствием при Царском Дворе».

Распутин дерзко и нагло возражал негодующему епископу. Произошла бурная сцена, во время которой Распутин, обозвав площадными словами преосвященного, наотрез отказался подчиниться требованию епископа и пригрозил ему, что разделается с ним по-своему и раздавит его. Тогда выведенный из себя епископ Гермоген воскликнул: «Так ты, грязный развратник, не хочешь подчиниться епископскому велению, ты еще мне грозишь. Так знай, что я, как епископ, проклинаю тебя!» При этих словах осатаневший Распутин бросился с поднятыми кулаками на владыку, причем, как рассказывал Родионов, в его лице исчезло все человеческое. Опасаясь, что в припадке ненависти Распутин покончит с владыкой, Родионов, выхватив шашку поспешил с остальными присутствующими на выручку. С трудом

удалось оттащить безумного от владыки, и Распутин, обладавший большой физической силой, вырвался и бросился на утек. Его, однако, нагнали Илиодор, келейник и странник Митя и порядочно помяли. Все же Распутин вырвался и выскочил на улицу со словами: «Ну, погоди же ты, будешь меня помнить», что он и исполнил с точностью, воспользовавшись следующими привходящими обстоятеьствами.

Мне рассказывал епископ, член Синода, что в одном из секретных заседаний Синода об. прокурор Саблер, один из наиболее влиятельных сторонников Распутина, предложил Синоду рукоположить Распутина в иереи. Св. Синод с горячим негодованием отверг это предложение и, несмотря на настояние Саблера, указывавшего на высокий источник этого предложения, склонить ему на свою сторону Синод не удалось. При этом епископ Гермоген произнес в заседании громовую речь, изобличая всю грязную жизнь и деятельность мнимого святого старца. Конечно, Распутину это стало известно через Саблера.

К тому же времени относятся следующие обстоятельства. Великая княгиня Елизавета Феодоровна, сестра Императрицы, возбудила ходатайство об учреждении общества диаконисс по примеру первых веков христианства. Эти общины полумонашеские имели в древние времена целью молитвенные собрания, устройство общежитий с приютами при них, устроийство приютов для детей и богаделен, а также и уход за больными и калеками. Дело это было на рассмотрении Синода, приблизительно, одновременно с инцидентом по вопросу о рукоположении Распутина в иереи. На заседании Синода по этому вопросу возникли ожесточенные прения. Душой оппозиции ходатайству великой княгини оказался тот же Гермоген. Возражая по существу ходатайству, он доказывал, что учреждение общин диаконисс противоречило бы каноническим правилам, ибо такие общины первых веков христианства были уничтожены постановлением одного из вселенских соборов.

Одновременно с предложением великой княгини Саблер, видя, что Синод неумолим в вопросе о рукоположении Распутина, придумал новую комбинацию. Он предложил возвести в сан епископа викарного Каргопольского, некоего архимандрита Варнаву, сторонника Саблера и Распутина, малообразованного монаха, бывшего до пострижения своего простым огородником.

Саблер рассчитывал, что этот послушный об. прокурору епископ исполнит его волю и рукоположит Распутина в священнический сан. Надо отдать справедливость Синоду: он и против этого восстал единодушно и ответил отказом. Но Саблер не смутился. Он объяснил иерархам, что лично он тут не при чем и что это – воля лиц, повыше его стоявших, и Синод заколебался. Первоприсутствующий в Синоде петербургский митрополит Антоний был так потрясен этой интригой, что после заседания слег в постель и проболел всю зиму, не принимая участия в заседаниях Синода. В конце концов Саблер уломал таки большинство членов Синода: под председательством епископа Сергия Финляндского, который замещал митрополита Антония, вопрос о возведении Варнавы в епископы был разрешен большинством голосов в утвердительном смысле. Епископ Гермоген остался верен себе; он не унимался, громя и об. прокурора и малодушных членов Синода, и наконец вызывающе покинул заседание, заявив, что не желает принимать никакого участия в этом нечестивом деле и грозя участникам постановления церковной анафемой за отсутствие в них ревности к достоинству православной Церкви. По странной игре судьбы все эти интриги совпали по времени. Результат обличительной речи епископа Гермогена был совсем неожиданный: последовало Высочайшее повеление, безотлагательно приказывавшее ему вернуться в свою епархию с исключением из числа членов Синода. Одновременно был выслан из столицы и иеромонах Илиодор, бывший совершенно не при чем в решении Синода. Этот остракизм в отношении двух ярых врагов старца ясно показывает, кто руководил этим действием и кто мстил и устранял со своего пути противников.

Распутин с образовавшимся тогда кружком начал проявлять себя. Однако строптивный владыка Гермоген отказался подчиниться постигшей его опале. Он написал Государю горячее искреннее письмо, умоляя его вырвать выросшие вокруг трона плевелы, доказывая силою неопровержимых доводов все малодушие Синода и всю кривду возникшего гнусного дела. Всей мощью своего красноречия он молил Императора поберечь себя, Наследника и всю Царскую Семью от того ужасного вреда, который им приносится, требовал суда епископов над собой, который только и может по каноническим правилам отстранить его от участия в Синоде. Письмо это осталось без ответа, но

об. прокурор Саблер уведомил епископа Гермогена, что за ослушание Царскому приказу он ссылается на покой в Жировецкий монастырь и, если не уйдет туда добровольно, то будет выслан силой. Владыка серьезно заболел, но оправившись, смирился, подчинился приказу и добровольно отправился в ссылку.

Иеромонах Илиодор, однако, иначе использвал свою высылку, подняв по этому поводу шумиху вокруг своего имени. Он помещал, где мог, откровенные интервью, прямо указывая на Распутина, как на инициатора и вдохновителя всего происшедшего. Корреспонденты гнались за ним по пятам, описывая это путешествие, превратившееся таким образом в триумфальное шествие. В конце концов Илиодор был арестован и водворен в предназначенное ему место ссылки. Общественный скандал получился изрядный. Выражения сочувствий летели к епископу Гермогену со всех сторон и возмущение было всеобщее. Я помню хорошо, как член Г. Думы В.М. Пуришкевич в то время пришел ко мне в кабинет в возбужденном состоянии и с ужасом и тоской в голосе говорил мне: «Куда мы идем? Последний оплот наш стараются разрушить – св. православную Церковь. Была революция, посягавшая на Верховную власть, хотели поколебать ее авторитет и опрокинуть ее, – но это не удалось. Армия оказалась верной долгу, – и ее явно пропагандируют. В довершение темные силы взялись за последнюю надежду России, за Церковь. И ужаснее всего то, что это как бы исходит с высоты престола Царского. Какой-то проходимец, хлыст, грязный неграмотный мужик, играет святителями нашими. В какую пропасть нас ведут? Боже мой! Я хочу пожертвовать собой и убить эту гадину Распутина»... А ведь Пуришкевич принадлежал к крайне правому крылу Думы. Но он был честный убежденный человек, чуждый карьеризма и искательства и горячий патриот. Насилу удалось мне успокоить взволнованного депутата, убедив его, что не все пропало, что Дума еще может сказать свое слово и, быть может, Верховная власть внемлет голосу народных избранников.

Характерно при этом, что Император Николай II лично ничего не имел против сосланного владыки. Последний, по прибытии на свое новое местожительство, прислал ко мне своего секретаря с письмом, в котором призывал меня к исполнению моего долга в том отношении, чтобы я раскрыл всю правду

Царю и со своей стороны предостерег бы Его Величество от надвигающейся опасности.

В одном из ближайших моих всеподданейших докладов я доложил всю подноготную инцидента в св. Синоде и просил смягчить участь невинно пострадавшего владыки. Государь ответил мне буквально следующее: «Я ничего не имею против епископа Гермогена. Считаю его честным, правдивым, архипастырем и прямодушным человеком, способным стойко и бесстрашно отстаивать правду и непоколебимым в служении истине и достоинству православной Церкви. Он будет скоро возвращен. Но я не мог не подвергнуть его наказанию, так как он открыто отказался подчиниться моему повелению».

Но прощение все же не последовало. Вероятно иные воздействия оказались сильнее и поколебали слабую волю Императора.

Для расследования дела Илиодора Государем был послан в Царицын флигель-адьютант Мандрыка. Попутно он узнал многое и о преступной деятельности Распутина. Вернувшись в Петербург, Мандрыка, как честный человек, решил довести обо всем до сведения Государя и в присутствии Императрицы, сильно волнуясь (он так волновался, что ему сделалось дурно, и Государь сам приносил ему стакан воды), рассказал, что он узнал о хлыстовской деятельности Распутина в Царицыне. Это подтверждает, что в сущности Государь не был в неведении относительно Распутина.

Общественная совесть была возмущена и требовала правды. В печати появились мельчайшие подробности этого дела. Газеты платили большие штрафы в цензуру, но все же статьи свои помещали. И в самом деле, с какой бы стороны не подходить к этому делу, правда все же останется на стороне Гермогена. Какое преступление совершил он в сущности, что навлек столь жестокую кару. Как человек без страха и упрека он считал долгом высказаться прямо и честно, согласно велению своей пастырской совести, он смело и не боясь никаких возмездий боролся за правое дело, отстаивая высокое достоинство Церкви. Где же состав его преступления? И все же он пал в угоду низких проходимцев.

Вот какое могучее влияние уже тогда в конце 1911 года имел Распутин и его кружок. Могло ли русское общество оста-

ваться спокойным равнодушным зрителем происходящего? Но кто же боролся против развивающегося зла?

II

П.А. Столыпин о Распутине. Инцидент с нянюшкой Царских детей. Опала петербургского митрополита Антония. Запрос о Распутине в Г. Думе. Разговор с вдовствующей Императрицей о Распутине.

Возвращаясь несколько назад, а именно к 1908-1910 гг., я должен сказать, что председатель совета министров и министр внутренних дел П.А. Столыпин уже тогда был немало озабочен неожиданным и последовательно упорным возрастанием значения и влияния Распутина при Императорском Дворе. На той же точке зрения стояли обер-прокуроры св. Синода за время премьерства Столыпина – П.П. Извольский и Лукьянов. Столыпин неоднократно указывал Императору Николаю II на гибельные последствия, могущие произойти от близости к Царской Чете несомненного сектанта. Но Распутин в период 1905-1908 гг. держал себя сравнительно в тени, подготовляя себе твердую почву медленно и методично. Чувствуя все возрастающую свою силу, этот изувер мало по малу распоясывается. Похождения эротического характера делаются все наглее и отвратительнее, число его жертв все увеличивается и захватывается им все больший круг последователей и поклонниц. Ввиду такого обстоятельства тогдашний об. прокурор св. Синода Лукьянов совместно с председателем совета министров П.А. Столыпиным предприняли обследование документальных данных, имевшихся в наличности о Распутине, чтобы пролить свет на загадочную и неясную еще тогда личность этого проходимца. Истина не замедлила вылиться во всем своем неприглядном виде. Имея в своем распоряжении все секретные дела архива Синода, об. прокурору Лукьянову было легко приступить к расшифровке личности «великого старца». Документы, на основании которых это обследование производилось, были впоследствии в моем обозрении и изучении. Результаты обследования оказались довольно убедительными и на основании этого обильного следственного материала председателем совета министров П.А. Столыпиным был составлен исчерпывающий всеподдан-

нейший доклад, приведший, однако, к совершенно неожиданному результату. Император Николай II внимательно выслушал доклад премьера, не принял однако по нем определенного решения, но поручил Столыпину вызвать к себе Распутина и лично убедиться в том, каков он есть человек. Об этом повороте дела мне лично говорил при моем докладе о том же деле Государь Император Николай II. От самого Столыпина я слышал, что он действительно вызвал к себе Распутина. Последний немедленно, войдя в кабинет министра, стал испытывать над ним силу своего гипнотического свойства: «Он бегал по мне своими белесоватыми глазами, – говорил Столыпин, – произносил какие-то загадочные и бессвязные изречения из Священного Писания, как-то необычайно водил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей против меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что он на меня производит какое-то довольно сильное, правда отталкивающее, но все же моральное впечатление. Преодолев себя, я прикрикнул на него и, сказав ему прямо, что на основании документальных данных он у меня в руках и я могу его раздавить в прах, предав суду по всей строгости законов о сектантах, ввиду чего резко приказал ему немедленно, безотлагательно и, притом добровольно, покинуть Петербург и вернуться в свое село и больше сюда не появляться».

Это было в начале 1911 года. Премьер оказался сильнее гипнотизера, который понял, что дело грозило принять крайне невыгодный для него оборот и, действительно, очень быстро и неожиданно исчез с петербургского горизонта и долгое время на нем не появлялся. Но надо при этом заметить, что если на такого железной воли человека, каким был по существу своему Столыпин, Григорий Распутин все же оказывал, скрытой в нем силой гипноза, известное влияние, то какой силы влияние могло быть на натурах, менее крепких нервами и самообладанием.

Однако, несмотря на кажущееся безмолвное согласие Государя на изгнание Распутина по настоянию Столыпина, дело приняло несколько иной оборот. В скором времени после отъезда «старца» в родное село, следом за ним отправилась одна из приближенных к Императрице Александре Феодоровне дам А.А. Вырубова и с нею он вернулся, но не в Петербург, а в Киев, куда прибыла Царская Семья на торжества введения зем-

ских учреждений в юго-западном крае. Надо при этом помнить, что пложение Столыпина сильно поколебалось в это время при Дворе. Закон о введении земства в юго-западном крае, принятый в Г. Думе, был отклонен в Г. Совете. П.А. Столыпин заявил Государю Императору, что он выходит в отставку. Но состоялся компромисс, в силу которого законодательные палаты были распущены на три дня и в это время закон о введении земства в юго-западном крае был обнародован по 87 ст., в точной редакции принятого Г. Думой законопроекта и П.А. Столыпин взял свою отставку обратно. Негодованию членов Г. Совета не было границ, но и в придворных кругах поднялась по этому поводу усиленная агитация против председателя совета министров.

Много было толков в обществе о том, что уже сформировавшийся тогда кружок Распутина принимал в этой кампании деятельное участие. Как бы то ни было, но факт поездки Вырубовой в село Покровское, очевидно, за Распутиным до некоторой степени подтверждал эти разговоры. Определенно уже говорилось тогда, что Распутин успел убедить Царскую Чету в том, что пока он при ней в наличности, никакого несчастья ни с ней, ни в особенности с Наследником Цесаревичем случиться не может. Императрица Александра Феодоровна, души не чаявшая в своем сыне, дрожавшая за него постоянно, в силу своего мистического настроения вполне подчинилась этим внушениям ловкого гипнотизера. Ей казалось, что она обязана принимать все меры, не брезгать ничем, лишь бы оберечь и охранить своего обожаемого сына. Поэтому в ее мировоззрении естественно сложилось твердое убеждение, что Распутин должен находться неотлучно при Царской Семье и в Киеве, где предстоял ряд торжеств и многочисленные появления Царственной Четы среди народа. Во всяком случае Распутин был привезен Вырубовой в Киев, а затем отправился вслед за Императорской Фамилией в Крым, в Ливадию, где жил в Ялте в гостинице «Эдинбург», но под именем Никонова. Когда это обстоятельство дошло до сведения тогдашнего градоначальника города Ялты генерала Думбадзе, этот честный человек немедленно выслал Никонова (Распутина) из Ялты административным порядком, не считаясь с опасностью для своей карьеры. По возвращении Царской Семьи в Петербург Распутин был уже там и вновь за-

нял прежнюю позицию при Дворе.

Таким образом кажущаяся победа Столыпина и об. прокурора Лукьянова была лишь временной им уступкой и все вошло в прежнюю колею. В Киеве во время торжеств Столыпин был предательски убит во время парадного спектакля и на его место был назначен Коковцев. Лукьянов понял, что ему без Столыпина не сохранить своего поста, вышел в отставку и был заменен В.К. Саблером, убежденным сторонником Распутина, при котором уже и разыгрались все, описанные мною выше, инциденты в Синоде, окончившиеся опалой еп. Гермогена и Илиодора.

Последовательные политические победы все более и более окрылили Распутина и он закусил удила.

Стало известно, что он соблазнил нянюшку царских детей, воспитанницу императорского воспитательного дома. Мне известно, что в этом она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своим соблазнителем в баню, потом одумалась, поняла свой глубокий грех и во всем призналась молодой Императрице, умоляя ее не верить Распутину, защитить детей от его ужасного влияния, называя его «дьяволом». Нянюшка эта, однако, вскоре была объявлена ненормальной, нервно больной и ее отправили для излечения на Кавказ. Побывав у лечившегося там митрополита Антония, она чистосердечно призналась ему в своем грехе и обрисовала во всех подробностях преступную деятельность Распутина в царском Дворце, умоляя владыку митрополита спасти из когтей этого «черта» Наследника Цесаревича.

Вернувшись в начале 1911 года в Петербург, митрополит Антоний, испросив всеподданейший доклад, подробно доложил Императору о всем ему известном. Государь с неудовольствием возразил ему, что эти дела его, митрополита, не касаются, так как эти дела его семейные. Митрополит имел твердость ответить: «Нет, Государь, это не семейное дело только, но дело всей России. Наследник Цесаревич не только ваш сын, но наш будущий повелитель и принадлежит всей России». Когда же Царь вновь остановил владыку, сказав, что он не позволит,

чтобы кто-либо касался того, что происходит в его Дворце, митрополит, волнуясь, ответил: «Слушаю, Государь, но да позволено будет мне думать, что русский Царь должен жить в хрустальном дворце, доступном взорам его подданных».

Государь сухо отпустил митрополита, с которым вскоре после этого сделался нервный удар, от которого он уже не оправился.

Очевидно влияние Распутина крепло, а число его апологетов росло. К нему начали обращаться за помощью и покровительством со всех сторон. У него завелось несколько секретарей, он, как высокопоставленное лицо, имел приемные часы и сделался даже малодоступным. Явиться перед его ясные очи сделалось уже делом довольно сложным: записывались в очереди и все же шли со всякого рода возможными и невозможными просьбами в полном убеждении, что «всемогущий» старец все сделает. Повидимому, и Распутин убедил себя в том же. По крайней мере еще председатель совета министров П.А. Столыпин, а впоследствии другие высшие должностные лица стали получать от него безграмотно написанные записки в довольно императивной редакции на «ты» – «помоги такому-то» или «сделай то, что просит такой-то», «я его знаю, он хороший человек».

К сожалению, надо сказать, что отказ эти домогательства встречали редко. Лично я один раз тоже получил такую записку, но, конечно, ничего не сделал по ней и после принятых мною довольно суровых и решительных мер, этого больше не повторялось. Просители, видя, что заступничество Распутина помогает, рассказывали о нем другим и слава его росла. Приезжали даже специально из далекой провинции ходатайствовать о помощи пресловутого Григория Ефимовича.

Итак безграмотный, безнравственный, развратный мужик, сектант, человек порочный, явился, как бы в роли всесильного временщика, которого, к сожалению, часть общества поддерживала и окружила организованным кружком. Что хорошего могло сулить России такое мрачное явление? Как назвать психологию тех, кто являлись апологетами «старца», как не низкопробным карьеризмом, сервилизмом низкой марки, корыстью и преследованием узких личных выгод. Этим людям не было дела до величия и ореола Верховной власти, основы которой колеба-

лись ими явно. Им не было никакого дела до России.

В это время в силу исключительного положения, занятого Распутиным, вокруг него стали образовываться темные деловые кружки сомнительного финансового свойства, чаявшие через влиятельного «старца» втихомолку обделать свои делишки и было фактически известно, что своих целей эти люди достигали. Г. Дума, конечно, не могла остаться в стороне от всех толков о значении для государства создавшегося соблазна. Среди членов Думы царило не малое беспокойство. Но Г. Дума была в известной степени бессильна что-либо предпринять для успокоения общества по самому существу круга своей деятельности. Наконец члены Думы до нельзя опасались гласного признания с думской кафедры, что проходимец и хлыст является как бы в исключительной роли царского советника и взял такую силу, что целое законодательное учреждение оказалось вынужденным вступить с ним в борьбу. К прискорбию, однако, избежать этого не удалось. Воздерживаясь до поры до времени от вмешательства в дело Распутина, члены Г. Думы, тем не менее, не могли не быть озабочены все возрастающим его влиянием.

Если бы дело ограничивалось исключительно увлечением Императрицы Александры Феодоровны воображаемым даром пророчества этого человека и гипнотической его силой, облегчавшей ее нервное страдание и умерявшей ее страхи и опасения за свою семью, в особенности за жизнь Наследника, – то конечно, это особой тревоги возбудить бы не могло. Но Распутин, завладев неограниченным доверием Царской Семьи, организовал (или вокруг него был другими организован) плотно спаянный кружок единомышленников, который преследовал личные цели сначала, а засим мало по малу стал вмешиваться сначала в церковные, а затем весьма основательно и в государственные дела, устраняя популярных деятелей и заменяя их своими ставленниками. Наконец, подростал Наследник престола. Всем было известно, что Распутин вмешивается в интимные семейные дела Царской Семьи и, не без основания, являлось опасение, что постоянная проповедь сектантства может оказать влияние на впечатлительную душу ребенка и что этою проповедью Наследник престола может быть совращен из лона православной Церкви, а фанатическая проповедь изувера мало по малу

привьет его мировоззрению вредный мисцитизм и может сделать из него в будущем нервного и неуравновешенного человека. Наконец, близость к царскому престолу заведомо безнравственного и развратного, безграмотного мужика, слава о безобразных похождениях которого гремела, очевидно, способна была в корне подорвать высокое чувство уважения и почитания Верховной власти. Были темные слухи о том, что именно это и входило в план вдохновителей распутинского кружка, причем дело, яко бы, не обходилось без зарубежных влияний из других стран. По крайней мере, когда я собирал материал для предстояшего мне всеподданнейшего доклада, я имел в своем распоряжении вырезки из иностранных газет. В них говорилось, что на масонском съезде в Брюсселе, кажется в 1909 или 1910 г., проводилась мысль, что Распутин удобное орудие для проведения в России лозунгов партии и что под разлагающим его влиянием династия не продолжится более двух лет. Видя и оценивая общее настроение, я понял, что председателю Г. Думы не избежать подробного доклада Государю о наростающих общественных настроениях. События, однако, развернулись быстрее, чем я думал.

Когда в конце 1910 г. разыгралось нашумевшее по всей России дело епископа Гермогена и Илиодора, приват-доцент московской духовной Академии Новоселов, специалист по делам сектантства, выпустил в свет брошюру, в которой он шаг за шагом следя за деятельностью Распутина, документально изобличает его в хлыстовстве. Новоселов резко обвинял в своем труде высшую церковную иерархию в попустительстве сектантству. Брошюра эта была немедленно изъята из продажи, конфискована и за выдержки из нее в горячей статье того же автора, помещенной им в газете «Голос Москвы», газета заплатила большой штраф и номер был полицией конфискован. Эти репрессии имели однако, обратное действие: брошюра Новоселова и номер газеты в уцелевших экземплярах стали покупаться за баснословные деньги, а в газетах всех направлений появлялись статьи о Распутине и незаконной конфискации брошюры; печатались во всеобщее сведение письма его бывших жертв, прилагались фотографии, где он изображен в кругу своих последователей. И чем больше усердствовали цензура и полиция, тем более писали и платили штрафы. Дело епископа Гермогена не

могло не возбудить волнения среди членов Г. Думы, а появившаяся брошюра Новоселова и начавшаяся газетная кампания только подлили масла в огонь. Ввиду таких обстоятельств я решил безотлагательно испросить всеподданнейший доклад. Но совершенно неожиданно для меня без предварительных со мной переговоров некоторыми членами Думы был предъявлен запрос по поводу незакономерных действий предержащих властей по конфискации брошюры Новоселова и номера газеты «Голос Москвы».

На основании Наказа Г. Думы я не имел права не поставить на обсуждение запрос, внесенный в порядке спешности. Но, т.к. можно было ожидать, и по поводу обсуждения спешности его, большого скандала в Думе, я предварительно собрал лидеров отдельных думских фракций. Я старался убедить первого подписавшего запрос А.И. Гучкова обождать с запросом в целях охраны Верховной власти от страстного осуждения во время прений. Мне казалось, что еще не настало время выносить все мрачные явления на суд общества и страны, что подобное широкое предание дела всеобщей гласности преждевременно. Я находил, что было бы целесообразнее и осторожнее, имея в руках обильный материал, попытаться путем доклада председателя Г. Думы ясно показать Государю Императору всю опасность для него же развертывающихся событий и добиться удаления совсем от Двора вредного лжеучителя. А.И. Гучков возразил на это, что общее настроение до нельзя повышенное и задержка запроса умеренных партий повлечет к тому, что таковой будет предъявлен социалистами, которые не поскупятся внести такие мотивы, которые не разредят, но еще сгустят атмосферу. При предъявлении же запроса центральными партиями можно достигнуть соглашения и скандала в Думе избежать. Гучков полагал, что путем запроса в настоящих обстоятельствах можно избежать обсуждения Распутинства при рассмотрении сметы св. Синода: сейчас прения могут ограничиться рамками дела еп. Гермогена и брошюры Новоселова, тогда как при обсуждении сметы св. Синода прения развернутся во всю ширь. Мнение Гучкова одержало верх и запрос по вопросу о спешности был поставлен на обсуждение.

Надо отдать справедливость Г. Думе, что все ее члены держали себя во время обсуждения запроса вполне корректно и

никакого скандала не произошло. Говорили по вопросу о спешности А.И. Гучков и В.Н. Львов. Спешность запроса была принята единогласно.

Здесь не лишнее упомянуть о том, как относилась государственная власть к создавшемуся положению.

Министром внутренних дел был тогда А.А. Макаров. Когда предъявлен был запрос по поводу конфискации брошюры Новоселова, я обратился к нему с письмом, в котором просил сделать распоряжение о присылке мне экземпляра брошюры, ввиду необходимости изучать дело и знать, как вести прения. Макаров ответил, что у него брошюры Новоселова в распоряжении нет и что он, вообще, не видит надобности в ее распространении. Меня такое отношение взорвало и я поехал к нему лично. Макаров, очевидно не ожидал моего приезда. Когда я вошел к нему в кабинет, то к немалому моему удивлению увидел на его письменном столе несколько экземпляров брошюры Новоселова. Таким образом и такой порядочный человек, как Макаров, был не чужд известной доли сервилизма во имя спасения Распутина. Произошла бурная сцена между нами, после чего я все же брошюру получил. Вот еще яркий пример, как силен был Распутин, если государственная власть считала необходимым его защищать, вместо того, чтобы заниматься более важными государственными делами.

В сущности запрос вынес целиком дело на суд общества. Статья в «Голосе Москвы», за которую номер был конфискован, приведенная полностью в тексте запроса, попала в стенографические отчеты и была напечатана по этому во всех газетах. Вот, что в статье говорилось: «В №19 ‘Голоса Москвы’ было помещено письмо в редакцию, под заглавием: ‘Голос православного мирянина’, за подписью редактора издателя ‘Религиозно-философской библиотеки’ Михаила Новоселова следующего содержания: ‘Quo usque tandem!’. Эти негодующие слова невольно вырываются из груди православных людей по адресу хитрого заговорщика против святыни Церкви государственной, растлителя чувств и телес человеческих – Григория Распутина, дерзко прикрывающегося этой святыней Церковью. ‘Quo usque’ – этими словами вынуждаются со скорбью и горечью взывать к Синоду чада русской Церкви Православной, видя страшное попустительство высшего церковного управления по отношению к

названному Григорию Распутину. Долго ли в самом деле, Синод, перед лицом которого несколько лет уже разыгрывается эта преступная комедия, будет безмолвствовать и бездействовать? Почему безмолвствует и бездействует он, когда Божеская заповедь блюсти стадо от волков, казалось должна была с неотразимой силой сказаться в сердцах иерархов русских, призванных править словом истины.

Почему молчат епископы, которым хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя? Почему молчат и стражи Израилевы, когда в письмах ко мне некоторые из них откровенно называют этого лжеучителя – лжехлыстом, эротоманом, шарлатаном. Где его святейшество, если он по нерадению или молодушеству не блюдет чистоты веры Церкви Божьей и попускает развратного хлыста творить дело тьмы под личиной света? Где его правящая десница, если он пальцем не хочет шевельнуть, чтобы низвергнуть дерзкого растлителя и еретика из ограды церковной? Быть может, ему недостаточно известна деятельность Григория Распутина? В таком случае прошу прощения за негодующие дерзновенные слова и почтительнейше прошу меня вызвать в высшее церковное учреждение для представления данных, доказывающих истину моей оценки хлыстовского обольстителя».

Таким образом появлением в печати брошюры Новоселова и запроса в Г. Думе по поводу ее конфискации, все разговоры, слухи и сведения о деятельности и значении при Высочайшем Дворе Григория Распутина были поставлены на твердую почву документа и уже ни в ком не могло быть сомнений в истине циркулирующих о нем слухов. Предъявлением документального запроса в Г. Думе Верховная власть была поставлена лицом к лицу с необходимостью решить безотлагательно вопрос: быть или не быть Распутину. Всякому было ясно, что борьба Распутинского кружка с Россией должна была разрешиться победой или поражением той или другой стороны. Силы однако были неравные. На стороне Распутина стояла волевая и властная Императрица Александра Феодоровна, имевшая подавляющее влияние на своего Августейшего Супруга, и поддержанная придворной камарильей, хорошо знавшей, чего она хочет. А в лагере противников царила нерешительность, опасение энергичным вмешательством разгневить верхи и отсутствовало объеди-

нение, потому что не помнили главного – блага России.

Император Николай II колебался и искал таких обстоятельств, которые бы поставили его в положение, вынуждающее в силу вещей удалить Распутина. В этот период он еще смутно отдавал себе отчет о значении всех переживаемых событий, но склонялся перед более сильной волей своей Августейшей Супруги.

Таким образом вся тяжесть борьбы легла на Г. Думу и это обстоятельство подало повод в некоторых общественных кругах обвинить ее в революционных тенденциях; на самом же деле Дума боролась за неприкосновенность царского престижа.

После запроса в Думе председатель совета министров Коковцев был вызван к Государю. Он мне говорил, что Императрица Александра Феодоровна требовала непременно роспуска Думы. Если до запроса я колебался, ехать ли мне с докладом о Распутине или нет, то после запроса я уже бесповоротно решил, что поеду с докладом и буду говорить с Государем о Распутине.

Я целый месяц собирал сведения; помогали Гучков, Бадмаев, Родионов, гр. Сумароков, у которого был агент, сообщавший сведения из заграницы. Через кн. Юсупова же мы знали о том, что происходит во дворце. Бадмаев сообщил о Гермогене и Илиодоре в связи с Распутиным. Родионов дал подлинник письма Императрицы Александры Феодоровны к Распутину, которое Илиодор вырвал у него во время свалки, когда они со служкой били его в коридоре у Гермогена. Он же показывал и три письма великих княжен: Ольги, Татьяны и Марии.

В феврале 1912 года кн. Юсупов сказал мне, что Императрица Мария Феодоровна очень взволновалась тем, что ей пришлось слышать о Распутине и что, по его мнению, следовало бы мне поехать ей все доложить.

Вскоре после того ко мне явился генерал Озеров, состоящий при Императрице Марии Феодоровне, по ее поручению.

Он говорил, что Императрица Мария феодоровна желала бы меня видеть и все от меня узнать. Императрица призвала кн. Юсупова и у него расспрашивала, как он думает, какой я человек и может ли председатель Думы ей все откровенно сказать. Кн. Юсупов ответил: «Это единственный человек, хорошо осведомленный, на которого вполне можно положиться, он вам скажет лишь святую правду».

Вся Царская Фамилия с трепетом ожидала моего доклада: буду ли я говорить о Распутине и какое впечатление произведет мой доклад. Вел. кн. Ольга Александровна говорила кн. В.М. Волконскому, что она надеется, что председатель Думы будет говорить с Государем.

За несколько дней до моего доклада позвонил телефон и мне сообщили, что Императрица Мария Феодоровна ждет меня на другой день в одиннадцать часов утра. Я взял с собой все материалы и поехал. Немедленно был введен в ее маленький кабинет, где она уже ожидала. Императрица обратилась ко мне со словами: «Неправда ли, вы предупреждены о мотиве нашего свидания? Прежде всего я хочу, чтобы вы объяснили мне причины и смысл запроса. Неправда ли, в сущности цель была революционная, почему же вы тогда этого не остановили?»

Я ей объяснил, что, хотя я сам был против запроса, я категорически должен отвергнуть, будто тут была какая-нибудь революционная цель. Напротив, это было необходимо для успокоения умов. Толки слишком далеко зашли, а меры правительства только увеличивали возмущение.

Она пожелала тогда осмотреть все документы, которые у меня были. Я ей прочел выдержки из брошюры Новоселова и рассказал все, что знал. Тут она мне сказала, что она только недавно узнала о всей этой истории. Она конечно, слышала о существовании Распутина, но не придавала большого значения.

«Несколько дней тому назад одна особа мне рассказала все эти подробности и я была совершенно огорошена. Это ужасно, это ужасно», – повторяла она.

«Я знаю, что есть письмо Илиодора к Гермогену (у меня действительно была копия этого обличительного письма) и письмо Императрицы к этому ужасному человеку. Покажите мне», – сказала она.

Я сказал, что не могу этого сделать. Она сперва требовала непременно, но потом положила свою руку на мою и сказала:

«Неправда ли, вы его уничтожите?»

«Да, ваше величество, я его уничтожу».

«Вы сделаете очень хорошо».

Это письмо и по сейчас у меня: я вскоре узнал, что копии этого письма в извращенном виде ходят по рукам, тогда я счел

нужным сохранить у себя подлинник.*

Императрица сказала мне:

«Я слышала, что вы имеете намерение говорить о Распутине Государю. Не делайте этого. К несчастью, он вам не поверит и к тому же это его сильно огорчит. Он так чист душой, что во зло не верит.»

На это я ответил Государыне, что я, к сожалению, не могу при докладе умолчать о таком важном деле. Я обязан говорить, обязан довести до сведения моего Царя. Это дело слишком серьезное и последствия могут быть слишком опасные.

«Разве это зашло так далеко?»

«Государыня, это вопрос династии. И мы, монархисты, больше не можем молчать. Я счастлив, ваше величество, что вы предоставили мне счастье видеть вас и вам говорить откровенно об этом деле. Вы меня видите крайне взволнованным мыслью об ответственности, которая на мне лежит. Я всеподданейше позволяю себе просить вас дать мне ваше благословение».

Она посмотрела на меня своими добрыми глазами и взволнованно сказала, положив свою руку на мою:

«Господь, да благословит вас!»

Я уже уходил, когда она сделала несколько шагов и сказала:

«Но не делайте ему слишком больно. Mais menagez le.»**

Впоследствии я узнал от князя Юсупова, что после моего доклада Государю Императору Императрица Мария Феодоровна поехала к Государю и объявила: «Или я, или Распутин», что она уедет, если Распутин будет здесь.

Когда я вернулся домой, ко мне приехал князь В.М. Волконский, кн. Ф.Ф. и З.Н. Юсуповы и тут же князь мне сказал: «Мы отыгрались от большой интриги».

Оказывается, что в придворных кругах старались всячески помешать разговору Императрицы Марии Феодоровны со мной,

---

*Записанно это было в 1912 году. Мне известно, что письмо это хранится у Пр. Г.Д. на его квартире в его личном архиве под замком. Перед тем, чтобы бежать на юг России свой архив М.В. передал начальнику Думской канцелярии Я.В. Глинке. Где теперь архив, я не знаю. Е. Родзянко, 1967 г.

**Разговор передается в переводе с французского, на котором происходил.

и, когда это не удалось, В.Н. Коковцев поехал к Императрице Марии Феодоровне, чтобы через нее уговорить меня не докладывать Государю. Между тем у меня уже все было готово для доклада и я просил меня принять.

III

Аудиенция по делу о Распутине. Доклад о Распутине. Документы о Распутине. Разговор с царским духовником. Отказ в Аудиенции.

Я отлично отдавал себе отчет в том, что доклад председателя Г. Думы не даст достаточных результатов, ибо не даст той почвы Государю, стоя твердо на которой, он неопровержимо мог бы сказать: non possumus, отвергая всякую защиту развратного временщика. Надо было добиться коллективного доклада, дабы ясно было, что не одна Дума, а все слои общества видят глубину той пропасти, в которую ведет Царя и Россию злой обманщик. Мне казалось, что соединенный доклад председателей совета министров, Г. Думы и первоприсутствующего в св. Синоде Митрополита, достиг бы этой цели, доказав, что вся страна возмущается близостью к престолу наглого проходимца и его влияния на ход государственных дел, что совесть народная не спокойна и этим смущена. К сожалению, попытка моя в этом направлении не имела успеха. По тем или иным причинам указанные мною лица уклонились от совместного со мной доклада. Пришлось ехать одному и взять всю ответственность за последствия на себя.

26-го февраля Государь назначил мне явиться в 6 часов вечера. Утром в этот день я ездил с женой в Казанский собор и служил молебен. Доклад мой продолжался в кабинете Государя около 2-х часов. Сперва я доложил текущие дела, коснулся положения артиллерийского ведомства под управлением вел. кн. Сергея Михайловича и сомнительной безопасности Кавказа под сомнительным управлением графа Воронцова-Дашкова, а потом перешел к главному.

– Ваше величество, – начал я, – доклад мой выйдет далеко за пределы обыкновенных моих докладов. Если последует на то ваше высочайшее разрешение, я имею в виду подробно и доку-

ментально доложить вам о готовящейся разрухе, чреватой самыми гибельными последствиями...

Государь взглянул на меня с некоторым удивлением.

– Я имею в виду, – продолжал я, – старца Распутина и недопустимое его присутствие при Дворе вашего величества. Всеподданнейше прошу вас, Государь, угодно ли вам выслушать меня до конца, или вы слушать меня не хотите, в таком случае я говорить не буду.

Опустив голову и не глядя на меня, Государь тихо сказал:

– Говорите...

– Ваше величество, присутствие при Дворе, в интимной его обстановке, человека, столь опороченного, развратного и грязного, представляет из себя небывалое явление в истории русского царствования. Влияние, которое он оказывает на церковные и государственные дела, внушает немалую тревогу решительно во всех слоях русского общества. В защиту этого проходимца выставляется весь государственный аппарат, начиная с министров и кончая низшими чинами охранной полиции. Распутин оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под Церковь и Монархию. Никакая революционная пропаганда не могла бы сделать того, что делает присутствие Распутина. Всех пугает близость его к Царской Семье. Это волнует умы.

– Но отчего же такие нападки на Распутина, – перебил Государь, – отчего его считают вредным?

– Ваше величество, всем известно, из газет и из рассказов, что благодаря Распутину в Синоде произошел раскол и что под его влиянием перемещаются иерархи.

– Какие? – спросил Государь.

– История Гермогена всех глубоко оскорбила, как незаслуженное оскорбление иерарха. У Гермогена есть много приверженцев. Я получил прошение ходатайствовать за него перед вашим величеством, подписанное 10.000 подписей.

– Гермогена я считаю хорошим человеком, – сказал Государь, – он будет скоро возвращен. Но я не могу не подвергнуть его наказанию, когда он открыто отказался подчиниться высочайшему повелению.

– Ваше величество, по каноническим правилам иерарха судит собрание иерархов. Преосвященный Гермоген был осужден

по единоличному обвинению обер-прокурора по его докладу, – это нарушение канонических правил.

Государь промолчал.

– История Илиодора тоже произвела тяжелое впечатление. После расследования, назначенного вашим величеством, суд над ним был год тому назад прекращен. Теперь он без всякого суда заключен во Флорищеву Пустынь и это после его открытого выступления против Распутина. Подобным же образом пострадали: Феофан, который был лишен звания духовника Императрицы и перемещен в Симферополь, и Антоний тобольский, первый указавший Синоду на Распутина, как на хлыста и потребовавший суда над ним. Его переместили в Тверь. Все, кто поднимает голос против Распутина, преследуется Синодом. Терпимо ли это, ваше величество? И могут ли православные люди молчать, видя развал православия? Можно понять всеобщее негодование, когда глаза всех раскрылись и все узнали, что Распутин хлыст.

– Какие у вас доказательства?

– Полиция проследила, что он ходил с женщинами в баню, а ведь это одна из особенностей их учения.

– Так что же тут такого? У простолюдинов это принято.

– Нет, ваше величество, это не принято. Может быть ходят муж с женой, но то, что мы имеем здесь – это разврат. Позвольте прочесть вам во-первых письма его жертв, которые сперва попали в ловушку, а затем раскаялись в своем грехе. Вот письмо одного сибирского священника, адресованное некоторым членам Думы (я не хотел сказать, что Гучкову), в котором он умоляет довести до сведения начальства о поведении Распутина, о развратной его жизни и о том, какие слухи он распространяет о своем значении в Петербурге и при Дворе. (Это письмо я прочел целиком.)

– Вот письмо, в котором одна барыня кается, что Распутин ее совратил, нравственно изуродовал; отшатнулась от него, покаялась и после этого она вдруг видит, что Распутин выходит из бани с ее двумя дочерьми. Жена инженера Л. тоже увлекалась этим учением. Она сошла с ума и теперь еще в сумасшедшем доме. Проверьте, ваше величество . . .

– Я вам верю.

Я прочел ему письма, выдержки из брошюры Новоселова, я

указал ему на впечатление, которое произвело запрещение писать о Распутине. Он не подходит под категорию лиц, о которых нельзя писать, он не высокопоставленное лицо, не принадлежит к Царской Фамилии. Мы видим, что часто критикуют министров, председателей Думы и Совета, – для этого запрещения нет, – а о Распутине запрещено писать что бы то ни было. Это невольно вызывает мысль, что он близок к Царской Семье.

– Но отчего вы думаете, что он хлыст?

– Ваше величество, прочтите брошюру Новоселова: он специально занялся этим вопрсом. Там есть указание на то, что Распутина судили за хлыстовство, но дело почему-то было прекращено. Кроме того известно, что радения приверженцев Распутина происходили на квартире Сазонова, где Распутин жил. Позвольте вам показать вырезку из заграничной газеты, где сказано, что на съезде масонов в Брюсселе говорили о Распутине, как об удобном орудии в их руках. Интрига эта в связи с последующими обстоятельствами совершенно ясна. Дело идет не только о троне и престиже Царской Семьи: ведь может быть и серьезная опасность для Наследника.

– Как? – произнес с волнением Государь.

– Ваше величество, ведь при Наследнике нет серьезного ответственного лица, при нем деревенский парень Деревенько – он может быть очень хороший человек, но это простой крестьянин – невежественные люди, вообще склонны к мистицизму. Что, если с Наследником случится что-нибудь? – Это всех волнует... Обоятельный ребенок, которого все так любят.

Государь, видимо все время волновался. Он брал одну за другой папиросы и опять бросал.

Тогда я решил подойти с другой стороны и убедить Государя, что Распутин обманщик. Я показал ему фотографию Распутина с наперстным крестом.

– Вы видите, ваше величество, Распутин не иерарх; он здесь изображен как бы священником.

Государь на это сказал:

– Да, уж это слишком. Он не имеет права надевать наперсного креста.

– Ваше величество, это кощунство. Он, невежественный мужик, не может надевать клобук и, кроме того, это дается при священстве. Вот другая фотография «хлыстовский корабль»,

эта фотография была в *Огоньке*, ее видела вся Россия. Вот Распутин, окруженный молодыми девушками, а вот и мальчики, и он среди них. Вот Распутин с двумя молодыми людьми: они держат доску и на ней текст хлыстовский, а у Распутина в руках икона Божьей Матери хлыстовская. Корабль ведущий к повальному греху.

– Что это такое? – спросил Государь.

– Прочитайте брошюру Новоселова, которую я вам представлю. Вот его фотография, где Распутин с двумя женщинами и подписано: «Путь ведущий к спасению». Ведь это соблазн. А запрещение писать о нем невольно возбуждает мысль, что Царь покровитель хлыстов. А если вспыхнет война? Где же престиж царской власти? Многие лица близко стоящие ко Двору, называются как приверженцы Распутина. Слухи о том, что высшее общество подпало под влияние Распутина, как хлыста, дает повод пренебрежительно относиться к этому обществу – это унижает общество, унижает Двор. Несмотря на запрещение писать о нем, слухи и толки о Распутине с жадностью перепечатываются в провинциальных газетах.

– Читали ли вы доклад Столыпина? – спросил меня Государь.

– Нет, я знал о нем, но не читал.

– Я ему отказал, – сказал Государь.

– Жаль, – ответил я, – всего этого не было бы. Ваше величество, вы меня видите крайне взволнованным, мне тяжело было говорить вам жестокую истину. Я молчать не мог, не мог скрывать опасности положения и возможности страшных последствий. Я верю, что Господь поставил меня посредником между Царем и представителями народа, собранными по его державной воле и мой долг русского и верноподданного сказать вам, Государь: враги хотят расшатать трон и Церковь и замарать дорогое для меня имя Царя. Я всегда помню слова присяги: «О всяком же вреде и убытке его величеству своевременно извещать и предотвращать тщатися». Умоляю вас во имя всего святого для вас, России, для счастья вашего Наследства прогоните от себя грязного проходимца, рассейте мрачные опасения верных трону людей . . .

– Его теперь здесь нет, – произнес Государь.

– Позвольте мне всем говорить, что он не вернется?

Государь помолчал немного и сказал:

– Нет, я не могу вам этого обещать – вашим же словам верю вполне.

– Верите ли вы, Государь, что возбудившие запрос были движимы самыми верноподданническими чувствами и преданностью престолу, что их побудили к тому те же чувства, которые заставили и меня вам докладывать?

– В вашем докладе я чувствовал искренность и верю Думе, потому что верю вам.

Мне хотелось узнать, остался ли доволен Государь моим докладом.

– Ваше величество, – сказал я, – я шел сюда, готовый понести кару в случае, если бы я имел несчастье разгневать ваше величество. Если я превысил свои полномочия, скажите слово и я сниму с себя звание председатея Г. Думы. Я думал исполнить свой долг. Я считал своей прямой обязанностью довести все до вашего сведения. Видя, какое волнение вызывает это дело в Думе, я не мог молчать своему Государю.

– Я вас благодарю. Вы поступили как честный человек, как верноподданный.

– Ваше величество, позвольте мне просить у вас в знак особой милости ко мне счастья быть представленным Наследнику Цесаревичу.

– Разве вы его не знаете?

– Я никогда его не видал.

Государь велел позвать Наследника и я представился ему, как «самый большой и толстый человек в России», чем вызвал его веселый смех. На мой вопрос, удачен ли был накануне сбор в пользу «колоса ржи» – этот удивительно симпатичный ребенок весь просиял и сказал: «Да, я один собрал пятьдесят рублей», это очень много.

Государь с доброй улыбкой смотрел на сына и добавил:

– Он целый день не расставался со своей кружкой.

Здесь Государь встал и, протянув руку сказал: «До свиданья, Михаил Владимирович». И когда уходил услышал громкий шепот Наследника: «Кто это?» И ответ Государя: «Председатель Думы».

Наследник выбежал за мной в переднюю и все время смотрел в стеклянную дверь. «Не простудитесь, – сказал я ему,

– здесь дует». Он закричал: «Нет, нет, ничего». Рядом появился улыбающийся Деревенько и я обратил внимание, на всех, выстроенных в шеренгу лакеев, солдат и казаков. С какой любовью они смотрели на Наследника.

Характерно, что старший камердинер Государя Чемодуров, провожая меня, сказал: «Ваше превосходительство, вы бы почаще приезжали к нам. У нас мало кто бывает и мы ничего нового не знаем».

Я был растроган доверием к себе и терпением, с каким был выслушан до конца, особенно после всех предупреждений: «Он не будет слушать, он заупрямится, он рассердится и т.д.»

Когда я вернулся домой, у меня произошел интересный разговор с управляющим собственно его Величества канцелярией А.С. Танеевым:

– Михаил Владимирович, скажите мне, отчего меня хотят видеть два члена Думы?

– Не могу вам сказать, ничего от них не слышал.

– Я боюсь, что они по поводу Григория.

– Какого Григория?

– Да вы знаете... Григория (заикаясь) Распутина.

– Что общего между вами и Распутиным, какая связь?

– Так знаете... я думал...

– Рад, что вы сами признаете, что с вами есть причина говорить об этом мерзком хлысте. Я вам скажу, что, если вы честный человек, вы должны его убрать из Царского и вы знаете как.

– Я ничего не знаю.

– Нет, вы знаете и, если не исполните своего долга честного человека, вся ненависть России падет на вашу голову. Ваше имя все связывают с проклятием России – Распутиным.

– (издает какие-то звуки...) До свиданья...

В тот же вечер я поехал в Думу и был моментально окружен депутатами, которым в кратких словах сообщил содержание доклада и о милостивом отношении ко мне Государя. На всех мой рассказ произвел хорошее впечатление. Самым близким же я передал все дословно.

28-го февраля утром мне из Царского Села позвонил по телефону дворцовый комендант генерал-адьютант В.Н. Дедюлин и просил заехать к нему на городскую его квартиру. С Дедюлиным мы были старые школьные товарищи и друзья, почему разговор наш носил интимный характер.

Дедюлин сообщил мне следующее: «Стало известно, что после твоего доклада Государь почти не прикасался к еде за обедом, был задумчив и сосредоточен. На докладе моем на другой день я позволил себе спросить его:

«Ваше величество, у вас с долкадом был Родзянко. Кажется он очень утомил вас?» – Государь ответил: «Нет, нисколько не утомил. Видно, что Родзянко верноподданный человек, не боящийся говорить правду. Он сообщил мне многое, чего я не знал. Вы с ним товарищи по корпусу, передайте ему, чтобы он произвел расследование по делу Распутина. Пусть он из Синода возьмет все секретные дела по этому вопросу, хорошенько все разберет и мне доложит. Но пусть об этом пока никто не будет знать».

Я был поражен этим известием и вечером того же дня собрал членов Гос. Совета В.И. Карпова и депутатов Каменского, Шубинского и Гучкова. Мы до поздней ночи обсуждали как лучше поступить. На другой день я вызвал Даманского, товарища обер-прокурора, в Думу с тем, чтобы он привез требуемое дело. Даманский явился. Я решил представиться ничего не знающим, чтобы лучше все выпытать от Даманского. Это очень ловко удалось. Он выболтал все, что надо было знать. Стараясь меня убедить в чистоте и святости Григория он сказал, что многие почтенные и видные лица уважают старца и любят с ним беседовать; назвал много имен и подтвердил многие данные, переданные мне раньше разными людьми. Сказал, что Распутин живет у Сазонова, почтенную семью которого он, Даманский, знает хорошо, что там бывают: гофмейстер Танеев, генеральша Орлова, «такой уважаемый человек», как епископ Варнава, графиня Витте и многие другие. На все это я выражал удивление и поддакивал. Даманский держал все время портфель в руках и доказывал мне, что никакого значения это дело не

имеет и не стоит его смотреть. Расписывая далее добродетели старца, Даманский выражал негодование на все сплетни и клевету, которые распускаются всюду про него: «Говорят, что он хлыст, развратник и даже дошли до того, что будто бы Императрица Александра Феодоровна живет с ним»...

Здесь я ударил кулаком по столу, встал во весь рост, сбросил наивный вид, сделал свирепое лицо и закричал так, чтобы рядом было слышно:

– Вы, милостивый государь, с ума сошли? Как вы смеете говорить при мне подобную гнусность. Вы забываете, про кого и кому вы это говорите!... Я вас слушать не желаю.

Мой гнев был для него так неожидан, что он побледнел, согнул спину и стал извиняться. Его грязная цель понятна: он вообразил, что одурачил меня, хотел вызвать меня на скользкий путь сплетни, услышать от меня какие-нибудь сальные подробности и передать кому следует. Он был уверен, что я, удовольствуясь его объяснениями, дела совсем не возьму, и был поражен, когда я решительным жестом взял папку у него из рук, запер стол и положил ключ в карман со словами: «По приказанию Государя Императора я подробно ознакомлюсь с этим делом и вас извещу».

Получив нужные документы, я немедленно засадил всю канцелярию, всех присяжных переписчиц за копирование дела в полном его объеме и вместе с начальником Думской канцелярии Я.В. Глинкой мы составили план работ по столь щекотливому делу. На другой же день Даманский по телефону потребовал от меня частной беседы у меня на квартире. Я сразу понял, что здесь готовится подвох и ответил ему, что в служебных делах я не признаю частных бесед и прошу его пожаловть в 3 часа в мой кабинет – в Г. Думу и сразу же повесил трубку во избежание ненужных объяснений.

Когда я приехал в Думу, то Даманский был уже там, но, к моему немалому удивлению, его сопровождал протоиерей Александр Васильев, законоучитель Царских детей. Такое появление о. протоиерея меня немало удивило и, догадываясь, что на меня готовится какой-то натиск, я решил разъединить их. Я рассадил их по разным кабинетам.

Первая моя беседа была с Даманским, который заявил мне, что он имеет поручение получить обратно все дело о Распутине.

Я выразил удивление такому требованию и сказал, что раз состоялось высочайшее повеление по данному делу, то оно может быть отмененно только таким же путем – Высочайшим повелением или словесно переданным через генерал-адъютанта или статс-секретаря, или письменным повелением. Тогда Даманский, несколько волнуясь, путаясь и понизив голос, стал мне объяснять, что Высочайшего повеления он не имеет, но что это требует одно очень высокопоставленное лицо.

– Кто же это, Саблер? – спросил я.

– Нет, повыше, – махнув рукой ответил Даманский.

– Да кто же? – сказал я, делая удивленное лицо.

Помявшись немного Даманский отвечал:

– Императрица Александра Феодоровна.

– В таком случае передайте Ее Величеству, что она такая же подданная своего августейшего Супруга, как и я, и что оба мы обязаны в точности исполнять его повеление. А потому я ее желание исполнить не могу.

– Как, – воскликнул недоуменно Даманский, – Я должен ей это передать? Но ведь она этого хочет.

– К сожалению, – ответил я, – я ее желания все-таки исполнить не могу, – и ввиду попыток Даманского убедить меня, я прекратил с ним разговор.

Затем я вызвал отца Васильева. Он передал мне, что Императрица Александра Феодоровна поручила ему высказать мне свое мнение о старце:

– Это вполне богобоязненный и верующий человек, безвредный, и даже скорее полезный для Царской Семьи.

– Какая же его роль особенно по отношению к детям Царской Семьи?

– Он с ними беседует о Боге, о вере.

Меня эти слова взорвали:

– Вы мне это говорите, вы, православный священник, законоучитель Царских детей. Вы допускаете, чтобы невежественный, глупый мужик говорил с ними о вере, допускаете, чтобы его вредный гипноз влиял на детские души? Вы видите роль и значение в семье этого невежественного сектанта, хлыста и вы молчите. Это преступное попустительство, измена вашему сану и присяге. Вы все знаете и из угодливости молчите, когда вам Бог дал власть, как служителю Алтаря, открыто бороться за

веру. Значит, вы сами сектант и участвуете в сатанинском замысле врагов Царя и России – забросать грязью престол и Церковь...

Несчастный священник был страшно поражен моими словами, бледнел и дрожащим голосом сказал:

– Никто никогда не говорил со мной так как вы. Ваши слова открыли мне глаза. Скажите, что я должен делать?

– Идите и скажите от моего имени Царице, что, если она не хочет губить мужа и сына и расшатать престол, она должна навсегда прогнать от себя этого грязного хлыста. Положение серьезное: никакая революционная пропаганда не могла бы сделать более вреда монархии и более уронить достоинство Царского дома. Если вы опять будете молчать и не откроете всю правду – крест, который вы носите на груди, сожжет вам душу и сердце.

Он потом говорил Волконскому: «Я трепещущий вышел от председателя и почувствовал, сколько в его словах силы и истины».

Впоследствии мне сообщили, что священник Васильев все передал Императрице в исковерканном виде, еще более восстановив ее против меня. Он поддерживал ее в увлечении Распутиным и, одним словом, играл всё ту же двойственную роль.

От Гучкова я узнал, что все приверженцы Распутина забеспокоились, смущенные моим продолжительным докладом у Государя и решили выписать Распутина.

Кн. З.М. Юсупова по телефону сообщила, что высылка Распутина так подействовала на Императрицу, что она захворала и легла в постель. Интересен факт, что после запроса в Думе Императрица написала З.Ю. отчаянное письмо на восьми страницах, где она жаловалась на клевету и несправедливые нападки на них: «Нас не любят и стараются нам повредить. Этот запрос – революционный акт». Она в этом письме писала столько жалоб на их ужасное положение, что Юсуповой стало жалко Царицу и она передала в телефон, что собирается придти к Царице на другой день. Но, вероятно, происками Вырубовой, ей сказали, что Императрица больна и никого не принимает.

Только 9-го марта 1912 года ей удалось быть у Императрицы. Это уже было после речи Гучкова по поводу сметы Синода, где он упоминал о Распутине.

Кн. З.Н. Юсупова серьезно и убедительно говорила подтверждая мои слова Государю, но со стороны Императрицы встретила сильный отпор, возбуждение и негодование. Она высказала свое неудовольствие по поводу моего доклада Государю и особенно сердилась на мой отказ вернуть дело о Распутине: «По какому праву он задерживает дело и не хочет его вернуть?»

Кн. З. Юсупова убеждала ее верить словам председателя Думы: «Это честный и верный человек».

– Нет, вы не знаете, вы не знаете, что он сказал о. Васильеву. Родзянко и Гучкова мало повесить.

Кн. З.Н. Юсупова в порыве негодования сказала:

– Как вы можете говорить подобные вещи. Благодарите Бога, что находятся еще честные люди, которые правду доводят до сведения Государя. Распутин должен быть изгнан. Это хлыст, который злоупотребляет своим положением при вас.

– Нет, нет, на него клевещут, он святой человек.

Когда дела, переданные Даманским были изучены, во всей полноте, раскрылась грязная эпопея этого вредного человека.

Первый донос, обвиняющий Распутина в сектантстве хлыстовского толка, был сделан Тобольским уездным исправником тобольского губернатора еще в 1902 году на основании официального сообщения местного священника села Покровского. Губернатор препроводил все дело на распоряжение местного архиерея преосвященного Антония. Последний поручил сделать дознание одному из миссионеров епархии. Миссионер энергично взялся за дело. Он представил обширный доклад, изобилующий документальными данными, сделал обыск в квартире Распутина, произвел несколько выемок и вещественных доказательств и раскрыл бывших неясными обстоятельств, несомненно изобличающих принадлежность Распутина к хлыстовству. Некоторые из этих подробностей указанные в докладе, были до того безнравственны и противны, что без отвращения нельзя было их читать.

Получив доклад миссионера, епископ Антоний поручил изучить его специалисту по сектантским делам инспектору тобольской духовной семинарии Березкину. Дело затянулось и во время его производства Распутин успел уехать в Петербург и там постепенно, как уже мною сообщено втерся в доверие ко многим высокопоставленным лицам и получил доступ к Высочай-

шему Двору. Между тем при обозрении следствия, произведенного весьма толково и обстоятельно Березкиным, подкрепленного свидетельскими показаниями, письмами, ссылками на догматы хлыстовского вероучения, не могло быть сомнений в том, что Распутин заправский хлыст, притом высшего полета, умелый пропагандист и растлитель душ православного простодушного люда. Он имел, по данным следствия, несомненную связь со многими пророками хлыстовства, между которыми играл не последнюю роль. Березкин в своем докладе Тобольского епископа заявил, что для него нет никаких сомнений в сектантстве Распутина, но, считая, что дело должно быть направлено светской власти для судебного преследования вредного еретика, Березкин полагал необходимым произвести некоторые дополнительные исследования и засим передать дело прокурорскому надзору. Преосвященный Антоний тобольский на основании такого заключения предписал тобольской духовной консистории в точности исполнить указания Березкина и передать Григория Ефимова Распутина в распоряжение судебной власти. Пока длилась эта процессуальная волокита, Распутин вернулся из Петербурга в родное село. Но вернулся он оттуда с значительными денежными средствами, начал строить себе прекрасный дом с богатой обстановкой. Он хвастается уже открыто милостями членов Царского дома, показывает всем их подарки: например, богатый золотой крест на золотой цепи, медальон с портретом Императрицы Александры Феодоровны, портреты высокопоставленных лиц с соответствующими надписями, щеголяет в богатых собольих шубах, словом, из гонимого сектанта превращается во влиятельное лицо, перед которым многие уже начинают заискивать.

После резолюции епископа о привлечении Распутина к суду – дело заканчивается указом Синода о бытии по Высочайшему повелению преосвященному Антонию епископу тобольскому – архиепископом тверским и кашинским – т.е. перемещением епископа. Так и не состоялся суд над еретиком. Впоследствии я узнал от весьма компетентных лиц, что во избежание излишнего скандала тобольскому епископу предложили на выбор: или прекратить начатое против Распутина дело и ехать с повышением в архиепископы в Тверь, или же удалиться на покой. Он избрал первый вариант и дело Распутина заглохло.

Изучив всесторонне и обстоятельно все порученное мне дело, я составил сжатый доклад и 8-го марта 1912 года послал Государю свою просьбу о приеме меня для доклада ему во исполнение возложенного на меня высочайшего поручения.

На мое ходатайство о всеподданнейшем докладе долго не было ответа. Мне стало известно, что Императрица упорно сопротивляется моему вторичному докладу с документами в руках. Наконец, за несколько дней до отъезда Царской Семьи в Крым, председатель совета министров В.М. Коковцев получил мое ходатайство о приеме, на котором Государь начертал: «Прошу В.М. передать председателю Думы, что я его принять не могу и не вижу в этом надобности, т.к. полторы недели тому назад я его принимал, кроме того прения по смете Синода приняли неправильное направление, которое мне не нравится. Прошу вас и председателя Думы принять меры к тому, чтобы этого не повторялось».

Мы оба обомлели, читая эти строки, которыми был нанесен афронт Думе и оскорбление ее председателю, т.к. по основным законам последний сносится непосредственно с верховной властью. Здесь же передавалось поручение через премьера, который на это право не имел. Я объявил Коковцеву, что достоинство Думы оскорблено и мне придется выйти в отставку и снять с себя придворное звание. Получился бы конфликт между Думой и Царем, т.е. как бы революционное направление Думы, что еще более осложнило бы и без того тяжелое пложение.

Тогда мы решили следущее: Коковцев должен ехать на следующий день в Царское, объяснить Государю неловкость его ответа и добиться или приема, или личного письма по адресу председателя Думы. Так и было сделано. Коковцев хорошо исполнил поручение, передал мои слова о желании выйти в отставку и снять придворное звание. На что Государь сказал:

– Я обижать его не хотел, напротив, я им очень доволен. Дума стала другая при нем: асигновали на флот и на артиллерийское ведомство... Что же делать?

Коковцев посоветовал написать собственноручное письмо и

на другой день я получил его со следующим содержанием: «Не имея времени перед отъездом в Крым принять вас, прошу доставить письменный долкад».

Письмо я сохранил у себя.

От Думы я скрыл этот инцидент и сообщил только о собственноручном письме с просьбой прислать письменный доклад.

И то многие выражали негодование, что Государь принимал Балашева, студентов-академиков, многих представлявшихся лиц, а для председателя Думы времени не нашлось.

Я тотчас же принялся за составление письменного доклада, в чем мне особенно помогал В.И. Карпов и начальник канцелярии Думы Я.В. Глинка.

Доклад вышел убедительный, в особенности в заключении, где говорилось о том, какие надо принять меры для успокоения взволнованного общества и упорядочения Церкви. Вернуть Гермогена, выгнать Распутина и созвать Собор. Во время составления доклада ко мне от лица Гермогена явился Родионов, чтобы передать, что он знает о моем разговоре с Царем в защиту православия, что посылает свое благословение, молится за меня и просит и впредь стоять за веру православную.

Распутин, между тем, опять явился в Петербург и, как сообщали газеты, был встречен сборищем своих приверженцев на квартире г-жи Головиной. Этот раз по пятам за ним следила полиция и корреспонденты. Друзья Распутина доставили его в Царское, но, не смотря на их старания, до Императрицы он допущен не был. На шестой неделе Великого поста Царская Фамилия уехала в Крым. Вырубова умудрилась посадить Распутина в свитский поезд в купэ князя Туманова. Кто-то доложил об этом Государю. Государь страшно рассердился, что его ослушались, велел остановить поезд на станции Тосно, высадить Распутина, и с агентом тайной полиции отправить в тобольскую губернию.

Итак, мои слова достигли желаемого результата. С тех пор Распутин при Дворе некоторое время не появляется. Он приезжает в Петербург на два дня, оставаться дольше он не смеет. Директор департамента полиции жаловался мне:

– Он так мне надоел. За ним надо следить – он прямо с вокзала отправляется в баню с двумя какими-нибудь барынями.

Я уверен, что Императрица, конечно, моего вмешательства

не простила. О судьбе моего доклада я ничего не знал: ни ответа, ни возражения. Читал ли его Государь – я сведений не имел. Говорили впрочем, что Государь читал доклад в Крыму вместе с герцогом Гессенским.

IV

Прием членов Думы и недовольство Царя. Последствия приема. Бородинские торжества. Выборная кампания в Четвертую Думу. Аудиенция Родзянко, переизбранного в председатели.

В мае месяце 1912 года в Москве на освящении памятника Александру III Государь был со мной холоден, тогда как вся Царская Семья демонстративно выражала мне внимание.

Весной перед окончанием работ Думы, многие члены, как правые, так и октябристы, а главным образом крестьяне всех партий, выражали желание представиться Государю. В этом я видел побуждения самые искренние и благородные, а также и проявление верноподданнических чувств. Я энергично начал через председателя совета министров Коковцева хлопотать об этом. Государь отнесся подозрительно к этому заявлению и сперва наотрез отказался принять членов Думы, вероятно под влиянием Императрицы, которая присутствовала при разговоре с Коковцевым и все время повторяла, что это совершенно лишнее. С другой стороны велись переговоры с бароном Фредериксом, министром Высочайшего Двора, с просьбой о том же. Только после того, как Коковцев и Фредерикс объявили, что они выходят в отставку, если Дума не будет принята, Государь, нехотя, на это согласился. Известие было встречено радостно и ехали в приподнятом, хорошем настроении. И велико было разочарование и оскорбление, когда на приеме Государь недовольным тоном высказал только слова осуждения и неудовольствия по поводу «слишком страстных, не довольно спокойных прений по разным вопросам». Патриотические же заслуги: ассигнование на флот, работы по земельной реформе и многие другие, как Холмщина, западное земство, Финляндия – ничего не было упомянуто Царем и впечатление получилось, что Государь Думой не доволен, сердит на нее. И все поняли, что тому причиной распутинское дело и влияние Императрицы. В офици-

альном сообщении в печати слова Государя были очень смягчены. Но все мы, пережившие эти минуты, помним, какая была у всех на душе горькая обида за незаслуженное оскорбление.

Последними словами Государя было напоминание об ассигновании на церковно-приходские школы, причем он выразил надежду, что ассигнование на дело, близкое сердцу его покойного родителя, будет принято Думой.

Мы все были как в воду опущенные, и насколько все ехали туда с радужными надеждами, настолько теперь все предавались мрачным мыслям.

На другой день настроение в Думе было подавленное и когда я через лидеров и влиятельных членов старался узнать, какого результата может достигнуть голосование об ассигновании на церковно-приходские школы, все категорически (кроме нескольких крайне правых) заявили, что вопрос этот будет провален. Говорили о том даже националисты, что Государь нас не ценит: «Он с нами Бог знает как обращается. Саблер и Распутин дороже нас... и т.д.»

Мое положение было очень затруднительное: ставить на голосование вопрос, о котором упоминал Государь, зная, что он непременно провалится – было невозможно. Это значило бы создать конфликт между Государем и Думой и закончить сессию демонстрацией против его желания. Я решил снять вопрос с повестки, чтобы весь одиум этого инцидента пал только на меня, а не на Думу. Правые, особенно духовенство, очень возмутились таким моим решением. Не разобрав дела, подняли крик и объявили, что они на прощание устроят колоссальный скандал. Когда я шел председательствовать, мне пришлось окружить себя думскими приставами, чтобы избежать какой-нибудь неприятной выходки со стороны духовенства. Во время перерыва я вызвал епископа Евлогия к себе в кабинет, объяснил ему, что меня побудило поступить так. Он увидел свою ошибку, извинялся, также как и многие правые, выражавшие сперва свое негодование.

Во время пребывания моего летом заграницей в Наугейме, я прочел в газетах и узнал из письма члена Думы Ковзана, что роспуск Думы предполагается за три дня до Бородинских торжеств, назначенных на 26 августа, так что народные представители не будут участвовать на торжествах. Зная, какое неприят-

ное впечатление произведет это распоряжение, я тотчас написал Коковцему письмо с усердной просьбой во что бы то ни стало убедить Государя не распускать Думы до 26-го августа. Через несколько дней я получил ответ, что Дума будет распущена 30 августа. Вернувшись в Петербург, я сейчас же поехал в Думу, где застал человек 20 депутатов; среди них несколько человек крестьян, съехавшихся в надежде получить билет для присутствия на торжествах. Разочарование их было велико, когда, прочитавши церемониал, они увидели, что мест для членов Думы не назначено ни на Бородинском поле, ни в Москве. Ознакомившись с церемониалом, я обратил внимание на то, что председатель Думы всюду поставлен наравне с председателем г. Совета, – члены обеих палат не уравнены. Члены Государственного Совета имеют места на торжествах, члены Думы, даже товарищи председателя – нигде не упомянуты.

Меня такое отношение к народному представительству крайне возмутило и мое первое движение было отказаться от участия в торжествах. Но меня убедили члены Думы, особенно из крестьян, которые говорили: «Если не мы, так хотя бы председатель должен быть на этой великой годовщине славы народной».

После некоторых колебаний, я решился на следующее: 26-го августа ехать на Бородино и уклониться от других церемоний. Причину своего отсутствия в Москве я объяснил Коковцеву и церемонимейстру барону Корфу. Последний дал мне довольно характерный ответ: «Члены Думы не имеют приезда ко Двору». На что я возразил: «Это торжество народное, а не придворное, и не церемонимейстеры спасли Россию, а народ».

На Бородинском поле Государь, проходя очень близко от меня, мельком взглянул в мою сторону и не ответил мне на поклон. Я понял, что причина его неблаговоления ко мне была снятие с повестки ассигнования на церковно-приходские школы и опять таки доклад по распутинскому делу.

После Бородинского торжества, повидимому, было решено в правительственных сферах принять самые резкие меры, чтобы при предстоящих выборах в четвертую Г. Думу прошли ис-

ключительно элементы, способные оказать слепую поддержку правительству. В этих целях были использованы всевозможные меры для «разъяснения» нежелательных и непокорных элементов.

Меня переизбрали в председатели Г. Думы. В глупом положении оказались правые и националисты. В виде протеста против моего избрания они демонстративно вышли, желая показать, что не хотят слушать речь председателя, который прошел левыми голосами (кадеты клали за меня, благодаря этому я получил большинство. Социалисты и трудовики, как всегда, уклонились от выборов). Часть правых, однако, не совсем была послушна своим лидерам – они столпились у дверей, когда революционная, по их понятиям, часть Думы рукоплескала словам о выздоровлении Наследника, а они стояли молча. Даже самые левые депутаты, как бы на зло им, кричали и аплодировали, как можно громче. Сконфуженные правые говорили потом, что, если бы они знали, какая будет речь, они конечно бы остались.

Все газеты подхватили это происшествие. Правая печать молчала.

Тотчас после своего избрания, я испросил аудиенцию у Государя. Государь встретил меня с некоторым волнением, причем, вопреки обычаю, прием происходил стоя и продолжался всего 20 минут.

Я сказал:

– Честь имею явиться, как вновь избранный председатель Г. Думы.

– Да, скажите, это скоро случилось... – со смущением сказал Государь – Я с удовольствием, Михаил Владимирович, узнал о вашем избрании. Благодарю вас за вашу прекрасную речь. Так должен думать и чувствовать каждый русский человек. Но отчего вы наш строй называете конституционным.

– Государь, вам угодно было великодушно призвать к участию в законодательных работах представителей народа. Это участие есть конституция и я не счел возможным, хотя бы единым словом, идти против Державной воли вашего величества.

– Да, да, я теперь вас понимаю, но объясните мне, почему ушли от вашей речи правые и националисты? Как это было неуместно и непонятно, когда вы произносили вашу глубоко патриотическую речь.

– Государь, они ждали других слов и, так сказать, авансом хотели протестовать и не участвовать в «революционных» выступлениях, но смею вас уверить, что несмотря на ряд несправедливостей, которое позволило себе правительство во время избирательной кампании, – в Г. Думе или по крайней мере в ее большинстве, революционного настроения нет. Моя речь является верным отражением мыслей и чувств, царящих среди членов Думы. Таким образом уходом во время моей речи, националисты и правые поставили себя в оппозиционное положение: они не приняли участия в воодушевленном порыве Думы, когда я предложил выразить вашему величеству чувство радости по поводу выздоровления Наследника Цесаревича, чем и были наказаны за свою бестактность.

– Императрица и я мы были очень тронуты вашими словами и я прошу вас передать Думе нашу благодарность.

Через два дня после приема я получил от министра Двора барона Фредерикса бумагу следующего содержания:

«Милостивый Государь, Михаил Владимирович. По Всеподданнейшему докладу на ходатайство члена Г. Думы в должности егермейстера Балашева от имени группы депутатов о счастье представиться Государю Императору последовало принципиальное согласие Его Императорского Величества на прием членов Думы четвертого созыва по примеру 1907 и 1908 гг.

Сообщая вам о таковой Высочайшей воле, прошу ваше превосходительство сообщить мне списки тех из членов Г. Думы, которые заявили о желании иметь счастье быть принятыми Его Императорским Величеством.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности

Барон Фредерикс

27 ноября 1912 года».

Оказалось, что националисты и правые, желая перед Государем оправдать свое странное поведение, решили просить представления помимо председателя, как группа «верноподданных правых». Государю это видимо не понравилось и он, не отвечая ничего Балашеву, направил ответ прямо к председателю Думы.

Депутаты стали записываться на прием. Сам я поехал к барону Фредериксу узнать, пожелает ли Государь принять кадет.

Барон мне сказал, что Государь примет всех,кто захочет явиться, даже социалистов. Многие кадеты хотели ехать и в их фракции решено было представить каждому свободу действий. Я очень старался склонить к поездке наибольшее число депутатов. Я долго уговаривал Милюкова (разговор происходил в коридоре Мариинского театра на представлении «Юдифи» с Шаляпиным), но Милюков отказывался и под конец сказал: «Я боюсь, что вид мой вызовет у Государя Императора слишком неприятные воспоминания». Он, очевидно, намекал на выборгское воззвание.

Так Милюков и не поехал, но было все-таки, 26 кадетов, 44 прогрессиста, поляки, белорусско-литовское коло, мусульмане и беспартийные, всего от оппозиции 87 человек, а всех депутатов было 374 из 440 человек общего состава. Это знаменательно, т.к. до сих пор ездило меньше, а кадеты ни разу на прием вообще, не ездили.

Государь встретил депутатов очень любезно. Подал руку председателю и стал обходить депутатов, которые стояли по губерниям. Церемонимейстер барон Корф называл их по фамилиям, но Государь его остановил: «Мне будет представлять депутатов председатель Думы, не беспокойтесь, барон». С каждым Государь о чем-нибудь говорил, а с правыми был даже как-будто холоднее, чем с другими.

Депутат Хвостов явился с большим бантом союза русского народа, что даже не по этикету, т.к. нельзя на мундир надевать самодельные ордена и украшения. Государь его спросил: «Что это за значек?», – Хвостов ответил: «Это знак принадлежности к союзу русского народа».

Государь, отходя, тихо сказал, пожав плечами: «Странно». После чего Хвостов снял свой значек.

Когда Государь обошел всех, правые двинулись вперед, чтобы его окружать, но Государь прошел в центр толпы и сказал несколько слов с пожеланиями дружной и плодотворной работы и пожелал всем счастливо встретить праздники.

V

Торжество по случаю 300-летия Дома Романовых. Изгнание Распутина из собора. Радко Димитриев в Петербурге.

В думе начали упорно говорить, что Распутин опять по-

явился в Петербурге. Я получил бумагу из Царицына со многими подписями, в которой просили принять меры и сообщали, что жителям Царицына известно, будто Распутин находится у В.К. Саблера и снова бывает при Дворе. Я послал эту бумагу Саблеру с письмом, прося дать этим лицам исчерпывающий ответ. Саблер ответил письменно довольно неприятным тоном, что Распутина он не видал и с ним ничего общего не имеет. Вслед за его письмом ко мне официально приехал новый министр внутренних дел Маклаков и заявил, что Государю Императору известно, будто в Думе готовят опять запрос по поводу Распутина и что председатель этот запрос поддерживает. Государь поручил Маклакову передать, что это ему не нравится и он не желает, чтобы вопрос о Распутине вновь поднимался в Думе. Я ответил Маклакову, что ничего подобного нет, а что вероятно донес об этом Саблер и рассказал ему о письме из Царицына. В скором времени на обеде у Коковцева я встретился с Саблером и высказал ему свое негодование по поводу того, что он позволил себе извратить жалобу царицынских граждан на присутствие Распутина в доме обер-прокурора Синода. Саблер был чрезвычайно сконфужен и в замешательстве заверял, что я не так его понял. Со своей стороны я предупредил Саблера, что буду иметь всеподданнейший доклад по этому делу. При первом же докладе я представил дело в таком виде:

«Бью Вашему Величеству челом на обер-прокурора св. Синода в том, что он преднамеренно ввел вас в заблуждение относительно петиции царицынских граждан, покрытой чуть ли не 500-ми подписей. Раз жалоба касалась действий обер-прокурора, то ведь нормальный порядок требует, чтобы это дело было передано первоисточнику, т.е. самому обер-прокурору – напрасно он на это жаловался Вашему Величеству. Что же касается второй стадии дела, переданной мне по высочайшему повелению Н.А. Маклаковым, то здесь уж сплошной вымысел. Настроение Думы совершенно неверно истолковано: о Распутине разговоры в Думе затихли, никаких запросов о нем не предполагается делать и поэтому я считаю, что г. обер-прокурор св. Синода просто наклеветал на меня, в каких целях – мне конечно, неизвестно».

Государь, внимательно выслушав мой доклад, вполне согласился с моими доводами.

На том же докладе я воспользовался милостивым расположением Государя и доложил ему дело о священнике Дмитриеве.

Священник Дмитриев, член Г. Думы 3-го созыва, за свою принадлежность к партии октябристов, после окончания сессии подвергся преследованиям екатеринославского архиерея Агапита. Последний лишил его места, отстранил его от преподавания в гимназии. Несчастный священник остался без куска хлеба, на руках бывших прихожан, которые содержали его из милости, и терпел преследования. Я ходатайствовал о восстановлении священника Дмитриева во всех правах. Государь записал все это в книжку, обещал удовлетворить ходатайство, что действительно и совершилось.

Несмотря на то, что при докладе пришлось затронуть щекотливый вопрос о Распутине, аудиенция окончилась милостиво и, когда я попросил позволения при Романовских торжествах сказать приветственное слово, Его Величество разрешил мне это. (Никаких речей на этих торжествах, согласно церемониалу не должно было быть).

Торжества назначены были в феврале. В то время в Думе стали ходить слухи, будто Государственный Совет намеревается преподнести Императорской Семье икону. Проверив этот слух, члены Думы решили, что и они не должны отстать от Г. Совета.

Я собрал сеньорен-конвент, на котором согласились, что Дума должна преподнести икону Царской Семье. Был командирован Щепкин, секретарь председателя Думы, в Москву к профессору Остроухову, который указал на чудный, редкий старинный образ. Тот же Остроухов предложил старинный плат, на котором изображена встреча Михаилом Феодоровичем своего отца Филарета Никитича въезжающего в Москву. Плат этот длинной в 24 аршина из белого холста, по которому шелками вышиты процессии бояр и боярынь в разнообразных и разноцветных костюмах, рынды с оружием, Филарет, выходящий из колымаги, крестьяне с хлебом-солью, Михаил Феодорович, простирающийся ниц перед отцом; вдали Москва, Кремль и купола церквей, а над всем этим Пресвятая Троица и ангелы, трубящие славу. Купили под старинный рисунок парчу и сделали два футляра. Они перевязывались длинными золотыми шнурами, на концах которых висели старинные орлы с драгоценными камня-

ми и золотые кисти. Все вышло очень красиво и подходило к случаю. Дума одобрила и согласилась пополнить излишек истраченной суммы.

В день открытия Романовских торжеств, которые начались с литургии и молебна в Казанском соборе, которые совершал патриарх Антиохийский в облачении, пожалованном ему Государем, мне сообщили, что Г. Думе отведено неподходящее ее достоинству место. Действительно оказалось, что Г. Дума была поставлена далеко сзади не только Г. Совета, но и Сената. Если Романовские торжества должны были носить характер народного празднества, то нельзя было забывать, что в 1613 году народ в лице земского собора, а не группа сановников, избрала Царем Михаила Феодровича Романова.

Я указал на это обер-церемонимейстерам барону Корфу и графу Толстому и, после неприятного спора, добился того, что Сенат должен был уступить нам свое место и был отодвинут значительно вглубь собора. Покончив с этим делом, я вышел на паперть отдохнуть, так как до приезда членов Думы было достаточно времени. Должен оговориться: чтобы упрочить «занятую позицию», я оцепил места депутатов наличным составом приставов Г. Думы. Не прошло и десяти минут, как за мной прибежал взволнованный старший пристав барон Ферзен и доложил, что, не взирая на протесты его и его помощника, какой-то человек в крестьянском платье и с крестом на груди встал впереди Г. Думы и не хочет уходить. Догадавшись в чем дело, я направился в собор к нашим местам и там, действительно, застал описанное бароном Ферзеном лицо. Это был – Распутин. Одет он был в великолепную темно-малинового цвета шелковую рубашку косоворотку, в высоких лаковых сапогах, в черных суконных шароварах и такой же черной поддевке. Поверх платья у него был наперсный крест на золотой художественной цепочке. Подойдя к нему вплотную, я внушительным шепотом спросил его: «Ты зачем здесь?» Он на меня бросил нахальный взгляд и отвечал: «А тебе какое дело?».

«Если ты будешь со мною говорить на ‘ты’, то я тебя сейчас же за бороду выведу из собора. Разве ты не знаешь, что я председатель Г. Думы».

Распутин повернулся ко мне лицом и начал бегать по мне глазами: сначала по лицу, потом в области сердца, а потом опять взглянул мне в глаза. Так продолжалось несколько мгновений.

Лично я совершенно не подвержен действию гипноза, испытал это много раз, но здесь я встретил непонятную мне силу огромного действия. Я почувствовал накипающую во мне чисто животную злобу, кровь отхлынула мне к сердцу и я сознавал, что я мало по малу прихожу в состояние подлинного бешенства.

Я в свою очередь начал прямо смотреть в глаза Распутину и, говоря без каламбуров, чувствовал, что мои глаза вылезают из орбит. Вероятно, у меня оказался довольно страшный вид, потому что Распутин начал как то ежиться и спрашивал: «Что вам нужно от меня?»

«Чтобы ты сейчас убрался отсюда, гадкий еретик, тебе в этом святом доме нет места».

Распутин нахально отвечал: «Я приглашен сюда по желанию лиц более высоких, чем вы» – и вытащил при этом пригласительный билет.

«Ты известный обманщик, – возразил я, – верить твоим словам нельзя. Уходи вон сейчас, тебе здест нет места»...

Распутин искоса взглянул на меня, звучно опустился на колени и начал бить земные поклоны. Возмущенный этой дерзостью, я толкнул его в бок и сказал: «Довольно ломаться. Если ты сейчас не уберешься отсюда, то я своим приставам прикажу тебя вынести на руках».

С глубоким вздохом и со словами: «О, Господи, прости его грех», Распутин тяжело поднялся на ноги и, метнув на меня злобный взгляд, направился к выходу. Я проводил его до западных дверей, где выездной казак подал ему великолепную соболью шубу, усадил его в автомобиль и Распутин благополучно уехал.

Этот эпизод был рассказан гораздо позже летом 1913 года самим Распутиным члену Думы Ковалевскому, который случайно ехал с ним в одном поезде. Распутин начал с того, что бранил меня и спрашивал за что члены Думы любят своего председателя, а потом сказал: «Он не хороший человек. Вы знаете, что он сделал во время торжеств? Он меня даже из Казанского собора выгнал, а не спросил, что сам Царь сказал мне, чтобы

я там был».

Ковалевский, рассказывая мне об этой встрече, добавил: «Я, признаться, не верил вам, думал, что вы прихвастнули, когда говорили, что выгнали его из храма».

На поздравлении во дворце, где присутсвовала вся Дума, я сказал свое приветственное слово и поднес икону и плат, который держали развернутым за мной товарищи председателя. Особенно же знаменательно казалось то, что никто не говорил приветствий, так как официально было заявлено, что речей не будет.

(Речь Розянко: «Тому назад три века, когда казалось, что русскому царству настал конец, велением Небесного Промысла и Божьим благословением был призван на царство единодушным голосом народа Державный предок ваш Михаил Феодорович Романов.

Вдохновенный единением со своим венценосным вождем, под сенью святой православной Церкви, русский народ грудью защитил родную землю от дерзновенных на нее вражьих посягательств. Велик был тогда Царский подвиг – велик и сегодняшний торжественный день.

Три века славного царствования Дома Романовых свидетельствуют, что под скипетром державных преемников первого Царя ныне царствующего Дома, святая Русь стойко пережила все посылаемые ей испытания, росла, крепла, ширилась и достигла современного величия.

Любвеобильное сердце русских Царей всегда радостно билось радостями и успехом отечества и преисполнялось тяжкой скорбью в годину бедствий и смут. Благо российского Государя было народным благом, печаль его была народной печалью и русский народ, как триста лет тому назад, так и теперь, благоговейно чтит и беззаветно любит своего Царя. Великий Государь, обширны царственные труды и заботы ваши о благе народа и неустанно ваше о нем попечение. Веря, как и встарь, что могущество Родины в тесном единении Царя со своим народом, веря в его государственный разум, вы призвали к законодательному строительству людей, избранных от населения. И народные избранники, члены Г. Думы, одушевленные Монаршим доверием, безгранично счастливы лично повергнуть перед Вашим Императорским Величеством всеподданнейшие поздравления по

случаю высокознаменательного праздника русского государства.

Примите же, Государь, эту святую икону Христа Спасителя как благословение народное, как видимый знак тех горячих молитв, которые сегодня возносятся во всех уголках России о здравии и благоденствии Вашего Величества и всей Царствующей Семьи.

Да благословит вас Всевышний, да сохранит Он под небесным Покровом своего Помазанника на счастье и радость всей русской земли»).

Балканская война с Турцией была в полном разгаре. В Думе с большим вниманием и воодушевлением следили за геройской борьбой славян за свободу. Сочувствие к ним было полное. Оно росло одновременно с негодованием на промахи нашей дипломатии и в особенности на министра иностранных дел Сазонова, который, по мнению Думских кругов, заставлял Россию играть ничтожную роль в международных событиях. Чувство всеобщего недовольства и национальной обиды кроме Думы высказывалось и в газетах всех направлений.

В марте 1913 года в Петербург приехал болгарский герой этой войны Радко Дмитриев и председатель болгарского народного собрания. Их встречали славянские общества, толпа молодежи, многие члены Думы и устроили им овацию на вокзале. Кажется, на другой день их приезда получено было известие, что Адрианополь взят. В Думе это произвело огромное впечатление. Заседание было прервано, начали кричать «ура», потребовали молебна и послали некоторых депутатов привезти в Думу Радко Дмитриева, Данева и болгарского посланника Бобчева.

Когда они приехали, их поднимали на «ура», обнимали, целовали. Воодушевление было полное, всеобщее, без различия партий, забыли и личные счеты, пожимали руки и поздравляли друг друга с общеславянской радостью. Славяне были тронуты до слез. Молебен служили священники, члены Думы, в Екатерининском зале. Хор составился из депутатов под моим управлением. Пели гимн и «Шуми Марица». В самый разгар этого энтузиазма я был вызван к телефону председателем совета министров Коковцевым:

– Что у вас делается в Думе? Нельзя ли прекратить эти манифестации.

Я ответил:

– Это невозможно, подъем народного чувства остановить нельзя. Но зачем вам это нужно?

– Помилуйте, Михаил Владимирович, это может не понравиться Австрии и создать неприятные осложнения.

– Попробуйте, приезжайте и постарайтесь остановить это воодушвление сами. Я не могу...

Оказалось, что действительно о манифестации узнали в австрийском посольстве и сделали представление председателю совета министров.

На другой день у меня был большой обед с болгарскими гостями: Бобчевым, Даневым и Радко Дмитриевым и раут, к которому собралось 60 членов Думы, лидеры всех партий, бюро фракции октябристов и видные октябристы. Вечер прошел очень оживленно. Все окружили Радко Дмитриева, который охотно рассказывал про войну и положение дел на Балканах. Всех поразил такт и спокойствие славян: они ни слова, ни намека не сказали о нашей дипломатии и даже не возмущались Австрией, хотя не скрывали, что ей не доверяют.

За обедом я сказал им приблизительно следующее:

«Я поднимаю бокал за геройские славянские народы, которые удивили весь мир своей необычайной победоносной войной. Все мы следим с напряжением за геройским шествием во имя креста и свободы. Но с таким же напряжением и волнением ждем мы окончания этой войны. Ведь мало окончить победоносно войну. В ее благополучном исходе я ни минуты не сомневаюсь, видя геройство вождей братских нам войск и безграничную отвагу ее воинов. Сомнений быть не может. Турция будет побеждена. Однако, результаты всякой кампании оцениваются в смысле их целесообразности не успешными и блестящими военными действиями, но успешным завершением войны, мирным договором. По этому поводу позвольте вам от имени вашей старшей сестры России дать добрый совет: храните мир между собой, между союзниками и соратниками. Да не ослепят вас ратные победы и да не возбудят они между вами опасной и нежелательной ревности к содеянным подвигам. Нет ничего опасней этого пути. Поэтому мы, ваши братья, ликующие о бран-

ных победах славянства, молим вас все силы ума и воли напречь для предупреждения междуусобных трений, опасных для достижения блестящего конца войны. Я провозглашаю громкую здравицу за победоносных братьев-славян, в дружном союзе отважно побеждающих общего врага, и за то, чтобы их братское сердечное единение росло и крепло и послужило основанием и для дальнейшего сплочения братско-славянской семьи».

Переглянувшись с другими, Радко Дмитриев встал и ответил следующее: «Вы правильно называете нас младшими братьями. Славянские народы всегда с уважением, с братской любовью смотрели на Россию, от которой ждали нравственной поддержки и помощи. Благодаря великодушию русских братьев славяне были вызваны к исторической жизни и они никогда не могут забыть всех великих благодеяний, которые на них сыпала великая Россия. Теперь в нашей первой самостоятельной борьбе с исконным врагом, мы с верой и упованием смотрим на старшего брата и просим, чтобы он отстранил все чуждые, вредные влияния. Россия должна оказать нам содействие тем, чтобы своею мощной рукою предотвратить всякую возможность возникновения недоразумений между славянами. Мощною же рукою она должна пресечь эти недоразумения, если бы они возникли. Только великая Россия имеет право вмешиваться и только России подчинятся славянские народы».

Сказал он это глубоко взволнованным голосом. После обеда, беседуя, славяне говорили: «Вы не представляете себе, как велико обаяние России на Балканах, с каким доверием и с какой надеждой славяне смотрят на Россию, как боятся ее в Европе. Теперь или никогда Россия должна себя показать». На это пришлось им ответить: «Вы видите отношение к вам общества и печати, вы видели энтузиазм народных представителей, а дальше мы ничего сказать не можем, ни за что поручиться».

Радко Дмитриев отозвал меня в кабинет и сказал: «Я приехал с секретной миссией повергнуть к стопам Его Величества Константинополь. Как мне быть, как говорить с Государем?»

Я ответил ему:

– Говорите ему прямо. Он любит правду и это, во всяком случае, будет вернее. Я со своей стороны полагаю, что до вашего представления Государю было бы полезно мне испросить специальный доклад.

Радко Дмитриев благодарил и просил это исполнить.

Хотелось верить и верилось, что Россия скажет твердое слово, победно двинется на юг и поддержит славянские народы. Как оказалось потом, все это были пустые надежды.

16 марта по поводу падения Адрианополя происходили славянские манифестации на улицах. Славянское общество устроило торжественную обедню с шереметевскими певчими в храме Воскресения. При выходе Радко Дмитриев был поднят на «ура». Огромная толпа вышла на Невский проспект с пением «Боже, Царя храни» и «Шуми Марица». Потом направилась к болгарскому посольству. Бобчев вышел на балкон и сказал речь, которую закончил словами: «Да здравствует великая Россия». Толпа ответила болгарским и русским гимнами. Затем толпа, еще возросшая, отправилась к сербскому посольству. Сербский посол тоже вышел на балкон, но не успел он сказать несколько слов, как налетели конные городовые и начали избивать толпу. Никакие указания на то, что толпа мирная и поет «Боже, Царя храни», не помогали. Полиция, очевидно, получившая определенное приказание, усердно делала свое дело. Особенно она охраняла министра иностранных дел Сазонова, около дома которого было два эскадрона конных жандармов, и австрийское посольство, к которому толпа и не думала направляться. Да и состояла толпа из серьезных и благонамеренных людей: были офицеры, дамы общества, сенаторы, чиновники. Говорят даже, что полиция избила какого-то сенатора.

В тот же день происходил обед у министра иностранных дел Сазонова.

– Входя к вам, я был приятно поражен, – сказал я Сазонову, – я счастлив видеть, что наша дипломатия наконец стоит на правильной почве.

– Почему? – удивился Сазонов.

– Вы начали вооружаться на помощь славянам: у вас во дворе два эскадрона солдат.

На другой день в Думе был запрос по поводу избиения полицией манифестантов. Министр внутренних дел Маклаков дал совершенно неудовлетворительное объяснение в извинение полиции, но два последующие дня повторили то же самое. Сам градоначальник Драчевский приехал в автомобиле разгонять толпу, которая пела: «Боже, Царя храни». Из толпы ему начали

кричать: «Поют гимн, извольте встать, встать». Он нехотя встал и приложил руку к козырьку. Настроение общества, все -таки, беспокоило министерство и Сазонов решил дать кое-какие объяснения. Он позвал членов Думы на «чашку чая», причем разделил их на две категории: правых и левых, и принял в разные дни.

Разъяснений Сазонов в сущности никаких не дал и только кадеты остались довольны и газета «Речь» его расхвалила.

VI

Интриги правых. Бойкот Думы. На открытии памятника Столыпина. Епископ Агапит. Предупреждения А.И. Гучкова.

С самого начала сессии в Думе стал чувствоваться разлад. Правительство было разочаровано, что, несмотря на все старания при выборах, Дума вышла не такого направления, как оно ожидало. Надеялись на большинство правых, этого не оказалось и даже президиум был выбран левым большинством. Чем дальше шли события, тем более враждебным становилось правительство по отношению к Думе. Славянские манифестации, критика действий правительства, строгая отповедь Думы Сухомлинову по поводу незаконного изменения устава Военно-медицинской Академии, который даже Сенат отказался распубликовать, – все это раздражало и стали носиться упорные слухи о желании правительства «разогнать» Думу. Князь Мещерский (издатель крайнего правого органа «Гражданин») писал громоносные статьи против Думы и ее председателя. Все знали, что его «Гражданин» единственная газета, которую читает Государь, и можно было думать, что курс политики зависит от влияния этого оплоченного публициста. Все это очень удручало членов Думы. Со стороны правительства видно было желание, если не активными действиями, то хотя бы измором убить Думу. Несмотря на громкие обещания внести новые законопроекты, правительство упорно ничего не делало и на долю Думы оставались только запросы и бюджет. Причем даже справки, необходимые для бюджетной комиссии, и те задерживались министерствами. Члены Думы правого крыла, обиженные тем, что они оказались в меньшинстве, и негласно поддерживаемые

правительством, стали интриговать против большинства Думы. Они собрались на заседение соединенных монархических организаций, на повестке которого первым номером стояло о необходимости разгона IV-ой Думы. Это они старались сделать тайно, но, конечно, все стало известно, а повестка целиком была напечатана в «Вечернем Времени» и в других газетах. Отсутствие крепкого сплоченного большинства в самой Думе, неопределенное положение, волнующее ожидание роспуска, бесплодная работа – на важнейшие запросы и законопроекты не было отклика в правительстве, – все это не могло не отражаться на настроении Думы.

На Страстной неделе я поехал с докладом к Государю. Встречен был, как всегда, любезно, но должен был сообщить много неприятных фактов. По поводу устава военно-медицинской академии и запроса Думы указал на незакономерность действий военного министра Сухомлинова, который ответственность своего поступка свалил на Высочайшую власть.

Я сказал:

– Вам неправильно доложили дело, Ваше Величество, дав вам подписать утверждение устава в порядке верховного управления, тогда как по закону он должен был пройти через законодательные палаты.

Государь на это ничего не ответил.

По поводу действий полиции во время манифестации я сказал об оскорбленном народном чувстве и всеобщем недовольстве, которое не скоро забудется. Государь, как будто соглашался, находя действия министра внутренних дел неосторожными.

Я сказал также и о внешней политике, о недовольстве всех тем, что русская дипломатия своей нерешительностью заставляет играть Россию унизительную роль. Я советовал действовать решительно. С одной стороны двинуть войска на Эрзерум, с другой идти на Константинополь. Я несколько раз повторял:

– Ваше Величество, время еще не упущено. Надо воспользоваться всеобщим подъемом, проливы должны быть наши. Война будет встречена с радостью и поднимет престиж власти.

Государь упорно молчал.

Говоря об администрастивном произволе, я рассказал подробно факт предания суду председателя черниговской губернской управы Савицкого, всеми уважаемого земского деятеля, за

побег политического арестанта. Его предал суду Н.А. Маклаков, в бытность свою черниговским губернатором. Цель этого предания суду более чем ясна, так как по закону лица, находящиеся под следствием или судом, лишены как активных, так и пассивных избирательных прав, а бывший тогда губернатором Маклаков находился во враждебных отношениях с Савицким. Предлог для предания суду не может считаться основательным, так как был только побег из земской больницы политического арестанта. Если виноватым оказался не заведующий палатой врач, а председатель управы, то по преемственности власти таким образом можно считать виновником сначала губернатора, а затем и министра, тем более, что это тот же Маклаков, который был тогда губернатором.

Государь на это заметил:

– Да, вы правы.

Под конец сессии Думы произошел небольшой инцидент, сам по себе не важный, но чреватый последствиями. Марков 2-ой по поводу сметы министерства финансов вздумал сказать: «Красть нельзя». Председательствующий князь Волконский не нашелся его своевременно остановить, а министр финансов Коковцев принял оскорбление на свой счет и объявил, что Дума вся виновата, если не реагировала на слова депутата, и должна извиниться перед правительством и что «пока это не будет исполнено председателем Думы, министры не будут посещать Думу».

Дума решила, что она не ответственна за слова одного депутата и я никаких извинений приносить не намеревался. Все это, и резкие слова правого депутата по отношению к правительству, и неожиданная обидчивость министров – похоже было на провокацию. Сначала над этим смеялись, но потом создалось невозможное положение; вследствие отсутствия министров работа в комиссиях совершенно затормозилась. Для разъяснения по бюджету приезжали даже не товарищи министров, а какие-то делопроизводители и председатель бюджетной комиссии Алексеенко отказывался их выслушивать.

При докладе в конце июня 1913 года в Петергофе, после роспуска Думы, я опять говорил Государю о внешней политике, настаивал на решительных действиях, а потом сказал о министрах:

– Ваше величество, министры не являются в Думу, не желают принимать участие в законодательной работе. Ведь это может породить в народе несколько озорную мысль.

– Какую?

– Да ту, что можно и без них обойтись.

На это Государь сказал:

– К осени они одумаются.

Осенью 1913 года мы отправились в Киев на торжество открытия памятника П.А. Столыпину. Характерно при этом, что элементы, относившиеся враждебно или недоброжелательно к Думе вообще,и в частности к ее председателю, воспользовались этой поездкой, чтобы высказать свое отрицательное к ним отношение. Так например, мне было предоставлено в оффициальном поезде самое неудобное отделение. По приезде моем в Киев, никто меня не встретил, квартиры отведено не было и местный губернатор позволил себе несколько неудобных и даже резких выходок. С другой стороны широкие общественные круги наперерыв старались оказать представителям Думы подобающее внимание.

На закладке здания губернской земской управы у меня произошел с председателем совета министров следующий разговор. Я подошел к Коковцеву, который стоял в стороне, и сказал ему:

– Ну что же, Владимир Николаевич, вы кончите бойкот Думы? Есть надежда, что вы осенью будете в Думе.

– Пока Дума не извинится – все мы решили туда не ездить.

– Я должен вам сказать, что на моем последнем докладе Государь выразил надежду, что вы одумаетесь к осени.

Через несколько дней в газете «Русское Слово» появился этот разговор с явным желанием выставить меня в каррикатурном виде. Тут же было сказано, что Коковцев в скором времени едет с докладом в Ливадию. Так как во время разговора с Коковцевым никого рядом не было, я понял, что напечатал это сам Коковцев. Цель его вероятно была та, чтобы отвезти эту вырезку Государю Императору и указать ему, как легко председатель Думы обращается со словами Государя Императора и даже позволяет себе печатать о них в довольно левой газете.

Прочитав эту заметку, я напечатал опровержение, в кото-

ром сказал, что разговор происходил с глазу на глаз и в совершенно других выражениях, а потому об авторе этой заметки сомнений быть не может.

По приезде в Киев мне был представлен порядок речей. Из членов Думы был назначен только Балашев. Поспешность, с которой был представлен этот список, обнаруживала желание помешать мне или кому-нибудь другому говорить речь. Оскорбленные октябристы решили не говорить речей и Гучков, возлагавший венок, молча до земли поклонился памятнику. Это красноречивое молчание как-то еще больше выражало чувство скорби по поводу смерти Столыпина.

После киевских торжеств вместе с членами Думы, которые ехали осматривать пороги, в связи с предстоящей ассигновкой на шлюзование Днепра, я приехал на пароходе в Екатеринослав.

Население при остановках парохода приветствовало своих избранников членов Думы. Так например, в Кременчуке чуть ли ни весь город пришел на пристань. Городской Голова принес хлеб-соль и сказал прочувственную речь. Такие встречи устраивались даже в селах, а представители сельских обществ приветствовали путешественников бесхитростными, но очень задушевными речами.

На рауте у екатеринославского губернского предводителя дворянства князя Урусова у меня произошел интересный разговор с архиепископом Агапитом. (Этот епископ впоследствии в дни революции произнес на молебне слово Петлюре после вступления его в Киев перед большевиками.)

При выборах в IV Думу Агапит принимал деятельное участие в агитации против октябристов, а после выборов с амвона произнес обличительную речь, в которой сказал:

– Кого выбираете? Октябрей христопродавцев!

На рауте я, естественно, избегал встречи с ним, но Агапит сам подошел и сказал:

– Позвольте, Михаил Владимирович, вас благословить в знак примирения. Я знаю, вы на меня сердитесь.

– Нет, владыко, от вас благословения не приму. Вы меня жестоко оскорбили во время выборов, а после назвали нас даже «христопродавцами».

– Не вас, не лично вас, Михаил Владимирович, – вставил Агапит, прижимая руки к груди.

– Это безразлично: меня или тех, за кого я стою. Вы оскорбили октябристов, значит и меня. Хотя я, быть может, более православный, чем многие из ваших священников, особенно тех неучей, которым вы так щедро раздаете приходы. Вспомните, когда я приехал в Екатеринослав в прошлом году, я явился тотчас же к вам, уважая ваш сан. Право, вы сделали бы гораздо лучше, если бы бросили заниматься политикой. Ваше место в церкви и вы должны любовью привлекать ее членов, как добрый пастырь, а не сеять раздоры обличительными речами и указаниями священникам, кого они должны выбирать. Оставьте священников быть пастырями. Чего вы этим достигли? Вы уничтожили последнее уважение, которое было к сану священника.

– Простите, Михаил Владимирович, – сказал смущенный Агапит.

– Вы можете говорить «простите», но я забыть не могу. Я не искал с вами встречи, вы сами подошли ко мне. Я сдерживал то, что во мне накипело, но теперь я молчать не могу. Я должен вам высказать все мое негодование. Вспомните, что вы говорили мне, когда я к вам явился. Я не просил вашей поддержки, вы сами уверяли меня, что вы считаете октябристов надежными православными людьми. Вы говорили мне и всем постоянно, что я ваш ставленник. А что мы видим после выборов? Вы не можете отрицать, что духовенство было использовано против нас.

– Позвольте, Михаил Владимирович, – попробовал вставить Агапит.

Но я, сильно взволнованный, не дал ему говорить.

– Никто вас не заставлял высказывать свое мнение. Зачем было кривить душой, зачем до выборов говорить одно, а делать другое. Чего вы этим достигли? Вы только унизили свой сан, а также и все духовенство в глазах избирателей.

Тут подали шампанское и Агапит, взяв бокал, сказал:

– За ваше здоровье, Михаил Владимирович, и за нашу следующую более дружескую встречу.

– Я готов выпить за ваше здоровье, – сказал я, – а встретимся мы должно быть на том свете и я могу с уверенностью сказать, что за те слова, которые я вам сказал сегодня, я Богу не отвечу.

Мы чокнулись и я отошел.

Во время разговора Агапит производил впечатление провинившегося школьника, который старается как-нибудь оправдаться перед старшими. Об разговоре узнали в Екатеринославе. Большинство радовалось, что Агапиту «досталось» за его постыдную деятельность, некоторые же осуждали меня.

На другой день я поехал к князю Урусову извиниться, что резко говорил с гостем в его доме и очень был удивлен услышать от него, что Агапит, уезжая, благодарил хозяина, особенно за то, что ему удалось «так хорошо поговорить с Михаилом Владимировичем».

Результатом этого разговора было то, что назначение в епархии малограмотных священников резко приостановилось и, вообще, все заметили, что Агапит стал гораздо скромнее.

По открытии Думы вновь возник вопрос о забастовке министров. Перед открытием я поехал к Харитонову, государственному контролеру, и тот посоветовал мне на открытие сессии министров не приглашать, так как они все равно не придут и это создаст новый повод к недоразумениям. Так и сделали. И министерская ложа блистала пустотой. Такое положение продолжалось неделю или две. Наконец правительство поняло невыгодность своего положения и сделало шаг к примирению. Министры решили удовлетвориться извинением одного Маркова. Это дали понять Маркову и он 1 ноября в думском заседании в сжатой форме принес извинения, которые он читал по записке. Таким образом инцидент был исчерпан. Дума сохранила свое достоинство, а министры стали еще менее популярны. Эта победа Думы особенно порадовала: перед тем ходили слухи, что правительство хочет Думу разогнать и, так как об этом много писалось в «Гражданине», можно было думать, что это состоится. Незадолго перед тем Коковцев вернулся из заграницы, где он очень самоуверенно заявил французскому корреспонденту, что «в России за сто верст от столицы и за тридцать верст от уездных городов никто политикой не занимается». Это с насмешкой подхватили газеты, а как бы в противовес заявлению Коковцева, на съезде октябристов, ко-

торый открылся 8 ноября в Петербурге, Гучков в блестящей речи обрисовал внешнее и внутреннее положение политики России. Он говорил о том, что надо одуматься, что Россия накануне второй революции и что положение очень серьезное и правительство неправильной своей политикой ведет Россию к гибели. В сущности речь Гучкова, напечатанная не вполне точно в газетах, была антидинастическая, и октябристам, как лояльной партии, не следовало бы вставать на тот путь, на который ее толкал Гучков.

На съезде была принята следующая резолюция по отношению к думской фракции: «Парламентской фракции союза 17 октября как его органу, наиболее вооруженному средствами воздействий, надлежит взять на себя неуклонную борьбу с вредным и опасным направлением правительственной политики и с теми явлениями произвола и нарушения закона, от которых ныне так тяжко страдает русская жизнь. В парламентской фракции должны быть использованы в полной мере все законные способы парламентской борьбы; как то: свобода трибуны, право запросов, отклонение законопроектов и отказ в кредитах».

На правительство эта резолюция произвела сильное впечатление до смешного. На другой день были Думе представлены все материалы, которых нельзя было добиться от разных ведомств в течение года.

Подоспело время выборов в президиум. Близкие люди меня уговаривали не идти в председатели:

– Все равно Царь вас не хочет слушать. В Думе большинства нет, положение шаткое, только бесконечная трепка нервов.

Но, к сожалению, обстоятельства так слагались, что отказаться было нельзя. Другого кандидата даже и не предлагали. Наконец, сочетания политических коньюнктур было таково, что после моей вступительной речи отказ был бы равносилен отказу от намеченной цели – программы и поэтому был бы равносилен сдаче без боя позиций. Инициатор политического курса при открытии Думы уподобился бы капитану, бежавшему с своего корабля. В силу этих соображений я должен был согласиться и был избран огромным большинством – 272 против 70, лучше всех предыдущих разов. Я сказал речь, которая, хотя и

была встречена аплодисментами, понравилась меньше прошлогодней, и сам я находил ее слабее и, главное, бесцветнее. Я колебался, надо ли вообще, говорить речь и повторять ли то, что было сказано в прошлом году. После выборов президиума в партии октябристов начался разлад: правое крыло на первом фракционном заседании под давлением правительства стало оспаривать резолюцию съезда октябристов, даже порицало эту резолюцию. Среднее крыло решило, что оно принимает ее к сведению, а левое требовало принятия к руководству. Левые октябристы под давлением Гучкова устраивали районные совещания, центр не принимал в них участия. Они заявили, что не примыкают к правым октябристам и в то же время не желают слепо подчиняться указаниям Гучкова. Произошел раскол. Я созвал совещание и постарался склеить партию, но это не удалось. Левые вышли из фракции в числе 22 человек. Главные: Сергей Шидловский, Хомяков, Звегинцев, Годнев и др. Было собрано второе совещание на квартире, чтобы спасти положение. Савич, Николай Шидловский, Алексеенко и я решили создать новую партию под названием «земцев-октябристов». В партии приняли решение отмежеваться от правых октябристов. Когда это узнали в Думе, явилась масса желающих, и скоро в нашей группе было 50 членов, а за время рождественских каникул записалось до 70. Этим счастливым исходом было создано вновь большинство партии, но вместе с тем явилась необходимость стать во главе этой партии энергичному человеку. Бывший председатель фракции в начале раскола не сумел сплотить партию и, когда все разразилось, поспешил уйти. Я стал подумывать о том, чтобы уйти из председателей Думы и стать во главе новой партии.

VII

Аудиенция 22/XII 1913 г. Спор о покупке дредноутов заграницей. Встреча эскадры адмирала Битти. Гавань в Ганге.

По возвращении Царя из Крыма, я послал заявление о желании быть принятым для доклада и 22 декабря 1913 года был принят Царем. Необходимо было указать Царю на отсутствие планомерности в действиях правительства: незадолго перед тем

в Г. Совете Коковцев защищал один законопроект, в то время, как Маклаков дал тайное распоряжение его провалить. Большая часть членов Г. Совета по назначению не явилась на заседание, а другая часть голосовала против законопроекта и к большому удивлению Коковцева, который ничего не подозревал, законопроект этот провалился. Надо было обратить на это внимание Государя и на ближайшем докладе я обратился к нему с такими словами:

– Ваше Величество, позвольте вам доложить, что у нас нет правительства.

– Как нет правительства?

– Мы привыкли думать так, что верховная власть в управлении часть своей власти делегирует министрам и членам Г. Совета по назначению. Последние исполняют волю правительства и отстаивают ее в законодательном учреждении. Так привыкли думать мы, члены нижней Палаты. Что же мы видим? В прошлую сессию рассматривался законопроект о допущении польского языка в школах в Привислянских губерниях. Воля вашего императорского величества была, чтобы язык этот был допущен с целью улучшить положение поляков, сравнительно с положением в Австрии, и тем привлечь их симпатии на сторону России.

– Да, это именно я имел в виду, – ответил Государь.

– Мы так и понимали тогда и в этом смысле и разработали этот законопроект в Г. Думе. Теперь этот законопроект проходит в Г. Совете и представитель правительства в своей речи защищает эту точку зрения. Между тем члены Г. Совета по назначению частью отсутствуют, частью голосуют против, и законопроект проваливается. Согласитесь, ваше величество, что члены правительства или не желают исполнять вашей воли, или не дают себе труда ее понять. Население не знает, что делать. Министры – каждый имеет свое мнение. Большей частью кабинет разделен надвое, Г. Совет – третье, Дума – четвертое, а вашего мнения страна не знает. Так нельзя продолжать, ваше величество, это не правительство, это анархия.

– Так что же мне делать? Я не могу влиять на свободу мнения членов Г. Совета.

– В ваших руках, ваше величество, списки назначенных

членов Г. Совета. Измените эти списки, назначьте более либеральных, согласных с вашим мнением. Заставьте министров вас слушаться.

Этот разговор не имел действия. Списки членов Г. Совета остались почти те же и, если были изменены, то как раз в обратном направлении.

На том же свидании я показал Государю две вырезки: из «Колокола» – синодского оффициоза и из «Вечернего Времени». В «Колоколе» было написано следующее: «Благодаря святым старцам, направляющим внешнюю политику, мы избегли войны в прошлом году и должны благословить судьбу. Благодаря им, мы видим теперь назначение новых иерархов и будем надеяться, что и тут влияние старцев будет так же благотворно».

В «Вечернем Времени» была отповедь «Колоколу» в том смысле, что руководство высшей политикой принадлежит верховной власти «и мы напоминаем 'Колоколу', – писали там, – что ни о каких старцах речи быть не может. Руководство внешней политикой принадлежит верховной власти, а назначение иерархов тоже принадлежит Государю».

Прочитав, Государь сказал:

– Какие страцы ... О каких старцах здесь говорится?

– Ваше величество, – ответил я, – старец на Руси есть один и вы знаете, кто он. Он составляет горе и отчаяние всей России.

Государь промолчал.

– Ваше величество, у меня есть еще важное сообщение – вопрос государственной важности, который прямо не касается моего доклада, но который я очень хотел бы довести до вашего сведения.

– Я вас прошу говорить.

В комиссии по военным и морским делам стало известно, что заводы Армстронга и Виккерса имеют пять сверх-дредноутов, готовых для продажи, все за сто двадцать миллионов. Цена каждому из них на десять миллионов дешевле той, какую исчислялив России. Если их купить, получилась бы экономия в пятьдесят миллионов. Дредноуты все были очень хорошие и уже готовы или почти готовы, а при постройке в России подобных им прошли бы года. Министерство почему-то не хотело их по-

купать. В Думе очень волновались и возлагали большие надежды на доклад у Государя.

Государь сказал:

– Да, но какое значение имеет покупка для Балтийского моря, если нам надо усилить Черное. Не можем же мы перевезти их туда.

– Если немцы будут тревожить нас в Черном, мы будем тревожить их с севера и при дипломатических сношениях мы всегда можем напомнить им, что мы сильнее их в Балтийском море.

– Да, вы правы, – сказал Государь, – помните, в прошлом году, когда вы мне говорили про Балканский вопрос, ведь вы были правы. Тогда надо было действовать решительнее, проливы были бы наши теперь.

– Ваше Величество, время еще не упущено. Если мы купим эти дредноуты, мы будем сильнее Германии и тогда строительство наше пойдет без форсировки, мы улучшим старые корабли и к 1915 году будем обладать мощной эскадрой.

Государь повидимому, заинтересовался, благодарил за сообщение и выразил желание непременно купить указанные корабли.

– Только не разрешайте обсуждать это морскому министерству, – сказал я при прощании. – Прикажите, ваше величество, прямо купить их, потому что министерство будет против.

– Почему?

– Да потому, ваше величество, что от этой покупки ничего к рукам не прилипнет.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ваше величество, не мне вам объяснять. Вы лучше меня знаете . . .

– Да, это с ними водилось, я помню. Ну, а как же Дума, ведь она распущена. Придется эту покупку провести по 87 статье, с Думой выйдут неприятности.

– Ваше величество, я вам ручаюсь, что Дума будет только аплодировать.

На другой день морской министр позвонил мне по телефону:

– Что вы наговорили во время доклада? Зачем меня экстренно требуют в Царское?

Я отклонил разговор по телефону и поехал к Григоровичу сам.

Мы два часа кричали друг на друга, отстаивая каждый свою точку зрения, не замечая даже присутствия матроса, подававшего чай.

Вскоре после этого Государь приказал созвать особое совещание из министров и высших чинов морского ведомства для обсуждения этой покупки. Совещание высказалось против покупки и дело было отложено. Тем временем Турция, субсидируемая Германией, купила самый сильный дредноут из этих пяти, тот, который как раз подходил по типу к имеющимся у нас. Два дредноута усилиями Германии были заводами изъяты из продажи, а на два последние заводы повысили цену. В то время как высшие чины морского ведомства противились покупке, рядовые офицеры то и дело спрашивали: «Скоро ли состоится покупка?». Некоторые говорили: «Наш дед (морской министр) дурит. Убедите вы его в Думе».

В комиссии по военным и морским делам очень волновались результатами этих переговоров и, когда Григорович туда явился, его встретили во всеоружии. Я нарочно не пришел, чтобы он не думал, что комиссия действует под давлением председателя, но о ходе переговоров меня все время извещали пристава Думы. Представители всех партий оказались одного мнения и все доводы Григоровича были разбиты с цифрами в руках. В особенности же его уничтожило то, что трудовики и социалисты убеждали в выгодности этого шага. «Если тратить деньги на военные расходы, – говорили они, – то лучше сэкономить по 10 миллионов на каждом корабле».

Григоровичу ничего не оставалось более, как сказать, что он поддержит желание комиссии перед Государем. Эти слова его были покрыты бурными аплодисментами. Он сдержал свое слово. Когда перед отъездом на Пасху я был снова у Государя, он сказал:

– Удивительно, морской министр сперва был против этой покупки, говорил, что могут выйти неприятности с Думой. А теперь, оказывается, что Дума за покупку и он сам поддерживает это мнение.

Григорович же просил передать мне:

– Скажите председателю Думы, что два дредноута будут куплены, и передайте также, что от этой покупки морскому министру не будет никакой выгоды.

Для покупки назначили адмирала Стеценко, на которого указывала Дума, известного своей неподкупной честностью.

Встретив меня на свадьбе Феликса Юсупова, Григорович сказал:

– Я надеюсь, что теперь вы нами довольны.

Общее впечатление зимой 1913-1914 года было такое, точно высшее петербургское общество вдруг прозрело. Всюду были разговоры о Распутине и всех он волновал. То, что в Думской среде говорилось два года назад, докатилось и до придворных кругов. Такие люди, которые раньше строго молчали обо всем, даже известном им в Царской семье, из чувства ли порядочности или просто уважения к Государю, говорили теперь, некоторые со страхом, другие с отвращением, третьи с улыбкой об этом человеке. Привожу здесь характерные рассказы о том, каким неограниченным влиянием пользовался Распутин. Однажды Наследнику оказалось необходимым сделать небольшую операцию. Лейб-хирург Федоров, приготовив нужное в операционной комнате Зимнего дворца, отправился звать Наследника. Каков же был его ужас, когда он увидел, что все приготовленное, тщательно дезинфекцированное им (бинты, перевязочный материал и т.д.) оказалось, покрытым какой-то грязной принадлежностью туалета. На вопрос к своему помощнику, что это значит, он получил ответ, что приходил Григорий Ефимович, молился и крестился и покрыл все приготовленное к операции своей одеждой. Федоров отправился к Государю с жалобой, но Государь отнесся довольно снисходительно.

В продолжение весны вся сессия Думы прошла в борьбе с министром внутренних дел Маклаковым, который, делая ряд незаконных распоряжений назначил недостойных лиц в губернаторы, а в Царском приобретал все большее влияние. По сведениям из придворных сфер он там разыгрывал роль шута. Рассказывал веселые анекдоты, передразнивал разных лиц, подражал звукам животных; перед великими княжнами изображал

влюбленную пантеру, вообще, был там свой человек, а в обществе, как представитель власти, заслужил презрение. Сессия Думы продолжалась очень долго, до самого лета. Работа ее была значительно заторможена продолжавшимся бойкотом со стороны правительства.

В мае месяце члены комиссии по обороне отправились в Ревель для осмотра работ доков и укреплений. Это совпало с приездом в Петербург английской эскадры под командой адмирала Битти. В виду такого совпадения и неизбежности посещения членами Думы английской эскадры в Ревеле, что носило бы характер почетной встречи до приезда их в столицу, я испросил доклад у Государя, чтобы осведомиться о его мнении, как в данном случае надлежит Думе поступить.

Государь нашел, что нам необходимо посетить эскадру в Ревеле и дал свое разрешение на возможно предупредительные и любезные речи. Имея Высочайшую санкцию, мы в довольно большом составе, причем в наличии был весь президиум Думы, отправились на крейсере «Богатырь» под конвоем миноносца «Генерал Кондратенко» в Ревель и были встречены салютами русской эскадры и английской, причем адмирал Битти на броненосце «Lion» поднял русский национальный флаг в честь Г. Думы. Немедленно же прибыл флаг-капитан адмирала с приглашением к завтраку на «Lion». Я решил свою приветственную речь сказать по-русски и просил переводить члена Думы Звегинцева.

Когда я окончил речь, адмирал Битти обратился к Звегинцеву с просьбой быть переводчиком его ответа. На что, как было условлено, Звегинцев сказал: «Это вовсе и не нужно, так как преседатель Думы понимает английскую речь и ею владеет».

На этот ответ адмирал Битти и все присутствующие командиры других судов и офицеры протянули: «О, о, о...», затем дали понять, что они оценили желание председателя Думы говорить англичанам, на языке своей страны. Потом сами офицеры, показывая членам Думы свой великолепный корабль, говорили, что в виду неизбежного союза с Россией пора англичанам изучать русский язык.

После торжеств на английских судах и осмотра ревельских укреплений, члены Думы предприняли поездку по шхерам с заходом в порт Ганге, а английская эскадра направилась в

Петербург.

Присутствие в Ревеле целой депутации от Г. Думы с председателем произвело на англичан большое впечатление. Они поняли это как особую любезность по отношению к ним. Об этом писали во всех газетах. В Германии же это произвело переполох. Ее обеспокоил визит англичан, а тем более присутствие в Ревеле народных представителей. Может быть это, а также приезд французов, ускорили объявление войны. Говорят, Вильгельм сказал: «Jetzt oder niemals» («Теперь или никогда»).

---

4 июня 1914 года газеты принесли известие, что Распутин убит. Какая-то уродливая безносая женщина подошла к нему в селе Покровском Тобольской губернии и «пырнула» ножем в живот. Распутин послал в Царское телеграмму: «Какая-то стерва пырнула меня в живот ножем». Это сделала бывшая его поклонница. Она заявила, что хотела его убить за то, что он обманывал всех, за то, что он ложный пророк, что задумала это она сама и сообщников не имеет. В газетах писали, что благословил ее на это дело Илиодор, но она отрицала. Истеричная женщина на допросе то плакала, то была очень возбуждена. Газеты обрадовались случаю и опять начали писать о похождениях Распутина; вспоминали все старое, забытое. Писали, что выехал лейб-хирург Федоров, что поехали из Петербурга поклонницы, в том числе и Вырубова, что у Распутина началась агония. Однако ликование оказалось преждевременным. Следующие известия были, что Распутин твердит: «Выживу, выживу». Ему действительно становилось все лучше и писать о нем прекратили.

В результате он все-таки выжил.

Внимание было отвлечено приездом к нам гостей дружественных держав, моряков – англичан и французов. Их широко и гостеприимно принимали в Петербурге и, пока офицеров и матросов кормили обедами – дипломаты сговаривались и тройственное согласие превратилось, повидимому, в союз.

На возвратном пути из Ревеля группа членов Думы заехала по настоянию адмирала Эссена в Ганге, порт Финляндии против Ревеля. Там была устроена великолепно оборудованная гавань

на случай большого дессанта для немцев. Финляндцы объяснили это, как сооружение для торговых судов, и говорили, что истратили десять миллионов марок. Однако, при осмотре становилось очевидным, что все это было сооружено для дессанта. Окружающие же эту гавань выступы берега, на которых еще Петр Великий определил устроить форты, оставались не укрепленными.

Эссен просил об этом доложить Государю, что я и сделал в своем докладе по окончании сессии. Государь ничего об этом не знал. Эссен говорил, что он во всяком случае, если будет война, взорвет все эти сооружения. В первый же день объявления войны он это и сделал.

VIII

Объявление войны. Непорядки в Красном Кресте. На варшаво-венском вокзале. Роль ген. Рененкампфа. Сапоги для армии и министр Н.А. Маклаков. Государь во Львове.

Австрийский престолонаследник, глава военной партии, угнетатель славян в Боснии и Герцоговине, был убит 15 июня в Сараево патриотом славянином. С ним вместе погибла и его жена. Австрия обвинила в том сербское правительство. После нот и ультиматумов вспыхнула война. Австрийцы перешли Дунай. Сербы покинули Белград и отступили в глубь страны.

Последние дни перед войной застали меня в Наугейме, где я лечился.

Вернувшись из заграницы, я узнал, что накануне несколько раз звонил по телефону военный министр Сухомлинов и, осведомившись, что меня ожидают в Петербурге с часу на час, просил немедленно позвонить, когда я приеду. Я вызвал к телефону военного министра. Генерал Сухомлинов заявил, что ему необходимо видеть меня немедленно, не взирая ни на какие обстоятельства, сам же он приехать не может, в виду массы дела. Я тотчас отправился и вот какой произошел разговор:

– Я вызвал вас к себе, – сказал Сухомлинов, – потому что нахожусь в безвыходном положении. Представьте себе, ужас какой. Государь Император внезапно заколебался и приказал приостановить мобилизацию военных округов, назначенных для

действий против австрийцев. Чем объяснить такое решение – я положительно не знаю. В случае настойчивого его повеления положение может стать катастрофическим. Все карточки и мобилизационные распоряжения уже разосланы на места. Вернуть их не предоставляется возможным и всякая задержка в деле будет гибельна. Что делать? Посоветуйте...

– Я должен вам доложить, – ответил я министру, – что объявление нам войны Германией совершенно неизбежно, и, если произойдет малейшее замедление, то германцы перейдут границу без сопротивления. Проезжая через Вержболово, я уже видел по всей границе кордон германской кавалерии, одетый в защитный цвет и вполне готовый к военным действиям. Все это вы безотлагательно должны довести до сведения Государя.

– А я наоборот, требую, чтобы вы, Михаил Владимирович, немедленно испросили аудиенцию в Петергофе и лично доложили об этих обстоятельствах его Величеству.

– Я с радостью готов это исполнить, но время не терпит, минуты терять нельзя, между тем процедура испрошения доклада длительная. Надо ехать вам и немедленно.

– Но я уже несколько раз и по телефону, и лично об этом говорил. Ясно, что он мне не доверяет. Я положительно теряюсь, что делать?

Я посоветовал немедленно ехать к министру иностранных дел Сазонову. Мы застали его собирающимся в Петергоф. Повидимому, он ничего не знал о новых настроениях Царя. Мы ознакомили Сазонова с обстоятельствами дела. При этом я просил официально Сазонова передать Императору, что я, как глава народного представительства, категорически заявляю, что народ русский никогда не простит проволочку времени, которая вовлечет страну в роковые осложнения. Повидимому, доклад министра иностранных дел, подкрепленный вескими документами военного министра и председателя Думы, произвел надлежащее действие и Государь Император отказался от своих настроений, преодолел их и мобилизация не была остановлена и продолжала протекать в нормальном порядке.

Характерно отметить, что слух о приостановке мобилизации произвел самое тяжелое впечатление среди войск петербургского гарнизона. Целый ряд офицеров посещали меня, требуя решительного ответа: будет ли отсрочка мобилизации или

нет, причем настроение их к верхам власти было далеко недружелюбное и отказ от мобилизации несомненно грозил бы довольно опасными осложнениями.

В Петербурге происходили непрерывные манифестации. Обычно они направлялись к сербскому посольству, помещающемуся на Фурштадской улице, против моей квартиры. Толпа ежедневно подходила и к моему подъезду и требовала, чтобы я выходил. Я выходил на балкон, а раз вечером, когда требования были очень настойчивыми, пришлось сойти вниз на улицу к толпе с некоторыми бывшими у меня в то время членами Думы. Меня просили встать на свободный автомобиль и сказать речь.

В день манифеста о войне с Германией огромная толпа собралась перед Зимним дворцом. После молебна о даровании победы Государь обратился с несколькими словами, которые закончил торжественным обещанием, не кончать войны, пока хоть одна пядь земли русской будет занята неприятелем. Громовое «ура» наполнило дворец и прокатилось ответным эхом в толпе на площади. Полсе молебствия Государь вышел на балкон к народу, за ним Императрица. Огромная толпа заполнила площадь и прилегающие к ней улицы и, когда она увидела Государя, ее словно пронизала электрическая искра и громовое «ура» огласило воздух. Флаги, плакаты с надписями: «Да здравствует Россия и славянство» склонились до земли и вся толпа, как один человек, упала перед Царем на колени. Государь хотел что-то сказать, он поднял руку, передние ряды зашикали, но шум толпы, несмолкаемое «ура», не дали ему говорить. Он опустил голову и стоял некоторое время, охваченный торжественностью минуты единения Царя со своим народом, потом повернулся и ушел в покои.

Выйдя из дворца на площадь, мы смешались с толпой. Шли рабочие. Я остановил их и спросил, каким образом они очутились здесь, когда незадолго перед тем бастовали и чуть ли не с оружием в руках предъявляли экономические и политические требования. Рабочие ответили: «То было наше семейное дело. Мы находили, что через Думу реформы идут слишком медленно. Но теперь дело касается всей России. Мы пришли к своему Царю, как к нашему знамени и мы пойдем с ним во имя победы над немцами».

* * *

26 июля 1914 года были созваны Г. Дума и Г. Совет. Перед занятиями Государь принял их в Зимнем дворце. Поехали все, даже трудовики. Патриотическое чувство охватило всех и заставило забыть партии. В Николаевском зале собрались все министры и высшие чины Двора, весь Г. Совет и Г. Дума.

Государь вошел с главнокомандующим Великим князем Николаем Николаевичем и обратился со следующими словами:

– Приветствую вас в нынешние знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россией. Германия, а затем и Австрия объявили войну России. Тот огромный подъем патриотических чувств любви к Родине и преданности престолу, который как ураган пронесся по всей земле нашей, служит в моих глазах, и думаю, и в ваших – ручательством в том, что наша великая Матушка Россия доведет ниспосланную Богом войну до желанного конца. В этом же единодушном порыве любви и готовности на всякие жертвы, вплоть до жизни своей, я черпаю возможность поддерживать свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее. Мы не только защищаем свою честь и достоинство в пределах земли своей, но боремся за единокровных братьев славян. И в нынешнюю минуту я с радостью вижу, что объединение славян происходит так же крепко и неразрывно со всей Россией. Уверен, что вы все, каждый на своем месте, поможете мне перенести ниспосланные испытания и что все, начиная с меня, исполнят свой долг до конца. Велик Бог земли Русской».

«Ура» пронеслось по залу.

Затем сказал речь исполняющий обязанность председателя Г. Совета Голубев (Акимов был болен и вскоре умер). После него речь говорил я:

– Ваше императорское величество, с глубоким чувством и гордостью вся Россия внимала словам русского Царя, призывающего свой народ к полному с ним единению в трудный час ниспосланных отечеству испытаний. Государь, Россия знает, что воля и мысли ваши всегда были направлены к дарованию стране условий спокойного существования и мирного труда и что любвеобильное сердце ваше стремилось к устойчивому миру во имя охраны дорогой вам жизни ваших подданных. Но пробил гроз-

ный час. От мала до велика все поняли значение и глубину развернувшихся исторических событий. Объявлена угроза благополучию и целости государства, оскорблена народная честь, – а честь народная нам дороже жизни. Пришла пора явить миру, как грозен своим врагам русский народ, окруживший несокрушимою стеной своего венценосного вождя с твердой верой в Небесный Промысел. Государь, настала пора грозной борьбы во имя охраны государственного достоинства, борьбы за целость и неприкосновенность русской земли и нет ни в ком из нас сомнений ни колебаний. Призванное к государственной жизни по воле вашей народное представительство ныне предстало перед вами. Г. Дума, отражающая в себе единодушный порыв всех областей России и сплоченная одною объединяющей всех мыслью, поручила мне сказать вам, Государь, что народ ваш готов к борьбе за честь и славу отечества. Без различий мнений, взглядов и убеждений Г. Дума от лица русской земли спокойно и твердо говорит своему Царю: «Дерзайте, Государь, русский народ с вами и, твердо уповая на милость Божию, не остановится ни перед какими жертвами, пока враг не будет сломлен и достоинство Родины не будет ограждено».

У Государя были слезы на глазах. Он ответил:

– Сердечно благодарю вас, господа, за проявленные вами патриотические чувства, в которых я никогда не сомневался и проявленные в такую минуту на деле. От всей души желаю вам всякого успеха. С нами Бог.

Государь перекрестился, за ним все присутствующие и запели: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Подъем был необычайный. Великий князь Николай Николаевич подошел ко мне, обнял меня и сказал:

– Ну, Родзянко, теперь я тебе друг по гроб. Все для Думы сделаю. Скажи, что надо.

Я воспользовался этим и попросил возобновить «Речь», которую великий князь распорядился закрыть за антипатриотические статьи против Сербии.

– Милюков наглупил, – сказал я, – и сам не рад. Возьмите с него слово и он изменит направление. А газеты теперь нам так будут нужны.

На другой день «Речь» была открыта и орган Милюкова во время войны поддерживал национальное направление.

После приема во дворце депутаты отправились в Таврический дворец. Там был сперва молебен, затем заседание, на котором присутствовали все министры и дипломаты дружественных держав. Хоры были набиты публикой.

Речь председателя Думы

Государю Императору благоугодно было в трудный час, переживаемый отечеством, созвать Г. Думу во имя единения русского Царя с верным ему народом. Г. Дума ответила своему Государю на его призыв на сегодняшнем высочайшем приеме. Мы все хорошо знаем, что Россия не желала войны, что русский народ чужд завоевательных стремлений, но самой судьбе угодно было втянуть нас в военные действия. Жребий брошен, и во весь рост встал перед нами вопрос об охране целости и единства государства. В этом небывалом еще в мировой истории стремительном круговороте событий, отрадно видеть то величие и преисполненное достойнства спокойствие, которое охватило всех без исключения и которое ярко подчеркивает перед всем миром величавую силу русского духа. Спокойно и без задора мы можем сказать нападающим на нас: «Руки прочь. Не дерзайте касаться нашей Святой Руси». Народ наш миролюбив и добр, но страшен и могуч, когда вынужден за себя постоять. Смотрите, – можем мы сказать, вы думали, что нас разделяют раздор и вражда, а между тем все народы, населяющие Россию, слились в одну братскую семью, когда общему отечеству грозит беда.

И не повесит головы в унынии русский богатырь, какие бы испытания ни пришлось ему переживать. Все вынесут его могучие плечи, отразив врага, вновь засияет миром, счастьем и довольством единая, нераздельная Родина во всем блеске своего несокрушимого величия. Г. г. члены Г. Думы! В этот час наши мысли и пожелания там, на границах наших, где бестрепетно идет в бой наша доблестная армия, наш славный флот. Мы мысленно там, где наши дети и братья с присущей им доблестью защищают наше отечественное величие. Помоги им Всевышний Господь, укрепи их и защити, а наши горячие пожелания успеха и славы будут всегда с ними нашими героями. Мы, оставшиеся дома, должны работать, не покладая рук, в деле обезпечения оставшихся без своих кормильцев семей и пусть в армии нашей знают, что не только на словах, но и на деле мы не допустим их до нужды.

После председателя Думы говорил председатель Совета министров Горемыкин, потом министр иностранных дел Сазонов. Ему устроили овацию, видимо сильно его взволновавшую. Он долго не мог начать свою великолепную речь. Говорят, ее написал князь Г.Н. Трубецкой.

Сазонов закончил речь со слезами в голосе и опять его бурно приветствовала вся Дума, встав со своих мест.

За ним министр финансов Барк доложил Думе о блестящем

состоянии финансов. Хранившиеся в Берлине деньги были во время вывезены. Это заявление было встречено большим одобрением.

После министров говорили депутаты всех партий и национальностей. Все слились в одном крике: постоять за целость и достоинство родины. Особенно сильна была речь латыша, который заявил: «Неприятель в каждой нашей хижине найдет своего злейшего врага, которому он может отрубить голову, но и от умирающего он услышит: 'Да здравствует Россия'».

В день выступления Преображенского полка у Преображенского Собора на площади днем был молебен для всего войска. Картина была величественная. В соборе не хватало мест и полк был выстроен на площади в виде карре. Преображенцы выглядели молодцами. Когда полк проходил в казармы, толпа перед ним снимала шапки. На проводах на вокзале каждый вагон встречали криками «ура». С таким же подъемом провожали и другие части.

После исторического заседания 26 июля Дума была распущена.

После первых боев начали приходить известия с фронта о возмутительной постановке санитарного дела по доставке раненых с фронта. Неразбериха полная. В Москву приходили товарные поезда, где лежали раненые без соломы, часто без одежды, плохо перевязанные, не кормленные несколько дней. В то же время из отрядов Елизаветинской общины моя жена, попечительница ее, получала известия, что такие поезда проходят мимо их отряда и даже стоят на станциях, а сестер в вагоны не пускают и стоят они без дела не развернувшись. Между военным ведомством и ведомством Красного Креста было соревнование. Каждое ведомство действовало самостоятельно и не было согласованности.

Всего хуже была подача первой помощи у военного ведомства: не было ни повозок, ни лошадей, ни перевязочных средств, а между тем другие организации вперед не пускались. Не было другого выхода, как довести все это до сведения в.к. Николая Николаевича. Я отправил ему письмо, в котором указывал следующее: всеобщий патриотический подъем вызвал к жизни це-

лый ряд добровольных санитарных организаций. Но эти добровольные организации становятся как бы на дороге пресловутым начинаниям военно-санитарного ведомства с г. Евдокимовым во главе. Чувствуя, что добровольные организации значительно выше по своим качествам, но не желая в этом сознаться, он принимает давно излюбленный прием проволочек, задержек и тормозов. Между тем раненые ждать не могут, их надо перевязывать и лечить, надо снабжать наступающие в боевой линии части войск летучими отрядами и перевязочными средствами. Тепрять времени невозможно. Так как соглашения между военно-санитарным ведомством и добровольческими организациями быть не может, то необходимо возглавить всю санитарную часть армии и тыла одним лицом с диктаторскими правами, которому и поручить привести дело в надлежащий порядок.

Одновременно я поехал к Императрице Марии Феодоровне на Елагин остров и рассказал ей, как обстоит дело. Она пришла в ужас.

– Скажите мне, что же нужно сделать? – спросила Императрица.

Я посоветовал послать телеграмму Николаю Николаевичу с просьбой заставить начальника военно-санитарной части Евдокимова упорядочить дело и приказать ему допускать к делу организации Красного Креста, которые он систематически отстранял от работы на фронте. Императрица тотчас попросила от ее имени написать телеграмму. В результате предпринятых шагов была получена от в.к. Николая Николаевича телеграмма, а затем письмо, в котором он извещал, что вполне согласен с председателем Думы и что примет меры. Вскоре после этого Евдокимов был вызван в Ставку, а затем верховным начальником санитарно-эвакуационной части был назначен принц Александр Петрович Ольденбургский с диктаторскими правами.

В.к. Николай Николаевич писал мне, что на удалении Евдокимова он давно настаивал, но его не удаляли, потому что он пользовался расположением Сухомлинова и Императрицы Александры Феодоровны, которые убедили Государя оставить его на месте. Говорили, что Александра Феодоровна настаивала на этом только потому, что желала сделать наперекор Императрице Марии Феодоровне.

Когда после открытия военных действий выяснилось, что молодая Императрица не у дел, был созван верховный совет исключительно в тех видах, чтобы Александре Феодоровне дать видное положение в общих работах для войны. Состав совета получился чрезвычайно громоздкий. Председателем была Императрица, но председательствующий в заседаниях был председатель совета министров И.Л. Горемыкин и поэтому в ведении дела получалась ни с чем несообразная двойственность. Горемыкин старался угадать желание Императрицы, а Императрица в сущности не знала, что ей надо делать. Главный источник деятельности совета – денежные средства, как бы висели в воздухе, потому что законных ассигновок не имелось и средства должны были назначаться из военного фонда, который в свою очередь находился в распоряжении совета министров.

Участники совета с первых же заседаний поняли, что обсуждение вопросов будет носить чисто платонический характер и разрешение их будет зависеть в конце концов от каких-то других учреждений при полной неясности и неизвестности как к этим вопросам учреждения будут относиться. Поэтому заседания носили чисто формальный характер, всех тяготили, а присутствие Императрицы производило леденящее впечатление.

Вскоре после моего приезда в Варшаву в ноябре 1914 года приехал ко мне уполномоченный земского союза Вырубов и предложил посетить варшаво-венский вокзал, где находилось около восемнадцати тысяч раненых в боях под Лодзью и Березинами. На вокзале мы застали потрясающую картину: на перронах в грязи, слякоти и холоде под дождем лежало на полу, даже без соломы, невероятное количество раненых, которые оглашали воздух раздирающими душу стонами и жалобно просили: «Ради Бога, прикажите перевязать нас, мы пятый день не перевязаны». Надобно при этом сказать, что после кровопролитных боев эти раненые были перевезены в полном беспорядке в товарных вагонах и брошены на варшаво-венском вокзале без помощи. Единственные медицинские силы, которые обслу-

живали этих несчастных, были варшавские врачи, подкрепленные добровольными сестрами милосердия. Это был отряд польского общества в составе около пятнадцати человек. Нельзя не отозваться с восторгом о самоотверженной деятельности этих истинных друзей человека. Я не помню их фамилий, но от души желал бы, чтобы моя сердечная благодарность русского человека достигла до них, как доказательство сердечного к ним отношения, уважения и восхищения. В момент моего приезда на вокзал эти почтенные люди работали третьи сутки подряд без перерыва и отдыха. Глубоко возмущенный таким положением раненых воинов, я немедленно вызвал по телефону начальника санитарной части Данилова и уполномоченного по Красному Кресту генерала Волкова. Когда эти лица явились, то мы с ними и Вырубовым стали обсуждать, как выйти из этого трагического и ужасающего положения. Генерал Данилов, как и генерал Волков, заявили категорически, что у них никаких медицинских сил нет, а между тем при посещении мною одного лазарета Кр. Креста я видел совершенно свободных от дела шесть врачей и около тридцати сестер милосердия. На мое указание, что они должны быть немедленно обращены в дело, генерал Данилов категорически заявил, что он этого сделать не может, так как этот персонал предназначен для обслуживания формирующихся санитарных поездов. И это говорилось, когда на перроне лежало около восемнадцати тысяч страдальцев. Я потребовал от генерала Данилова, чтобы он немедленно озаботился формированием поездов теплушек для эвакуации раненых с вокзала. Данилов заявил, что он сделать этого не может, так как по распоряжению верховного начальника санитарной части раненые должны следовать внутрь страны не иначе, как в санитарных поездах, которых у него имелось около восьми. Возмущенный таким бездущным отношением к участи измученных людей, я пригрозил, что буду телеграфировать принцу Ольденбургскому о творящемся безобразии и буду требовать, чтобы начальствующие лица были преданы суду и отрешены от должности за преступное бездействие. Страх перед принцем был так велик, что угроза моя подействовала и они энергично принялись за дело. Нашлись свободные врачи и сестры и в течение 2-3 дней все раненые были перевязаны и вывезены в тыл.

Вот какие порядки царили в военно-санитарном ведомстве

во время боевых действий.

В Варшаве я побывал у генерала Рузского. Главнокомандующий производил самое приятное впечатление. Удивительно скромный, почти застенчивый. Я в разговоре назвал его народным героем и сказал, что счел долгом явиться к нему по приезде в Варшаву. Он страшно смутился, замахал руками: «Да что вы... причем тут я».

Из Варшавы я испросил у в.к. Николая Николаевича разрешение приехать в Ставку. Мне хотелось довести до сведения главнокомандующего то, что я видел и слышал в Варшаве. Генерал Рузский жаловался в разговоре на недостаток в снарядах и дурное обмундирование; особенно плохо обстояло дело с сапогами. На Карпатах солдаты сражались босиком и уполномоченный земского союза просил об этом похлопотать. Рузский говорил, что отсутствие снарядов создает чрезвычайно тяжелое положение: чтобы удержаться, приходится искусно маневрировать.

Госпитали и лазареты Кр. Креста, которые пришлось видеть, оказались на высоте. Скверно было только в военных госпиталях: там постановка была небрежной, чувствовался недостаток в перевязочных средствах, а главное – не было согласованности между ведомствами. Чтобы дойти до фронта от военных госпиталей до госпиталей Кр. Креста, иногда приходилось тащиться пешком десять и больше верст, негде было даже нанять телеги, так как жители либо бежали, либо были разорены.

Принял великий князь меня любезно, сказал, что он должен ехать в Брест на совет командующих армиями и предложил проехать туда с ним. Мое предложение о приспособлении арб, наложенных сеном, для перевозки раненых встретило полное сочувствие и через несколько дней в нашей губернии уже шла реквизиция и арбы, и лошади поехали на фронт.

Вообще, великий князь очень охотно выслушивал все, что я говорил ему, а в заключение просил приезжать почаще и обо всем его осведомлять. Когда зашла речь о Распутине, я передал ему петроградские слухи. Говорили, что Распутин хотел приехать в Ставку и запросил телеграммой и будто бы Николай Николаевич ответил: «Приезжай – повешу». На вопрос, правда ли это, великий князь засмеялся и сказал:

– Ну, это не совсем так.

По его ответу было ясно, что что-то в этом роде имело место.

Великий князь жаловался на пагубное влияние Императрицы Александры Феодоровны. Он откровенно говорил, что она всему очень мешает. В Ставке Государь бывает со всем согласен, а приехав к ней, меняет свое решение. Он сознавал, что Императрица его ненавидит и определенно желает его удаления. Он говорил о Сухомлинове, которому он не доверяет и который старается влиять на решение Государя. Великий князь сказал, что его вынуждает к временной остановке военных действий отсутствие снарядов, а также недостача сапог для армии.

– Вот вы имеете влияние, – заметил великий князь, – вам доверяют. Устройте мне, как можно скорее, поставку сапог для армии.

Я ответил, что это можно устроить, если привлечь к работе земства и общественные организации. В особенности в данном вопросе могут помочь губернские земства. Материала в России много, рабочих рук также, но в одной губернии кожи, в другой дратва, подметки, гвозди, а еще в какой-нибудь – дешевые рабочие руки, кустари сапожники. Лучше всего было бы созвать съезд председателей губернских земских управ и с их помощью наладить дело. Великий князь отнесся к этому очень сочувственно.

Вернувшись в Петроград, я был в организационном комитете Думы и расспрашивал членов Думы, как по их мнению лучше наладить доставку сапог. Обсудив, решили циркулярно запросить председателей управ и городских голов. Это было скоро сделано и сразу посыпались благоприятные ответы. Так как возможно было ожидать противодействия со стороны правительства к созыву такого съезда, то я решил объехать и поговорить с некоторыми министрами в отдельности. Кривошеин, Сухомлинов и Горемыкин отнеслись к идее съезда сочувственно и обещали поддержать мое предложение в совете министров. Свидание же с министром Маклаковым вышло весьма оригинальным. На мое заявление, что главнокомандующий поручил спешно заняться поставкой сапог для армии при посредстве земств и созвать для этого в Петрограде председателей городских и земских управ, Маклаков сказал:

– Да, да, то, что вы говорите, вполне совпадает с имеющимися агентурными сведениями.

– С какими сведениями?

– По моим агентурным сведениям под видом съезда для нужд армии будут обсуждать политическое положение в стране и требовать конституцию . . .

Это заявление министра было до того неожиданно и нелепо, что я даже привскочил в кресле и резко ему ответил:

– Вы с ума сошли . . . Какое право вы имеете так оскорблять меня. Чтобы я, председатель Г. Думы, прикрываясь в такое время нуждами войны, стал созывать съезд для поддержки каких-то революционных проявлений. Кроме того, вы вообще ошибаетесь, потому что конституция у нас уже есть . . .

Маклаков, видимо, опешил и стал сглаживать:

– Вы, Михаил Владимирович, пожалуйста, не принимайте это за личную обиду, во всяком случае без совета министров я не могу дать разрешения на такой съезд и внесу этот вопрос на ближайшее заседание.

Я сообщил Маклакову, что некоторые из министров обещали поддержать мое ходатайство и ушел от него возмущенный и расстроенный.

О съезде были уже разговоры с членами Думы и неоффициально многие из председателей управ были уже извещены о желании главнокомандующего привлечь земства к работе на армию. Многие тот час же откликнулись. Прислали нужные сведения, а некоторые, не дожидаясь приглашения, сами приехали в Петроград. Затем стали поступать ответы из земств, что заказы уже даны кустарям и мастерским, скупаются кожи и что работа идет во всю. Одно из земств в виду недостатка дубильных веществ послало своего человека в Аргентину. Даже некоторые из губернаторов и те откликнулись и писали, что вполне сочувствуют привлечению земств к военным поставкам. Министр Маклаков и тут постарался мешать, как мог. Он распорядился, чтобы заказы шли через губернаторов, что возмутило общественные круги и затормозило дело. В то же время Маклаков издал знаменитый приказ, в котором запрещалось вывозить продукты из одной губернии в другую. Это уже совершенно стесняло и нарушало план использования продуктов и возможностей различных губерний. Через несколько дней я получил письмо от Маклакова, в котором председатель Думы извещался, что его предложение о созыве съезда советом министров отклонено и что дело поставки сапог передано главному

интенданту Шуваеву, который и должен входить в сношения с земствами и городами. На другой же день является Шуваев и откровенно заявляет, что он не может этим заняться, что никогда с земствами дела не вел и что, по его мнению, земства не отнесутся с достаточным доверием к интендантству и не станут с ним непосредственно работать. Шуваев просил как-нибудь помочь ему. Я откровенно ему ответил, что раз совет министров находит, что мне нельзя поручать этого дела, мне остается вовсе от него отказаться.

Вскоре после этого у меня был Горемыкин для обсуждения вопросов о созыве Думы. Я напомнил ему в разговоре о его обещании поддержать предложение о земском съезде.

– Какой съезд? – удивился Горемыкин, – ничего такого мы вовсе не обсуждали в совете...

Я показал Горемыкину письмо Маклакова. Он прочел с большим изумлением и опять повторил, что вопрос в совете министров вовсе не обсуждался, а про Маклакова он заметил: «Il a menti comme toujours» (Он солгал как всегда).

Несмотря на противодействия правительства – земства продолжали работать. Шуваев получал готовые партии сапог, а к распоряжениям Маклакова относились с презрением и возмущением. Особенно раздражало всех запрещение вывозить из губернии в губернию. Благодаря этой мере в одних местах получался избыток продуктов, а в другом недостаток, а случалось и так, что помещики, имевшие имения в разных губерниях, не могли перевозить для посевов собственное зерно.

Когда я докладывал об этих обстоятельствах Государю, он выслушал, но повидимому не обратил особого внимания. Я спросил Государя, как он смотрит на мои посещения Ставки, не находит ли он их неуместными. Государь сказал, что он знает, что великий князь очень ценит меня и что он лично будет рад, если я буду чаще ездить в Ставку. На этот раз Государь был очень любезен. Я просил ускорить созыв Думы и рассказал Государю содержание письма Маклакова и о его неосновательных подозрениях против земств.

Дума была созвана для обсуждения бюджета, но первое же заседание вылилось в историческую манифестацию, как в первые дни войны. Не приняли участия в манифестации только крайне левые и странное молчание хранили прибалтийские и

другие думские немцы. Незадолго до созыва Думы было арестовано несколько социал-демократов, в том числе четыре члена Думы. Было обнаружено, что они пропагандировали против войны и даже найдены были документы, доказывающие, что один из них открыто писал, что для России было бы благом, если бы победила Германия. Социал-демократическая фракция собиралась по этому поводу внести запрос правительству. Если бы они это сделали, цельность заседания была бы нарушена и, вообще, это поизвело бы нехорошее впечатление. Для запроса требовалось не менее тридцати подписей, а у левых такого количества депутатов не было и внесение запроса зависело от того, дадут ли подписи кадеты, как это они делали во многих других случаях. Однако кадеты подписей не дали и все обошлось благополучно. Милюков произнес прекрасную патриотическую речь, упомянув о только что убитом на войне члене их партии Колюбакине, и сказал это так тепло, что память погибшего Колибакина почтила вставанием не только вся Дума, но и члены правительства.

После председателя Думы говорили Горемыкин и Сазонов. Оба они указывали на то, что чаяние победы переходит в уверенность, что мы прочно завоевали Галицию и убедились на деле, что в боевом отношении хорошо подготовлены к войне. Горемыкин упомянул, что жизнь выдвинула целый ряд вопросов внутреннего характера, которыми придется заняться, однако, только после войны. Военный министр Сухомлинов заявил, что армия обеспечена боевым снаряжением и что к марту месяцу снарядов и ружей будет в избытке. Так как с фронта приходили известия, что снарядов не хватает, то слова военного министра и его категорические заявления многих успокоили.

Вскоре после этого заседания, в феврале появилось сообщение верховного главнокомандующего о том, что повешен полковник Мясоедов с соучастниками. Всем было известно, что Мясоедов в дружеских отношениях с военным министром и часто у него бывает. Первую нашу неудачу под Сольдау после этого многие склонны были приписать участию в катастрофе Мясоедова. Доверие к Сухомлинову окончательно подрывалось, говорили даже об измене. Непоколебимой оставалась только вера в верховного главнокомандующего в.к. Николая Николаевича. В связи с повешением Мясоедова вспомнили о разоблаче-

ниях, которые еще в третьей Думе делал Гучков, обвиняя Сухомлинова и Мясоедова. Гучков тогда указывал на несомненную связь между Сухомлиновым и Мясоедовым и некиим Альтшуллером, австрийским тайным агентом. Этот Альтшуллер вместе с Мясоедовым стоял во главе фирмы, через которую при посредстве Сухомлинова делались артиллерийские поставки на армию. Роль Альтшуллера и Мясоедова вскрыл генерал Иванов. В то же время Гучков ставил в вину Сухомлинову, что он устроил тайный надзор за офицерами и поручил это Мясоедову. Несмотря, однако, на возрастающее возмущение против Сухомлинова, Государь продолжал выражать ему свое благоволение.

На фронте в течение зимы мы продвигались в Галиции. С неимоверными трудностями войска преодолевали Карпатские горы и спускались в Венгерскую долину. 9 марта пал Перемышль. Без штурма, почти без боя. Генерал Селиванов, отчаявшийся взять Перемышль, собирался было снимать осаду, но неожиданно, чуть ли не в тот же день, когда хотели уходить, Перемышль сдался. Там мы взяли 117 тысяч пленных. Оказалось, что в крепости не хватало продовольствия и что славяне враждовали с венграми. Кусманеку, коменданту крепости, запертые в Перемышле солдаты грозили смертью. Он приказал делать вылазку и идти на прорыв. Послушалась только часть – венгерские полки. Попытка их, однако, не удалась и большинство из них бежало обратно в крепость. Говорят, что Кусманек аэропланом запрашивал Вену и ему разрешили сдаться. После взятия Перемышля в.к. Николай Николаевич получил бриллиантовую шпагу с надписью: «За завоевание Червонной Руси».

В начале апреля, желая проверить сведения, доходившие с фронта до членов Думы, я решил поехать в Галицию. Мне удалось побывать на фронте до самого Дунайца в армиях Радки Дмитриева, Лечицкого и Брусилова. Везде сведения сходились на одном главном: что в армиях не хватает снарядов. На это жаловался еще осенью 1914 года генерал Рузский. Когда я потом передал о разговоре с Рузским в Ставке, великий князь успокоил, заявив, что это временная заминка и что через две недели снаряды поступят в большом количестве. Теперь повто-

рялись те же самые жалобы. Генералы были в отчаянии и просили помочь. Поездку эту я совершил в сопровождении моей жены, ее сестры и Я.В. Глинки, который вел записи при объезде фронта. В поезде с нами ехала в.к. Ксения Александровна. На вокзале во Львове мы увидели группу людей, штатских, по-видимому кого-то ожидавших.

Здесь же стоял и в.к. Александр Михайлович, встречавший свою жену. Мы вышли из вагона, а когда группа штатских приблизилась к нам, то мы естественно уступили место великокняжеской чете, предполагая, что это их встречают. Произошло замешательство. Затем из группы штатских выделился человек, обратившийся ко мне с приветствием. Оказалось, что это галицийские общественные деятели во главе с Дудыкевичем, явившиеся встретить председателя русской Государственной Думы. (Упоминаю об этой встрече, потому что министр Н.А. Маклаков умудрился изобразить Государю и эту скромную встречу и все мое пребывание в Галиции в совершенно превратном свете).

Красивый веселый Львов, весь в зелени, производил отрадное впечатление. Чистые улицы, оживленная толпа, русские военные и даже городовые на углах – все это не говорило о завоеванным крае. Казалось, что мы у себя среди друзей, где незаметно враждебного отношения и где даже крестьяне по своей одежде и говору напоминали наших хохлов.

Перемышль – последнее слово военной науки, где природные условия дополнялись чудом фортификации: казалось, что взять его было нельзя и только предательство Кусманека помогло сдаче крепости. Множество орудий стояли рядами по пути к крепости и в самой крепости. В земском союзе, где мы остановились, рассказывали много интересного про первые дни «нашего» Перемышля. Население и войска в нем голодали, в госпиталях больных оставляли без помощи, а после занятия крепости мы нашли большие запасы муки, картофеля и мяса. У Кусманека было прекрасная ферма из ста коров, которая перешла в ведение земского союза.

Вернувшись во Львов, мы узнали, что через два дня ожидается приезд Государя и в.к. Николая Николаевича. Мы готовили торжественную встречу, строили арки, украшали город гирляндами и флагами. Мне это посещение казалось несвоевременным и я в душе осуждал в.к. Николая Николаевича.

В день высочайшего приезда все собрались во временном соборе. На улицах стояли шпалерами войска и толпы народа и «ура» перекатывалось и усиливалось по мере приближения царского поезда. После молебна архиепископ Евлогий произнес трогательную речь, все чувствовали себя умиленными и верили в нашу окончательную победу. В тот же день был обед. После обеда Государь подошел ко мне и сказал:

– Думали ли вы, что когда-нибудь встретимся с вами во Львове?

– Нет, ваше величество, я не думал и при настоящих условиях очень сожалею, что вы, Государь, решились предпринять поездку в Галицию.

– Почему?

– Да потому, что недели через три Львов вероятно будет взят обратно немцами и нашей армии придется очистить занятые ею позиции.

– Вы, Михаил Владимирович, всегда меня пугаете и говорите неприятные вещи.

– Я, ваше величество, не осмелился бы говорить неправду. Я был на фронте и удивляюсь верховному главнокомандующему, как он допустил, чтобы вы приехали сюда при теперешнем положении вещей. Земля, на которую вступил русский монарх, не может быть дешево отдана обратно: на ней будут пролиты потоки крови, а удержаться на ней мы не можем...

После обеда Государь выходил на балкон, говорил с народом, упоминая о старых исконных русских землях. Толпа кричала «ура», дамы махали платками. На другой день Царь с великим князем поехал в Перемышль.

Через неделю жена и сестра вернулись в Петроград, а я с сыном поехал по фронту и по учреждениям Кр. Креста. Однако, не успели мы вернуться во Львов, как началось наше катастрофическое отступление. Подтвердилось то, что предсказывал мой сын и все серьезные военные: недостаток снаряжения сводил на нет все наши победы, всю пролитую кровь.

Сын Николай со своим отрядом, прикомандированный к дивизии Корнилова, был окружен, но, благодаря знанию местности, выбрался и вывез до Сана не только отряд и раненых, но и часть обозов и боевых припасов. За это дело он получил Владимира с мечами. Корнилов не хотел оставить своей дивизии,

которая растянулась на двадцать верст; он настоял на том, чтобы санитарный отряд уходил, а сам поехал к отставшим полкам, был ранен, окружен и с частью дивизии оказался в плену.

IX

В Ставке после отступления. Проект Особого Совещания по обороне. На съезде промышленников. Николай II и Н. Маклаков. Архангельский порт. В. к. Сергей Михайлович.

На возвратном пути из Галиции я заехал в Ставку, чтобы передать главнокомандующему свои впечатления. Великий князь показался мне совершенно другим: насколько при поездке он был умилен бодрым видом войск, устройством тыла, санитарией, интендантством и уверенностью всех в победе, настолько удручающе действовали на него недостатки командного состава, бездарность планов Иванова и главным образом плохое снабжение армии патронами, снарядами и ружьями. В Ставке настроение было подавленное. Великий князь сознавал, что план Иванова на Карпатах не удался. Радко Дмитриев был поставлен в тяжелые условия. На пути его отступления нигде не было приготовлено укрепленных позиций, отказ прислать ему своевременно помощь (по общему голосу в этом был виноват Владимир Драгомиров, враждовавший с Радко), растянутость фронта с недостаточным количеством войск вместе с отсутствием снарядов сделали положение безвыходным. Третья армия должна была отступить за Сан и отдать всю западную часть Галиции, завоеванную ценою стольких жертв.

В такие минуты было не до церемонии и я счел за необходимость говорить великому князю чистую правду.

– Ваше высочество, вы губите даром народ и должны требовать от артиллерийского ведомства совершенно точный отчет, что у него готово и в каком количестве они могут давать вам снабжение: до сих пор все их обещания не исполнены.

На это великий князь ответил:

– Я ничего не могу добиться от артиллерийского ведомства. Мое положение, вообще, крайне затруднено: Государя восстанавливают против меня.

Великий князь жаловался на влияние министра Маклакова, благодаря которому не удалась его попытка проверить деятель-

ность казенных заводов. Великий князь убедил Государя назначить Литвинова-Фалинского (директор департамента промышленности и старший фабричный инспектор) обревизовать заводы, работавшие на нужды войны. Государь в Ставке с этим согласился и подписал назначение, но, приехав в Петроград, изменил свое решение; Литвинов-Фалинский был отставлен без всяких объяснений.

Разговор с великим князем был весьма продолжителен: я настойчиво доказывал ему, что при создавшемся положении на фронте нельзя замалчивать и уступать, нельзя идти на компромиссы, надо прямо и откровенно говорить Государю, настаивая до конца на своих предложениях. Кто, как не верховный главнокомандующий, может не только говорить, но и требовать.

На это великий князь заметил:

– Ого, как вы сильно выражаетесь.

– Не сильно, ваше величество, – отвечал я, – воюет весь народ и весь народ восстанет в случае неудачной войны, если он увидит, что все принесенные жертвы, вся пролитая кровь были напрасны. Народ показал себя достойным своей великой родины, зато царское правительство совсем недостойно России. Прежде всего необходимо настоять на отставке Маклакова и в.к. Сергея Михайловича, надо разогнать воровскую шайку артиллерийского ведомства, которая прикрывается именем великого князя.

Говоря о своем бессилии что-нибудь сделать с артиллерийским ведомством, верховный главнокомандующий упомянул, что он знает об участии и влиянии на артиллерийские дела балерины Кшесинской, через которую получали заказы различные фирмы. Когда я заметил, что пора убрать наконец и Сухомлинова, великий князь ответил:

– В этом я тоже бессилен: Сухомлинов за последнее время пользуется особым благоволением Государя.

Разговор этот оставлял очень тяжелое впечатление: великий князь недостаточно энергичен.

Прощаясь со мной, великий князь спросил, что можно сделать, чтобы спасти положение. Я предложил свой старый проект, который давно имел в уме – составить комитет из членов Думы, представителей от промышленности, от артиллерийского и других военных ведомств, с широкими полномочиями ведать

все вопросы военного снаряжения. Великий князь ухватился за эту мысль с радостью и обещал сказать Государю, которого ожидал в Ставке. После великого князя у меня был длинный разговор с его приближенными: Янушкевичем и Даниловым. Оба они производили впечатление полной растерянности и удрученности, оба понимали ужас положения и повторяли одно и то же: «Вы один можете спасти положение». Янушкевич даже со слезами на глазах откровенно говорил о нравственных пытках, которые он переживает, не будучи в состоянии добиться нужного от артиллерийского ведомства и зная, в каких нечестных руках оно находится.

Вернувшись в Петроград, я пригласил Литвинова-Фалинского и, заодно, с депутатами Савичем, Протопоповым, Дмитрюковым мы обсуждали вопрос о создании комитета. Литвинов и Савич сообщили о многочисленных отказах ведомства заводам, предлагавшим использовать их заказами на шрапнели, снаряды и прочее. С частными заводами не хотели иметь дело, а казенные, благодаря отчаянной организации, производили пятую часть того, что могли производить. О нечестности и взятках артиллерийского ведомства тогда открыто говорили в столице. Порядки ведомства бросались в глаза даже обывателям: патронный завод на Литейном совершенно не охранялся, то же было и на других заводах, а взрыв на пороховом заводе окончательно вселил недоверие к лицам, стоявшим во главе ведомства. Во главе многих казенных заводов все еще сидели германские подданные, которых, благодаря покровительству министра Маклакова, некоторых великих княгинь и клики придворных, нельзя было выслать. Измена чувствовалась во всем, и ничем иным нельзя было объяснить невероятные события, происходившие у всех на глазах. А тут еще было оглашено дело Мясоедова.

Собрав подробные данные, я отправил письмо в Ставку великому князю, еще раз повторив то, что я ему говорил при свидании, подкрепляя на этот раз свои доводы ссылками на факты и документы. Одновременно я описал ему все ужасы, которые происходят в армии от недостатка в снарядах, от нераспорядительности высших властей и, главным образом, Сухомлинова. Государь поехал в Ставку, а я получил от в.к. Николая Николаевича следующую телеграмму: «С вашим проектом следует

подождать». На следующий день, однако, из Ставки пришла телеграмма, в которой меня вызывали, и поручалось, чтобы я привез лиц, коих сочту полезными. Поехали Литвинов-Фалинский, Вышнеградский и Путилов. В Ставке я был принят Государем, и с полной откровенностью доказывал необходимость созыва комитета с участием общественных деятелей, передал возбуждение умов в тылу о недоверии армии к тыловым военным руководителям и о том, что это недоверие неминуемо будет расти по мере отхода войск. Государь был взволнован, бледен, руки его дрожали. Повидимому, особенно сильное впечатление произвело на него, когда я, тоже волнуясь и еле сдерживая слезы, говорил ему о беззаветной любви и преданности в войсках к Царю и родине, о их готовности жертвовать собой и о спокойном, без всякой рисовки, исполнении долга. Обрисовав положение на фронте и в стране, я просил Государя удалить Маклакова, Саблера, Щегловитова и Сухомлинова. В то время, когда проливается кровь стольких людей, нельзя терпеть у власти лиц, испытывающих общественное мнение, «с которыми вы все же должны считаться, ваше величество».

Государю показалась счастливой моя мысль об учереждении Особого Совещания, и сразу же была намечена в общих чертах его организация: в состав совещания должны были войти представители банков, субсидировавших заводы, представители промышленности, общественные деятели и представители законодательных учреждений и военного ведомства. Первыми были призваны Литвинов-Фалинский, Путилов, Вышнеградский, банкир Утин, Гучков и другие. Государь спросил:

–Кто же будет председательствовать в Особом Совещании?

Я ответил, что председателем должен быть военный министр, так как дело касается снабжения армии. Другого выхода не было, так как, если бы председателем не был назначен Сухомлинов, то Совещанию на каждом шагу ставили бы палки в колеса.

Когда слухи о возникновении Совещания, оффициально еще

не утвержденного, дошли до военного министерства, там, понятно, заволновались: Государю старались доказать, что возникновение Совещания незаконно, что это, как бы, новое министерство, для чего нужен новый закон и соблюдение целого ряда формальностей, требующих времени. К счастью, интриги не удались, и Государь с этими доводами не соглашался. Тогда ему стали доказывать, что во время роспуска палат председателя Думы не существует, и потому его участие в Совещании было бы незаконно, но Государь и на это не обратил внимания. Учреждение Особого Совещания должно было пройти через совет министров и поступить на утверждение Государя для проведения в жизнь в порядке 87 статьи. Против учреждения Совещания особенно старались министры: Маклаков и Щегловитов. Маклаков, забегая ко всем близким к Царю, усиленно добивался быть принятым, но Царь его не принял, а перед заседанием, в котором должен был обсуждаться вопрос о Совещании, Царь вызвал к себе Сухомлинова и сказал ему: «Передайте в совете министров, что я очень сочувствую возникновению этого Особого Совещания и приветствую, что оно будет при участии членов законодательных палат».

Сухомлинов во время заседания передал слова Государя, и Горемыкин, воспользовавшись этим, заявил: «Я думаю, что в таком случае нам нечего долго обсуждать этот вопрос: нам остается только преклониться перед волей Государя Императора».

При голосовании Саблер и Щегловитов, сговорившись в стороне, подали голос за проект, против поднялся только один Маклаков. (Говорили, что это было очень неприятно Государю). Проект был утвержден Государем, и Особое Совещание по обороне начало действовать.

Перед окончательным разрешением вопроса о Совещании в законодательном порядке я счел себя обязанным внести этот за запрос на обсуждение членов Г. Думы. В конце мая был собран совет старейшин, и я доложил им весь ход предшествовавших событий и все то, что привело к мысли о создании Совещания. Характерно отношение различных партий к этому вопросу. Правые, как и следовало ожидать, хранили упорное молчание, националисты и октябристы горячо приветствовали все предпринятые мною шаги, а кадеты, устами своего лидера П.Н.

Милюкова, совершенно неожиданно восстали против моей затеи, доказывая, что всякое общение и совместная работа с военным министерством Сухомлинова явилось бы позорным для Думы, и поэтому они, кадеты, ни в каком случае участия во вновь образуемом Совещании не примут. К еще большему моему изумлению, такое мнение вызвало жестокий отпор со стороны Керенского. С горячностью и стремительностью он в страстной речи напал на Милюкова, доказывая всю нелепость его точки зрения. «Кадеты, – говорил он, – всегда исходят из теоретических соображений и впадают в отвлеченность, отвергая всякое предложение, которое не совпадает с их теорией, хотя бы оно и было по существу полезным. Я политический противник председателя Г. Думы, но я вижу, что он болеет о наших неурядицах и болезненно ищет пути для исправления ужасающих дефектов военной организации. Мы, трудовики, вполне сочувствуем его стремлениям, одобряем его и поддерживаем».

Выслушав мнения своих сотоварищей, я поставил вопрос о доверии, и мои действия единогласно были одобрены. Впоследствии стоило большого труда уломать кадетов принять участие в Совещании; крайние левые отказались от участия, говоря, что единственный мотив их отказа заключается в том, что к ним, как к левым, члены правительства будут относиться с предубеждением и подозрением.

В мае того же 1915 года в Петрограде происходил съезд промышленников. Со всех сторон мне передавали, что участники съезда крайне возбуждены, и что на съезде готовится революционное выступление. Это было бы только на руку министру Маклакову, который ждал удобного случая, чтобы оправдались его постоянные доносы Царю, чтобы затем закрыть съезд, а главных его деятелей арестовать. Лица осведомленные говорили, что в московских торгово-промышленных кругах, уже подготовлена для петроградского съезда резолюция чуть ли не с требованием Учредительного Собрания.

Утром в день съезда ко мне на квартиру приехали князь Г.Г. Львов и член Думы В. Маклаков, возбужденные и испуганные; они говорили о том, что можно ожидать от съезда и особенно от резолюции, составленной в Москве. Они советовали мне не ехать на съезд, пугая ответственностью за могущие быть выступления: «Подумайте, какую ответственность вы берете на

себя», – говорили депутаты.

– Если бояться ответственности, то, вообще, ничего нельзя делать, – я решил, я поеду на съезд, его надо спасать, и внести успокоение.

Тогда они начали уговаривать жену, стараясь через нее повлиять на меня и просили, чтобы она удержала меня дома. Жена им ответила, что не может вмешиваться в мои дела, но что уверена в благополучном исходе дела.

На съезд я поехал с Протопоповым, был встречен аплодисментами, и экспромтом сказал речь, закончив ее следующим:

«Господа, едучи сюда на ваше почтенное собрание, я встретил не одну часть молодых войск, молодых солдат, которые обучаются теперь и готовятся для того, чтобы заменить и пополнить собою ряды павших. Я проехал две тысячи верст, был в Галиции в близком общении с армией, и я не найду слов, чтобы выразить то глубокое умиление, то высокое почтение к этим храбрым воинам, к тому несокрушимому духу, который я наблюдал всегда и наблюдаю в тех молодых людях, которые теперь обучаются, зная, что они обязаны бесстрашно итти на поля сражения. Но на всех гражданах Российского государства первейшая и главнейшая обязанность дать ясное и точное понятие нашей армии, что тыл спокоен, что тыл нашей глубокой и мирной страны, теперь еще не подверженный влиянию военных действий, готов всемерно работать для их пользы и славы, и в помощь им. Вместе с тем мы должны вселять им убеждение, что здесь в тылу нет партий, нет разногласия, а есть одно чувство победы над врагом. Я счастлив, господа, засвидетельствовать, что такой лозунг установлен прочно в рядах членов Г. Думы. Народные представители поняли это своим чутьем, и вы видите, что ряд заседаний наших представляет собою полное отсутствие партий, полное единение. Скажу, что единение, это отсутствие всяких партийных начал, продолжается и до сих пор в тех небольших заседаниях, которые мы имеем в настоящее время по поводу дел, близко касающихся Г. Думы. Я отлично отдаю себе отчет в том, что промышленный мир, промышленные сферы – это сословие и сферы глубокого государственного значения. Вы являетесь хозяевами и вершителями той громадной отрасли государственной экономической жизни, которая при своем высоком развитии в будущем даст нам возможность

не только победить врага на полях сражения, но даст нам силу доказать, что Россия может сделать. Отныне должен быть у всех русских граждан один лозунг: все для армии, все для победы над врагом, все должно быть сделано для того, чтобы в полном и крепком единении сокрушить тех, которые дерзают посягать на величие России. Я позволяю себе выразить пожелание, чтобы ныне, без партийных перегородок, соображений, вожделений, единая мысль была направлена к благотворной работе на почве воспособления нашей армии, к полному раскрепощению России от всяких посягательств иноземного влияния на нее. Этими словами позвольте приветствовать вас и выразить уверенность, что это именно так и будет».

Когда съезд узнал, что к общественным силам отнеслись с доверием, и что делу еще можно помочь, то раздражение против правительства улеглось, и члены съезда начали обсуждать стоявшие на очереди вопросы с деловой точки зрения. На том же первом заседании съезд вынес резолюцию, совершенно противоположную заготовленной первоначально.

В конце мая я отправил просьбу о принятии меня Государем. В течение четырех или пяти дней я не получал ответа. Вместо того мне стали передавать, что министр Маклаков усиленно настраивает Царя против Думы и уверяет его, что Председатель Думы явится к нему с необыкновенными требованиями, чуть ли не с ультиматумом. Слухи эти нашли себе отражение и в Москве, и приехавший оттуда молодой Юсупов рассказывал, что там говорят, будто председатель Думы стал во главе революционного движения и, вопреки желанию правительства, создал особый комитет «Comite du salut public» по образцу французской революции (так, очевидно, понимали учреждение Особого Совещания).

Наконец Государь назначил день приема: это было 30 мая. Когда я вошел в кабинет, я застал Государя взволнованным и бледным и невольно вспомнил то, что мне передавали про интриги Маклакова. Надо было сразу рассеять подозрения.

– Ваше Величество, – начал я, – я пришел к вам не с какими-нибудь требованиями и не с ультиматумом...

– Почему вы говорите про ультиматум?... Какой ультиматум?

– Ваше Величество, я имею сведения, что вам изобразили

меня очень опасным человеком; что я приду не с докладом, а с требованиями. Вам даже советовали меня не принимать вовсе.

– Кто это вам говорил, и на кого вы намекаете, что меня настраивают против вас?

– Ваше Величество, быть может это сплетня, но слухи настолько основательны и из таких внушающих мне доверие источников, что я решился это вам доложить. Вам говорил про меня министр внутренних дел Маклаков. Государь, у меня нет к вам делового доклада по Думе: я явился к вам говорить об общих делах, пришел исповедоваться, как сын к отцу, чтобы передать всю правду, какую я знаю. Прикажете ли мне говорить?

– Говорите.

Государь повернулся и во время доклада пристально смотрел мне в глаза, повидимому, испытывая меня. Я также не спускал с него глаз. Я докладывал обо всем, что наболело и накипело за это время: о порядках артиллерийского ведомства, о ничтожном производстве военных заводов, о том, что во главе большинства заводов стоят немцы, о беспорядках в Москве, о положении армии, которая самоотверженно умирает на фронте, и которую предают в тылу люди, ведающие боевым снабжением, о гадостях и интригах министра Маклакова, и о многом другом. В связи с делом Мясоедова, я передал о возбуждении против Сухомлинова, которого ненавидят на фронте и в тылу и считают сообщником Мясоедова. Я старался выяснить и доказать, что Сухомлинов, Маклаков, Саблер и Щегловитов совершенно нетерпимы, что в.к. Сергей Михайлович должен непременно уйти, иначе раздражение против артиллерийского ведомства обрушится на голову одного из членов Царской семьи, а косвенно и на всю Царскую семью, – словом, говорил все, о чем знал и о чем нужно было знать Государю.

Доклад продолжался более часу, и Государь за это время не выкурил ни одной папироски, что являлось признаком его внимательности. Под конец доклада он оперся локтями о стол и сидел, закрыв лицо руками. Я окончил, а он все сидел в той же позе.

– Отчего вы встали?...

– Ваше Величество, я окончил, я все сказал.

Государь тоже встал, взял мою руку в свои обе руки и,

смотря мне прямо в глаза своими влажными добрыми глазами, стал крепко жать руку и сказал:

– Благодарю вас за ваш прямой, искренний и смелый доклад.

Я низко поклонился, чувствуя, что к горлу подступают слезы. Государь, повидимому, был тоже взволнован и, произнеся свои последние слова, еще раз пожал руку и быстро вышел в другую дверь, плохо скрывая свое волнение.

* * *

Причины волнения Государя во время этого доклада я узнал гораздо позже, в дни революции, когда был вызван для дачи показания в верховную комиссию, которая хотела, во что бы то ни стало, найти криминал в действиях бывшего Царя. Я говорил в течение пяти часов подряд, доказывая, что криминала в действиях Царя не было, а была только неправильная и путаная политика, пагубная для страны, но отнюдь не преднамеренное желание вреда этой стране.

Когда я окончил, ко мне подошел сенатор Таганцев и сказал:

– Теперь вы окончили, так вот прочтите эту бумагу.

Бумага была помечена маем 1915 г., числа не помню и соответствовала времени, когда я был вызван в Ставку после Львовских торжеств.

Министр Маклаков доносил:

«Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству. Неоднократно я имел счастье указывать Вашему Величеству, что Г. Дума и ее председатель, где только возможно, стремятся превысить свою власть и значение в государстве и, ища популярности, стремятся умалить власть Вашего Императорского Величества. Имею честь обратить ваше внимание на поведение председателя Г. Думы после вашего отъезда из города Львова. Председатель Думы принял торжественное чествование галичан и, воспользовавшись отъездом Государя Императора, держал себя, как бы глава российского государства.

Обращая на вышеизложенное внимание Вашего Величества, прошу вспомнить, что я неоднократно указывал Вашему Величеству на необходимость уменьшения прав Г. Думы и на сведение ее на степень законосовещательного учреждения». (Привожу по памяти, не текстуально).

Прочитав бумагу, я протянул ее Таганцеву со словами:

– Что же тут удивительного? Обычный пасквиль министра внутренних дел.

– Прочитайте, что написано на обратной стороне, – сказал Таганцев.

На другой стороне рукой Императора было написано:

«Действительно, время настало сократить Г. Думу. Интересно, как будут при этом себя чувствовать г.г. Родзянки и Ко.».

По числам эта пометка совпадала с тем временем, когда Государь шел навстречу работе Думы и общественных организаций и обсуждал вместе со мною проект создания Особого Совещания по обороне.

Вскоре после моего доклада Маклаков был уволен. Это было встречено с большим удовлетворением. Вместо Маклакова был назначен Н.Б. Щербатов, вполне чистый, незапятнанный человек.

В дополнение к докладу я отправил Государю письмо, в котором еще раз доказывал, что необходимо удалить Сухомлинова и ускорить созыв Думы. Я не скрывал, что заседания Думы будут бурные, что правительство будут жестоко критиковать, но все-таки лучше, если это произойдет в стенах Думы, чем на улице.

Письмо ли это, или что другое было последним толчком, но Сухомлинов, наконец, был отстранен, а вскоре на его место был назначен генерал Поливанов, пользовавшийся симпатиями в Думе и в общественных кругах. Вскоре после удаления Сухомлинова, над ним была учреждена верховная следственная комиссия под председательством члена Г. Совета Петрова при участии двух членов Думы (В. Бобринского и Варун-Секрета) и двух членов Г. Совета. Комиссия, после долгих месяцев разбирательства и исследования, признала Сухомлинова виновным в лихоимстве и в государственной измене. Несмотря на это, Сухомлинов долгое время не был предаваем суду и, не только находился на свободе, но носил генерал-адъютанские погоны и, даже, сохранял право посещения заседаний Г. Совета.

11 июня Государь уехал в Ставку; 14 вызвал туда всех ми-

нистров, кроме Щегловитого и Саблера. Из новых присутствовали Поливанов и Щербатов. В заседании обсуждался вопрос о созыве Думы и о снабжении армии; следствием этого заседания был рескрипт на имя Горемыкина, в котором Государь впервые всенародно объявлял о созыве Особого Совещания, говорил о призыве промышленности и общественных сил и обещал скорый созыв Думы. Рескрипт произвел хорошее впечатление: о доверии к народу было сказано ясно и твердо, и можно было думать, что такое отношение уже не изменится. После того же совещания в Ставке были уволены Саблер и Щегловитов, а вместо Саблера обер-прокурором Синода был назначен А.Д. Самарин, принявший этот пост под условием удаления Распутина. Со слов самого Горемыкина в обществе говорили, что Императрица требовала, чтобы он воспротивился увольнению Саблера и назначению Самарина, но Горемыкин отказался от вмешателства в это дело, говоря, что надо подчиниться воле Государя. Императрица не успокоилась на этом и употребила все усилия, чтобы вновь получить влияние на решения Государя. К сожалению, ей это удалось, и Распутин, сосланный в Сибирь, скоро опять вернулся.

Особое совещание уже работало. Оно с первых же заседаний занялось раскопками в артиллерийском ведомстве и открыло много нечистоплотных комбинаций. Пришлось удалить одного за другим высших чинов ведомства и поставить во главе управления генерала Маниковского. К в.к. Сергею Михайловичу я поехал сам и откровенно ему высказал, что лучше, если он расстанется с ведомством под предлогом болезни: пока обвинения падают на его подчиненных, но может случиться, что они обрушатся и на великого князя, а это бросило бы тень на Царскую семью. Великий князь вскоре отказался от возглавления ведомства, но одновременно же был назначен главным инспектором при Ставке.

Вопиющие беспорядки открыло Совещание в архангельском порту. Еще в начале войны в Думу стали поступать сведения, что вывозка по узкоколейной дороге из Архангельска очень затруднена, а порт завален грузами. Заказы из Америки, Анг-

лии и Франции складывались горами и не вывозились в глубь страны. Уже в первые дни войны Литвинов-Фалинский предупредил, что архангельский порт в ужасном состоянии. Из Англии ожидалось получение большого количества угля для петроградских заводов, но уголь этот негде было сложить. Несмотря на то, что Архангельск был единственный военный порт, соединявший нас с союзниками, на него почти не обращали внимания. В одном из первых же заседаний Особого Совещания пришлось и поднять вопрос об Архангельске и запросить министров, что они намерены предпринять. Министры, в лице Сухомлинова, Рухлова и Шаховского, либо отписывались, либо обещали на словах, ничего на деле не предпринимая. Между тем к концу лета 1915 года количество грузов было так велико, что ящики, лежавшие на земле, от тяжести наложенных поверх грузов, буквально, вростали в землю.

Артиллерийское ведомство заявляло в Совещании, что производство снарядов увеличить невозможно, так как нет станков для выделки дистанционных трубок. Члены Думы доказывали, что станки можно найти, надо только уметь искать. Совещание обратилось в технические и ремесленные училища, некоторые из членов Совещания поехали по России и вскоре стали получаться телеграммы, что найдены, то в одном, то в другом месте, тысячи станков. Можно было наладить заводы, эвакуированные из местностей, занятых неприятелем, но об этом тоже никто не хотел позаботиться. Особое Совещание многое привело в движение. Текстильные и другие заводы, запрошенные Совещанием, предложили свои помещения для изготовления снарядов: при этом заводы сообщали, что они и ранее предлагали свои услуги артиллерийскому ведомству, но получили ответ, что ведомство «обойдется казенными заводами». Члены Совещания объезжали казенные и частные заводы и в петроградском арсенале обнаружили полтора миллиона дистанционных трубок, якобы старого образца. На деле оказалось, что их прекрасно можно было приспособить к новым снарядам и во время пробы эти трубки дали 90% разрываемости. После такой находки можно было тотчас же приступить к увеличению выпуска снарядов, не ожидая новых станков. В первый же месяц работы Особого Совещания поступление снарядов на фронте увеличилось вдвое, а затем поступление все время прогрессировало.

Летом в Москве был созван съезд военно-промышленного комитета. Общественные деятели и промышленники горячо откликнулись на обращенный к ним призыв и дружно взялись за работу. По всей России с помощью земств и городов стали образовываться такие комитеты, большею частью из земских деятелей и директоров заводов. Комитеты стали приспособлять всевозможные фабрики, ремесленные училища и мастерские для нужд армии. В мае месяце мы уже знали, что по приблизительному подсчету через три месяца будет достаточно снарядов, чтобы задержать дальнейшее наступление неприятеля. Привлечение общественных сил к снабжению армии и учреждение Особого Совещания было с удовлетворением встречено в стране: на фронте облегченно вздохнули и горечь последних неудач была смягчена надеждой на более светлое будущее. Возможность работать для армии, активно участвовать в подготовке ее успехов, – помогла переживать плохие известия с фронта, где мы продолжали отступать.

Возвращаюсь несколько назад. 19 июля была созвана Дума. Настроение было очень повышенное и можно было ожидать бурных выступлений. Кадеты и левые собирались вносить целый ряд запросов. Октябристы противились этому, говоря, что не время для рассуждений и необходимо сосредоточиться на деловой работе. Некоторые из кадетов предполагали поднять вопрос об ответственном министерстве. Не малых трудов стоило отговорить их от этого. П.Н. Милюков почти во всех вопросах поддерживал октябристов, даже против прогрессистов. Внутри Думы все усилия направлены были к созданию прочного большинства и усилия эти увенчались успехом, даже в большей мере, чем можно было предполагать; удалось не только объединить несколько думских партий, но и достигнуть соглашения с центром Г. Совета. В то время как левые настаивали на ответственном министерстве, а правые находили, что этого вопроса вовсе нельзя касаться, центр столковался на том, что об ответственном министерстве должно быть сказано, но не в виде требования, а в смысле пожелания и что во всяком случае сейчас «должны быть призваны к власти люди, пользующиеся доверием страны». Такое правительство могло бы прекрасно работать с Думой, так как против всяких ожиданий под влиянием войны

мелкие разногласия между отдельными партиями центра были сглажены и достигнуто такое соглашение, которое создавало большинство, объединенное в прогрессивном блоке и позволявшее правительству иметь надежную опору.

В закрытом заседании 20 июля решено было привлечь к ответственности всех лиц, виновных в недостатках снаряжения армии. Был принят закон об учреждении особых совещаний при военном министре, а также при министрах путей сообщения, торговли и промышленности, земледелия и внутернних дел с привлечением в эти совещания представителей Думы и Совета, торговли и промышленности. Кадеты хотели внести предложение об учреждении отдельного министерства снабжения; с другой стороны правительство стремилось подчинить Особое Совещание совету министров. К счастью, то и другое было отвергнуто и закон об Особом Совещании был принят в том виде, как оно существовало, т.е. с подчинением только Верховной Власти при ответственности военного министра.

X

**Государь – Верховный главнокомандующий.
Влияние Императрицы усиливается. Горемыкин распускает Думу.
Как был уволен А.Д. Самарин. Путиловский завод.
Англичане и торговый флот.**

Между тем войска наши отступали и казалось, что этому не будет конца. Мы очистили Перемышль, Львов, выдержали ожесточеннейшие атаки на линии Люблин-Холм, прикрывая войска, находившиеся под Варшавой и спасаясь из тех железных клещей, которыми нас грозили захватить немцы. Новогеоргиевск был обречен на гибель, сдерживая неприятеля. Крепость геройски держалась, была взята штурмом и немного из ее защитников уцелело. Другие наши крепости: Ковно, Осовец и Брест-Литовск почти совсем не сопротивлялись и были покинуты почти без взрывов. Здесь тоже обнаружилась измена и преступная халатность командования и военного министерства: крепости были сооружены скверно, кирпичные форты оказались никуда не годными, а коменданты крепостей были не на месте. Генерал Григорьев по глупости или сознательно сдал ковенскую крепость, почти не защищаясь. А между тем про эту

крепость депутат Савич говорил в комиссии обороны: «Ковно – это такой орешек, который немцы не скоро раскусят». Вместо «орешка» оказался карточный домик.

Еще в конце апреля немцы одновременно с наступлением в Галиции стали нажимать в Прибалтийском крае, и, хотя и с трудом, заняли Шавли, Либаву и Митаву, стремясь прорваться к Риге. Вильно было в руках неприятеля, который вел атаки на Двинск. На юге мы имели успех у Тарнополя и предупредили наступление, которое угрожало Киеву. В Киеве была уже паника, началась эвакуация и население, собиравшееся бежать, задерживалось с посевом озимых. В подольской губернии копались окопы и не на шутку готовились уходить вглубь страны, ожидая только распоряжения властей.

Вера в в.к. Николая Николаевича стала колебаться. Нераспорядительность командного состава, отсутствие плана, отступление, граничащее с бегством, – все доказывало бездарность начальника штаба при Верховном генерала Янушкевича. Великий князь должен был давно заменить его Алексеевым, бывшим начальником штаба у генерала Иванова во время нашего наступления в Галиции, а затем главнокомандующий западного фронта. На этом имени сходились решительно все. Я писал об этом великому князю, горячо убеждая его отставить Янушкевича и взять на его место Алексеева.

Между тем стали усиливаться слухи, что Царь хочет отстранить в.к. Николая Николаевича и сам принять верховное командование. Говорили, что это желание Императрицы, что она ненавидит великого князя и хочет отстранить Государя от руководства внутернними делами, чтобы во время его нахождения в Ставке распоряжаться в тылу самой. Желание удалить Николая Николаевича считалось в думских кругах и в обществе большой ошибкой. Легко можно было себе представить все последствия подобного безумства. Под влиянием неудач в народе уже и без того на ряду с правдой распространялись самые вздорные слухи и все чаще и чаще называлось имя Царицы. Надо было что-то предпринимать, чтобы предупредить надвигавшееся несчастье. Ясно было, что Горемыкин знал о решении

Государя, но скрывал, не смея и не желая противодействовать тому, что приготовлялось во дворце. Нужно сказать, что в это время после моих поездок в Царское и в Ставку кем-то были пущены слухи, что я буду назначен председателем совета министров. Поэтому отношения с Горемыкиным сделались более натянутыми. Но в такую минуту нельзя было об этом думать, и я решил убедить Горемыкина и председателя Г. Совета отправиться к Государю, чтобы просить отменить свое решение и оставить в.к. Николая Николаевича. Перед этим я хотел переговорить с Кривошеиным и позвонил к нему на Елагин. Он очень неприятным тоном заявил, что занят и не может меня принять. Тогда я категорически ему ответил, что время не терпит, что мне надо видеть председателя совета министров и его, Кривошеина, и что я сейчас же приеду на Елагин. Встретил меня Кривошеин с плохо скрываемой злой усмешкой, которая выдавала его опасения:

– Вы, вероятно, приехали, чтобы председательствовать над нами?

– Нет, – отвечал я, – над вами я никогда не буду председательствовать.

Предложение оказать противодействие решению Государя, конечно, было отвергнуто. Горемыкин говорил в том же духе, что и Кривошеин, ссылался на священную волю Императора, на то, что он не может вмешиваться в военные дела, и прочее. Я поехал к председателю Г. Совета Куломзину, повторил ему те же доводы, но тот тоже отказался и в разговоре все вспоминал, как звали вельможу, который в двенадцатом году коленопреклоненно просил Александра I не брать на себя командование армией, а призвать Кутузова. Оставалось последнее средство – самому испросить аудиенцию и умолять Государя.

Кн. З.Н. Юсупова ездила к Императрице матери и просила повлиять на сына, который должен был явиться к ней объявить свое решение.

На приеме в Царском я передал Государю о желании всех видеть на месте Янушкевича генерала Алексеева. В ответ на это к своему ужасу я услышал:

– Я решил бесповоротно удалить в.к. Николая Николаевича и стать самому во главе войск.

– На кого вы, Государь, поднимаете руку? Вы, верховный судья, а если будут неудачи, кто будет вас судить? Как можете

вы становиться в подобное положение и покидать столицу в такое время? Ведь, в случае неудач опасность может угрожать и вам, Государь, и всей династии.

Государь не хотел слушать никаких доводов и твердо заявил:

– Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию.

После аудиенции я отправил Государю пространное письмо, еще раз повторяя свои доводы и еще раз умоляя отказаться от своего решения.*

---

* Вот, что еще я вспоминаю по этому поводу.

После этого доклада, М.В. Родзянко вернулся домой совершенно разбитый и с ним сделался сердечный припадок. Он сказал своей жене: «У меня было впечатление, что я упираюсь в непроницаемую стену», и добавил по-французски: «Il etait d'une placidité nefasté» (Он пребывал в какой-то пагубной прострации).

Какая же причина была этого душевного состояния Государя? Много лет спустя, мы с мужем получили этому кое-какое разъяснение – вернее догадку.

В одном из номеров журнала «Православная Русь» (может быть тогда журнал еще назывался «Карпатская Русь») осенью 1934 года была статья, где рассказывалось на основании дневника Мотовилова о разговоре с ним Преподобного Серафима. Преподобный ему сказал: «Через сто лет после моей смерти начнется возрождение России. Я скоро умру, а ты женишься». На протесты Мотовилова «я стар, куда мне жениться», Преподобный настойчиво повторил: «Ты женишься, а жена твоя передаст письмо Государю, который посетит нашу обитель. Тогда летом будут петь Пасху».

Об этой прочитанной мною статье я рассказывала на церковной спевке в Новом Бечее, где мы тогда проживали в Югославии, и тенор нашего хора Алексей Дмитриевич Охотин сказал: «Да, да, я был на открытии мощей Преподобного Серафима и тогда там упорно говорили, что какая-то старица передала очень важное письмо Государю».

И вот, невольно, напрашивается мысль, – не была ли старица вдовой Мотовилова, и не было ли письмо, письмо от Преподобного Серафима?

О чем мог писать Преподобный? Не о том ли, что ожидает Государя? О бедствиях для России и ее возрождении, о котором он сказал Мотовилову?

И вот теперь, когда все ужасное уже произошло, невольно сопоставляются с этим слова Государя, сказанные им Михаилу Владимировичу: «Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию».

Было и еще одно письмо Преподобного Серафима – письмо к русскому Патриарху. Об этом поведал мне в 1961 году Алексей Сергеевич Лопухин.

Алексей Сергеевич долгое время со своей семьей оставался в Советской России, был заключен в тюрьму, а потом жил в Калинине (Твери), отбывая

21 августа во дворце было первое заседание соединенных Особых Совещаний, первое после того, как этот закон прошел в Думе. Председательствовал Государь, сказавший хорошую речь. От имени Думы я отвечал Государю. 23 августа был издан приказ по армии и флоту, где Государь объявлял о своем решении стать во главе войск. Многие были в панике от этого акта. К нам приезжала кн. З.Н. Юсупова и со слезами говорила жене: «Это ужасно. Я чувствую, что это начало гибели: он приведет нас к революции».

Вопреки общему страху и ожиданиям, в армии эта перемена не произвела большого впечатления. Может быть, это сглаживалось тем, что стали усиленно поступать снаряды и армия чувствовала более уверенности.

Образование в Думе и в Г. Совете блока и резкие речи с критикой правительства естественно не нравились Горемыкину и он стал подготовлять Государя к необходимости распустить Думу. Отношения между Думой и правительством особенно обострились после того, когда Дума приняла законопроект об Особых Совещаниях при министрах, расширив его своими поправками, и перешла к законопроекту о борьбе с немецким засилием. Правительство внесло этот законопроект в таком виде, как будто умышленно хотело дискредитировать Думу: он был так составлен, что Дума должна была бы его отвергнуть и тогда можно было бы сказать, что Дума за немцев. Принять этот

наказание, так называемое, «минус 6». Там же на тех же основаниях жил священник отец Михаил, фамилию А.С. забыл, бывший ранее настоятелем Ново -Девичьего монастыря в Москве. Он рассказывал А.С., что его часто посещала внучка Мотовилова. Однажды она сказала о. Михаилу, что у нее есть письмо от Преподобного Серафима, которое она должна передать Патриарху Тихону и спрашивала совета, как ей быть. О. Михаил видел это письмо. Конверт был старенький, пожелтевший и видно было, что адрес написан гусиным пером. По точным сведениям о. Михаила письмо патриарху было передано. Он ушел читать в свою комнату и долго оставался там один. Когда вышел, он был весь в слезах.

1962 год Е.Ф. Родзянко (вдова старшего сына председателя Г. Думы)

законопроект в редакции правительства было невозможно, потому что он касался главным образом колонистов, т.е. земельных собственников, которых не следовало возбуждать во время войны. Кроме того выселение целого ряда колонистов повлекло бы за собой уменьшение посевной площади на юге России. Инженеры, администрация заводов, крупные торговцы, банкиры и другие влиятельные и гораздо более опасные немцы в законопроекте вовсе не упоминались.

Государь уехал в армию, а делами внутренней политики стала распоряжаться Императрица. Министры, особенно И.Л. Горемыкин, ездили к ней с докладами и создавалось впечатление, что она негласно была назначена регентшей. Вскоре после отъезда Государя Горемыкин отправился в Ставку и заручился согласием на роспуск Думы.

27 августа в заседании совета министров Горемыкин поднял вопрос о необходимости роспуска Думы, говоря, что она нервирует общество и мешает правительству работать. Между тем Дума была в это время занята обсуждением целого ряда неотложных вопросов, непосредственно связанных с войной, как законопроекты о беженцах, о немецком засилии и др. Обновленный состав министров не соглашался с мнением Горемыкина, которого поддержал только министр юстиции Хвостов. Когда же Горемыкин заявил, что он заручился принципиальным согласием Государя, то министры предлагали, чтобы не возбуждать слишком страну, найти компромисс, сговориться с председателем Думы, чтобы тот по собственной инициативе прервал заседания под предлогом необходимости депутатов принять участие в выборах в Г. Совет от земства. Но Горемыкин отверг всякие компромиссы и, никому не сказавшись, вторично поехал в Ставку, откуда привез готовый указ о роспуске. Когда на вторичном заседании совета министров он объявил, что имеет указ о роспуске, министры возмутились и резко упрекали его, что ездил в Ставку за таким важным решением, не сговорившись предварительно с ними. Горемыкин попробовал прервать заседание и прекратить прения, а когда это не удалось – покинул заседание и уехал, ни с кем не простившись. Оставшиеся без

председателя министры приняли решение корпоративно подать в отставку: Поливанов и Щербатов вызвались отправиться к Государю, а другие передали им свои письменные заявления и поручили заявить, что с Горемыкиным они служить не могут.

В те дни Горемыкин чуть не ежедневно вдохновлялся в Царском у Императрицы, где вновь целиком находились под влиянием Распутина. Жена Горемыкина сделалась открытой сторонницей Распутина и не стеснялась об этом говорить. На приеме министров в Ставке Государь взял привезенные Поливановым и Щербатовым прошения, разорвал их на мелкие клочки и сказал: «Это мальчишество. – Я не принимаю вашей отставки, а Ивану Логиновичу я верю». Щербатов и Поливанов уехали ни с чем, а Горемыкин почувствовал еще большую силу.

2 сентября вечером Горемыкин вызвал меня по телефону, сказал, что имеет важное дело, но устал и просит к нему приехать. У меня в этот вечер было довольно много членов Думы, которые обсуждали упорно ходившие слухи, что Горемыкин собирается распустить Думу. Это казалось настолько невероятным и невозможным, что когда они узнали о телефонном разговоре, то выразили уверенность, что председатель совета министров просит приехать, чтобы опровергнуть эти слухи. Однако Горемыкин сразу огорошил меня, передавая указ:

– Вот указ о перерыве занятий Думы, – встретил он меня, – завтра вы его прочтете.

Рассерженный, я резко сказал:

– Удивляюсь, что вы меня потревожили, чтобы передать такое неприятное известие: это можно было сделать и по телефону.

Больше ничего не было сказано. Очевидно Горемыкин умышленно спешил с роспуском, чтобы не дать сговориться членам Думы и чтобы, в случае резких речей, воспользоваться этим и распустить Думу совсем. Ожидавшие у меня на квартире депутаты были ошеломлены и возмущены; решено было тотчас же предупредить всех лидеров партий и просить их собраться в Думу на утро вместо одиннадцати к девяти часам.

Я был в Думе уже в восемь утра. Сейчас же собрали сеньорен-конвент, на котором вылилось все возмущение. Негодование было очень велико и некоторые готовились выступить чуть ли не с революционными речами, с заявлениями о нежелании

расходиться и объявить себя Учредительным Собранием. Потребовалось не мало спокойствия и красноречия, чтобы убедить наиболее горячих, не давать волю своему раздражению, не губить Думу и страну и не играть в руку Горемыкину. Мне много помог Дмитрюков: бедный, он дошел даже до обморока.* К счастью, и Милюков соглашался с моими доводами и обещал убедить свою фракцию отказаться от всяких резкостей. Я умышленно затягивал открытие заседания, чтобы во фракциях выговорились, излили негодование и успели остыть. Накануне, когда я узнал об указе, я тоже прошел через такое же настроение возмущения и злобы.

Когда в одинадцать часов заседание было открыто, в зале стоял такой гул, какого никогда не бывало: точно шумел огромный потревоженный улей. Волнение депутатов передалось и на хоры в публику, где повидимому ожидали, что Дума не проявит выдержки и что произойдут какие-то события. Офицеры в публике сидели бледные: об этом передавали пристава и знакомые. Казалось, что Дума не может не ответить на брошенный ей вызов, на оскорбительный перерыв занятий в то время, когда была занята серьезными неотложными проектами, касающимися войны.

Тем более вышло красиво и торжественно, когда началось совершенно спокойное заседание: гул прекратился и в воцарившейся тишине чувствовалось приближение момента огромного значения. Чтение указа было выслушано при полном молчании, а когда я, по обыкновению, провозгласил: «Государю Императору ура», – депутаты, как всегда, добросовестно громко прокричали «ура» и медленно стали расходиться. Молча расходилась и публика, и все сразу почувствовали какую-то уверенность, всем вдруг стало ясно, что так именно и следовало поступить, что правительство мелочно, хотело вызвать волнение, а Дума оказалась выше этой провокации и явила пример государственной мудрости.

Так же ответили и общественные организации: в Москве городской голова Челноков обратился с воззванием к рабочим, приглашая их спокойно продолжать свой труд, необходимый для войны. На земских и дворянских собраниях по всей России стали

*Вскоре после переворота И.И. Дмитрюков застрелился.

выносить резолюции, в которых обращались к Государю с просьбой внять народному желанию и назначить правительство, облеченное твердой властью и пользующееся доверием страны. Тон дало московское Дворянское собрание, которое постановило даже послать в Ставку выборных лиц для доклада Государю. К сожалению, Государь их не принял. Казалось, что вся Россия просит Царя об одном и том же, и что нельзя не понять и не прислушаться к молениям исстрадавшейся земли.

Я отправил в Ставку всеподданнейший доклад, в котором старался доказать, что необходимо удалить Горемыкина и прислушаться к голосу страны, которая принесла столько жертв и заслужила, чтобы с ней считались.

Однако, нашлись люди, которые поспешили ослабить впечатление единодушного порыва: председатель совета объединенного дворянства Струков как бы от лица всего дворянства написал Государю письмо о том, что положение вовсе не так ужасно, как это желают представить некоторые круги, что народ попрежнему доверяет правительству, и что все дворяне готовы положить свою жизнь и свои силы на исполнение воли тех, кого Царь признал нужным призвать к власти. Письмо это некоторое время не было известно в общественных кругах, а когда оно получило огласку, и дворянские депутатские собрания стали обсуждать поступок Струкова и выносить ему порицание – было уже поздно. Резолюция верноподданных, просящих призвать к власти людей твердой воли и пользующихся доверием были представлены Струковым, как революционные выступления и последовавшие затем объяснения дворян, что Струков не был никем уполномочен, – не возымели действия.

Вместо призыва к власти людей, облеченных доверием страны, пришлось уйти популярным министрам Самарину и Щербатову; предполагавшийся же не позже ноября созыв Думы все откладывался и откладывался.

Отставка Самарина произошла по следующему поводу. Тобольский епископ Варнава нашел в это время в своей епархии мощи какого-то Иоанна и, не ожидая канонизации Синода, стал служить ему молебны, как святому. По представлению Самарина Синод рассмотрел это дело и постановил вызвать епископа Варнаву для объяснения в Петроград. Варнава явился, пришел на заседание, но объяснений делать не пожелал, а коротко

сказал: «Мне с вами не о чем разговаривать...». Покинул заседание и скрылся так, что долго не могли узнать его местожительство. Варнава в это время жил на квартире князя Андронникова, одного из распутинских друзей. Самарин хотел возбудить новое дело о неповиновении епископа и лишении его сана, но Синоду дано было понять, чтобы Варнаву не трогали. А Варнава представил собственноручное письмо Государя, в котором было дано разрешение служить святому Иоанну торжественные молебны, что противоречило всяким каноническим правилам. Тогда Самарин поехал к Государю, находившемуся в Царском Селе, с подробным докладом. Так как письменный доклад был очень длинен, то он спросил Государя, не желает ли тот лучше выслушать от него устное сообщение. Вместо ответа Государь напомнил, что Самарин должен торопиться в заседание совета министров, оставил его письменный доклад у себя, сказав, что на досуге ознакомится с ним. Самарин уехал, явился в заседание, но не успел принять в нем участие, как его отозвал в сторону Горемыкин и передал полученное письмо от Государя, в котором ему поручалось предупредить Самарина, что тот отставлен от должности обер-прокурора Синода.

Самарин уехал в Москву, где на дворянском собрании ему устроили торжественную встречу, перешедшую в овации.

Вскоре после Самарина ушел по своему желанию и министр внутренних дел князь Щербатов. Он откровенно говорил, что ему опротивели интриги, что при создавшейся обстановке ничего полезного сделать нельзя.

Вместо Самарина назначен был Волжин, человек ничем особенно не замечательный, а вместо Щербатова – член Г. Думы из правых Хвостов. Он заявил в газетных интервью о своем желании заслужить доверие общественных кругов и принялся бороться с дороговизной. Он поехал в Москву, устроил там разгрузку вагонов с помощью гарнизона, нашумел, заставил о себе говорить и, на первых порах, как будто что-то и сделал. Со мной он был весьма любезен, часто посещал меня и, между прочим, упоминал о своей борьбе с Распутиным: он находил, что с его влиянием нужно бороться его же оружием и упомянул,

что хочет продвинуть во дворец монаха Мардария. Распутина же он рассчитывал обезвредить тем, что поручил его спаивать и будто бы даже дал для этого пять тысяч из своих собственных средств.

В это время в городах стали обнаруживаться недохваты то того, то другого продукта, отчасти вследствие наплыва беженцев, но больше от нераспорядительности правительства. Для борьбы с дороговизной придумали таксы, одинаковые для оптовиков и мелких торговцев; таксы эти часто были ниже покупной цены и, чтобы не остаться в убытке, торговцы прятали товары, а потом продавали из под полы. Дороговизне много способствовали непорядки на железных дорогах и главным образом невероятное взяточничество. Накладные расходы по перевозке часто превышали стоимость товара. Назначенный вместо Рухлова министр путей сообщения А.Ф. Трепов только еще хуже запутал дело, так как, по собственному признанию, никогда никакого отношения к министерству путей сообщения не имел. Окончилось тем, что Петрограду стал угрожать голод. Тогда совет министров решил на шесть дней прекратить движение пассажирских поездов между Москвой и Петроградом для беспрепятственного движения товарных. Эта мера, однако, нисколько не помогла, потому что одновременно не позаботились организовать усиленного подвоза к Москве из других мест. Пассажирское движение было остановлено, а товарные вагоны вернулись из Москвы наполовину пустые. Можно было предположить, что вместо дела министры хотели показать только свое усердие. Вообще, чем дальше, тем все шло хуже и не оставалось сомнений, что правительство не умеет и не может справиться с организацией тыла.

Между тем в особом Совещании шла усиленная работа по снабжению армии и были достигнуты крупные результаты. Земства и военнопромышленные комитеты много помогали и, несмотря на препятствия, чинимые правительством, поставки в армию снарядов и других необходимых предметов увеличивались с каждым днем. В это время в Особом Совещании произошло событие, в котором ярко вылилось пагубное влияние без-

ответственных лиц даже в деле снабжения армии. Один из самых крупных заводов, работавших на оборону, был Путиловский. Главный акционер завода – Путилов, он же директор Русско-Азиатского банка, желая получить субсидию в тридцать шесть миллионов от казны, прибегнул к следующему: Русско-Азиатский банк закрыл кредит Путиловскому заводу. Тогда дирекция завода обратилась к правительству с требованием субсидии, грозя иначе остановить завод. Так как завод работал для войны, то естественно было ожидать, что перед ассигновкой не остановятся, хотя бы и в тридцать шесть миллионов. Для людей осведомленных ясна была закулисная сторона всей этой истории. Вместо субсидии я предложил просто секвестровать завод. Решение о наложении секвестра было принято в Совещании почти единогласно, но неожиданно получилось Высочайшее приказание вновь пересмотреть вопрос. Это было сделано с помощью того же Распутина, с которым Путилов на всякий случай поддерживал хорошие отношения. Действительно, в следующем заседании все представители министров голосовали против секвестра, а один из них, адмирал Гирс, встал и открыто заявил: «Мне приказано голосовать против». Голоса членов Думы и Совета поделились. Лучшие и самые стойкие, к сожалению, отсутствовали по разным «уважительным причинам». Секвестр был отменен, я оказался почти в одиночестве: сила золота меня победила.*

Вопрос С Путиловским заводом был не единичным и Совещанию постоянно приходилось сталкиваться с безответственными влияниями и препятствиями, стоявшими на его пути.

С начала войны в Лондоне был созван комитет для объединения наших военных заказов заграницей. В состав этого комитета входил целый ряд промышленников, как английских, так и русских, а председательствовал сначала в.к. Михаил Михайлович, а впоследствии генерал Гермониус. Комитет этот действовал совершенно бесконтрольно до создания Особого Совещания. Когда комитет учреждался, английское правительство поставило условием, чтобы все заграничные заказы для наших военных нужд проходили через комитет: таким образом мы не были хозяевами положения, а находились в зависимости от желаний и

*Проходя мимо группы голосовавших за отмену секвестра, М.В. Родзянко произнес так, что все слышали: «Все куплю – сказало злато».

произвола английских промышленников. Заказы в Америке запаздывали, создавались постоянные неожиданные осложнения и бесконечные переговоры. Суда, которые доставляли заказы, конвоировались для ограждения на случай нападения немцев английскими крейсерами. Придравшись к этому, англичане предложили, чтобы весь наш торговый флот перешел в их распоряжение, якобы для удобства и объединения командования. Если бы на это согласились, мы отказались бы от нашего торгового флота и попали в тяжелую английскую кабалу. Ставка Верховного главнокомандующего признала это соглашение возможным. Я поднял вопрос в Особом Совещании на заседнии 2 января 1916 года, доказывая, что этот договор не может миновать Особое Совещание: поданное мною особое мнение поддержал только один Гурко, а остальные остались в стороне, вероятно потому, что это было бы против желания Государя. После заседания ко мне приехал английский посол Бьюкенен и военный агент Нокс. Я им откровенно заявил, что англичане пользуются нашим положением и вынуждают у Государя согласие на заведомо невыгодные для России сделки: «Это вымогательство, это недостойно великой нации и союзницы, русский народ не может снести такого унижения и об этом придется говорить с кафедры Думы».

На ближайшем докладе у Государя я повторил то же самое. Англичане больше не настаивали и их предложение заглохло. Одновременно министр Григорович, предвидя осложнения с Англией, вел переговоры с Японией. Переговоры увенчались успехом и Япония за возмещенные ей расходы по ремонту вернула нам потопленные в японскую войну крейсера: «Варяг», «Пересвет» и «Полтаву». После продолжительного путешествия мимо Африки, которое держалось в строгой тайне, крейсера дошли до Архангельска и у нас оказалась собственная охрана торгового флота.

При перерыве занятий Думы в указе было упомянуто, что Дума будет созвана не позже ноября; судя же по поведению Горемыкина, можно было верить упорно ходившим слухам, что не только в ноябре, но и позже Думу едва ли созовут. Действи-

тельно, ноябрь уже подходил к концу, а о созыве ничего не было слышно. Занятия бюджетной комиссии шли полным ходом. Депутаты волновались и просили выяснить положение. На аудиенции у Государя я снова говорил о Горемыкине, который мешает работать, тормозит деятельность тыла, рассказал о роли банков в заводских поставках. Когда я просил ускорить созыв Думы, Государь ответил: «Да, хорошо, я поговрю об этом с Иваном Логиновичем».

Не успел я вернуться из Царского, не прошло и получаса, как я получил Высочайший рескрипт. В рескрипте на имя председателя Думы говорилось о плодотворной работе бюджетной комиссии и о том, что по окончании этих последует доклад председателя Думы и созыв законодательных палат. Рескрипт ставил меня в совершеннейший тупик: бюджетная комиссия всегда работала параллельно с общими собраниями Думы и для возобновления занятий не требовалось никакого окончания работ комиссии. Рескрипт последовал после данной мне аудиенции и выходило так, будто вопрос обсуждался на аудиенции и было достигнуто какое-то соглашение. На самом деле это была очередная хитрость Горемыкина, желавшего уронить пердседателя Думы в глазах народного представительства. Депутаты, конечно, были удивлены, но едва ли кто мог поверить, что отсрочка произошла с моего согласия. Одновременно начались толки о том, что председатель Думы должен получить какую-то высокую награду. Толки оправдались и 6 декабря я узнал о пожаловании мне Анны первой степени. Надо сказать, что раньше без моего ведома министр Поливанов представлял меня к награде за особые заслуги по снабжению армии, но тогда в награде было отказано. Теперь же она была дана очевидно для того, чтобы подчеркнуть мнимую сговорчивость и уступчивость в вопросе о созыве. А для того, чтобы не было сомнений, что орден дается не за труды по Особому Совещанию в указе было сказано, что награждается «попечитель Новомосковской мужской гимназии», – значит, не председатель Думы.

XI

Забастовки. Изобретатель Братолюбов и г-жа Брасова. Письмо Горемыкину. Фрейлина М.А. Васильчикова.

Положение в стране ухудшилось. Спекуляция, взятки, бешенное обогащение ловких людей, все это достигало неимоверных размеров. Одновременно возрастала дороговизна в городах вследствие неорганизованности подвоза, а на заводах, работавших на оборону, начались забастовки, сопровождавшиеся арестами и чаще всего тех рабочих, которые стояли за порядок и были против прекращения работ.

С несколькими членами Думы я отправился на Путиловский завод, чтобы ознакомиться с выполнением заказов и попытаться переговорить с рабочими. Рабочие отнеслись к нам с большим вниманием, говорили откровенно и уверяли, что забастовка вовсе не политическая, а вызвана несоответствием платы с возрастанием цен на предметы первой необходимости. После переговоров с администрацией справедливые требования рабочих были удовлетворены, но как нарочно вскоре затем были арестованы именно те рабочие, которые особенно много говорили со мной и с депутатами. Аресты вызвали новые волнения и только после энергичных настояний рабочие были освобождены.

Приблизительно в декабре того же года всплыла история с Братолюбовым. Этот Братолюбов явился к великому князю Михаилу Александровичу и объявил ему, что он изобрел особые аппараты для выбрасывания горючей жидкости на большие расстояния. Для осуществления изобретения ему были нужны станки, которые якобы следовало выписать из Америки. На этот предмет изобретатель просил не более, как одиннадцать миллионов долларов, что составляло тогда около тридцати миллионов рублей. Заручившись протекцией супруги великого князя г-жи Брасовой, Братолюбов сумел повлиять на Михаила Александровича, тот поехал к Государю, а Государь подписал рескрипт на имя великого князя, разрешая этим рескриптом Братолюбову брать из государственного банка деньги по мере надобности.

По желанию великого князя была устроена проба этих аппаратов. Результаты получились самые отрицательные: горючая жидкость на большие расстояния не выбрасывалась, но зато получили смертельные ожоги пять человек солдат, приставленных к аппарату. Помощник военного министра Лукомский доложил об этой истории Поливанову. Поливанов поскакал к великому князю и объяснил ему, что все ассигновки на военные заказы должны проходить через Особое Совещание и военного министра. Великий князь признал свою ошибку и искренне извинялся, и тотчас поехал к Государю, после чего были приняты меры, чтобы Братолюбову не выдавались деньги. Оказалось, однако, что смелый изобретатель уже успел побывать в банке, а когда там усумнились в правильности его требования, он показал фотографию с рескрипта на имя великого князя Михаила Александровича. В банке ему выдали около двух миллинов рублей. Впоследствии выяснилось, что за спиной Братолюбова стояла целая шайка аферистов, стремившихся поживиться на государственный счет. Братолюбов был разоблачен, но зато Лукомского скоро отставили от должности помощника военного министра. Передавали, что отставка Лукомского находится в прямой связи с делом Братолюбова.

В начале декабря в Петроград приехал председатель земского союза князь Львов. Он посетил меня и до трех часов ночи сидел и рассказывал о том, что настроения в Москве становятся совершенно революционными: самые благонамеренные люди открыто говорят о развале власти и, не стесняясь, упрекают во всем Царя и Царицу.

Как раз в это время был удален с фронта и остался не у дел генерал Рузский: никто не верил в его болезнь и все были убеждены, что он обязан опалой немецкой партии, которой не нравились его строгости в Прибалтийском крае. На место Рузского был назначен Плеве.

Общее негодование на наши непорядки обрушивалось на Горемыкина, которого считали главным виновником разрухи и который на все обращения к нему по поводу войны неизменно отвечал: «Война меня не касается, это дело военного мини-

стра». На выражение общественного негодования Горемыкин оставался совершенно равнодушным.

Все просьбы и убеждения, обращенные к Государю об удалении Горемыкина, оставались безрезультатными. После беседы с князем Львовым и под влиянием рассказов в заседании Особого Совещания о вопиющих безобразиях в тылу, я решил написать лично Горемыкину. Я писал тут же в заседании Особого Совещания. Вот это письмо:

«Милостивый государь Иван Логинович. Пишу вам под свежим впечатлением тех сведений и данных, которые обнаружились в только что происходившем заседании Особого Совещания по обороне, и касаются катастрофического положения вопроса о перевозках по железным дорогам. Этот вопрос был поднят еще в Особом Совещании первого созыва, ему посвящены работы особой комиссии, но дальше разговоров, справок, и вычислений, дело не пошло, и катастрофа, которая тогда предвиделась, ныне наступила.

Подробности о положении заводов, работающих на оборону, которые должны при создавшихся условиях остановиться, а также соображения о надвигающемся голоде населения в Петрограде и в Москве и возможных, в связи с этим, беспорядков, – несомненно уже сообщены вам председателем Особого Совещания. Мне, как всем членам Совещания, стало ясным, что отечество наше верными шагами идет к пропасти, благодаря полной апатии правительственной власти, которая не принимает никаких действительных и решительных мер к устранению грядущих грозных событий. Я считаю, что совет министров, председательствуемый вами, обязан безотлагательно проявить ту заботливость о судьбе России, которая является его государственным долгом. Члены Особого Совещания по обороне предвидели все случившееся ныне еще полгода назад и вы, Иван Логинович, не можете отрицать, что обо всем этом я лично неоднократно ставил вас в известность, в ответ на что слышал, однако, одно и то же уверение, что это не ваше дело и что вы в дела войны вмешиваться не можете.

Ныне такие ответы уже несвоевременны. Приближается роковая развязка войны, а в тылу нашей доблестной и многострадальной армии растет общее расстройство всех проявлений народной жизни и удовлетворения первейших потребностей страны. Бездеятельностью власти угнетается победный дух народа и вера его в свои силы.

Ваш первейший долг немедленно, не теряя минуты, проявить наконец всю полноту забот об устранении препятствий, мешающих достижению победы. Мы, члены Г. Думы, имеем только совещательный голос, не можем принять на себя ответственность за неизбежную катастрофу, о чем я и заявляю вам категорически.

Если совет министров не примет наконец тех мер, которые возможны и которые спасли бы родину от позора и унижения, то ответственность падает на вас. Если вы, Иван Логинович, не чувствуете в себе сил нести это тяжелое бремя и не используете все имеющиеся средства, чтобы помочь стране выйти на стезю победы, – то имейте мужество в этом сознаться и уступить место более молодым силам.

Настал решающий момент, надвигаются грозные события, чреватые гибельными последствиями для чести и достоинства России. Не медлите, горячо прошу вас: отечество в опасности».

Письмо это я предварительно прочитал членам Думы, они одобрили его и оно было послано. Кто-то из членов Думы без моего ведома переписал это письмо. Оно стало ходить по рукам и об этом мне сообщали потом с разных сторон. Получив письмо, Горемыкин прочитал его в совете министров, возмущался «резким тоном» и заявил, что доведет об этом до сведения Государя Императора.

После получения награды я испросил аудиенцию, но Государь ответил, что он едет на южный фронт и примет меня через три недели. Это было в конце декабря. Бюджетная комиссия уже закончила работу и депутаты настаивали на скорейшем созыве Думы. Не взирая на приближение праздника Рождества, я отправил доклад об окончании работ комиссии и вновь просил принять меня. Ходатайство было удовлетворено. На приеме я поблагодарил Государя за награду, убеждал немедленно созвать Думу, передал об удручающем впечатлении от происходившего перед тем съезда правых и, не желая, чтобы были какие кривотолки, показал отправленное Горемыкину письмо.

Никаких определенных ответов я не получил.

Ко всем волновавшим народ событиям в то время присоединились еще упорные слухи, что Германия предлагает нам сепаратный мир, и что с ней негласно начали вести переговоры. Это тем более могло показаться правдоподобным, что еще в начале сентября я получил из Австрии от М.А. Васильчиковой очень странное письмо, в котором она старалась убедить меня способствовать миру между воюющими странами. Письмо было достаточно неправильно написано по-русски и производило впечатление, что оно переведено с немецкого. На конверте не было ни марки, ни почтового штемпеля. Принес его какой-то неизвестный господин. Оказалось, что такие же письма были отправлены Государю, великой княгине Марии Павловне, в.к. Елизавете Феодоровне, А.Д. Самарину, князю А.М. Голицыну и министру Сазонову – всего в семи экземплярах. Я тотчас же переслал письмо Сазонову, министр сообщил, что и он получил такое же письмо и Государь также, и советовал письмо бросить в корзину, заметив, что он тот же совет дал и Государю.

Я не мог не спросить Сазонова, как он терпит, чтобы Васильчикова сохраняла придворное звание (она была фрейлиной Государыни Императрицы).

Ко всеобщему изумлению М.А. Васильчикова в декабре появилась в Петрограде. Ее встречал специальный посланный в Торнео, на границе и в «Астории» для нее были приготовлены комнаты. Это рассказывал Сазонов, прибавивший, что по его мнению распоряжение было сделано из Царского. Все знакомые Васильчиковой отворачивались от нее, не желали ее принимать, зато в Царское она ездила, была принята, что тщательно скрывалось. Когда вопрос о сепаратном мире в связи с ходившими слухами был поднят в бюджетной комиссии, министр внутренних дел Хвостов заявил, что действительно, кем-то эти слухи распространяются, что подобный вопрос не поднимался в правительственных кругах и что, если бы это случилось – он ни на минуту не остался бы у власти. После этого я счел нужным огласить в заседании письмо Васильчиковой и сообщил, что она находится в Петрограде. Хвостов сильно смущенный, должен был сознаться, что она действительно жила в Петрограде, но уже выслана. После заседания частным образом Хвостов рас сказал, что на следующий день после своего появления Василь-

чикова ездила в Царское Село (к кому, он не упомянул) и что он лично делал у нее в «Астории» обыск и в числе отобранных бумаг нашел письмо к ней Франца-Иосифа и сведения, говорившие, что она была в Потсдаме у Вильгельма, получила наставления от Бетмана-Гольвейга как действовать в Петрограде, а перед тем гостила целый месяц у принца Гессенского и привезла от него письма обеим сестрам – Императрице и в.к. Елизавете Феодровне. Великая княгиня вернула письмо не распечатывая. Это передавала гофмейстерина ее Двора графиня Олсуфьева.

Государь, как рассказывали, был очень недоволен появлением Васильчиковой и велел выслать ее в Сольвычегодск. Однако, Васильчикова преспокойно проживала в имении своей сестры Милорадович в Черниговской губернии.

XII

Питирим и Штюрмер. Государь в Г. Думе. Гниющее мясо и недостаток продовольствия. Проезд Вивиани и Тома. На обеде у Штюрмера. Русская парламентская делегация. Проект Диктатуры.

14 января (1916 года) вновь назначенный петроградский митрополит Питирим неожиданно позвонил по телефону, предупредив, что он желает посетить председателя Думы.

Питирим, бывший последовательно епископом во многих губерниях, а затем экзархом Грузии, сумел через Распутина втереться в доверие к Императрице и был назначен вместо Владимира митрополитом Петроградским. Он был великий интриган, а о его нравственности ходили весьма определенные слухи. Он сразу стал играть роль: его посещали министры, считались с ним и его имя все время мелькало в газетах. Он успел побывать в Ставке у Государя и, как сообщалось в печати, ему было поручено передать председателю Думы о сроке созыва Думы.

Приехал он ко мне на квартиру с депутатом священником Немерцаловым, взяв его очевидно в свидетели, и сразу начал с политики:

– Приехал выразить вам свой восторг по поводу письма вашего высокопревосходительства председателю совета министров Горемыкину. Должен вам сказать, что об этом письме в Ставке известно.

– Для меня это не новость, владыко, я сам представил копию этого письма Его Величеству.

Питирим успокоительно заметил:

– Иван Логинович не долго останется: он слишком стар. Вероятно, вместо него будет назначен Штюрмер.

– Да, я слышал, но вряд ли это изменит положение, к тому же немецкая фамилия в такие дни оскорбляет слух.

– Он переменит фамилию на Панина...

– Обман этот никого не удовлетворит... Вы знаете, владыко, есть хорошая пословица: жид крещеный, конь леченый и т.д.

Питирим заговорил о Думе и старался уверить, что он бы хотел «столковаться с народным представительством и работать рука об руку». Я ему ответил, что это вряд ли возможно, так как вне сметы Синода между Думой и митрополитом не может быть точек соприкосновения.

Митрополит чувствовал себя видимо, не совсем хорошо и все время поглядывал на Немерцалова. Разговор перешел на реформу церкви и я сказал ему откровенно:

– Реформа необходима и, если вы, владыко, хотите заслужить благодарность русских людей, то вы должны приложить все усилия, чтобы очистить православную Церковь от вредных хлыстовских влияний и вмешательства врагов православия. Распутин и ему подобные должны быть низвергнуты, а вам надлежит очистить свое имя от слухов, что вы ставленник Распутина.

– Кто вам это сказал? – спросил бледный Питирим и, как бы проверяя меня осведомился, говорил ли я о Распутине Государю.

– Много раз... А что касается вас, владыко, то вы сами себя выдаете...

По выражению лица Питирима видно было, что он не поверил. На этом разговор оборвался и мы простились.

Слова Питирима опрадались: Горемыкин был отставлен и заменен Штюрмером. Назначение это привело всех в негодование: те, которые его знали по прежней деятельности, не уважали его, а в широких кругах, в связи со слухами о сепаратном мире, его фамилия произвела неприятное впечатление: поняли, что это снова влияние Императрицы и Распутина и что это сделано умышленно наперекор общественному мнению.

Открытие Думы было назначено на 9 февраля. Ходили слухи,что правые хотят сорвать заседание. Отношения с новыми министрами не были установлены. Штюрмер, вопреки обычаю вновь назначенных премьеров посещать председателей палат, попробовал по телефону вызвать меня к себе, на что ему сказали, что председатель Думы ожидает его у себя. Штюрмер немедленно приехал и держался заискивающе.

4 февраля было получено радостное известие о взятии нашими войсками Эрзерума. Слава этой победы всецело принадлежала генералу Юденичу, который, вопреки распоряжению штаба, взял крепость штурмом. Этот военный успех облегчил примирение с членами Думы и как-то сгладил последние вызовы власти.

Послы союзных держав и многие из иностранцев, принимавших участие в снабжении армии, обращались ко мне, желая проверить слухи об окончательном роспуске Думы. Слухи эти их очень волновали.

Надо было придумать что-нибудь, чтобы рассеять эти слухи, поднять настроение в стране и успокоить общество. Необходимо было, как я считал, убедить Государя посетить Думу. Обостренные отношения народного представительства с правительством могли вызвать нежелательные выступления правых и левых и эти выступления трудно было бы предотвратить. Между тем, посещение Царя обезоружило бы тех и других. Но кто мог уговорить на такой шаг Царя. Первым делом надо было обратиться к Штюрмеру и заручиться обещанием, не мешать и не отговаривать Царя. Бюрократ в душе, Штюрмер испугался возможности подобного шага, но всетаки обещал не вмешиваться, особенно после того, что я ему объяснил всю выигрышную сторону для него лично: в обществе могли предположить, что это он, новый премьер, внушил такую благую мысль Государю. После этого я решил прибегнуть к помощи некоего Клопова, старого идеалиста, патриота, которого Царь давно знал и любил и допускал к себе. Клопов этот бывал и у меня. Он согласился и написал Царю письмо, изложив доводы касательно посещения Думы. Скоро он получил ответ следующего содержания:

«Господи благослови. Николай».

9 февраля за полчаса до открытия Думы приехал Штюрмер и предупредил, что Государь прямо из Ставки будет в Думе. Немедленно был созван совет старейшин, которым я сообщил это радостное известие. Все депутаты, без различия партий, были приятно поражены и хотели видеть в этом хорошее предзнаменование для будущего. Решено было как можно торжественнее обставить этот важный по своему значению для Думы день: о предстоящем посещении было сообщено послам союзных держав и они были приглашены на торжественное молебствие. В городе эта весть быстро разнеслась, из уст в уста передавали с радостными лицами: «Царь в Думе. . .Слава Богу, теперь все изменится к лучшему». Приставская часть осаждалась требованиями билетов, и публики на хорах набралось столько, как никогда.

Интересно, что накануне вечером священник Немерцалов от имени митрополита приходил ко мне в кабинет и передавал о желании владыки служить молебен на открытии Думы. Ему ответили, что при думской церкви имеется уважаемое всеми духовенство, и что нет оснований изменять заведенный порядок.

Депутаты были все в сборе. В Екатерининском зале собрались представители союзных держав, члены Г. Совета и сенаторы. Председатель со своими товарищами и с советом старейшин встретили Государя на крыльце. Государь подъехал на автомобиле с в.к. Михаилом Александровичем и графом Фредериксом. Поздоровавшись, Государь, прошел в Екатерининский зал под неумолкаемые крики «ура» и приложился ко кресту. Государь был очень бледен и от волнения у него дрожали руки. Начался молебен; хор пел великолепно, все было торжественно и проникновенно. «Спаси, Господи, люди Твоя» пели члены Думы, даже публика на хорах. Вся эта обстановка, повидимому, успокоительно подействовала на Государя и его волнение сменилось довольным выражением лица. Во время провозглашения «Вечной памяти всем на поле брани живот свой положившим», – Государь встал на колени, а за ним опустилась и вся Дума.

По окончании молебна Государь подошел ко мне со словами:

– Михаил Владимирович, я хотел бы сказать несколько слов членам Думы. Как вы думаете, это лучше здесь или вы предполагаете в другом месте.

– Я думаю, ваше величество, лучше здесь.

– Тогда прикажите убрать аналой.

Поговорив несколько минут с подошедшими иностранными послами, Государь обратился к депутатам, которые окружили его тесным кольцом. Речь, сказанная спокойно, внятно и громко, произвела хорошее впечатление и громовое «ура» было ответом на Царские милостивые слова.*

Присутствующие пропели гимн и после короткого приветствия председателя Думы Государь прошел через боковые двери в зал заседаний, а в это время через средние двери уже успели наполнить зал и депутаты, и Государя снова встретило непрерывное «ура». Государь с интересом все рассматривал, спрашивал, где сидят какие партии, в полуциркульном зале он расписался в золотой книге и стал проходить далее.

Воспользовавшись тем, что я в это время остался с ним вдали от всех, я обратил его внимание на воодушевление и подъем, царившие среди членов Г. Думы.

– Воспользуйтесь, ваше величество, этим светлым моментом и объявите здесь же, что даруете ответственное министерство. Вы не можете себе представить величие этого акта, который благотворно отразится на успокоении страны и на благополучии исхода война. Вы впишите славную страницу в историю вашего царствования . . .

Государь помолчал, а затем сказал:

– Об этом я подумаю.

Мы проходили дальше мимо дверей министерского павильона:

– А там что? – спросил Государь.

– Комнаты министров, ваше величество, от которых вы должны быть как можно дальше.

Государь в павильон не зашел.

Приветливо поговорив с чинами канцелярии, окруженный толпой депутатов, он направился к выходу. Перед отъездом Государь несколько раз благодарил депутатов за прием и, обратившись ко мне, сказал:

– Мне было очень приятно. Этот день я никогда не забуду.

Все высыпали на подъезд и Царский автомобиль отъехал при громовом «ура», подхваченном улицей, где собравшаяся толпа радостно приветствовала Царя.

---

*Придворная цензура совершенно исказила эту речь.

Великий князь Михаил Александрович оставался до конца заседания. Вечером того же дня Государь посетил Г. Совет, где все прошло холодно, без торжественности и подъема. Контраст с приемом Думы всех поразил и об этом потом много говорили в обществе.

Декларация Штюрмера, прочитанная после отъезда Государя, произвела удручающее впечатление: произнес он ее невнятно, а когда по газетам ознакомились с ее содержанием, она еще более разочаровала. В длинных путанных фразах ничего не было сказано о намерениях правительства. Сошел он с кафедры при гробовой тишине и только кто-то на крайней правой попробовал ему аплодировать. С первых же шагов Штюрмер предстал, как полное ничтожество, и вызвал к себе насмешливое отношение, выразившееся в яркой речи Пуришкевича. Он тогда пустил свое крылатое слово «чехарда министров», назвал Штюрмера «Кивач* красноречия» и сравнил его с героем «Мертвых душ» Чичиковым, который, посетив всех уважаемых в городе лиц, долго сидел в бричке, раздумывая, к кому бы еще заехать. Это сравнение было очень удачным, так как Штюрмер с момента вступления в должность все разъезжал по разным министерствам и говорил речи.

Появление военного министра Поливанова было встречено овацией; его обстоятельная и деловая речь прослушана со вниманием. Также сердечно Дума встретила Сазонова и Григоровича. Закончилось заседание декларацией прогрессивного блока, в которой выражалось пожелание создать министерство, пользующееся доверием, чтобы с его помощью организовать силы страны для окончательной победы, упорядочение тыла и привлечение всех виновных в наших неудачах на фронте к ответственности. Тон декларации был уверенный и обязывающий правительство прислушаться к голосу народа.

В последующих заседаниях депутаты говорили в том же смысле; во многих речах слышалось требование о предании суду Сухомлинова. Особенно яркие речи произнесли: Б. Бобринский, Маклаков и Половцев. Последний, говоря о Мясоедове и военном министре, упомянул, что Мясоедова постигла заслуженная кара и заключил свою речь словами: «А где злодей, который обманул всех лживыми уверениями кажущейся готовности на-

*Водопад в сев. России.

шей к страшной борьбе, который тем сорвал с чела армии ее лавровые венки и растоптал в грязи лихоимства и предательства, который грудью встал между карающим мечем закона и изменником Мясоедовым? Ведь это он, министр, головой ручался за Мясоедова. Мясоедов казнен, где же голова его поручителя? На плечах, украшенных вензелями».

Наши союзники в полной мере учли важность события 9 февраля и от палаты депутатов и английского парламента были присланы приветственные телеграммы, из которых было видно, что они поняли посещение Государя, как единение Царя с народом, как новую угрозу для Германии, рассчитывающей на наши внутренние беспорядки.

В среде Царской семьи шаг Государя был встречен с большим одобрением. Недовольна была только Императрица: она резко говорила против по наущению своего злого гения.

За несколько дней до созыва Думы распространился слух, что в ресторане «Вилла Роде» убили Распутина. Все радовались, но оказалось, что его только избили. Позднее стало известно, что Штюрмер приказал охранять Распутина как высочайшую особу и помимо Поливанова велел дать в его распоряжение четыре военных автомобиля. Хвостов хвастался, что он организовал спаивание Распутина, но уже чувствовалось, что его дни сочтены, что Императрица и Штюрмер к нему охладели и хотят посадить на его место товарища министра Белецкого, дружившего с Распутиным и непосредственно его охранявшего. Чтобы предупредить неприятность быть уволенным, Хвостов, как он признавался, подал рапорт об отставке. Государь отставки не принял. А когда произошло избиение Распутина и открылась путанная история с посылкой некоего Ржевского для покупки документов у Илиодора, были уволены оба: и Хвостов, и Белецкий.

Позднее я слышал от инженера Бахметьева, вернувшегося из Америки, что там писали о роли Илиодора, который продал выкраденные у Распутина письма Императрицы журналу «American Magazin».

Наш посол старался перекупить документы, но это ему не удалось и он зря потерял десять тысяч задатку.

Правительство своими действиями постаралось возможно скорее испортить впечатление от посещения Государя. Оно продолжало прежнюю политику, вернее прежний разброд. В самой Думе правые подняли голову. Марков 2-ой позволял себе неприличные выходки против общественных организаций, обвиняя их, что они волнуют умы и наживаются на войне. Обвинения, конечно, бросались без всяких доказательств и фактов с единственной целью внести раздор и посеять недоверие к этим организациям. Съезд крайних правых в Нижнем-Новгороде их не удовлетворил и они начали подготовлять новый, на который предполагали привлечь духовенство и крестьян. Во главе этой затеи стоял бывший министр юстиции Щегловитов, а средства щедро отпускались от правительства. Одновременно ходили упорные слухи о роспуске Думы и о новых переменах в правительстве.

Пользуясь приездом Государя в Царское, я испросил аудиенцию и 24 февраля 1916 г. был принят. Аудиенция продолжалась полтора часа. Я говорил обо всем с полной откровенностью, рассказал об интригах министров, которые через Распутина спихивают один другого, о том, что попрежнему нет сильной системы, что повсюду злоупотребления, что с общественным мнением и с народом не считаются, что всякому терпению бывает предел. Я упомянул об авантюрах Д. Рубинштейна, Мануса и прочих тыловых героев, об их связи с Распутиным, об его кутежах и оргиях и о том, что близость его к Царю и к Царской семье и влияние его на все существенные вопросы государственной жизни в дни войны доводят до отчаяния честных людей. Участие Распутина в шпионаже, как агента Германии, не подлежало сомнению.

– Если бы министры вашего величества, – сказал я, – были независимые люди и преследовали единственную цель – благо родины, – присутствие такого человека, как Распутин, не могло бы иметь значения для дел государства. Но беда в том, что представители власти держатся им и впутывают его в свои интриги. Я опять должен доложить Вашему Величеству, что так

долго продолжаться не может. Никто не открывает вам глаза на истинную роль этого гнусного старца. Присутствие его при Дворе Вашего Величества подтачивает доверие к Верховной Власти и может пагубно отразиться на судьбах династии и отвратить от Государя сердца его подданных.

На все тяжелые истины Государь либо молчал, либо выражал удивление, но, как всегда, был любезен и приветлив. Когда я прервал свой доклад, он обратился с вопросом:

– Как вы думаете, чем окончится война... Благополучно ли для нас?

Я сказал, что за армию и народ можно отвечать, но что командный состав и внутренняя политика затягивают войну и мешают победе.

Доклад этот, все-таки, видимо, произвел впечатление: 27 февраля было дано распоряжение выслать Распутина в Тобольск.

Через несколько дней распоряжение это по требованию Императрицы было отменено.

1 марта последовало высочайшее соизволение о направлении дела Сухомлинова в первый департамент Г. Совета для разрешения вопроса о предании его суду. Подписывая бумагу, Государь заметил: «Приходится принести эту жертву».

Три недели спустя первый департамент вынес постановление о назначении предварительного следствия, которое и признало, что к генералу Сухомлинову, согласно обвинительному акту, надо применить личное задержание. Верховный следователь доложил об этом министру юстиции, который согласился на арест Сухомлинова. Бывший военный министр был заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Жена его, игравшая такую важную роль в его вольных и невольных связях с лицами, уличенными в шпионстве, не только была оставлена на свободе, но ей даже были разрешены свидания с мужем. Она добилась через Распутина аудиенции у Царицы и та ей стала покровительствовать.

---

3 марта был уволен министр внутренних дел Хвостов, сломавший себе шею в борьбе с распутинским кружком.

На заводах продолжались забастовки, вызывая опасения не только в тылу, но и на фронте. Генерал Алексеев писал мне, что доставка продовольствия в армию совсем не организована, что снова не хватает сапог и опасаются, как бы не прекратилась доставка снарядов. На северном фронте, ближайшем от столицы, от плохого питания среди солдат распространилась цынга.

В Особом Совещании прошел наконец вопрос о секвестре Путиловского завода. Не проходило аудиенции у Государя, чтобы я не напоминал, что надо пересмотреть неправильное решение. После секвестра прежние члены правления были удалены и назначены надежные и знающие люди. Рабочие, как военно-обязанные, лишены были возможности бастовать.

15 марта был уволен без рескрипта военный министр Поливанов. Он только что вернулся из Ставки после милостивого приема и неожиданно для себя и для всех получил уведомление, что он отставлен от должности. Все недоумевали и объясняли причину отставки секвестром Путиловского завода или доносами, что Поливанов инспирирует политические резолюции военно-промышленных комитетов. Сам Поливанов понял причину гораздо проще: он распорядился отобрать от Распутина данные ему Штюрмером четыре военных автомобиля; Императрица, всегда относившаяся к нему недоверчиво, узнала об этом распоряжении и настояла на его удалении.

Незадолго перед тем Поливанов говорил: «Теперь мне совершенно ясно, как можно упорядочить военные дела после сухомлиновской разрухи и привести к победе».

Отставка эта произвела удручающее впечатление. Газеты были полны восхвалениями ушедшего министра, оценивая результаты его работы сравнительно за короткий срок. В Думе и в обществе говорили о безответственном влиянии, о министерской чехарде и о том, что враг забирается все глубже и глубже и бьет по тем людям, которые вредны немцам и полезны России.

Взоры были обращены к народному представительству, которое в то время пользовалось популярностью и доверием страны. Но и Дума уже сознавала, что при наличии Распутина и влияния Царицы, которое все усиливалось, невозможно достичь

желательных результатов в смысле успехов на фронте и порядка в тылу.

Вместо Поливанова был назначен генерал Шуваев, честный, хороший человек, но недостаточно подготовленный для такого поста и в такое исключительное время. Его представительство в Особом Совещании делало заседания путанными и утомительными. После ухода Поливанова в.к. Сергей Михайлович повел агитацию против Особого Совещания и убеждал Государя вовсе его упразднить. С Шуваемым на заседаниях происходили постоянные столкновения и казалось, будто он нарочно вызывал резкости, чтобы иметь причины для ликвидации Совещания.

Беспорядки в тылу принимали угрожающий характер. В Петрограде уже чувствовался недостаток мясных продуктов. Между тем, проезжая по городу, можно было встретить вереницы подвод, нагруженных испорченными мясными тушами, которые везли на мыловаренный завод. Подводы эти попадались прохожим среди бела дня и приводили жителей столицы в негодование: на рынке нет мяса, а на глазах у всех везут чуть ли не на свалку испорченные туши.

Члены Особого Совещания ездили осматривать городские холодильники за Балтийским вокзалом. Холодильники были в полном порядке, мясо в них не портилось, но зато кругом были навалены горы гниющих туш. Оказалось, что это мясо, предназначавшееся для отправки в армию. Его, видите ли, негде было хранить. Когда поставщики обращались за разрешением построить новые холодильники, им не давали ни средств, ни разрешения. По обыкновению, министерства не могли между собой сговориться: интендантство заказывало, железные дороги привозили, а сохранять было негде, на рынок же выпускать не разрешалось. Это было также нелепо, как многое другое: точно сговорившись, все делали во вред России.

Члены Особого Совещания доложили обо всем виденном на заседании, я написал письмо Алексееву и только после этого заинтересовались мясным вопросом. Тысячи пудов мяса, конечно, погибли. То же самое происходило и с доставкой мяса из Сибири: от недостатка и неорганизованности транспорта гибли уже не тысячи, а сотни тысяч пудов. Виновников, конечно, не нашлось, так как один сваливал на другого, а все вместе на общую бесхозяйственность.

Поливанов говорил, что мясную историю он считает не случайностью и даже не следствием разрухи, а планомерным выполнением немецкой программы.

В половине апреля вернулся из Кисловодска генерал Рузский, ездил в Ставку, прося назначения на фронт, но ничего определенного не получил и томился в Петрограде без дела. Между тем на северном фронте, где появился Куропаткин, дела были хуже и под Ригой мы понесли ненужные большие потери.

В Особом Совещании был поднят вопрос об усилении производства ручных гранат и орудий для разрушения проволочных заграждений. Во французской армии эти орудия были в большом употреблении и генерал Жоффр, узнав, что их у нас нет, прислал специалиста, с помощью которого был приспособлен для этой цели один завод. На фронте от этих новых орудий были в восторге. Мне самому пришлось быть во время их испытания на северном фронте и они действовали прекрасно.

Между тем в.к. Сергей Михайлович распорядился прекратить выделку этих орудий. Об этом мне сообщил французский военный агент маркиз Лягиш. Начальник артиллерийского управления генерал Маниковский подтвердил слова Лягиша. Снова пришлось говорить об этом в Особом Совещании, снова объяснять то, что казалось бы должно было быть для всех очевидным и снова вступать в борьбу с безответственными влияниями.

В газетах появилась короткая заметка о том, что какой-то чиновник назначается делопроизводителем при Особом Совещании пяти министров под председательством Трепова. Об этом Совещании никто не имел представления. Какие пять министров и о чем они совещаются, и какое это учреждение, созданное помимо Думы. Я запросил Штюрмера, что представляет из себя

это Совещание и на основании какого закона оно действует. Ответа не последовало. Только через несколько дней на банкете в честь французских министров Штюрмер отвел меня в сторону и сказал, что он не мог ответить на письмо, так как это Совещание было учреждено секретно по желанию Государя.

Подробности этого дела следующие. При создании Особого Совещания из общественных деятелей власть военного министра, как председателя Совещания, простиралась до известной степени на все ведомства в тех случаях, когда вопрос касался военной необходимости. Совещание решало, военный министр утверждал и ведомства должны были исполнять. Совет министров оставался в стороне. Такой порядок, несмотря на блестящие результаты, не мог нравиться чиновникам и некоторым министрам и они убедили Государя создать какой-то комитет из пяти министров. Пока был Поливанов, на это не решались, потому что он стоял на почве закона и пользы дела: поэтому-то его и уволили.

Создание министерского Совещания, недоверие и негласный контроль над Совещанием общественных деятелей глубоко оскорбил и возмутил его участников. Они поручили мне передать Штюрмеру, что если Совещание пяти не будет упразднено, то все члены Особого Совещания по обороне подадут мотивированную отставку, а это будет чревато последствиями. Штюрмер поспешил заявить, что он тоже находит существование пяти незаконным и доложит об этом Государю.

В первых числах мая приехали представители французского правительства: Вивиани и Тома. Дума устроила им торжественный банкет. Говорились речи о взаимной братской дружбе и о совместной борьбе до конца.

На другой день Тома пожелал иметь продолжительный разговор о снабжении армии, провел у меня целый вечер и поразил присутствовавшего при разговоре члена Особого Совещания С.И. Тимашева своей осведомленностью о положении наших дел. Говоря о недостатках снабжения, он перечислял все наши больные стороны и закончил остроумной многозначительной фразой: «La Russie doit être bien riche et sûre de ses forces pour se

permettre le luxe d'un gouvernement comme le Votre, car le premier ministre – c'est un désastre et le ministre de la guerre – une catastrophe».*

Когда через день французы уезжали и я их провожал, я спросил одного из них:

– Dites-moi, Monsieur, sincèrement votre opinion, qu'est ce qu'il nous manque en Russie?**

Француз ответил:

– Ce qu'il vous manque? C'est l'autocratie de votre gouvernement car si j'ose vous dire encore, M. le président, la Russie doit être bien forte moralement pour supporter pendant le temps sérieux que nous passons, cet état de douce anarchie, qui régne dans votre pays et se jette aux yeux.***

---

12 мая Штюрмер давал обед, на который были приглашены все министры, несколько членов Г. Совета, кое-кто из правых Думы. Я принял приглашение и пошел, чтобы в интимной обстановке высказать все, что наболело и волновало. После обеда, когда подали кофе и перешли в гостиную, я сказал собравшимся приблизительно следующее:

«Подумайте, что происходит... В великую годину, когда проявляется во всей красоте народный подъем, доблесть армии, когда льются реки крови, – правительство не сумело стать во главе движения, не сумело уловить настроение и, мелко плавая, не шло дальше надзора над общественными организациями. Вы, представители правительства, ничего не поняли, ничего не учли и, цепляясь за свою власть и преимущества, оставались безучастными зрителями, когда перед вами церемониальным маршем демонстрировали патриотический подъем всей страны, без различия партий, положений и национальностей. Вы оказались в

---

*Россия должна быть очень богатой и уверенной в своих силах, чтобы позволить себе роскошь иметь такое правительство, как ваше, в котором премьер -министр – бедствие, а военный министр – катастрофа.

**Скажите мне откровенно ваше мнение, чего недостает в России?

***Чего не достает?... Это твердой власти в правительстве: я позволю себе снова повторить вам, г. председатель, что Россия должна быть морально очень крепка, чтобы переносить в такое тяжелое время, как мы переживаем, состояние тихой анархии, которая царит в вашей стране и бросается в глаза.

обозе второго разряда и, когда все жаждали работы для победы, просили разумной твердой власти, правительство занялось поисками несуществующей революции. Вы устраивали монархические съезды, травили общественные организации, вы создавали те бесконечные междуведомственные трения и интриги, от которых парализовались дела управления и государство попало в руки мародеров тыла. Лихоимство, взятки, грабежи растут изо дня в день и с этим не борятся. Лица, заслуживающие виселицы, продолжают играть роль и всем двигает не патриотизм, а протекция и личная выгода...»

Я им напомнил Маклакова с историей поставки сапог на армию и Горемыкина, который во время отступления пятнадцатого года повторял, что война его не касается.

«Вся страна слилась в одном лозунге: 'всё для войны', а правительство жило и продолжает жить своей чиновничьей жизнью вне великих событий. Теперь приближается ликвидация войны и после колоссальной перестройки всего здания государства – готовится ли правительство к разрешению тех колоссальных вопросов, которые будут за войной? Понимает ли оно международные, торговые, экономические и другие перспективы, и озабочено ли оно поднятием сельского хозяйства? Решительно нет. На мое предложение созывать периодически смешанные совещания министров, промышленников и сведущих людей по разным отраслям, членов палат, профессоров, словом, делать то, что давно делается нашими союзниками, – мне отвечают все по очереди отказом, а Сазонов и Шаховской заявляют, что экономические вопросы их не интересуют, и они в них не осведомлены. Дальше этого идти нельзя. И не мудрено, что, когда в первый период войны правительство действовало без вмешательства общества, враг завладел двадцатью губерниями, а наши доблестные войска отступали без снарядов и ружей. Резкая перемена произошла с тех пор, как вмешались члены Думы, но правительство сразу начало им во всем мешать и создавало свои конспиративные совещания... Вы должны понять, что страна вас не любит, не верит вам, вы доказали, что у вас нет ни системы, ни знания, ни организации. Все заменяется полицейскими мерами преследования. В бесплодных поисках мнимой революции вы уничтожаете живую душу народа и создаете глухое брожение и недовольство, которые могут в конце концов вы-

литься в действительную революцию. Не понимая величие минуты, вы роняете власть и развращаете народ тем, что не внушаете ему уважения к власти. Но придет время и он потребует возмездие за все ваши ошибки».

Князь В.М. Волконский говорил мне потом, что мои слова обрушились на министров как гром, которого они не ожидали.

Штюрмер после этого обеда ездил в Ставку и Совещание пяти министров было отменено (через несколько месяцев было однако вновь образовано подобное совещание, на этот раз из шести министров).

---

16 мая был опубликован указ о возобновлении занятий Думы. Так как 27 апреля было десятилетие со дня созыва первой Думы, то мне пришлось отметить это событие во вступительной речи. Я упомянул, что несмотря на ошибки первых двух Дум, идея народного представительства укрепилась в сознании народа, как фактора, необходимого в государственном строе, и отметил заслугу Императора Николая II, даровавшего России народное представительство. Правительство в полном составе отсутствовало: говорили, что оно ожидало каких-то резких выступлений.

В этой сессии занятия шли вяло, депутаты неисправно посещали заседания, часто не было кворума. Правые делали резкие выходки, желая сорвать Думу, а в общем атмосфера была настолько неопределенной, что трудно было что-нибудь сделать. Постоянная борьба казалась бесплодной, правительство ничего не хотело слушать, неурядица росла и страна шла к гибели. На Думу возлагали надежды, но она, к сожалению, была бессильна. Мы мучительно переживали это общее состояние упадка духа и энергии.

На кавказском фронте был новый успех, но в то же время с кавказского фронта приходили известия, что войска терпят большие лишения, что, вообще, сил так мало и на просьбы прислать подкрепления в Ставке не обращали внимания.

По мнению генерала Поливанова следовало обратить главное внимание на кавказский фронт, продвигаться к Константинополю и взять его с помощью союзников, находившихся в Са-

лониках. Об этом писали и французские газеты. В Ставке, однако, смотрели иначе, руководствуясь главным образом ревностью к в.к. Николаю Николаевичу. Стоило ему что-нибудь заявить, – чтобы делали наоборот и просьбы его вообще не исполнялись. Впрочем, недоброжелательство было обоюдное: когда в Ставке отстраняли кого-нибудь от должности, его брали на Кавказ.

Начались успехи Брусилова на нашем западном фронте. За эту операцию брусиловские армии взяли 430 тысяч пленных. Успехи наши имели большое значение для союзников, так как мы снова откинули войска от Вердена, где в продолжении стольких месяцев немцы бесплодно истощали яростными атаками свои и французские силы. Италия тоже была спасена нашим наступлением и с ее фронта на наш были перевезены крупные австрийские части.

Офицеры, участники наступления, считали, что успеху операции помогло то обстоятельство, что Брусилов начал наступление на полтора суток раньше назначенного Ставкой срока: в армии ходили упорные слухи, что в Ставке существует шпионаж и что враг раньше нас осведомлен о всех наших передвижениях. К сожалению, многие факты подтверждали это подозрение.

В мае и июне наша парламентская делегация посетила союзные государства и везде была встречена с большим почетом и воодушевлением. Перед отъездом я предупреждал Протопопова, старшего в делегации, что наши русские посольства могут быть недостаточно внимательными. К сожалению, так и оказалось: наш посол в Англии граф Бенкендорф отсутсвовал при встрече и не командировал ни одного из чиновников посольства. Делегацию это особенно поразило, потому что со стороны англичан встреча была обставлена весьма торжественно: король выслал за делегацией свой поезд и многие высшие чины были на вокзале. Когда Протопопов приехал в наше посольство, граф Бенкендорф был с ним почти невежлив и объяснил отсутствие

посольства тем, что не обязан встречать делегацию, не получив по этому поводу инструкций из Петрограда. Между тем во всех союзных государствах, в речах и в разговорах иностранцы особенно подчеркивали свое доверие к русскому народному представительству. Судя по докладу Протопопова, и отзыва о нем Милюкова, он, как глава делегации, держал себя умно и тактично. Наши депутаты были поражены идеальной организацией тыла у союзников и их работой на оборону.

Единственной фальшивой нотой поездки было бестактное свидание Протопопова с представителем Германии в Стокгольме на обратном пути. Протопопов задержался и, когда остальные уехали, он не как председатель делегации, а как частное лицо имел свидание с Варбургом, подосланным германским послом Люциусом. Газеты подняли по этому поводу шум и я вынужден был потребовать объяснений Протопопова в Думе в присутствии депутатов. Протопопов не отрицал своего свидания с первым секретарем германского посольства, которому он подчеркнул невозможность для России мира до полного поражения Германии. Когда Варбург пытался оправдать Германию и сваливал всю ответственность на Англию, Протопопов заявил, что он не может позволить в своем присутствии порочить наших союзников. Дума удовлетворилась его объяснениями и я послал в газеты письмо с описанием стокгольмского инцидента.

На фронте не могли понять, почему наступление шло только на юго-западе у Брусилова и почему его не поддерживают. Между тем у Бороновичей прорыв начался неудачно и действия словно оборвались.

В противовес Брусиловским успехам в Особом Совещании по обороне дела все более запутывались и борьба с председателем министром Шуваевым усиливалась. Он все более и более обнаруживал свою неспособность к ответственной роли, подпадал под влияние придворных сфер и слепо исполнял приказания, исходившие из Царского Села. Несмотря на свою порядочность и честность, он терялся среди всевозможных течений и не умел сглаживать разногласий. Когда, благодаря в.к. Сергею Михайловичу, началось из Ставки гонение на энергичного начальника

артиллерийского управления Маниковского, Шуваев не сумел его поддержать и Маниковского удалось отстоять только настойчивыми требованиями членов Думы и Совета.

24 июня я отправился в Ставку с докладом и до приема у Государя навестил генерала Алексеева. В Петрограде ходили слухи, что Алексеев готовит доклад об учреждении диктатуры в тылу по вопросам внутреннего управления и снабжения армии и страны. Незадолго до моего отъезда я получил сведения от генерала Маниковского, что новый проект уже разработан и что генерал Алексеев подал об этом доклад Государю. В подтверждение своих слов Маниковский передал мне копию доклада, сущность которого сводилась к созданию диктатуры для упорядочения тыла с правом приостанавливать распоряжения министров и Особого Совещания. Легко представить, чем грозило создание такой диктатуры, если предложение это было внушено в.к. Сергеем Михайловичем с тем, чтобы самому занять этот важный и ответственный пост.

Я спросил Алексеева, правильно ли то, что мне сообщили о его проекте или нет, и показал ему копию доклада.

Алексеев признался, что он действительно подал Государю такой доклад, настойчиво добивался, кто мне передал секретную бумагу, и говорил, что он не может воевать с успехом, когда в управлении нет ни согласованности, ни системы и когда действия на фронте парализуются неурядицей тыла.

Я указал генералу Алексееву, что его сетования совершенно справедливы, но если дать настоящие полномочия председателю совета министров, то можно обойтись и без диктатуры. Назначение же на такой пост в.к. Сергея Михайловича было бы равносильно гибели всего дела снабжения армии. Вокруг него снова собрались бы прежние помощники и друзья и кроме вреда армии и стране от этого ничего бы не последовало.

«Передайте от меня великому князю Сергею Михайловичу, – сказал я Алексееву, – что если он не прекратит своих интриг по части аритиллерийского снабжения, то я, как председатель Думы, обличу его с думской трибуны: доказательств о его деятельности у меня более, чем достаточно».

В дальнейшем разговор коснулся общего положения на фронте, и я передал Алексееву о желании армии видеть Рузского снова командующим. В некоторых вопросах Алексеев

вполне согласился, неодобрительно отзывался о Эверте и Куропаткине, но про Рузского сказал, что назначение ему дать не может.

Это свидание с Алексеевым было у меня первым: до тех пор мы только переписывались. Алексеев производил впечатление умного и ученого военного, но нерешительного и лишенного широкого политического кругозора.

Прием у Государя был по обыкновению любезный и все сообщения о разных неприятностях тыла были выслушаны без противоречия и недовольствия. Давая отчет о Думской работе, я указал на желание правых создать конфликт по вопросу о борьбе с немецким засилием. Закон, внесенный правительством не был принят, так как он не достигал цели: бороться с немецким засилием в тылу надо, но затрагивать при этом во время войны во всей широте земельный вопрос опасно. Здесь должна быть система и отнимать у одних земли, чтобы раздать их солдатам, пострадавшим на войне, рискованно и может повести к аграрным беспорядкам.

На это Государь заметил, что раздача земель солдатам была его мыслью.

– Тем не менее, ваше величество, позвольте с вами не согласиться и всеподданнейше просить пересмотреть этот законопроект.

Когда речь зашла о Польше, я напомнил, что положение Польши до сих пор не выяснено, что поляки волнуются за свою судьбу, видя, что правительство постепенно забывает о воззвании в.к. Николая Николаевича.

Перед отъездом в Ставку поляки мне рассказывали, что Императрица в разговоре с графом Замойским сказала:

– L'idée de l'autonomie de la Pologne est insensée, on ne peut le faire sans donner les mêmes droits aux provinces baltiques.*

Переходя к вопросу о диктатуре, я сказал, что вынужден предостеречь Государя от этого опасного шага и к крайнему удивлению заметил, что Государь, видимо, совсем забыл о проекте Алексеева и спросил: «Какая диктатура?»

Я подал копию доклада, Государь посмотрел на нее равнодушно и сказал:

*Идея об автономии Польши бессмысленна: она не осуществима без того, чтобы не дать тех же прав Прибалтийскому краю.

– Да, у меня в делах есть такая бумага.

Мое мнение сводилось к тому, что учреждение диктатуры не достигло бы цели и в то же время умаляло бы Царскую власть. Государь слушал внимательно и спросил:

– Что же вы посоветуете сделать для упорядочения тыла?

– Ваше Величество, я могу предложить вам один выход из создавшегося положения, и он тот же, который я вам предлагал и раньше: дайте ответственное министерство. Вы только расширите права, которые вы уже дали конституцией, но власть ваша останется незыблемой. Только ответственность будет лежать не на вас, а на правительстве, а вы по прежнему будете утверждать законы, распускать законодательные учреждения и решать вопросы войны и мира.

Государь ответил:

– Хорошо, я подумаю, – и добавил, – а кого бы вы порекомендовали в председатели совета министров?

– Вы будете удивлены, Ваше Величество, но я назову адмирала Григоровича. В своем ведомстве он сумел в короткое время наладить дело образцово.

– Да, это правда, но его область иная, а в председателях он будет не на месте.

– Поверьте, Государь, что он будет лучше Штюрмера.

Когда разговор коснулся непорядков в министерствах путей сообщения и торговли, то Государь снова спросил:

– А кто ваши кандидаты на эти посты?

Я назвал ниженера Воскресенского и товарища председателя Думы Протопопова.

Царь не возражал, но как и при других докладах, делал заметки в записной книжке.

Заканчивая доклад, я упомянул еще о двух вопросах: о защите министрами, так называемого, Кузнецкого предприятия, в котором был заинтересован брат министра Трепова и которому покровительствовали министры Трепов и кн. Шаховской, и о помощи увечным воинам. Предприниматели, участвовавшие в Кузнецких заводах, добивались получить огромные участки богатых казенных земель на Урале и для их разработки просили беспроцентную ссуду в двадцать миллионов, которые обязались выплатить в течение пяти лет. Г. Дума отвергла это ассигнование на дело, казавшееся ей спекулятивным.

Вопрос о правильном попечении увечных воинов до сих пор не был как следует разработан. Государь просил представить по этому поводу проект в готовом виде, чтобы он мог быть передан в законодательные палаты.

После приема я был приглашен к Высочайшему столу, но, несмотря на милостивое внимание, мне было ясно, что доклад мой не произвел должного впечатления: не то усталость, не то равнодушие были заметны в отношении ко всему происходящему.

Когда в промежутке между приемом и обедом я рассказывал о впечатлении от своего доклада М.П. Кауфману*, тот сказал: «Я бы посоветовал вам явиться к Императрице и постараться образумить ее и объяснить ей истинное положение вещей: может быть, вы там чего-нибудь и добьетесь».

XIII

Манасевич-Мануйлов и Хвостов старший. Штрюмер – диктатор. Гвардия под Стоходом. Аэропланы из заграницы.

Министерская чехарда продолжалась. Министр Сазонов был отставлен без прошения и на его место назначен Штюрмер с оставлением премьером. Хвостов, министр юстиции, назначен министром внутренних дел, а Макаров на место Хвостова. Причины отставки Сазонова никто не мог объяснить. Один из служащих министерства иностранных дел мне говорил, что причина эта заключалась в докладе Сазонова о Польше. Сазонов настаивал на разрешении польского вопроса и на удалении Штюрмера, главного противника автономии Польши. Но я думаю, что причины эти лежали глубже. Про министра юстиции Хвостова говорили, что он пострадал из-за Сухомлинова, так как отказался приостановить следствие по его делу. Императрица призывала его к себе и в продолжении двух часов говорила об освобождении Сухомлинова. Сперва она доказывала его невиновность, потом в повышенном тоне стала требовать, чтобы Сухомлинов был выпущен из крепости, все время повторяя: «Je veux, j'éxige, qu'il soit libéré»**.

---

*Представитель Красного Креста в Ставке и член Г. Совета.

**Я хочу, я требую, чтобы он был освобожден.

Хвостов отвечал, что он не может этого сделать и на вопрос Александры Феодоровны: «Pourquoi puis que je vous l'ordonne»***.

Он ответил: «Ma conscience, Madame, me défend de Vous obéir et de libérer un traître»****.

После этого разговора Хвостов понял, что дни его сочтены и его перемещение на должность министра внутренних дел было только временным для соблюдения приличия. Назначая Макарова, Императрица надеялась, что он будет более податлив, но, к счастью, этого не оказалось.

После возвращения из Ставки я имел разговор со Штюрмером по поводу проекта о диктатуре. Он заявил, что ничего об этом не знает. Через неделю он отправился в Ставку с письмом Императрицы.

На ближайшем заседании Особого Совещания обнаружилось, что назначенная Совещанием посылка нескольких артиллерийских парков была приостановлена Штюрмером. При своем возникновении Особое Совещание указом Императора было поставлено выше совета министров. Члены Совещания требовали объяснений от военного министра. Тогда военный министр показал нам секретную бумагу-указ, по которому Штюрмер назначался диктатором со всеми полномочиями. Немедленно были выбраны представители Совещания, которые отправились к Штюрмеру и выразили ему свое негодование. После этого он больше не касался распоряжений Особого Совещания, но продолжал вмешиваться во все остальные дела.

Власти произвели арест Д. Рубинштейна, председателя одного из частных банков, заведомо близкого к Распутину, двух братьев Рубинштейна, журналиста Стембо и присяжного пове-

***Почему, если я вам приказываю.

****Моя совесть, ваше величество, не позволяет мне повиноваться вам и освободить изменника.

ренного Вольфсона, управлявшего делами графини Клейнмихель. Причины ареста: спекуляция с продуктами продовольствия, игра на понижение русских бумаг, акты явной измены – продажа Германии продуктов, нужных для обороны, которые были заказаны нами в нейтральных странах.

Приблизительно в то же время должен был подать в отставку последний министр из общественных деятелей – министр земледелия Наумов. С помощью земств он составил записку о снабжении страны продовольствием. Под влиянием Штюрмера совет министров в резкой форме раскритиковал эту записку и отверг ее. Между тем проект Наумова в свое время рассматривался и был одобрен Думой.

---

12 июля я поехал с женой на южный фронт и по пути остановились в Киеве. Там в это время жила Императрица Мария Феодоровна, удалившаяся от всего того, что ее огорчало в Царском Селе и в Петрограде. Я посетил ее, она продержала меня часа два, много говорила о деятельности Красного Креста и о жизни в Киеве и на замечание, что она хотела пробыть в Киеве неделю, а остается уже несколько месяцев, она ответила: «Да, мне здесь очень нравится и я останусь до тех пор, пока захочу». Затем она в разговоре сказала: «Vous ne pouvez pas vous imaginer quel contentement pour moi après cinquante ans que je devais cacher mes sentiments — c'est de pouvoir dire a tout le monde combien je déteste les allemands»*.

---

16 июля в сопровождении В.А. Маклакова и М.И. Терещенко я отправился в Бердичев для свидания с Брусиловым. Дела на его фронте были успешны, снаряжения достаточно и главнокомандующий бодро смотрел на положение армии. Некоторый недостаток чувствовался только в тяжелых снарядах, которых много израсходовали при наступлении.

---

*Вы не можете себе представить, какое для меня удовлетворение после того, что я пятьдесят лет должна была скрывать свои чувства – иметь возможность сказать всему свету, что я ненавижу немцев.

Командующий восьмой армией Каледин, у которого я был в Луцке, лишь недоумевал, почему Безобразов действует совершенно самостоятельно, не согласуя свои действия с соседями. Совершенно отрицательно он относился к назначению в.к. Павла Александровича командующим одним из корпусов. Великий князь не исполнял приказаний даже своего прямого начальства и вносил еще большую путаницу.

Говоря о Ковеле, Каледин заметил: «Дали бы мне гвардию, я бы взял Ковель: он раньше не был так сильно укреплен и австрийцы не располагали в этом пункте достаточными силами. Ставка не выполнила своего первоначального плана».

Каледин очень хвалил пополнения молодых солдат, хорошо обученных, подобранных молодец к молодцу.

Из Луцка поехали в Торчин, где находился санитарный отряд земского союза, обслуживавший железную дивизию. По дороге постоянно встречали крытые повозки с ранеными и повсюду были видны следы недавнего пребывания австрийцев. В Торчине увидели огромное количество трофеев: груды ручных гранат и снарядов и ряды орудий разных калибров. Тяжелые орудия были взяты целым парком и их тотчас же повернули и обстреляли бежавшего неприятеля. Из земского отряда была выделена летучка, которая работала в полутора верстах от боя. Раненых было множество и все лазареты были переполнены; сестры и доктора работали без передышки вторые сутки. Генерал Кашталинский, командир корпуса, говорил, что ожидаются новые атаки и что австрийцы ведут артиллерийскую подготовку. Действительно, к вечеру начался гул, напоминавший беспрерывные раскаты грома с тяжелыми ударами.

По дороге из Рожища тянулась бесконечная вереница раненых в простых телегах. Многие с тяжелыми ранениями лежали даже без соломы и громко стонали. Уполномоченный Красного Креста при восьмой армии Г.Г. Лерхе говорил еще в Луцке: «Обратите внимание на эвакуацию раненых из гвардии, – там, Бог знает, что творится».

В Рожище бросалось в глаза множество раненых, лежавших где попало: в домах, в садах, на земле и в сараях; многие пострадали тут же в самом местечке при налетах аэропланов и от разрыва пироксилиновых шашек, сложенных под открытым небом прямо рядом с лазаретом. Здесь погиб уполномоченный

Красного Креста Г.М. Хитрово, который бросился выносить раненых из загоревшегося от взрыва шашек барака. У заведующего санитарной частью армии профессора Вельяминова не хватало самых необходимых медикаментов и перевязочных средств. В штабе Безобразова поражало большое количество штабных офицеров. Из рассказов самого Безобразова о положении на фронте можно было вынести впечатление, что у него полная неурядица.

На обратном пути я снова виделся в Луцке с генералом Калединым и он не скрывал своего негодования по поводу тех огромных потерь, которые понесла гвардия, достигшая ничтожных результатов: «Нельзя так безумно жертвовать людьми, и какими людьми».

В Рожище мы приехали в надежде свидеться с сыном, полк которого участвовал во всех боях гвардии, потерявшей тогда убитыми и ранеными до тридцати тысяч. Безобразов разрешил вызвать сына по телефону, так как полк его отошел на вторую линию. Ждать пришлось до рассвета следующего дня. Мы сидели до поздней ночи на скамейке на шоссе и после всех тяжелых впечатлений дня ожидали с тревогой, жутким чувством прислушиваясь к доносившемуся реву боя. Ночь была темная и жена пошла отдохнуть в холупу В.В. Мещериновой, которая верная себе, не отставала от преображенского полка, где у нее из трех сыновей один уже погиб. Спать не хотелось; вернулась и жена и мы обошли три лазарета: один из них имени Родзянко, где отлично работала жена племянника – англичанка, второй – английский с лэди Педжет во главе и третий Кауфмановской общины. Везде работали самоотверженно. Но принимать всех не успевали – не хватало мест. Привозили исключительно из гвардейских частей: чудный, молодой, рослый народ из последних пополнений – «поливановские». Они бодро и весело отвечали нам, а «старики» жаловались, что часто даром губят народ, заставляют брать проволочные заграждения без артиллерийской подготовки. Они отнеслись ко мне с большим доверием и тихо с горестью рассказывали про плохое начальство.

Вместе с Мещериновой мы похоронили Хитрово во временной могиле и после окончания церемонии остались на похоронах солдат, умерших в лазаретах. Их привезли без гробов, голых, и клали в общую могилу рядами. Тяжело было смотреть на эту

безотрадную картину. Священник скороговоркой, небрежно читал молитвы, а когда мы попросили его не спешить и стали сами петь панихиду, он с удивлением посмотрел на нас и стал служить, как следует. Уходя, священник поблагодарил и, вздыхая, сказал: «Мы то и дело хороним, жаль смотреть» – и махнул рукой.

Сын приехал прямо в Луцк и после часового отдыха начал рассказывать все пережитое.

Преступная неурядица, несогласованность командного состава, путаница в распоряжениях – погубили лучшие войска без всякой пользы. Не только офицерам, но и солдатам было очевидно, что при таких условиях победа немыслима, несмотря на геройство гвардейских частей. В.к. Павел Александрович, командовавший корпусом, не послушался приказания обойти намеченный пункт с флангов и приказал преображенцам и императорским стрелкам двинуться прямо на высоты Рай-Место. Полки попали в трясину, где многие погибли: пока они вязли и с трудом передвигались по болоту, над их головами носились немецкие аэропланы и расстреливали в упор. Сын провалился по плечи и его с трудом вытащили солдаты. Раненых нельзя было выносить из болота и они все погибли. Трясина тянулась вплоть до высоты, которая вся была опутана колючей проволокой. Наша артиллерия действовала слабо, проволочные заграждения не разрушала, снаряды ее не долетали или попадали в своих. Командовавший кавалерийской дивизией генерал Раух не выполнил распоряжение штаба и вместо того, чтобы зайти неприятелю в тыл, отвел свои полки. Вообще, каждый командующий действовал по своему усмотрению и люди гибли напрасно. Несмотря на все это, геройские полки гвардии выполнили возложенную на них задачу и, истекая кровью, заняли высоты, после чего им велели отступать...

Сын, всегда спокойный и уравновешенный, сильно волновался и говорил мне: «Ты должен довести до сведения Государя, что преступно так зря убивать народ... Командный состав никуда не годится... Все чувствуют в армии, что без всяких причин дела пошли хуже: народ великолепный, снарядов и орудий в избытке, но не хватает мозгов у генералов. Плохо еще, что нет аэропланов. Ставке никто не доверяет, так же, как и ближайшему начальству. Все это может кончиться озлоблением и раз-

валом. Мы готовы умирать за Россию для родины, но не для прихоти генералов. Они во время боев в большинстве случаев сидят в безопасных местах, на линии огня редко кто из них показывается, а умираем мы. У нас и солдаты, и офицеры одинаково думают, что если порядки не изменятся, – мы не победим. Надо открыть на все это глаза...»

Под впечатлением всего виденного и слышанного я отправил подробное письмо Брусилову, а Брусилов, прибавил к моему письму свой собственный доклад, переслал и то, и другое в Ставку. В результате генерал Безобразов, его начальник граф Игнатьев, в.к. Павел Александрович и профессор Вельяминов были смещены.

На первом же заседании Особого Совещания я поднял вопрос об авиации. Шуваев противился обсуждению вопроса, боясь что будут критиковать деятельность в.к. Александра Михайловича, а когда члены Совещания тем не менее решили заняться этим вопросом, Шуваев без объяснений закрыл заседание. Между тем с именем великого князя связывались многие злоупотребления: покупались бракованные аэропланы, причем приемная комиссия не раскрывала даже ящиков и на фронт посылали аэропланы, на которых или вовсе нельзя было летать, или с большим риском. Ближайший помощник великого князя полковник Фогель пользовался плохой репутацией, через его руки проходили все заказы и фактически он распоряжался всей военной авиацией. Когда этот вопрос обсуждался в июне в Особом Совещании, были затребованы сведения, сколько аэропланов находится в армии и сколько по подсчету их должно быть. Авиационный отдел очень долго не давал ответа, а когда наконец доставил его, то оказалось, что большинство аэропланов у нас учебные и находятся при авиационных школах. Тогда Особое Совещание предложило авиационному отделу выписать из заграницы недостающие аэропланы. Прошло много времени, с фронта умоляли о присылке аэропланов, а о заказе не было ни слуха ни духа. На повторный запрос Особого Совещания авиационный отдел ответил сперва, что заказы сделаны во Франции и скоро аппараты прибудут. А затем сообщил, что Франция

отказалась выполнить заказ. Между тем до моего сведения дошло, что никакого заказа, вообще, дано не было и что в.к. Александр Михайлович приказал все переговоры приостановить. Я решил собрать все необходимые сведения о постановке у нас авиационного дела. В этой работе мне много помогли два наших выдающихся военных авиатора, один из которых был начальником авиационной школы и получил за разведки и бои три Георгия. Кроме того я получал много писем от других авиаторов фронта. Доклад получился очень подробный с точными цифрами заказов, с указанием сроков, в которые они были выполнены и с перечислением всех фактов по недобросовестной приемке, гибели летчиков и прочее. Вскрылась вся система управления авиацией и ужасающая картина ее положения. Записку эту я отправил Государю, в.к. Александру Михайловичу и всем членам Особого Совещания.

На следующем заседании, когда Шуваев отсутствовал, вопрос был снова поднят; я сообщил все данные моего доклада, рассказал, что видел на фронте, и передал, что такие авторитеты, как Брусилов, Каледин и Сахаров просили обратить самое серьезное внимание на авиацию. В то время, как немцы летают над нами как птицы, и забрасывают нас бомбами, мы бессильны с ними бороться; неприятель знает наше расположение, как свои пять пальцев, а у нас воздушная разведка почти совершенно отсутствует. Я убеждал Совещание, что если попрежнему полагаться на авиационный отдел и великого князя, то дело с места не сдвинется и предлагал взять инициативу заказа аэропланов заграницей. Совещание согласилось с этим и в виду нежелания Шуваева вести переписку по этому поводу с союзниками, мне поручено было взять эту миссию на себя. Шуваев предоставил мне военный шифр и я послал телеграмму генералу Жоффру через нашего военного агента в Париже, графа Игнатьева. Ответа долго не получалось и французский военный агент маркиз Лягиш сообщил мне, что по их агентурным сведениям граф Игнатьев задержал телеграмму и не передал ее Жоффру. Я просил Лягиша послать телеграмму французским шифром непосредственно Жоффру и министру снабжения Тома, а сам обратился к Шуваеву с просьбой разъяснить, на каком основании военный агент позволил себе цензуровать и задерживать телеграмму председателя Думы, посланную с ведома воен-

ного министра военным шифром. Игнатьев дал весьма странный ответ: он не хотел телеграммой председателя Думы волновать главнокомандующего. Между тем на телеграмму Лягиша пришел очень скоро ответ, в котором Жоффр извещал, что заказ сделан и аэропланы высылаются в ближайшее время. В Особом Совещании ответ Жоффра произвел прекрасное впечатление.

Этим история с заказами аэропланов, однако, не кончилась.

Я уехал на короткий срок в имение. Через несколько дней я получил телеграмму, что бюджетная комиссия просит меня настаивать перед правительством о скорейшем созыве Думы. В той же телеграмме сообщалось, что мой секретарь В. Садыков, выехал ко мне с докладом. К немалому удивлению, Садыков, кроме постановления бюджетной комиссии, привез письмо от генерала Алексеева, в котором мне указывалось желание Государя «устранить себя от непосредственного вмешательства в военные вопросы, не входящие в круг ведения ни преседателя Г. Думы, ни члена Особого Совещания».* Секретарь обратил мое внимание, что письмо это получилось в конверте без печати, что не было надписи «секретно» несмотря на то, что под печатями и с такой надписью присылались постоянно самые незначительные бумаги. Садыков говорил, что вскрыв конверт, он, не объясняя никому причин, решил ехать ко мне в имение, так как знал, что я перед возвращением в Петроград должен быть в Ставке: не зная содержания этого письма, я мог бы оказаться там в очень неловком положении.

---

* Текст письма генерала М.В. Алексеева был следующий:
«Милостивый Государь, Михаил Владимирович. Ваше превосходительство через нашего агента во Франции обратились к генералу Жоффру и г. Альберу Тома с телеграммой о предоставлении русской армии аэропланов, определив по своему усмотрению число и систему их, вне связи с той общею программою, которая выработана по общему соглашению между нами, французским и английским правительством по этому вопросу. Копию веденной вами переписки, но уже после отправления своей телеграммы, вы препроводили в.к. Александру Михайловичу. По докладу Государю Императору этой переписки, его величество повелел передать вам его волю, чтобы вы устранили себя от непосредственного вмешательства в военные вопросы, не входящие в круг ведения ни Председателя Г. Думы, ни члена Особого Совещания. Дело, в котором окажется несколько хозяев, считающих себя друг от друга независимыми, одинаково компетентными и полновластными в своих распоряжениях, в самом непродолжительном времени будет доведено до полного развала. Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности. Михаил Алексеев».

Исполнить желание Государя я, по своему разумению, не мог: это значило пойти против совести, молча сидеть в Совещании при обсуждении вопросов о снабжении армии и, вообще, по примеру Горемыкина решить, что «война меня не касается».

При следующем докладе эти мои соображения я сообщил Государю и объяснил, что согласно законоположению об Особом Совещании на мне, как на члене такового, лежит прямая обязанность активно принимать участие в вопросах снабжения армии и при этом добавил, что очевидно ему было совершенно неправильно доложено о моем вмешательстве в этом деле.

Государь ответил:

– Да, вы были правы и дело мне было доложено не так, как следовало.

Этим ответом Государя я был вполне удовлетворен.

XIV

Протопопов – министр. Условия председателя Думы. Королевич Греческий. Отказ в аудиенции. У Штюрмера.

При Штюрмере играл совершенно особую роль некий Манасевич-Мануйлов, бывший сотрудник Рачковского, мелкий журналист, имевший связи с распутинским кружком и в значительной степени способствовавший назначению Штюрмера. Он был при Штюрмере в роли как бы личного секретаря. Пользуясь своим положением, он шантажировал банки и они откупались от него взятками. Директор Соединенного банка граф Татищев вместе с министром А.А. Хвостовым решили уловить этого Мануйлова. Взятка была дана, но на пятисотенных билетах были сделаны пометки рукою Ивана Хвостова, племянника министра. Произошло это во время отсутствия Штюрмера, находившегося в Ставке. У Мануйлова сделали обыск, нашли пятисотенные билеты, которые лежали в том же порядке и только часть их успела уже исчезнуть. Мануйлова арестовали.

Когда Штюрмер узнал об аресте Мануйлова, он этому не поверил. Затем, убедившись, он вторично выехал в Ставку, неизвестно, что там наговорил, и вернулся с отставкой Хвостова в кармане. Он вызвал к телефону Хвостова и заявил ему: «Вы мне сообщили неприятное для меня известие об аресте Манасевича-Мануйлова, теперь я вам сообщаю новость: вы больше не министр внутренних дел».

На место Хвостова (старшего) министром внутренних дел был назначен товарищ председателя Думы Протопопов.

После возвращения Протопопова из заграницы и разговора в Стокгольме с германским представителем, имя его часто стало мелькать в газетах. Появилось известие, что Протопопов совместно с банками собирается издавать газету «Воля России»; Терещенко, Литвинов-Фалинский и многие другие предупреждали меня, что Протопопов окружен подозрительными личностями, что имя его связывают с именем Распутина и что распутинский кружок проводит его в министры внутренних дел. Назначение Протопопова могло казаться популярным, так как он имел успех во время поездки парламентской делегации и даже состоял в прогрессивном блоке. Назначение Протопопова было встречено с недоумением, но в первой же беседе с журналистами он открыл свои карты, заявив, что вступает в правительство Штюрмера и отдельной программы не имеет. В последнее время Протопопов избегал со мной встреч и не показывался в Думу. Наконец я к нему дозвонился и сказал, чтобы он непременно приезжал завтракать. Я поставил ему вопрос ребром:

– Скажите, Александр Дмитриевич, прямо: верны ли слухи о вашем назначении? Вы меня ставите в неловкое положение, – я должен знать, какой пост собирается принять мой товариш.

– Да, действительно, мне предложили пост министра внутренних дел, – сказал Протопопов, – и я согласился.

– Кто вам предложил?

– Штюрмер, по желанию Государя Императора.

– Как . . . И вы пойдете в кабинет Штюрмера?

– Ведь вы же сами меня рекомендовали.

– Да, я рекомендовал вас на пост министра торговли в кабинет Григоровича, а не на пост министра внутренних дел к Штюрмеру.

– Я чувствую, – сказал Протопопов, – что вы на меня сердитесь.

– И очень даже: вы поступили предательски по отношению к Думе. Вы идете служить с тем правительством, которое только что Дума осудила, как бездарное и вредное для России, и это после того, какъ вы подписали резолюцию блока. При этом вы громко исповедуете, что у вас нет другой программы, кроме программы премьер-министра Штюрмера. Я вас предупреждаю – Дума потребует от вас объяснения.

– Я надеюсь, – отвечал Протопопов, – что мне удастся что -нибудь изменить в положении вещей. Я уверяю вас, что Государь готов на все хорошее, но ему мешают.

– Хорошо, пусть так, но при Штюрмере и Распутине разве вы в силах что-нибудь изменить. Вы только скомпрометируете себя и Думу. У вас не хватит сил бороться и вы не отважитесь прямо говорить Государю.

После назначения Протопопова прошел слух, что председатель Думы будет назначен министром иностранных дел и премьером. Слух подтвердился. Неожиданно приезжает Протопопов и обращается с такими словами:

– Знаете, Михаил Владимирович, в Ставке хотят назначить вас министром иностранных дел.

– Как я могу быть министром иностранных дел, – усмехнулся я.

– У вас будут помощники, которые знают технику этого дела.

– И что же – я должен соединить с этим и руководство всей политикой: быть премьером?

– Да, конечно, и это также.

Приходилось кончать комедию.

– Послушайте, – сказал я, – вы исполняете чье-то поручение: вас послали узнать мое мнение на этот счет. В таком случае передайте Государю следующее: мои условия таковы. Мне одному принадлежит власть выбирать министров, я должен быть назначен не менее, как на три года. Императрица должна удалиться от всякого вмешательства в государственные дела и до окончания войны жить безвыездно в Ливадии. Все великие князья должны быть отстранены от активной деятельности и ни один из них не должен находиться на фронте. Государю надо примириться со всеми, несправедливо обиженными им министрами. Поливанов должен быть помощником Государя в Ставке, Лукомский – военным министром. Каждую неделю в Ставке должны происходить совещания по военным делам и я должен на них присутствовать с правом голоса по вопросам не стратегического характера.

Протопопов был в ужасе от моих слов и не представлял себе, как он может их передать. Я ему помог.

– Если Государь меня призовет, я сам все это ему скажу.

– Да, я знаю, вы скажете, – повторял Протопопов, почесывая затылок.

Я просил его записать мои условия и он записал их в карманной книжке.

– И еще прибавьте: я приму этот пост с тем, чтобы все эти условия были обнародованы в Думе.

Через несколько дней Протопопов обедал у меня и за обедом заговорил про Императрицу, страшно ее расхваливая.

– Она необыкновенно сильная, властная и умная женщина. Вы, Михаил Владимирович, должны непременно к ней поехать.

Ничего ему не говоря, я взял его за пульс и спросил:

– А где вы вчера обедали? (Перед этим мне его чиновник особых поручений Граве, бывший еще при П.А. Столыпине, рассказывал, что Протопопов ездил накануне обедать в Царское, повидимому, к Вырубовой, а вечер провел у Штюрмера).

Протопопов смутился:

– Да, нет, вы скажите, где вы вчера обедали? – продолжал я его допрашивать.

– А кто вам сказал?

– Это уже мое дело: моя тайная полиция лучше вашей... Так где же вы вчера обедали, дорогой мой?

– Вы уже наверно знаете, – отвечал Протопопов.

– А вечер вы провели у Штюрмера?

– И это вы знаете?

– Вы видите, я все знаю... Скажите, зачем вы все это делаете? Зачем вы себя компрометируете: ведь этого скрыть нельзя. Вы предлагаете мне ехать говорить с Императрицей, я к ней ни за что не поеду. Вы хотите, чтобы и про меня говорили, что я ищу ее покровительства, а может быть и покровительства Вырубовой и Распутина. Я таким путем идти не могу.

Императрица все чаще ездила в Ставку, а когда находилась в Царском – к ней ездили министры с докладами.

Под влиянием митрополита Питирима и Распутина был назначен новый обер-прокурор Синода некий Раев, директор жен-

ских курсов. Депутация от Синода во главе с этим Раевым поднесла Императрице икону и благословенную грамату.*

---

* «Благочестивейшая Государыня. Настоящая великая война, небывалая по своим размерам и кровопролитию, вызывает в народе небывалые подвиги самоотвержения и христианской любви. Наше доблестное воинство, в высоком подвиге Верховного Вождя почерпая силы и воодушевление, грудью защищает родную землю, самоотверженно полагая жизнь свою за Веру, Престол и Отечество. А за этим воинством идет сильная не смертоносным оружием, а христианскою любовью армия слабых телом, но кротких духом жен, которые под знаменем Креста скромно совершают свое столь же великое дело любви – дело служения пострадавшим от войны. От них же ждут сострадательного участия и попечения тысячи беженцев, лишившихся крова, дети потерявшие своих родителей, вдовы и сироты тех, кто положил свою жизнь за други своя.

Всюду, где только есть страдание и нужда, идет эта крестоносная армия, на всех обездоленных войной простирая свои заботы и милосердие, и душой всего этого священного порыва и подвига русской женщины христианки являетесь Вы, Ваше Императорское Величество, привлекли на дело служения им и своего августейшего сына, Наследника Цесаревича, вашу радость и надежду России. Разделяя со своим венценосным родителем все тяготы походной жизни, он несет с собой свет и тепло в души защитников родины и, посещая лазареты, облегчает страдания раненых и больных воинов.

Вы, как чадолюбивая мать, приняли в свою любовь с самого начала страждущих нашей родины. В скромной одежде сестры милосердия вы стоите вместе с августейшими дочерями у самого одра раненого и больного воина, своими руками обвязывая раны, своей материнской заботой и лаской утешая страждущего, вызывая во всех чувство умиления. Священны будут воспоминания тех, кого согрела ваша любовь. Горячи будут их благодарственные молитвы о вас к Господу.

Воздавая хвалу Богу, дивно укрепляющего вас в великом подвиге любви к ближним, св. Свинод призывает Божие благословение и на дальнейший подвиг вашего Императорского Величества и, благословляя Вас иконой Пречистой Божией Матери, молит Владычицу, да будет Она всегда благодатным поступлением и покровом Вам, Благочестивейшая Государыня, и всей августейшей семье вашей.

Вашего Императорского Величества всеподданные богомольцы: Питирим, митрополит Петроградский и Ладожский, Сергий, архиепископ Финляндский и Выборгский, Иоанн, архиепископ Казанский и Свияжский, Вениамин, архиепископ Симбирский и Сызранский, Димитрий, архиепископ Рязанский и Зарайский, Василий, епископ Черниговский и Нежинский, епископ Иннокентий, председатель миссионерского совета, заведующий придворным духовенством протопресвитер Александр Дернов, протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шабельский.»

Благословенная грамата была напечатана в газетах, но желаемого впечатления не произвела. Императрица никогда не была популярной, а когда в широких кругах стало известно о значении и влиянии Распутина и о ее вмешательстве в государственные дела – ее все стали осуждать, называя «немкой» и видели в ней причину всех неудачных и вредных для России шагов Государя.

В Петроград через Вену и Берлин приезжал греческий принц Николай, женатый на великой княгине Елене Владимировне. Стали говорить, что он имеет какую-то тайную миссию. Он пробыл довольно долго, несколько месяцев. Ездил в Ставку и Алексеев жаловался, что однажды, когда он должен был докладывать Государю, у него оказался греческий королевич и в.к. Мария Павловна. Государь предложил Алексееву докладывать в их присутствии, но Алексеев попросил Государя переговорить с нам с глазу на глаз. Алексеев считал, что вообще присутствие греческого королевича в Ставке неуместно и находил, что его следует даже задержать и не пускать обратно, особенно же не давать ему возможности ехать вновь через Берлин в Вену. По требованию военных властей королевича действительно отправили не через Торнео на Швецию, а прями через Архангельск в Англию. Он вернулся в Грецию в разгар самой смуты. Потом в газетах мы прочли, что «при дворе короля Константина считают миссию королевича Николая выполненной и вполне удачно».

После вступления в должность Протопопов объявил, что его главная задача – продовольствие страны. Он возбудил в совете министров вопрос о передаче продовольственных вопросов из министерства земледелия в министерство внутренних дел. Против этого восстала печать и земские деятели, которые работали как уполномоченные по продовольствию; с передачей продовольствия в министерство внутренних дел они справедливо опасались давления со стороны губернаторов, полиции и прочее.

Большинство из них заявили, что с министерством внутренних дел работать не будут.

Опасения земцев скоро оправдались. В екатеринославской губернии произошел следующий случай. Губернатор передал по телефону председателю губернской земской управы Гесбергу (он же уполномоченный по продовольствию от министерства земледелия), чтобы он допустил агентов министерства внутренних дел к покупке полутора миллиона пудов ячменя для отправки в Петроград в Калашниковскую биржу. Допустить неопытных посторонних агентов – значило поднять цены и вызвать злоупотребления. Гесберг предложил закупить и послать ячмень, но губернатор настаивал на своем, сообщил, что он передает приказ министра внутренних дел и что, если это не будет исполнено, то будут приняты меры воздействия. Гесберг ответил губернатору, что он, как председатель земской управы, не может получать от губернатора указаний по продовольственному делу, а как уполномоченный, он подчинен министерству земледелия. Ответ Гесберга был передан Протопопову и Протопопов решил выслать Гесберга в Сибирь, как носящего немецкую фамилию. Предотвращено это было совершенно случайно. Протопопова посетил мировой судья Новомосковского уезда Магденко, товарищ Протопопова по полку. Протопопов стал ему рассказывать о Гесберге и о своем желании его выслать. Магденко умолял этого не делать, так как это вызовет негодование в губернии, где Гесберга любили и где недавно его чествовали по случаю двадцатипятилетия земской службы. И только после настойчивых просьб и уговоров Протопопов внял словам Магденко и при нем разорвал уже подписанный указ.

Вообще Протопопов вел себя очень странно и на многих производил впечатление ненормального человека. Он явился в Думу на заседание бюджетной комиссии в жандармской форме. Дума приняла его очень холодно, а его продовольственный проект встретил общее осуждение. Так же высказались земский и городской союзы. Протопопов добивался поговорить со своими бывшими товарищами по Думе и просил меня в этом помочь. Он, очевидно, надеялся, что свидание ему будет устроено только с представителями земцев – октябристов, но я нарочно созвал к себе лидеров всех фракций прогрессивного блока, Протопопов в этот вечер вел себя странно: он все поднимал глаза

кверху и с каким-то неестественным восторгом говорил: «Я чувствую, что я спасу Россию, я чувствую, что только я ее могу спасти». Шингарев, врач по профессии, говорил, что по его мнению у Протопопова просто прогрессивный паралич. Протопопов просидел у меня до трех часов ночи, как будто не мог решиться уйти и под конец я его почти насильно отправил спать.

Несмотря на старание Протопопова уверить всех, что он может спасти Россию, депутаты этому не поверили, бюджетная комиссия осудила его проект, а когда проект окончательно пересматривался в совете министров, то и совет министров его провалил, и оставил продовольственное дело в руках министра земледелия.

---

27 октября было торжественное заседание общества англо -русского флага. Это общество возникло за год перед тем по инициативе М.М. Ковалевского и он был его первым председателем. После его смерти председателем выбрали меня. На собрании, которое происходило в зале городской думы, очень понравилась речь майора английской армии Торнхиля. Он удивительно верно охарактеризовал русского солдата и с большим юмором говорил о бесполезных попытках немцев поссорить Англию и Россию. Он сказал, что Англия хочет завоевать, но не территорию, а благородное русское сердце и что ему, как англичанину, не удобно говорить, что в этом и наша выгода.

Шингарев, рассказывавший о своих впечатлениях из поездки с парламентской делегацией, подчеркнул, что в Англии существует удивительное взаимное доверие между правительством и общественными силами. Эти слова были покрыты аплодисментами, а когда он сказал, что там нет темных сил и безответственных влияний, аплодисменты еще более усилились. Когда один из ораторов упомянул о члене этого общества, бывшем министре Сазонове, в публике опять стали аплодировать, все искали глазами Сазонова, желая ему сделать овации, но его в зале не оказалось.

На мою просьбу об аудиенции, я получил ответ Государя. На моем представлении его рукой было написано: «Поручаю председателю совета министров передать председателю Г. Думы, что он может быть принят по возобновлении занятий Думы и только с докладом по вопросам, касающимся ее сессии». Подписи не было. Бумага была вложена в конверт на мое имя и запечатана малой печатью. Очевидно Государь ошибся и вложил бумагу, предназначавшуюся для Штюрмера, в конверт Родзянко.

На другой день Штюрмер звонит по телефону. Он накануне был в Ставке и узнал, что Государь по ошибке послал не туда свой ответ.

«М.В., вы получили бумагу от его величества, в которой он поручает мне передать вам, что он не может принять вас».

«Получил».

«Что же вы намерены предпринять?»

«Это мое дело».

«А как же мне быть, ведь я должен передать вам повеление Государя».

«А это уже ваше дело, – и я не смею вам ничего советовать».

«Так нельзя ли считать, что это я вам передал по телефону?»

«Я думаю, что приказание Государя Императора не удобно передавать по телефону».

«Так как же мне быть?»

«Право, не знаю».

«Не можете ли вы прислать мне эту бумагу?»

«Копию да, но подлинник останется у меня, так как я ее получил от Государя в конверте на мое имя за печатью».

«Что же вы намерены предпринять по поводу отказа?»

«Я не обязан давать вам отчет в своих действиях».

На другой день Штюрмер, всетаки, прислал бумагу, в которой оффициально передавал поручение Государя. Таким образом повторилась старая история, бывшая несколько лет назад при Коковцеве.

В тот же день или на следующий два члена Думы встретили товарища министра юстиции Веревкина, который их спросил: «Кого Дума намерена выбрать в председатели?» Депутаты ответили, что они не сомневаются в переизбрании прежнего председателя. Веревкин сделал удивленное лицо: «Как, после того,

как Государь его не принял?» Депутаты, хотя не знали об этом, но ответили, что это нисколько не помешает переизбранию. Они приехали ко мне и передали об этом разговоре.

Чтобы не повышать и без того непряженного настроения Думы, я решил скрыть от депутатов и письмо генерала Алексеева по поводу аэропланов, и ответ Государя на просьбу об аудиенции. Когда же правительство само стало об этом распространять слухи, то я созвал лидеров партий блока и все им рассказал.

Дума должна была собраться 1 ноября. Перед началом занятий происходили постоянные совещания блока и была составлена в резких выражениях резолюция о необходимости создать правительство, опирающееся на большинство Г. Думы. Прогрессисты настаивали на требовании ответственного министерства, но благодаря Милюкову, резолюция была составлена в более мягких выражениях: мотивировалось это тем, что если бы требование блока не было исполнено, то ему все равно пришлось бы либо работать с тем же правительством, либо порвать с ним и стать на революционный путь. За два дня до созыва Думы ко мне приехал министр народного просвещения граф Игнатьев. Оказалось, что резолюция блока уже попала в руки правительства. И министры были взволнованы тем, что в резолюции содержится слово «измена»*. Граф Игнатьев сообщил, что по этому поводу был собран даже совет министров и решили просить председателя Думы вычеркнуть это слово, так как иначе пришлось бы Думу распустить. Я не мог ничего определенного обещать Игнатьеву. Накануне открытия Думы по тому же поводу ко мне обратился Штюрмер. Ссылаясь на болезнь, он просил к нему приехать. Я сначала не хотел ехать к Штюрмеру и написал ему письмо. Потом передумал и решил объясниться лично. Я ему передал резолюцию председателей губернских земских управ, в которых повторялось то, о чем уже неоднократно говорили правительству: что оно не использовало патриотического подъема страны, пребывало в течение всей войны в борьбе с народным представительством, что оно при таких условиях не в силах успешно закончить войну и довело до такого положения, когда главная опасность угрожает не извне, а внутри.

---

* После переворота было обнаружено, что правительство осведомлялось о всем, что происходило в Г. Думе, через депутата П.Н. Крупенского.

– Это высказано наиболее консервативными элементами России, – говорил я Штюрмеру, – людьми, умудренными житейским опытом, это мнение всей земской России. Эта резолюция сходится и с резолюцией прогрессивного блока и таким образом вы можете знать, как мыслит вся Россия. Совместная работа ваша с общественными силами невозможна, а без такой совместной работы нельзя выиграть войну. Все чувствуют, что правительство ведет страну к гибели. Надо говорить только одну правду, потому что мы переживаем страшный час.

Прочитав резолюцию, Штюрмер спросил:

– Что же мне делать?

– Подать в отставку.

– То есть, как подать в отставку?

– Да так, взять перо, написать и подписать.

Штюрмер был страшно недоволен.

– Вот вы какие советы мне даете.

XV

«Junge Zarin» в речи П.Н. Милюкова и последствия. *
Штюрмер и Протопопов требуют разгона Думы.
Марков 2-ой устраивает скандал. После убийства Распутина.
Спиритизм Протопопова.

За несколько дней до начала занятий Думы в Варшаве немецким генерал-губернатором был опубликован акт, в котором говорилось, что германский и австрийский императоры пришли к соглашению создать из польских областей, отвоеванных от России, самостоятельное государство под наследственным монархическим управлением с конституционным устройством. Это был новый ловкий ход Вильгельма. Поляки нейтральных стран вынесли после этого резолюции, в которых протестовали против нарушения международного права, против решения судьбы целых областей до окончания войны и заключения мира. Они видели в этом ловкий шаг немцев для набора армии из поляков. Точно также думали и русские поляки. На первом же заседании Думы от имени польского коло было прочитано заявление с протестом против немецкого акта, под-

---

*См. Добавления № 1 и 2.

тверждающего раздел Польши, и с выражением надежды на победу союзников, на объединение всех польских земель и восстановление свободной Польши.

К сожалению, наше правительство, которое после отставки Сазонова показывало полное равнодушие к полькому вопросу и даже, как бы намеренно, давало почувствовать, что исполнение манифеста великого князя Николая Николаевича не обязательно для России, – и тут не поняло как ему поступить. В ответ на заявление Гарусевича от польского коло правительством ничего не было сказано, а в Г. Совете Протопопов уже после закрытия заседания вдруг, как бы вспомнив, что ему надо что-то сказать, попросил слова. Всех вернули снова в зал и, выйдя на трибуну, Протопопов коротко заявил, что правительство по польскому вопросу продолжает стоять на точке зрения манифеста в.к. Николая Николаевича и декларации Горемыкина, произнесенной в свое время в Думе. Подобное заявление, конечно, никого не могло удовлетворить и не могло быть противовесом акту Вильгельма.

На открытие Думы явились министры во главе со Штюрмером, прослушали речь председателя, затем Штюрмер встал и под крики левых: «Вон, долой изменника Штюрмера!», вышел из зала, за ним вышли и остальные министры. Они все, якобы торопились на заседание Г. Совета, которое на этот раз было назначено не в восемь часов вечера, как обычно, а в два часа дня. Председатель Г. Совета Куломзин был болен, а заменявший его Голубев по просьбе Штюрмера назначил раннее заседание, так как у Штюрмера и у Протопопова не было никакой декларации и они не хотели выслушивать неприятных для них речей. Накануне заседания я простудился, чувствовал себя неважно, с трудом закончил свою речь и тотчас же передал председательское место Варун-Секрету. Этот маловажный факт, однако, чреват последствиями. Милюков во время своей речи прочел выдержку из немецкой газеты; Варун-Секрет, очевидно, не расслышав хорошо, что читал Милюков и, упустив из вида, что наказом запрещается употреблять с трубуны иностранные выражения, не остановил Милюкова. Между тем в цитате Милюкова очень недвусмысленно намекалось, что в назначении Штюрмера принимала участие Императрица Александра Феодоровна. Штюрмера же он почти прямо назвал изменником. Фраза

его была следующей: «Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert»*.

В ту же ночь в половине второго я получил от Штюрмера следующее письмо:

«Милостивый Государь, Михаил Владимирович. До сведения моего дошло, что в сегодняшнем заседании Г. Думы член Думы Милюков в своей речи позволил себе прочитать выдержку из газеты, издающейся в одной из воюющих с нами стран, в которой упоминалось августейшее имя ея императорсткого величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны в недопустимом сопоставлении с именами некоторых других лиц, причем со стороны председательствовавшего не было принято никаких мер воздействия.

Придавая совершенно выдающееся значение этому обстоятельству, небывалому в летописях Г. Думы, и не сомневаясь в том, что вами будут приняты решительные меры, я был бы весьма признателен вашему превосходительству, если бы вы сочли возможным уведомить меня о поставленном решении вами».

Одновременно Штюрмер прислал и другое письмо, в котором он просил доставить ему копию стенограммы без цензуры председателя, сообщая, что «эта речь может быть предметом судебного разбирательства».

Начальник думской канцелярии Глинка рассказывал мне, что в этот вечер на квартире Штюрмера происходило совещание министров. Штюрмер настаивал на роспуске Думы, но в результате ограничились полученными мною письмами, а министр юстиции Макаров не нашел в словах Милюкова состава преступления и отказался привлечь его к суду.

После писем Штюрмера я получил еще письмо от министра Двора графа Фредерикса. Он напоминал мне, что я ношу звание камергера, и тоже просил уведомить, какие шаги я собираюсь предпринять по поводу упоминания имени Императрицы. Штюрмеру я ответил, что председатель Думы не обязан уведомлять о своих действиях председателя совета министров и послал ему полную стенограмму речи Милюкова. Фредериксу я оффициально ответил то же самое, но кроме того послал ему другое

* Это победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой Императрицы.

письмо, как человеку, которого я ценил, и сообщил, что в стенограммах для печати имя Государыни не было упомянуто.

Следующее заседание открылось заявлением Варун—Секрета, который объяснил свои действия накануне незнанием немецкого языка и тем, что стенограмма речи Милюкова была доставлена ему с пропуском немецких слов. Признавая себя, однако, виновным в недостаточном внимании к словам оратора, Варун-Секрет сложил с себя звание товарища председателя Думы.

В этом заседании удивительно сильную и прочувствованную речь произнес депутат Маклаков. Речь эта произвела большое впечатление.

Кажется в тот же день я получил письмо от главного комитета всероссийского союза городов. В нем еще в более решительных выражениях повторялось сказанное в резолюции председателей губернских земских управ. Обращение оканчивалось просьбой доложить Г. Думе, что по мнению комитета городов наступил решительный час и что необходимо наконец добиться такого правительства, которое в единении с народом повело страну к победе.

В вечернем заседании 3 ноября я был переизбран председателем большинством 232 против 58. Против голосовали правые. Левые по обыкновению воздержались.

В заседании 5 ноября случилось событие, которое оставило сильное впечатление не только в Думе, но и в стране. Во время речи Маркова, который старательно, но неудачно, отвечая Маклакову, защищал Штюрмера*, в зале заседания появились военный министр Шуваев и морской Григорович. Они обратились к председателю, заявив о желании сделать заявление. Когда Марков 2-ой окончил свою речь, на трибуну поднялся Шуваев и, сильно волнуясь, сказал, что он, как старый солдат, верит в доблесть русской армии, что армия снабжена всем необходимым, благодаря единодушной поддержке народа и народ-

* Государственный контролер временного правительства Годнев обнаружил и опубликовал, что член Думы Марков 2-ой получал субсидии из секретных сумм департамента полиции.

ного представительства. Он привел цифры увеличения поступления боевых припасов в армию со времени учреждения Особого Совещания по обороне. Закончил он просьбой и впредь поддерживать его своим доверием. Так же коротко и сильно сказал морской министр Григорович. Смысл их выступления всеми был понят так: «Если другие министры идут с Думой врозь, то мы, представители морского и военного ведомства, хотим идти вместе с народом». Когда министры спустились из своей ложи вниз в залу, их окружили депутаты и пожимали им руки. Шуваев оказался среди кадетов и, пожимая руку Милюкову, говорил: «Благодарю вас». Невольно возникал вопрос, действовали ли Григорович и Шуваев по своей инициативе или заручились разрешением Ставки. Характерно, что даже такое обычное событие, как появление министров в Думе и сказанные ими хорошие слова отразились в стране и с разных концов стали получаться телеграммы с выражением сочувствия и радости как Думе, так и этим министрам. Правительство во главе со Штюрмером оставалось совершенно равнодушным: оказалось, что Шуваев и Григорович не сносились со Ставкой и явились в Думу за свой риск и страх. После этого Штюрмер и Протопопов настаивали перед Императрицей на разгоне Думы.

После своего избрания я послал Царю просьбу принять меня для доклада. Одновременно я отправил ему и резолюцию земств и городов, а также полную стеногамму Милюкова с немецкой фразой. Ответа долго не было.

Министр путей сообщения Трепов пожелал сделать доклад о Мурманской железной дороге. Эта важная в стратегическом отношении ветвь только что была окончена и Трепов гордился, что дорога начала работать в бытность его министром. Он надеялся получить одобрение Думы и, быть может, разделить участь Григоровича и Шуваева и тоже стать популярным. Он оказался в должности министра путей сообщения далеко не на своем месте и не всегда оставался беспристрастным в вопросе о направлениях новых железных дорог, в чем были заинтересованы частные компании. Трепов запросил председателя комиссии обороны Шингарева, когда он может сделать свой доклад и

Шингарев просил его явиться на другой день. Когда же в комиссии узнали, что на повестку поставлен доклад Трепова, большинство депутатов возмутилось, объявило, что не желают слушать Трепова и что, если он явится – устроят ему скандал. Между тем Трепов приехал в Думу и ожидал в министерском павильоне. Шингарев тщетно пытался убедить членов комиссии выслушать министра. Отчаявшись чего-нибудь добиться, Шингарев вызвал меня по телефону в Думу и мне с большим трудом удалось уговорить депутатов, что если председатель комиссии приглашает министра, то члены комиссии не могут его выгонять. Между тем Трепов уже два часа ждал в министерском павильоне и когда его пригласили в заседание, он бысто прочел свой доклад, спросил, не желает ли кто объяснений, и когда никто не отозвался, он уехал из Думы.

---

9 ноября Штюрмер, Трепов и Григорович выехали в Ставку. Ожидались новые перемены. Действительно, Штюрмер был отставлен, а Трепов назначен председателем совета министров. Говорили, что Штюрмер получил свою отставку в Орше, не доехав до Ставки. Когда Императрица узнала об отставке Штюрмера, она вместе с Протопоповым выехала в Ставку.

Трепов на следующий день приехал ко мне и уверял, что он желает работать рука об руку с народным представительством и что он сумеет побороть влияние Распутина. Я ему сказал, что прежде всего должны быть убраны Протопопов, Шаховской и А. Бобринский (министр земледелия), иначе ему никто не будет верить.

Срок перерыва думских занятий подходил к концу, а между тем кроме отставки Штюрмера, никаких дальнейших перемен не произошло. Возобновление Думы было отсрочено еще на несколько дней и все предполагали, что Трепов добьется за это время удаления еще некоторых министров и что он подготовляет декларацию. Ходили слухи, что он принял пост под условием

удаления Протопопова, но к сожалению и этого не случилось; был отставлен только А. Бобринский и на его место министром земледения назначен Риттих.

15 ноября я наконец получил высочайшую аудиенцию, представил обширный доклад все о том же, что и прежде, и пробыл у Царя час три четверти.

19-го возобновились занятия Думы. Трепов прочел свою декларацию, в которой не было никакой программы и содержались только одни общие места. Он обнародовал наше соглашение с союзниками, по которому мы должны были получить после войны Дарданеллы. Риттих должен был признаться, что за короткий срок после своего назначения он не успел ознакомиться с продовольственным делом и тоже не мог дать никакой программы. Депутаты раскритиковали Трепова и Риттиха и энергично принялись за продовольственный вопрос, выработав стройную систему упорядочения продовольствия в стране. Мне было обидно, что по политическим соображениям левое крыло сразу повело открытую кампанию против Риттиха. Я его всегда считал выдающимся, необыкновенно работоспособным, талантливым человеком. Мне пришлось с ним вместе работать еще в то время, когда я был председателем земельной комиссии. Еще тогда я мог оценить Риттиха, как безупречного и знающего свое дело работника. К сожалению, он был назначен слишком поздно и был в дурной компании.

В заседании 22 ноября в Думе произошел скандал. Очевидно, он подготовлялся заранее, потому что пристава слышали, как некоторые из правых появлялись в кулуарах и спрашивали: «А что, был скандал или еще нет?»

Попросивши слова, Марков 2-ой, умышленно говорил так, чтобы вызвать замечание председателя. Я его несколько раз останавливал и наконец лишил слова. Уходя с трибуны, размахивая бумагами и грозя кулаком, Марков совсем близко приблизился к председательскому месту и произнес почти в упор: «Вы мерзавец, мерзавец, мерзавец».

Я сразу даже не понял, что произошло. Потом сообщил Думе о нанесенном председателю оскорблении и передал председательствование старшему товарищу*.

Граф Бобринский, доложив о происшедшем, предложил применить к Маркову высшую меру наказания – исключение на пятнадцать заседаний, что было принято единогласно.

Марков взял слово и заявил: «Я подтверждаю то, что я сказал. Я хотел оскорбить вашего председателя и в его лице я хотел оскорбить всех вас, господа. Здесь были произнесены слова оскорбления высоких лиц и вы на них не реагировали, в лице вашего председателя, пристрастного и непорядочного ... я оскорбляю всех вас» ...

Выйдя из зала заседания и направляясь к себе в кабинет, я увидел фигуру удалявшегося Маркова. Мое первое движение было настигнуть его, но на мое счастье меня остановил мой духовник, священник Думской церкви. Я пришел в себя и вместе с ним прошел в кабинет. Там уже было много депутатов. Нервный Дмитрюков со слезами на глазах стал меня обнимать, Бобринский успокаивал, подошел Марков 1-ый и сказал, что «хотя он и дядя Маркову 2-ому, он просит не смешивать его с его племянником». Бывший на хорах мой сын Георгий, офицер Преображенского полка, сбежал вниз с несколькими офицерами, стал звонить в телефон, прося вызвать командира полка, чтобы получить разрешение на дуэль с Марковым. Когда мне об этом сообщили, я позвал его и запретил ему это делать. Я вызвал моих бывших товарищей по кавалергардскому полку Пончулидзева и Д. Дашкова и просил их быть моими секундантами.

---

* Когда Марков произнес свои слова, из ложи печати было видно, как председатель сделался совершенно бледным, потом встал, как-будто что-то обдумывая. Бобринский схватился за графин, очевидно боясь, чтобы Марков не позволил себе еще какой-нибудь выходки. Затем председатель взял из рук Бобринского звонок, позвонил и, обратившись к Думе, сказал: «Депутат Марков 2-ой позволил себе тяжело оскорбить председателя Думы в беспримерных выражениях. Поэтому я передаю председательствование старшему товарищу, который доложит Г. Думе весь инцидент и предложит его обсудить». «Как он оскорбил? что он сказал?» – послышалось с депутатских мест. Председатель ответил: «Господа, это доложит вам граф Бобринский», – и ушел.

Вечером было назначено заседание для выборов президиума. Я был переизбран большинством против 26 голосов. Фракция земцев октябристов решила, что на речи и выходки Маркова не следует реагировать и что ему нельзя подавать руки. К этому присоединились и остальные фракции блока. Ко мне приехали депутаты, Савич и Капнист, и вручили мне это постановление в присутствии моих секундантов Дашкова и Панчулидзева. Секунданты признали, что Марков 2-ой при таких условиях является не дуэлеспособным. После этого грустного инцидента, в котором Марков явился только выразителем чьих-то намерений и желаний, я стал получать множество писем и телеграмм от знакомых и незнакомых лиц, от земских и дворянских собраний, от уездных и губернских управ, от городских дум и т.д. Совет профессоров петроградского университета почтил меня избранием почетным членом университета. Из екатеринославской городской думы была получена телеграмма: «Поздравляем с блестящей победой над гнусной выходкой холопа министерской передней». Что выходка Маркова была заранее обдумана и инспирирована – в этом никто не сомневался: ясно было, что хотели унизить председателя Думы, смешать его с грязью. Вышло иначе.

Через день после этого инцидента я получил через французского посла от президента французской республики большой орден почетного легиона.

На одном из ближайших заседаний исключительную по силе и вдохновению речь произнес Пуришкевич. Отмежевавшись от крайних правых, он говорил о темных силах и призывал сидевших в Думе министров: «Вы должны немедленно ехать в Ставку броситься к ногам Государя Императора и умолять его поверить всему ужасу распутинского влияния и тяжелым и опасным последствиям такого положения вещей и изменить свои программы».

Так как в то время думские стенограммы проходили через цензуру и отчеты о Думе появлялись с массой белых пропусков, то речи депутатов попадали в публику в совершенно искаженном виде. Злонамеренные лица стали даже фабриковать неко-

торые речи, делая свои добавления и продавая оттиски по несколько рублей.

Резкая перемена в настроении произошла и в Г. Совете. И там тоже поняли, что немыслимо поддерживать такое правительство. Евгений Трубецкой призывал членов Синода вспомнить о кресте, который они носят на груди, взять свой крест, идти к Царю и умолять его избавить Церковь и правительство от грязных влияний. Г. Совет, подобно Думе, вынес резолюцию, в которой указывал, что правительство должно внять голосу народа и к власти должны быть призваны лица, облеченные доверием страны (в который раз это уже повторялось...). Такую же резолюцию вынес и съезд объединенного дворянства. Вся Россия одинаково мыслила и к одному стремилась, но курс правительства, все-таки, не изменялся: напротив, как будто умышленно подчеркивалось резкое расхождение правительства с обществом.

Общеземский съезд в Москве в последнюю минуту не был разрешен, хотя Протопопов перед этим в беседах с корреспондентами и говорил о своем благожелательном отношении к земству и к общественным силам. Съехавшиеся члены съезда собирались на частных квартирах, обсуждали политическое положение, передали свои полномочия комитету во главе с князем Львовым, а в газетах вместо сведений, передавшихся по телефону из Москвы, были пустые белые столбцы.

В газетах промелькнуло известие, что княгиня С.Н. Васильчикова, жена члена Г. Совета, уезжает в свое имение в новгородскую губернию. Все поняли, что Васильчикова уезжает не по своей воле. И скоро все знали, что Васильчикова написала письмо Государыне о Распутине. Так же, как Васильчикова, пострадал обер-гофмейстер Кауфман-Туркестанский. Он был представителем Красного Креста в Ставке. Он решился говорить с Государем: он убеждал его удалить Протопопова и поставить во главе правительства лицо, облеченное доверием страны. Царь с ним соглашался. Приехала в Ставку Императрица. Кауфман уезжал, его очень ласково провожали, а когда он приехал в Петроград, то получил уведомление от Царя, что он освобождается от представительства Красного Креста в Ставке.

За несколько дней до инцидента с Марковым целая группа депутатов левой была исключена кто на пятнадцать, кто на восемь заседаний. Они устроили скандал во время речи Трепова, не давали ему говорить. После исключения Маркова возник вопрос, что наказания были одинаковы, хотя поступки далеко не равны. Я предполагал предложить Думе уменьшить наказание исключенным депутатам левой. Но в это время ко мне явились представители от рабочих и заявили, что они пришли «потребовать» уменьшения наказания для левых депутатов. Я с ними долго беседовал о политическом положении страны, а насчет их требования определенно заявил, что у меня было намерение предложить смягчить наказание левым депутатам, но предъявленные мне рабочими требования меняют положение, и я считаю невозможным для себя действовать под чьим бы то ни было давлением.

Министр юстиции Добровольский неожиданно и незаконно прекратил дело Манасевича-Мануйлова, дело, которое уже слушалось в суде с участием присяжных заседателей. Это небывалый пример в судебной практике. Это было сделано по Высочайшему повелению.

---

16 декабря Дума была распущена на Рождественские каникулы.

В ночь на 17 декабря 1916 года произошло событие, которое по справедливости надо считать началом второй революции – убийство Распутина. Вне всякого сомнения, что главные деятели этого убийства руководились патриотическими целями. Видя, что легальная борьба с опасным временщиком не достигает

цели, они решили, что их священный долг избавить царскую семью и Россию от окутавшего их гипноза. Но получился обратный результат. Страна увидала, что бороться во имя интересов России можно только террористическими актами, так как законные приемы не приводят к желанным результатам. Участие в убийстве Распутина одного из великих князей, члена царской фамилии, представителя высшей аристократии и членов Г. Думы как бы подчеркивало такое положение. А сила и значение Распутина как бы подтверждались теми небывалыми репрессиями, которые были применены Императором к членам императорской фамилии. Целый ряд великих князей был выслан из столицы в армию и другие места. Было в порядке цензуры воспрещено газетам писать о старце Распутине и вообще о старцах. Но газеты платили штрафы и печатали мельчайшие подробности этого дела.

Политика правительства как бы на зло общественному мнению повернула еще правее и доверие оказывалось только сторонникам Распутина. Результатом шума, поднятого возле этого дела было то, что террористический акт стал всеми одобряться и получилось внутреннее убеждение, что раз в нем участвовали близкие к царской чете лица и представители высших слоев общества, – значит, положение сделалось безысходным.

Еще с зимы 1913 – 1914 годов в высшем обществе только и было разговоров, что о влиянии темных сил. Определенно и открыто говорилось, что от этих «темных сил, действующих через Распутина, зависят все назначения как министров, так и других должностных лиц. Приближенные ко Двору вовсе не отдавали или не хотели отдавать себе отчета, какими гибельными последствиями для династии грозит такое положение вещей. Возмущались решительно все, но... почти все молчали и покорялись. При таком настроении общества вспыхнула в июле 1914 года мировая война. Всеобщий горячий и искренний патриотический подъем народного духа на время отодвинул на задний план все внутренние тревоги и опасения русского общества. Казалось, что перспективы жестокой, требовавшей жертв войны сгладили все разногласия и общество слилось на одной мысли – «война до победоносного конца».

Но распутинцы не дремали. Скоро опять начались их происки, направленные к тому, чтобы поставить правительство в

оппозиционное положение к обществу. Осторожно, опытной рукой была пущена легенда о назревавшем революционном настроении в стране: хотели возбудить недоверие власти к народу. Никакой почвы для таких страхов тогда не было, но русское общество было взято правительством под подозрение и эта политика недоверия упорно проводилась властью вплоть до дней переворота. Так как в большинстве случаев министры назначались по указаниям Распутина, то я в праве утверждать, что именно из недр его кружка исходил лозунг разъединения общества и правительства. Патриотический подъем сменился тревогой и роковое слово «измена» сначала шопотом, тайно, а потом явно и громко пронеслось над страной. Пораженческое движение подняло голову и пропаганда преступных и предательских мыслей стала все более и более усиливаться, захватывая колеблющихся и малодушных.

Я заканчиваю на этом описание жизненного пути Распутина, пройденного им в истории русского государства. Ручаясь за точность приведенных мною фактов, я вижу, как они складываются в определенную и бесформенную картину того громадного влияния, которое имел Распутин через Императрицу Александру Феодоровну на ход государственных дел.

Сомнениям в этом случае нет места, но при близком наблюдении всех указанных мною явлений, меня всегда поражала планомерность действий распутинского кружка. Как будто он вел дело к заранее обдуманной и твердо намеченной цели.

Я далек от мысли утверждать, что Распутин являлся вдохновителем и руководителем гибельной работы своего кружка. Умный и пронырливый по природе, он же был только безграмотный необразованный мужик с узким горизонтом жизненным и, конечно, без всякого горизонта политического, – большая мировая политика была просто недоступна его узкому пониманию. Руководить поэтому мыслями императорской четы в политическом отношении Распутин не был в состоянии. Если бы он один был приближенным к царскому дому, то, конечно, дело ограничилось бы подарками, подачками, может быть некоторыми протекциями известному числу просителей и только. С другой стороны, следует совершенно и раз навсегда откинуть недобрую мысль об «измене» Императрицы Александры Феодоровны. Комиссия временного правительства под председатель-

ством Муравьева с участием представителя от совета р. и с. депутатов, занимавшаяся этим вопросом специально по документальным данным, совершенно отвергла это обвинение. Быть может, Императрица Александра Феодоровна полагала, что сепаратный мир с Германией был более выгоден для России, чем дальнейшее участие в союзе с Антантой, но фактически это установлено не было. Тем менее можно говорить об «измене» русскому делу Императора Николая II: он погиб мученической смертью, именно в силу верности данному слову.

А между тем совершенно ясно, что вся внутренняя политика, которой неуклонно держалось императорское правительство с начала войны, неизбежно и методично вела к революции, к смуте в умах граждан, к полной государственно-хозяйственной разрухе.

Довольно припомнить министерскую чехарду. С осени 1915 года по осень 1916 года было пять министров внутренних дел: князя Щербатова сменил А.Н. Хвостов, его сменил Макаров, Макарова Хвостов старший и последнего Протопопов. На долю каждого из этих министров пришлось около двух с половиной месяцев управления. Можно ли говорить при таком положении о серьезной внутренней политике. За это же время было три военных министра: Поливанов, Шуваев и Беляев. Министров земледелия сменилось четыре: Кривошеин, Наумов, граф А. Бобринский и Риттих. Правильная работа главных отраслей государственного хозяйства, связанного с войной, неуклонно потрясалась постоянными переменами. Очевидно никакого толка произойти от этого не могло; получался сумбур, противоречивые распоряжения, общая растерянность, не было твердой воли, упорства, решимости и одной определенной линии к победе.

Народ это наблюдал, видел и переживал, народная совесть смущалась и в мыслях простых людей зарождалось такое логическое построение: идет война, нашего брата, солдата, не жалеют, убивают нас тысячами, а кругом во всем беспорядок, благодаря неумению и нерадению министров и генералов, которые над нами распоряжаются и которых ставит Царь.

Все то, что творилось во время войны, не было только бюрократическим легкомыслием, самодурством, безграничной властью, не было только неумением справиться с громадными трудностями войны, это была еще и обдуманная и упорно проводи-

мая система разрушения нашего тыла, и для тех, кто сознательно работал в тылу, Распутин был очень подходящим оружием.

Вот почему я утверждаю, что тяжкий грех перед Родиной лежит на всех тех, кто мог и обязан был бороться с этим уродливым явлением, но не только не боролся, но еще и пользовался им во вред России.*

Интересно, что охранники, которые дежурили около квартиры Распутина и которых он в роковую ночь отпустил перед тем, как за ним приехал автомобиль от Юсупова, – на утро явились и, не подозревая об убийстве, заняли свои посты. Слухи об убийстве Распутина ходили еще задолго до того, как это совершилось, а после убийства полиция бросиласть по всем направлениям. Заподозрила даже моих сыновей, и под видом грабежа у меня на квартире произвели обыск. Какие-то люди выломали замок в парадной двери, перерыли комоды и ящики, ничего из одежды не унесли, зато разбросали на квартире все бумаги.

Надеялись, что убийство даром не пройдет, что в Царском Селе, наконец, опомнятся, послушают предостережений или просто испугаются. Вышло совсем наоборот. Как бы на зло стали выдвигать тех, кто был сторонником Распутина. Протопопов был утвержден в должности министра внутренних дел, чем подчеркивалось одобрение его политики. Трепов подал в отставку, то же сделали – граф Игнатьев, Макаров и товарищ министра внутренних дел князь Волконский. Трепов был замещен старым князем Н.Д. Голицыным, который был помощником Царицы в комитете военнопленных. Отставка Игнатьева и Волконского временно не была принята, а через несколько дней они прочли в газетах, что оба уволены. В Думе узнали о странной роли, которую играет в министерстве внутренних дел не имевший оффициального положения генерал Курлов, которого считали организатором убийства Столыпина. В отсутствии Про-

---

* Считаю долгом добавить здесь то, что М.В. узнал уже в Югославии незадолго до своей внезапной смерти. А именно: что в дневнике немецкого генерала высшего командования Людендорфа, за 3 месяца до русской революции, записано следующее: «на фронте наше положение катастрофическое, и, если нам не удастся подорвать Россию изнутри – мы погибли». (Цитирую по памяти).

Е. Родзянко 1968 г.

топопова, который делами почти не занимался и все ездил в Царское, Курлов подписывал бумаги «за министра внутренних дел». Между тем указа правительствующего Сената о его назначении не было и высшие правительственные учреждения отказывались принимать такие бумаги. Курлов был назначен как бы тайком без опубликования через Сенат. До чего дошло правительство... Разоблачения в Думе не помогли и Курлов продолжал оставаться на своем посту.

К 1 января произошли соответствующие перемены и в Г. Совете. Был отстранен от председательсвования Куломзин и заменен Щегловитовым и назначен ряд крайних черносотенцев в члены Совета. И все-таки направление верхней Палаты изменить не удалось. Недавние сторонники правительства во что бы то ни стало – определенно высказывались против Протопопова, а когда прошел слух, что среди назначенных будет и Штрюмер, правые объявили, что не примут его в состав своей группы. Они избрали председателем группы Трепова, как бы подчеркнув, что одобряют его отрицательное отношение к Протопопову и разделяют мотивы его ухода из правительства.

Вся политика правительства за это время носила характер неумелых репрессий, соединенных с бездействием власти. После роспуска Думы на рождественские каникулы стали ходить слухи, что Дума не будет созвана в назначенный срок 9 января. В рескрипте на имя князя Голицына при его назначении было упомянуто «о благожелательном отношении к законодательным Палатам и о необходимости совместной с ними работы». Но это нисколько не помешало Протопопову за спиной у Голицына добиться отсрочки Думы и возобновление ее занятий было передвинуто на 14 февраля. Вообще, Протопопов не только продолжал играть в Царском роль, но и, повидимому, заменил Распутина. Рассказывали, что он занимается спиритизмом и вызывает дух Распутина. Считаю не безынтересным упомянуть, что мне рассказывал граф Д.М. Граббе. Его пригласил к завтраку известный князь Андроников, обделывавший дела через Распутина. Войдя в столовую, Граббе был поражен, увидев в соседней комнате Распутина. Недалеко от стола стоял человек, похожий как две капли на Распутина: борода, волосы, костюм – все было под Распутина. Андроников пытливо посмотрел на своего гостя. Граббе сделал вид, что он вовсе не поражен. Человек постоял, постоял, вышел из комнаты и больше не появлялся.

XVI

**Развал тыла. Генерал Крымов настаивает на перевороте.
Завтрак у в.к. Марии Павловны. Визит в.к. Михаила Александровича.
Аудиенция 7 января.**

С продовольствием стало совсем плохо. Города голодали, в деревнях сидели без сапог и при этом все чувствовали, что в России всего вдоволь, но что нельзя ничего достать из-за полного развала в тылу. Москва и Петроград сидели без мяса, а в это время в газетах писали, что в Сибири на станциях лежат битые туши и что весь этот запас в полмиллиона пудов сгниет при первой оттепели. Все попытки земских организаций и отдельных лиц разбивались о преступное равнодушие или полное неумение что-нибудь сделать со стороны властей. Каждый министр и каждый начальник сваливал на кого-нибудь другого и виновников никогда нельзя было найти. Ничего, кроме временной остановки пассажирского движения, для улучшения продовольствия правительство не могло придумать. Но и тут получился скандал. Во время одной из таких остановок паровозы оказались испорченными: из них забыли выпустить воду, ударили морозы, трубы полопались и вместо улучшения только ухудшили движение. На попытки земских и торговых организаций устроить съезды для обсуждения продовольственных вопросов, правительство отвечало отказом и съезды не разрешались. Приезжавшие с мест заведывавшие продовольствием, толкавшиеся без результата из министерства в министерство, принесли свое горе к председателю Думы, который в отсутствие Думы изображал своей персоной народное представительство. Многие распоряжения правительства наводили на странное и грустное размышление: казалось, что будто бы власть сознательно работает во вред России и на пользу Германии. А при ближайшем знакомстве с источниками подобных распоряжений приходилось убеждаться, что во всех таких случаях невидимые нити вели к Протопопову и через него к Императрице.

В начале января приехал с фронта генерал Крымов и просил дать ему возможность неоффициальным образом осветить членам Думы катастрофическое положение армии и ее настроение. У меня собрались многие из депутатов, членов Г. Совета и членов Особого Совещания. С волнением слушали доклад боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповедь. Крымов говорил, что пока не прояснится и не очистится политический горизонт, пока правительство не примет другого курса, пока не будет другого правительства, которому бы там, в армии поверили, – не может быть надежд на победу. Войне определенно мешают в тылу и временные успехи сводятся к нулю. Закончил Крымов приблизительно такими словами:

«Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние жены сильнее честных слов, сказанных Царю. Времени терять нельзя».

Крымов замолк и несколько секунд все сидели смущенные и удрученные. Первым прервал молчание Шингарев:

– Генерал прав – переворот необходим... Но кто на него решится?

Шидловский с озлоблением сказал:

– Щадить и жалеть Его нечего, когда он губит Россию.

Многие из членов Думы соглашались с Шингаревым и Шидловским; поднялись шумные споры. Тут же были приведены слова Брусилова: «Если придется выбирать между Царем и Россией – я пойду за Россией».

Самым неумолимым и резким был Терещенко, глубоко меня взволновавший. Я его оборвал и сказал:

– Вы не учитываете, что будет после отречения Царя... Я никогда не пойду на переворот. Я присягал... Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения – пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждениями, но не насилием...

Много и долго еще говорили у меня в этот вечер. Чувствовалась приближающаяся гроза и жутко было за будущее:

казалось, какой-то страшный рок влечет страну в неминуемую пропасть.*

Приблизительно в это время довольно странное свидание произошло у меня с великой княгиней Марией Павловной.

Как-то поздно вечером приблизительно около часу ночи великая княгиня вызвала меня по телефону:

– Михаил Владимирович, не можете ли вы сейчас приехать ко мне?

– Ваше высочество, я право, затрудняюсь: будет ли это удобно в такой поздний час ... Я, признаться, собираюсь идти спать.

– Мне очень нужно вас видеть по важному делу. Я сейчас пришлю за вами автомобиль... Я очень прошу вас приехать...

Такая настойчивость меня озадачила и я просил разрешения ответить через четверть часа. Слишком подозрительной могла показаться поездка председателя Думы к великой княгине в час ночи: это было похоже на заговор. Ровно через четверть часа опять звонок и голос Марии Павловны:

– Ну что же, вы приедете?

– Нет ваше высочество, я к вам приехать сегодня не могу.

– Ну тогда приезжайте завтра к завтраку.

– Слушаюсь, благодарю вас... Завтра приеду.

На другой день на завтраке у великой княгини я застал ее вместе с ее сыновьями, как будто бы они собрались для семейного совета. Они были чрезвычайно любезны и о «важном деле» не было произнесено ни слова. Наконец, когда все перешли

---

* Мой муж был в это время в Петрограде у отца, присутствовал при докладе Крымова и при последующих разговорах. Вернувшись в Отраду, он рассказывал мне об этом, а также о душевном состоянии отца.

Когда все разъехались, отец вдруг стукнул кулаком по столу и сердито заговорил: «Мерзавцы! Я им покажу, я им не предам его, я спасу его!» – «Кого?», – с удивлением спросил муж. – «Государя, разве ты не видишь? Кровью запахло, воронье слетается»...

И вот, волей Божией, именно ему пришлось быть во главе Думы, когда грянула революция, и он писал нам (кажется еще в марте): «Боже, сколько проклятий падет на мою несчастную голову».

Е.Ф. Родзянко.

в кабинет и разговор все еще шел в шутливом тоне о том, о сем, Кирилл Владимирович обратился к матери и сказал: «Что же вы не говорите?»

Великая княгиня стала говорить о создавшемся внутреннем положении, о бездарности правительства, о Протопопове и об Императрице. При упоминании ее имени она стала более волноваться, находила вредным ее влияние и вмешательство во все дела, говорила, что она губит страну, что благодаря ей создается угроза Царю и всей царской фамилии, что такое положение дольше терпеть невозможно, что надо изменить, устранить, уничтожить...

Желая уяснить себе более точно, что она хочет сказать, я спросил:

– То есть, как устранить?

– Да я не знаю... Надо что-нибудь предпринять, придумать... Вы сами понимаете... Дума должна что-нибудь сделать... Надо ее уничтожить...

– Кого?

– Императрицу.

– Ваше высочество, – сказал я, – позвольте мне считать этот наш разговор как бы не бывшим, потому что, если вы обращаетесь ко мне как к председателю Думы, то я по долгу присяги должен сейчас же явиться к Государю Императору и доложить ему, что великая княгиня Мария Павловна заявила мне, что надо уничтожить Императрицу.

Мысль о принудительном отречении Царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и начале 1917 года. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее Председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию. После убийства Распутина разговоры об этом стали еще более настойчивыми. Многие при этом были совершенно искренно убеждены, что я подготовляю переворот и что мне в этом помогают многие из гвардейских офицеров и английский посол Бьюкенен. Меня это приводило в негодование и, когда люди проговаривались, начинали на что-то намекать или открыто говорить о перевороте, я отвечал всегда одно и то-же:

«Я ни на какую авантюру не пойду, как по убеждению, так и в силу невозможности впутывать Думу в неизбежную смуту. Дворцовые перевороты не дело законодательных палат, а поднимать народ против Царя – у меня нет ни охоты, ни возможности».

Все негодовали, все жаловались, все возмущались и в светских гостиных и в политических собраниях и даже при беглых встречах в магазинах, в театрах и трамваях, но дальше разговоров никто не шел. Между тем, если бы все объединились и если бы духовенство, ученые, промышленники, представители высшего общества объединились и заявили бы Царю просьбу или даже обратились бы с требованием прислушаться к желаниям народа – может быть и удалось бы чего-нибудь достигнуть. Вместо этого одни низкопоклонничали, другие охраняли свое положение, держались за свои места, охраняли свое благополучие, третьи молчали, ограничиваясь сплетнями и воркотней и грозили за спиной переворотом...

Из среды Царской семьи, как ни странно, к Председателю Думы тоже обращались за помощью, требуя, чтобы председатель Думы шел, доказывал и убеждал.

Близкие Государю тоже понимали, какая надвигается опасность, но и эти близкие, даже брат Государя, были не решительны и тоже бессильны.

---

8 января ко мне на квартиру неожиданно приехал великий князь Михаил Александрович.

– Мне хотелось с вами поговорить о том, что происходит и посоветоваться, как поступить... Мы отлично понимаем положение, – сказал великий князь.

– Да, ваше высочество, положение настолько серьезное, что терять нельзя ни минуты и спасать Россию надо немедленно.

– Вы думаете, что будет революция?

– Пока война, народ сознает, что смута – это гибель армии, но опасность в другом. Правительство и Императрица Александра Феодоровна ведут Россию к сепаратному миру и к позору, отдают нас в руки Германии. Этого нация не снесет и, если бы это подтвердилось, а довольно того, что об этом ходят слухи

– чтобы наступила самая ужасная революция, которая сметет престол, династию, всех вас и нас. Спасти положение и Россию еще есть время и даже теперь царствование вашего брата может достичь еще небывалой высоты и славы в истории, но для этого надо изменить все направление правительства. Надо назначить министров, которым верит страна, которые бы не оскорбляли народные чувства. К сожалению, я должен вам сказать, что это достижимо только при условии удаления Царицы. Она вредно влияет на все назначения, даже в армии. Ее и Царя окружают темные, негодные и бездарные лица. Александру Феодоровну яростно ненавидят, всюду и во всех кругах требуют ее удаления. Пока она у власти – мы будем идти к гибели.

– Представьте, – сказал Михаил Александрович, – то же самое говорил моему брату Бьюкенен. Вся семья сознает, насколько вредна Александра Феодровна. Брата и ее окружают только изменники. Все порядочные люди ушли... Но как быть в этом случае?

– Вы, ваше высочество, как единственный брат Царя, должны сказать ему всю правду, должны указать на вредное вмешательство Александры Феодоровны, которую в народе считают германофилкой, для которой чужды интересы России.

– Вы считаете, что необходимо ответственное министерство?

– Все просят только твердой власти и ни в одной резолюции не упоминается об ответственном министерстве. Хотят иметь во главе министерства лицо, облеченное доверием страны. Такое лицо составит кабинет, который будет ответствен перед Царем.

– Таким лицом могли бы быть только вы, Михаил Владимирович, вам все доверяют.

– Если бы явилась необходимость во мне, – я готов отдать все свои силы родине, но опять таки при одном условии: устранении Императрицы от всякого вмешательства в дела. Она должна удалиться, так как борьба с ней при несчастном безволии Царя совершенно бесплодна. Я еще 23 декабря послал рапорт о приеме и до сих пор не имею ответа. Благодаря влиянию Царицы и Протопопова, Царь не желает моего доклада и есть основание предполагать, что Дума будет распущена и будут назначены новые выборы. У меня есть сведения, что под влиянием разрухи тыла начинаются волнения и в армии. Армия теряет спокойствие... Если вся пролитая кровь, все страдания и потери окажутся напрасными, – возмездие будет ужасным.

– Вы, Михаил Владимирович, непременно должны видеть Государя и еще раз сказать ему всю правду.

– Я очень прошу вас убедить вашего державного брата принять меня непременно до Думы. Ради Бога, ваше высочество, повлияйте, чтобы Дума была созвана и чтобы Александра Феодоровна с присными была удалена.

Беседа эта длилась более часу. Великий князь со всем соглашался и обещал помочь.

Не только в.к. Михаил Александрович понимал угрожающее положение, сознавали это и другие члены Царской семьи. Еще раньше в.к. Николай Михайлович говорил мне: «Они, Бог знает, что делают своей неумелой политикой. Они хотят все русское общество довести до исступления».

Я решил еще раз отправить рапорт Царю с просьбой о приеме. 5 января я писал:

«Приемлю смелость испросить разрешения явиться к Вашему Императорскому Величеству. В этот страшный час, который переживает родина, я считаю своим верноподданейшим долгом как председатель Думы доложить вам во всей полноте об угрожающей российскому государству опасности. Усердно прошу вас, Государь, повелеть мне явиться и выслушать меня».

На другой день был получен ответ, а 7 января я был принят Царем.

Незадолго перед тем, 1 января, как всегда во дворце был прием. Я знал, что увижу там Протопопова, и решил не подавать ему руки. Войдя, я просил церемонимейстеров барона Корфа и Толстого предупредить Протопопова, чтобы он ко мне не подходил. Не передали ли они ему или Протопопов не обратил на это внимания, но я заметил, что он следит за мною глазами и, повидимому, хочет подойти. Чтобы избежать инцидента, я перешел на другое место и стал спиной к той группе, в которой был Протопопов. Тем не менее Протопопов пошел на пролом, приблизился вплотную и с радостным приветствием протянул мне руку. Я ему ответил:

– Нигде и никогда.

Смущенный Протопопов, не зная, как выйти из положения, дружески взял меня за локоть и сказал:

– Родной мой, ведь мы можем столковаться.

Он мне был противен.

– Оставьте меня, вы мне гадки, – сказал я.

Это происшествие, хотя и не во всех подробностях, появилось в газетах: писали также, что Протопопов намерен вызвать меня на дуэль, но никакого вызова не последовало.

На докладе у Государя я прежде всего принес свои извинения, что позволил себе во дворце так поступить с гостем Государя. На это Царь сказал:

– Да, это было не хорошо – во дворце...

Я заметил, что Протопопов, вероятно, не очень оскорбился, так как не прислал вызова.

– Как, он не прислал вызова? – удивился Царь.

– Нет, ваше величество... Так как Протопопов не умеет защищать своей чести, то в следующий раз я его побью палкой.

Государь засмеялся.

Я перешел к докладу.

– Из моего второго рапорта вы, ваше величество, могли усмотреть, что я считаю положение в государстве более опасным и критическим, чем когда-либо. Настроение во всей стране такое, что можно ожидать самых серьезных потрясений. Партий уже нет и вся Россия в один голос требует перемены правительства и назначения ответственного премьера, облеченного доверием народа. Надо при взаимном доверии с Палатами и общественными учреждениями наладить работу для победы над врагом и для устройства тыла. К нашему позору в дни войны у нас во всем разруха. Правительства нет, системы нет, согласованности между тылом и фронтом до сих пор тоже нет. Куда ни посмотришь – злоупотребления и непорядки. Постоянная смена министров вызывает сперва растерянность, а потом равнодушие у всех служащих сверху до низу. В народе сознают, что вы удалили из правительства всех лиц, пользовавшихся доверием Думы и общественных кругов и заменили их недостойными и неспособными. Вспомните, ваше величество, Поливанова, Сазонова, графа Игнатьева, Самарина, Щербатова, Наумова, – всех тех, кто был преданными слугами вашими и России и кто отстранен без всякой причины и вины... Вспомните таких старых государственных деятелей, как Голубев и Куломзин. Их сменили только потому, что они не закрывали рта честным голосам в

Г. Совете. Точно умышленно все делается во вред России и на пользу ее врагов. Поневоле порождаются чудовищные слухи о существовании измены и шпионства за спиной армии. Вокруг вас, Государь, не осталось ни одного надежного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, а остались только те, которые пользуются дурной славой. Ни для кого не секрет, что Императрица помимо вас отдает распоряжения по управлению государством, министры ездят к ней с докладом и что по ее желанию неугодные быстро летят со своих мест и заменяются людьми, совершенно неподготовленными. В стране растет негодование на Императрицу и ненависть к ней... Ее считают сторонницей Германии, которую она охраняет. Об этом говорят даже среди простого народа...

– Дайте факты, – сказал Государь, – нет фактов, подтверждающих ваши слова.

– Фактов нет, но все направление политики, которой так или иначе руководит ее величество, ведет к тому, что в народных умах складывается такое убеждение. Для спасения вашей семьи вам надо, ваше величество, найти способ отстранить Императрицу от влияния на политические дела. Сердце русских людей терзается от предчувствия грозных событий, народ отворачивается от своего Царя, потому что после стольких жертв и страданий, после всей пролитой крови народ видит, что ему готовятся новые испытания.

Переходя к вопросам фронта, я напомнил, что еще в пятнадцатом году умолял Государя не брать на себя командование армией и что сейчас после новых неудач на румынском фронте всю ответственность возлагают на Государя.

– Не заставляйте, ваше величество, – сказал я, – чтобы народ выбирал между вами и благом родины. До сих пор понятие Царь и Родина – были неразрывны, а в последнее время их начинают разделять...

Государь сжал обеими руками голову, потом сказал:

– Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше и двадцать два года ошибался...

Минута была очень трудная. Преодолев себя, я ответил:

– Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути.

Несмотря на эти откровенные слова, которые не могли быть приятными, Государь простился ласково и не выказал ни гнева, ни даже неудовольствия.

Мне невольно вспоминается одна из аудиенций, во время которой больше, чем когда-либо, можно было понять Императора Николая II. Ошибаются те, которые называют его лживым и черствым человеком. Он был только слабый волей, легко подпадающий под чужое сильное влияние.

После одного из докладов, помню, Государь имел особенно утомленный вид.

– Я утомил вас, ваше величество?

– Да, я не выспался сегодня – ходил на глухарей... Хорошо в лесу было...

Государь подошел к окну (была ранняя весна). Он стоял молча и глядел в окно. Я тоже стоял в почтительном отдалении. Потом Государь повернулся ко мне:

– Почему это так, Михаил Владимирович. Был я в лесу сегодня... Тихо там и все забываешь, все эти дрязги, суету людскую... Так хорошо было на душе... Там ближе к природе, ближе к Богу...

Кто так чувствует, не мог быть лживым и черствым.

Незадолго до доклада, 3 января, я вызвал из Москвы Самарина, избранного председателем совета объединенного дворянства. Нужно сказать, что тогда упорно ходили слухи, что я буду арестован и выслан из Петрограда. Мне это подтвердил и один из членов правительства. Я счел нужным осведомить об этом тех из своих единомышленников, которые могли взять на себя в мое отсутствие борьбу за интересы и достоинство России, и могли бы защитить народное представительство от незаслуженных оскорблений. Самарин приехал ко мне с двумя членами совета объединенного дворянства – Карповым и князем Куракиным. Самарин также испросил аудиенцию и решил доложить Государю о резолюции съезда объединенного дворянства, подробно

объяснить ее истинный смысл и в волнении говорил, что он чувствует, что долг его откровенно все высказать Царю. Накануне своего доклада он весь вечер просидел у меня и его до последней минуты не оставляла вера в торжество справедливости и правды, в то, что нас наконец услышат.

После Самарина у меня были князь Львов, Челноков и Коновалов. Все они одобряли мои действия, поддерживая в том, что настало время говорить одну правду, как бы она ни была неприятна...

После этих двух докладов, Самарина и моего, пошли слухи, что Трепову будет предложено составить кабинет доверия из членов законодательных Палат. Слухи эти проникли и в газеты, но скоро они заглохли. Протопопов продолжал оставаться министром и постоянным посетителем Царского Села и все шло попрежнему. Стали даже говорить, что Дума будет распущена до окончания войны, а затем будут назначены новые выборы. Начались даже как-будто приготовления к новой избирательной кампании. Так как на дворянство и духовенство уже не полагались, то по мысли Протопопова решено было привлечь на сторону правительства крестьян и с этой целью стали разрабатывать законопроект о наделении крестьян – георгиевских кавалеров – землею в количестве до тридцати десятин, путем принудительного отчуждения от частных владельцев.

В старом Новгороде происходило дворянское собрание. Настроение дворян вылилось в резолюции, в которой необыкновенно ярко были выражены боль и страх за будущее России. Надеялись, что непосредственное обращение высшего сословия к Царю приведет к желательным результатам. Дворяне единогласно поручили, чтобы губернский предводитель Будкевич лично передал резолюцию Государю. К сожалению, Государь не нашел времени принять Будкевича и резолюция была передана ему через Протопопова. В результате вызвали в Петроград новгородского губернатора Иславина для объяснения и отстранили его от должности.

XVII

Представители Антанты в Петрограде. Полиция и пулеметы. Последняя аудиенция. Аресты рабочих. Согласие Царя на ответственное министерство и неожиданный отъезд. Оборвалось . . .

В конце января в Петроград приехали делегаты союзных держав для согласования действий на фронтах в предстоявшей весенней кампании.

На заседаниях конференции с союзниками обнаружилось полнейшее невежство нашего военного министра Беляева. По многим вопросам и Беляев, и другие наши министры оказывались в чрезвычайно неловком положении перед союзниками: они не сговорились между собой и не были в курсе дел даже по своим ведомствам. В особенности это сказалось при обсуждении вопроса о заказах заграницей. Лорд Мильнер долго молча вслушивался в речи наших министров и затем спросил: «Сколько же вы делаете заказов?». Ему сообщили. «А сколько вы требуете тоннажа для их перевозки?». И получив снова ответ, он заметил: «Я вам должен сказать, что вы просите тоннажа в пять раз меньше, чем нужно для перевозки ваших заказов».

Союзные делегаты выражали сожаление, что в виду отдаленности России и оторванности ее от общего командования на западе, они имеют о нас мало сведений. На это министр Покровский предложил создать новую должность комиссара, который был бы на западе представителем России и по своему положению стоял бы выше наших послов. Присутствовавший на конференции Сазонов, только что назначенный послом в Лондон, возмутился и между Покровским и Сазоновым начались пререкания. Иностранцам было ясно, что у нас нет ни согласованности, ни системы, ни понимания серьезности переживаемого момента. Это их очень возмущало. Хладнокровный лорд Мильнер, еле сдерживавший свои чувства, откидывался на спинку стула и громко вздыхал. Каждый раз при этом стул трещал и ему подавали другой.

Французы тоже очень нервничали и видно было, что они недовольны нами. Еще в январе 1916 года во время своего пребывания в Петрограде члены делегации Думерг и Кастельно ездили в Царское Село и к своему изумлению увидели там тяжелые орудия, присланные для нашего фронта из Франции.

Мне сообщили, что петроградскую полицию обучают стрельбе из пулеметов. Масса пулеметов в Петрограде и в других городах вместо отправки на фронт была передана в руки полиции.

Одновременно появилось весьма странное распоряжение о выделении петроградского военного округа из состава северного фронта и о передаче его из действующей армии в непосредственное ведение правительства с подчинением командующего округом. Уверяли, что это делается не спроста. Упорно говорили о том, что Императрица всеми способами желает добиться заключения сепаратного мира, и что Протопопов, являющийся ее помощником в этом деле, замышляет спровоцировать беспорядки в столицах на почве недостатка продовольствия, чтобы затем эти беспорядки подавить и иметь основание для переговоров о сепаратном мире. Слухи эти были настолько упорны, что вызвали смущение не только среди членов Думы, но и среди представителей союзных держав. Члены Особого Совещания по обороне решили на первом же заседании поднять вопрос о французской артиллерии и пулеметах. Они запросили военного министра Беляева, по какому праву он без санкции Особого Совещания передал такое огромное количество оружия, которое нужно на фронте, – в ведение министерства внутренних дел. Беляев обещал дать ответ на том же заседании, но не дал, а когда вопрос был снова поднят, министр старался прекратить прения. Члены Г. Совета Стишинский, Гурко и Карпов горячо меня поддержали, когда я протестовал, доказывая, что военный министр обязан дать ответ Совещанию и не может ему зажимать рот. Не добившись ничего, члены решили прибегнуть к крайней мере и просить Государя председательствовать на следующем заседании. Члены Совещания единогласно вынесли такое решение, напомнив, что Государь сам обещал председательствовать в особо важных случаях. Беляев, однако, стоял на своем и отказался передать постановление Совещания Царю, говоря, что это несвоевременно и что Государя не следует тревожить такими не первостепенными вопросами. Тогда члены Совещания изложили свою просьбу письменно и я отправил их записку вместе со своим очередным докладом. Никакого ответа не последовало.

10 февраля мне была дана высочайшая аудиенция. Я ехал с тяжелым чувством. Уклончивость Беляева, затягивавшего ответы на важные вопросы, поставленные Особым Совещанием, нежелание Царя председательствовать – все это не предвещало ничего хорошего.

Необычная холодность, с которой я был принят, показала, что я не мог даже, как обыкновенно, в свободном разговоре излагать свои доводы, а стал читать написанный доклад. Отношение Государя было не только равнодушное, но даже резкое. Во время чтения доклада, который касался плохого продовольствия армии и городов, передачи пулеметов полиции и общего политического положения, Государь был рассеян и наконец прервал меня:

– Нельзя ли поторопиться, – заметил он резко, – меня ждет великий князь Михаил Александрович пить чай.

Когда я заговорил об ужасном положении наших военнопленных и о докладе сестер милосердия, ездивших в Германию и Австрию, Государь сказал:

– Это меня вовсе не касается. Для этого имеется комитет под председательством Императрицы Александры Феодоровны.

По поводу передачи пулеметов Царь равнодушно заметил:

– Странно, я об этом ничего не слыхал...

А когда я заговорил о Протопопове, он раздраженно спросил:

– Ведь Протопопов был вашим товарищем председателя в Думе... Почему же теперь он вам не нравится?

Я ответил, что с тех пор как Протопопов стал министром, он положительно сошел с ума.

Во время разговора о Протопопове и о внутренней политике вообще, я вспомнил бывшего министра Маклакова.

– Я очень сожалею об уходе Маклакова, – сказал Царь, – он во всяком случае не был сумасшедшим.

– Ему не с чего было сходить, ваше величество, – не мог удержаться я от ответа.

При упоминании об угрожающем настроении в стране и возможности революции Царь прервал:

– Мои сведения совершенно противуположны, а что касается настроения Думы, то если Дума позволит себе такие резкие выступления, как прошлый раз, то она будет распущена.

Приходилось кончать доклад:

– Я считаю своим долгом, Государь, высказать вам мое личное предчувствие и убеждение, что этот доклад мой у вас последний.

– Почему? – спросил Царь.

– Потому что Дума будет распущена, а направление по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго... Еще есть время и возможность все повернуть и дать ответственное перед палатами правительство. Но этого, повидимому, не будет. Вы, ваше величество, со мной не согласны и все остается по-старому. Результатом этого по-моему будет революция и такая анархия, которую никто не удержит.

Государь ничего не ответил и очень сухо простился.

---

14 февраля Дума должна была возобновить свои занятия. За несколько дней до этого мне сообщили, что на первое заседание явятся петроградские рабочие с какими-то требованиями. Одновременно я узнал, что какой-то господин, выдававший себя за Милюкова, ходит по заводам и возбуждает рабочих к беспорядкам. Милюков написал письмо в газеты, разоблачая самозванца и предостерегая рабочих от провокации. Письмо это было запрещено военной цензурой и только после моих настойчивых требований командующий петроградским округом генерал Хабалов наконец понял, что надо разрешить письмо Милюкова и одновременно сам опубликовал воззвание к рабочим, призывая их к спокойствию и угрожая в случае беспорядков действовать силою.

Перед самым открытием Думы были арестованы члены рабочей группы входящей в состав военно-промышленного комитета. Это были умеренные по своим взглядам люди и казалось непонятным, что побудило правительство к их аресту. Арестованы были не все: двое остались на свободе. Они обратились с воззванием к рабочим, призывая их, несмотря ни на что, сохранять спокойствие. Это обращение, так же как и письмо Милюкова, не было разрешено к печати.

Открытие Думы обошлось совершенно спокойно. Никаких рабочих не было и только вокруг по дворам было расставлено

бесконечное множество полиции. Чтобы не подливать еще больше масла в огонь, и не усиливать и без того напряженное настроение, я ограничился в своей речи только упоминанием об армии и ее безропотном исполнении долга. Вместо общеполитических прений заседание оказалось посвященным продовольственному вопросу, так как министр земледелия Риттих пожелал говорить и произнес очень длинную речь. Центр поддерживал Риттиха, кадеты резко на него нападали. Из речи Риттиха было ясно, что в короткий срок ему немногое удалось сделать и что с продовольствием у нас полный хаос. Городам из-за неорганизованности подвоза грозит голод, в Сибири залежи мяса, масла и хлеба, разверстка между губерниями сделана неправильно, таким образом, что хлебные губернии поставляли недостаточно, а губернии, которым самим не хватало хлеба, – были обложены чрезмерно. Крестьяне, напуганные разными разверстками, переписками и слухами о реквизициях стали тщательно прятать хлеб, закапывали его или спешили продать скупщикам.

Настроение в Думе было вялое, даже Пуришкевич и тот произнес тусклую речь. Чувствовалось бессилие Думы, утомленность в бесполезной борьбе и какая-то обреченность на роль чуть ли не пассивного зрителя. И, все-таки, Дума оставалась на своей прежней позиции и не шла на открытый разрыв с правительством. У нее было орудие одно – слово, и Милюков это подчеркнул, сказав, что Дума: «будет действовать словом и только словом».

Дума уже заседала около недели.

Стороной я узнал, что Государь созывал некоторых министров во главе с Голицыным и пожелал обсудить вопрос об ответственном министерстве. Совещание это закончилось решением Государя явиться на следующий день в Думу и объявить о своей воле – даровании ответственного министерства. Князь Голицын был очень доволен и радостный вернулся домой. Вечером его вновь потребовали во дворец, и Царь сообщил ему, что он уезжает в Ставку.

– Как же, ваше величество, – изумился Голицын, – ответственное министерство?... Ведь вы хотели завтра быть в Думе.

– Да... Но я изменил свое решение... Я сегодня вечером еду в Ставку.

Голицын объяснил себе такой неожиданный отъезд в Ставку желанием Государя избежать новых докладов, совещаний и разговоров.

Царь уехал.

Дума продолжала обсуждать продовольственный вопрос. Внешне все казалось спокойным... Но вдруг, что-то оборвалось и государственная машина сошла с рельс.

Совершилось то, о чем предупреждали, грозное и гибельное, чему во дворце не хотели верить...

Государственная Дума и февральская 1917 года революция

М.В. Родзянко

> Отечество должно быть для тебя дороже матери и отца, и какие бы жестокости, какие бы несправедливости оно ни совершало по отношению к нам, мы должны выдержать их и не отыскивать способов уклониться от него...
>
> *Сократ*

Темой настояшего моего труда я избрал возобновление в памяти общества хода тех событий, которые привели к февральскому 1917 года государственному перевороту, а целью своею поставил себе правильное освещение той роли, которую играли Государственная Дума IV-го созыва в перевороте 26-27 февраля 1917 года.

Необходимо эту роль осветить на основании точных данных.

В широких слоях населения, или, как принято выражаться, в широких народных массах, благодаря крайней ограниченности газетных сообщений той эпохи и отсутствию широкой информации во время самого переворота, укоренилась неправильная точка зрения на роль Государственной Думы во всех тех кровавых событиях, которых мы, к сожалению, являемся не только свидетелями, но от которых страдают все и вся.

Принято на веру далеко, однако, не бесспорное положение, что Государтвенная Дума IV-го созыва подготовила, создала, воодушевила и воплотила в реальные формы переворот 27 февраля, а также и самую революцию. Всю вину за прошлые и настоящие ужасаюшие события принято валить на Государственную Думу и, в частности, на ее Председаталя. Я не ставлю себе, однако, задачей быть защитником или адвокатом Государственной Думы, а намерен лишь возобновить в памяти русского общества и подкрепить документальными данными, по возможности, беспристрастную картину тех исторических событий, которые послужили исходным пунктом для дальнейшего развития револю-

ции и, дав материал, основанный на документах, имеющихся у меня, к сожалению, в ограниченном количестве, предоставить возможность читателям иметь критерий для самостоятельной оценки минувших событий и для своих собственных выводов.

Я постараюсь в своем труде быть чуждым резкой критики, ибо мое глубокое внутреннее убеждение заключается в том, что время такой критики еще не наступило. Я считаю, что оценка нами самими переживаемого момента не может быть беспристрастной, а потому и критика не может быть правильной. Угол зрения, под которым рассматриваются текущие исторические события, как последствия недавнего прошлого, диктуется самими условиями жизни. Этот угол зрения есть безграничное негодование на все совершающееся, а потому позволительно усомниться в том, будет ли справедливым такой суд, основанный на односторонних и всегда субъективных впечатлениях. История оценит эти события беспристрастно и отведет каждому место по его делам и заслугам.

Второй причиной, побудившей меня, является существующий ныне развал политической мысли и отсутствие организованного общественного мнения. Люди, бывшие избранниками народа и выразителями его нужд и стремлений, обязаны всеми возможными способами подготовить и выковать такое мнение и приготовить этим Россию к предстоящему, надеюсь, в близком будущем, разумному Учредительному Собранию.

Наконец, третья причина – это сознание необходимости, накануне полного возрождения нашей исстрадавшейся Родины, оглянуться назад на все содеянное нами и в ошибках прошлого, вольных и невольных, почерпнуть правильные взгляды на предстоящее нам дело строительства на новых началах Русской земли. Поэтому настоящий мой труд надлежит рассматривать как историческую справку, которую я признаю себя обязанным дать Русскому обществу, и не ожидать от него политического или агитационного значения.

Общественные настроения до войны

Государственная Дума

Считаю совершенно необходимым остановиться сначала, хотя бы и в кратких чертах, на деятельности Государственных Дум до войны. Без такого разъяснения не может быть правильного суждения о роли Государственной Думы IV-го созыва в дальнейшей жизни страны и, главным образом, в перевороте 27 февраля, ибо ряд последовательных событий слишком тесно связан между собой в затронутом вопросе, составляя ряд звеньев одной и той же цепи событий.

Оппозиционное настроение мыслящего русского общества к форме Государственного устройства в России и к порядку осуществления законодательства и к действиям Государственной власти началось задолго до дарования русскому народу манифеста 17 октября.

Еще при Императрице Екатерине II заметно было стремление к сокращению объема Самодержавной власти (новиковцы, мартинисты), далее заговор и бунт Декабристов при воцарении Императора Николая I. Целый ряд, несмотря на либеральные реформы Императора Александра II, политических процессов в его царствование указывал на возрастающее брожение в русском обществе, имевшее корнем своим желание установления в России конституционного строя. К концу царствования Александра II оппозиционное настроение это значительно расширилось и стало захватывать все более и более широкие круги русского общества.

Настроение это выражалось в ряде резолюций разнообразных общественных организаций и глухом брожении рабочего и земледельческого крестьянского классов, в поисках за лучшим устройством своей жизни и ее условий.

Припомните, читатели, 80-е года прошлого столетия и стремление учащейся молодежи идти в народ. Припомните лозунги партий «Земля и воля» и целый ряд аграрных и фабрично-рабочих движений. Государственная власть полагала тогда, что усилением репрессивных мер возможно погасить начавшееся пробуждение общественной политической мысли, основой кото-

рой было, конечно, желание добиться народного участия в решении судеб отечества в лице народного представительства. И тогда уже политика Правительства, вместо того, чтобы разумными предупреждающими развитие общественного ропота реформами смягчить взаимное раздражение, направлялась в сторону известного принципа предупреждения и пресечения.

В начале 90-х годов это освободительное движение передалось в земства, и целый ряд земских слетов и съездов развивал мысли о необходимости расширения участия представителей народа в законодательстве страны и дарования населению права контроля над аппаратом Государственной власти, в тесном взаимодействии правительства и общества. Характерно при этом то обстоятельство, что это развитие либеральных настроений в земской среде совпало с реформами земских учреждений, предпринятыми при Императоре Александре III гр. Д.А. Толстым, которые имели целью повернуть земство на наиболее консервативный путь, но достигли обратного результата. Но Правительство оставалось и тогда глухо к возникающему брожению общественно-политической мысли и даже проявляло к ней явную враждебность. Так, например, такой крупный государственный деятель, как С.Ю. Витте, в известной записке своей «Самодержавие и Земство» прямо доказывал, что эти два принципа не совместимы. В своем труде гр. Витте проводил эту мысль, что совместное существование в данном Государстве Самодержавия и принципа самоуправления не может воспитать свободных граждан, а постоянная борьба этих двух начал превращает народ в народную пыль, неспособную к сопротивлению, и которая при первом же натиске на нее может разлететься прахом. К великому прискорбию слова его оказались пророческими. На этом лозунге всегдашнего противодействия развитию общественной самодеятельности Правительство, принципиально и преемственно, стояло твердо, не уступая ничего, и привело этим себя впоследствии к полному крушению.

Разделение Государственной власти и общества было так велико, что уже после учреждения Государственной Думы тогдашний министр земледелия Кривошеин в одной из своих речей, произнесенных в Киеве на агрономическом Съезде, указывал на прискорбное для дела деление русского общества на м ы – правящие сферы и о н и – все остальное население вне этих сфер.

Естественно, что спокойным при таком положении дела русское общество оставаться не могло. Но как ни как, а правительство и тогда хорошо понимало, что без содействия общественных элементов не только трудно, но просто невозможно управлять таким огромным по территории, при разноплеменном составе населения, Государством, каким являлась Россия.

Разные условия местностей ставили властно требование создания применительных к этим условиям законов и местных постановлений и само собою разумеется, что в XX веке, даже в невысоком по развитию культуры и политического сознания русском народе все же политическая и общественная мысль постепенно прогрессировала и не укладывалась уже в рамки бюрократического абсолютизма и полицейского режима. Этот отживающий государственный строй с каждым днем отставал от развивающегося государственного самосознания русского общества, почему и пропасть между правительством и обществом все углублялась и расширялась. Наиболее прозорливые государственные люди той эпохи это хорошо понимали и старались разными паллиативными мерами смягчить назревающий грозный разлад в системе управления Государством, но отрешиться от власти и мужественно идти на коренные реформы Государственного строя они не могли, ибо не хватало главного – любви к народу, как к таковому, и смелости размаха в твердом проведении либеральных реформ. Надо признаться при этом, что правящий класс, из которого пополнялись кадры правительственной власти и не думал уступать своих прерогатив, полагая, что русский народ и общество настолько дики и неразвиты, что система, принятая правительством, единственная возможная в данное время. Одновременно с этим, мер к поднятию умственного уровня народа принималось мало, школьное дело было поставлено совершенно не целесообразно, даже в направлении вредном для Государства, ибо школы никогда не были национальны, а узко схоластичны, не развивая никогда в народе сознания обязанностей граждан к отечеству, не заботясь о развитии здорового патриотизма и беззаветной любви к достоинству и славе отечества.

Повторяю, наиболее прозорливые государственные люди конца девяностых годов прошлого столетия несомненно понимали это, но отказаться от своих ложных доктрин не имели в

себе достаточно мужества и самоотверженности. Таков был, например, всемогущий министр внутренних дел В.К. Плеве. Я не могу воздержаться, чтоб не привести здесь характерный эпизод, происшедший с законом о местной ветеринарии. Ветеринарное дело, благодаря заботам о нем земских учреждений, в большинстве земских губерний было поставлено весьма удовлетворительно, о чем ясно свидетельствуют отчеты Земских Управ того времени, и дело это, близкое населению и необходимое для развития его благосостояния, все улучшалось и развивалось. Но вот оказалось, что в министерстве внутренних дел явилась злополучная мысль, что ветеринарное дело должно быть взято в руки правительства и централизовано. Началась работа в этом направлении и из недр Петербургских канцелярий появился небывалый по нецелесообразности закон, ограничивающий право распоряжения ветеринарным делом Земств, превращающий земских ветеринаров в правительственных чиновников и тормозящий всякую инициативу Земств в постепенном и планомерном развитии дела. Земства подняли невероятный шум по этому вопросу. Полетели ходатайства о том, чтоб закон был пересмотрен и изменен. Я тогда был Председателем Екатеринославской Губ. Земской Управы и хорошо помню то тяжелое чувство обиды и оскорбления, которое нами испытывалось, видя, как безо всякой надобности, бесцельно разрушалось стройное здание одной из важнейших отраслей Земского Хозяйства. Между тем закон ветеринарный прошел через Государственный Совет и был Высочайшей властью утвержден. Но так как вопль земских протестов оказался весьма интенсивным, то умный Плеве понял, что изданием этого закона он попал впросак, что кроме раздражения и справедливого осуждения из этого ничего не выйдет и совершилось небывалое – Высочайше утвержденный закон не увидел света и было созвано новое Совещание с участием представителей от Земских учреждений, в числе которых находился и я. Должен засвидетельствовать, что Плеве отнесся с полным вниманием к заявлению и критике земских членов Совещания. Критика была по истине беспощадна и от закона не осталось камня на камне.

Очевидность нелепости изданного закона наглядно выступила, когда были составлены журналы Совещания, и пришлось, не взирая на то, что он был по всем правилам законодательства

издан и утвержден Верховной Властью, вновь представить Государю на предмет его отмены. В.К. Плеве воспользовался присутствием земских делегатов и часто собирал нас у себя в кабинете, стараясь выудить у нас наши мнения по многим насущным вопросам. Мнения свои мы высказывали с полной откровенностью. К чести В.К. Плеве надо сказать, что никто за свою прямолинейность из нас не пострадал. То же самое произошло и с продовольственным вопросом, которым издавна ведало Земство и дело обстояло весьма недурно. Запасные магазины были полны зерна, и у каждой волости имелись некоторые капиталы. Внезапно у Правительства явилась мысль, передать дело в руки администрации, что и было выполнено. Был составлен за сим законопроект, который подвергся, однако, жестокой критике Земских учреждений, которым он был препровожден для заключения. Вновь была созвана комиссия с участием представителей Земств, и продовольственный закон не увидел света, а дело продолжало идти по старым и некоторым новым временным правилам, но под руководством администрации, от чего дело не выиграло ничуть. Вот как недоверчиво, а подчас даже враждебно относилась Государственная власть, а таких примеров можно насчитать множество. Комментарии при этом излишни – общественность, которая натыкалась на каждом шагу на препятствия и тормоза , несомненно раздражали все безполезные стеснения и она глухо выражала свое неудовольствие.

Вспыхнувшая Японская война застала русское общество именно в этом состоянии брожения политической мысли, а время учреждения Государственной Думы, после неудачной Японской войны и революции 1905 года – знаменательно само по себе.

Задачи Государственной Думы после Японской войны

Несомненно, что неудача Японской войны вызвала всеобщее негодование и раздражение, внедрила в широкие общественные круги убеждение, что так существовать больше нельзя, что рисковать жизнью граждан и народным достоянием без достаточных для того оснований и без контроля общества над действиями Правительственной власти дальше невозможно. Японская война стала уже более или менее достоянием истории и,

как ни больно для национального самолюбия России, – необходимо признать горькую истину, что в этой войне победила нас маленькая Япония. На этой почве возник целый ряд революционных эксцессов, имеющих в своей основе чувство оскорбленного патриотизма. Мало-по-малу, однако, вспыхнувшее революционное течение пошло на убыль, оно было локализировано в стенах созданного народного представительства, и революция умиротворилась. Судьбами Государства призваны были народные избранники отныне, по духу дарованной конституции, распоряжаться в законодательных учреждениях.

Какие же задачи стали перед ними?

Я не коснусь кратковременной деятельности I-й и II-й Государственных Дум, скажу только, что задачи, поставленные себе Государственной Думой III-го созыва, были следующие: укрепление расшатанной неудачной войной военной мощи России, возможное исправление поколебавшегося финансового положения Государства и экономических производительных сил страны и засим восстановление внутреннего порядка и закономерности во всем.

Стремление к достижению поставленных себе целей проходит красной нитью через все постановления Государственной Думы. Государственные Думы I-го и II-го созывов, в силу кратковременности своего существования, не могли оставить значительный след в этой области: их работы не успели даже дойти до рассмотрения бюджета. Но Государственные Думы III-го и IV-го созывов сделали все, что могли сделать в этом направлении.

Военный бюджет ко времени войны с Германией с 350 миллионов, каковым его застала Японская война, возрос до 750 миллионов. И лучшей характеристикой в данном случае может служить личный отзыв Великого князя Верховного Главнокомандующего Николая Николаевича в словах, сказанных им мне: «Я не политик, – говорил он, – и не знаю, что делает Государственная Дума в политических вопросах, но что касается военного законодательства, то Государственная Дума всегда была выше всяких похвал». Сказано это было за год до войны на одном из военных торжеств.

За все время существования Государственной Думы не было ни одного случая отказа в открытии кредита на военные надоб-

ности: давалось всегда все без отказа, часто давалось даже больше, чем требовали. Против военного кредита вотировали лишь завзятые оппозиционеры, да и то в самом незначительном количесте. Военные вопросы рассматривались в Государственной Думе не на почве политических программ и не с точки зрения политических партий, а исключительно с точки зрения интересов и нужд Государства.

Финансовая сторона деятельности Государственной Думы III-го и IV-го созывов также достигла в значительной степени поставленных ею себе целей; в первый же год после Японской войны Государственную роспись удалось сбалансировать с незначительным дефицитом. В бюджетах остальных годов доходы превышали расходы, при условии, что податное бремя, несмотря на значительное увеличение размера государственных расходов, не было увеличено или увеличено лишь в незначительной степени. Достигнуто это было целесообразным распределением действительного поступления доходов, возможным сокращением расходов и прекращением произвола и бесконтрольного расходования государственных средств.

Этими мерами было достигнуто то, что свободная наличность Государственного Казначейства к началу войны равнялась 475 миллионам рублей, золотой запас Государственного Банка в это время равнялся одному миллиарду восьмистам миллионам рублей. Государственный бюджет к моменту объявления нам Германией войны возрос до 3-х миллиардов рублей. Все это, конечно, указывает насколько Государственная Дума была чужда каких бы то ни было революционных стремлений, а все свои заботы направляла ко внутреннему благоустроению Государства. Вне всякого сомнения, что благоустройство военных сил страны и устойчивость ее финансов, охраняя, с одной стороны, ее безопасность, обеспечивает в то же время благосостояние каждого отдельного гражданина, гарантируя ему свободу труда, охраняя его производительность, и в этом отношении в деятельности Государственной Думы III-го и IV-го созывов до войны не было отказа разумным начинаниям Правительства, не было места оппозиции во что бы то ни стало, а следовательно, не было и места подготовке революции.

Но в деле восстановления внутреннего порядка и закономерности дело обстояло значительно хуже, и в отношениях Го-

сударственной Думы и Ведомства Внутренних Дел далеко не все обстояло благополучно. Продолжая стоять на принципе предупреждения и пресечения, усматривая везде революционные начала, Министерство Внутренних Дел не могло помириться с наличием народного представительства, его правом контроля исполнительной власти и правом запросов.

Министерство Внутренних Дел и революционные эксцессы

Всем хорошо памятны всякого рода репрессии, усиленные охраны, незакономерные действия власти, давления на печать и тормоз полиции разным общественным начинаниям на местах. Все эти неправильные взаимоотношения Правительства и общества стали особенно болезненно чувствительны при наличности народного представительства. Посланные запросы о творившемся на местах все больше и больше натягивали и без того достаточно натянутые струны.

Всем хорошо известно, как тяжело в этом отношении жилось при старом режиме, как была скована творческая народная мысль совершенно ненужными подозрениями, постоянно ослаблявшими веру в возможность совместной работы с Правительством, и поэтому распространяться в этом направлении я не буду. Государственная Дума, избранная народом и облеченная его доверием, оставаться равнодушной к такому положению вещей, конечно, не могла. Велась упорная борьба с Ведомством Внутренних Дел, но борьба не на почве свержения или разрушения общественного строя, не на почве колебания государственных основ, а на необходимости реформ, нужных для упорядочения народной жизни, успокоения умов и внедрения во всем законности. Велась эта борьба не на почве усиления революционного настроения в стране, а напротив, в сознании необходимости ослабить действие революционной агитации путем дарования всем гражданам равенства перед законом, равным для всех.

Здесь уместно будет заметить, что часто отдельные выступления более пылких ораторов, впадавших в агрессивный тон, инкриминировались всей Думе в совокупности. Это, конечно, надо объяснить малой привычкой русского общества разбираться в том, что происходило в стенах законодательного Учрежде-

ния. Общество не привыкло еще отдавать себе отчет в том, что важны не отдельные выступления, а постановления Государственной Думы, отражающие мнение ее большинства и могущие вылиться в форму закона.

Революционных поставновлений III-ей и IV-ой Государственных Дум нельзя найти ни в одном журнале, ни в одном стенографическом отчете.

Таково было настроение Государственных Дум III-го и IV-го созывов.

Является, однако, вопрос: вполне ли соответствовало настроение Государственной Думы в этот период времени настроению страны?

Народное представительство было, несомненно, настроено патриотично и национально, любило свою родную армию, тогда как интеллигентное общество было настроено, к сожалению, антимилитарно, несколько интернационально, а поэтому и мало патриотично. Слишком глубоко внедрилась в него привычка критики действий власти и глубокая неудовлетворенность отечественными порядками, или вернее, непорядками Государственной жизни.

Народное представительство – Государственная Дума – основой своей работы положила убеждение в необходимости вести страну путем эволюции, но не революции, к развитию либеральных реформ.

Но правительство оставалось глухо к этому правильному пониманию своих задач Государственной Думы и продолжало упорно стоять на принципе: «сначала успокоение, а потом реформы». О неправильности этого принципа много будет сказано в своем месте, но здесь уместно будет сказать, что Государственный Совет стал на ту же точку зрения и усердно помогал Правительству тормозить всякие начинания Государственной Думы, направленные к проведению в жизнь необходимых либеральных реформ. Покойный П.А. Столыпин не раз горько жаловался мне на то, что при создавшемся положении вещей управлять Государством и законодательством невозможно. «Что толку в том, – говорил он, – что успешно проведешь хороший закон через Государственную Думу, зная вперед, что в Государственном Совете его ожидает неминуемая пробка». И действительно, можно привести целый ряд хорошо продуманных и

успешно проведенных через Государственную Думу законов, насущно необходимых для страны, но которые никогда не увидели жизни из-за упорной оппозиции в Государственном Совете. Нельзя не удивляться этой непонятной позиции нашей верхней палаты, прекрасно знавшей, что революционные волны 1905 года вовсе не утихли, а только просочились вглубь народной толщи.

Государственная Дума хорошо понимала, что путь революционный приведет к таким потрясениям государственного организма, которые грозили бы целости Государства, но вне Государственной Думы, несомненно, уже тогда шла революционная работа, весьма интенсивная, как это мы и увидим ниже.

Громадное большинство членов Государственной Думы было вполне солидарно с мыслью, высказанной во II-ой Думе Председателем Совета Министров П.А. Столыпиным в его обращении, в одной из речей к левому крылу Думы: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая и Сильная Россия». Однако, с кончиной Столыпина, в правительственных кругах стало одолевать крайне правое течение, стремившееся сократить и принизить значение народного представительства. По крайне мере, в докладе своем Императору Николаю II, даже еще в 1915 году, во время войны, тогдашний Министр Внутренних Дел Маклаков совершенно открыто указывал на необходимость такой меры, и при этом докладе я лично видел собственноручное письмо к Министру Императора Николая II, в котором он писал, что эти соображения Маклакова им – Императором – одобряются и разделяются. Даже вполне законопослушная и трезво относящаяся к делу Государственного строительства III-я Государственная Дума была взята под подозрение, и правящие круги всячески старались в чем только возможно умалять ее значение и достоинство. Так, например, в дни празднования Отечественной войны, 1812 года, в Москве Государственная Дума, как таковая, не была приглашена к участию в торжествах памяти народной войны, а был приглашен только Председатель ее именным приглашением, тогда как Государственный Совет был приглашен, как учреждение, в полном своем составе.

При прощальной аудиенции перед роспуском III-ей Государственной Думы, Император Николай II не был благосклонен к

Государственной Думе в прощальном своем слове, обращенном к ней, и Дума разъехалась, огорченная и оскорбленная, не чувствуя за собой никакой вины и ожидавшая иного к себе отношения Верховной власти.

Наступившая вслед за этим избирательная кампания ясно обнаружила решимость Правительства добиться состава Государственной Думы исключительно из правых партий, для чего были пущены в ход все возможные средства, применяемые с большою изобретальностью правительством В.Н. Коковцева, и на все прогрессивно мыслящее было воздвигнуто форменное гонение. В этих целях сделано было через обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблера основательное давление на духовенство. Правительств. Сенат сыпал как из рога изобилия, одно разъяснение за другим, в целях сокращения круга избирателей. Но, несмотря на это, большинства в Думе Правительство все ж не добилось, что стало сразу ясным при избрании Председателя Государственной Думы из партии октябристов значительным большинством голосов. Настроение всех партий от октябристов и левее их было чрезвычайно повышенное, можно даже сказать, озлобленное к Правительству, но и внутренний разлад в самой Думе получился такой, что более месяца Государственная Дума не в состоянии была избрать Товарищей своего Председателя, не имея возможности сговориться на кандидатах. Если к этому прибавить, что слухи о предстоящем перевороте, в смысле превращения Думы из законодательной в законосовещательную, слухи о возможности роспуска ее, в виду невозможности достигнуть соглашения между партиями даже в выборе президиума, стали распространяться все шире и шире, то прямая опасность авторитету народного представительства вставала для нас во весь рост, как реальная действительность.

Партия Народной Свободы, подвергшаяся наибольшим предвыборным гонениям, явно клонилась к союзу с крайними левыми элементами, и опасность появления чисто-революционных настроений в недрах самой Государственной Думы зрела не по дням, а по часам. Это обстоятельство в свою очередь грозило самому существованию Государственной Думы, что повело бы к неизбежным революционным волнениям в стране. При таких условиях партия октябристов, как центральная, увидела необходимость, путем переговоров и взаимных уступок, достигнуть при

помощи соглашения прочного достаточно многочисленного большинства, способного отстоять народное представительство от всяких на него покушений как со стороны правительства, так и со стороны своих собственных крыльев, правого и левого. Были начаты переговоры в соединенных заседаниях руководителей разных фракций Думы с целью привлечь влиятельную в стране кадетскую партию к соглашению и предотвратить ее союз с социалистическими группами. Имелось в виду также оторвать возможно большее число членов Думы от крайнего правого, воинствующего крыла. Переговоры, однако, затянулись. Главным тормозом было упорное требование к.-д. партии о включении в программу соглашения еврейского вопроса целиком. При этом нужно по справедливости заметить, что гг. кадеты были более правоверными, чем сами евреи, представители которых лично заявляли, что при создавшемся положении вещей, по их мнению следует отсрочить жгучий еврейский вопрос и отнюдь не ставить его резко программно. Не знаю, повлияли-ли они на руководителей кадетской фракции Государственной Думы? Но все же центральные партии находили, что при создавшемся соотношении сил, вопрос этот надлежало бы оставить открытым, а к.-д. партия упорно стояла на своем. Все же, в конце концов, соглашение на основе уступок состоялось, было подписано представителями партий и собрало значительное и устойчивое большинство Государственной Думы, получившее название прогрессивного блока Думских партий. Возникновение этого блока было встречено крайне враждебно как Правительством, так равно и крайним левым, и крайним правым крылом Государственной Думы. И надо признаться, что прогрессивный блок должен был быть одинаково нетерпимым для всех этих элементов. Разрушив уже возникавшее соглашение партии Народной Свободы с социалистическими революционными кругами и, отмежевавшись от не менее опасных для молодого еще Русского народного представительства крайних правых кругов, прогрессивный блок вводил работу законодательного учреждения в нормальный эволюционный темп, имея достаточную силу парализовать всякие революционные попытки как справа, так и слева. Не могло это соглашение радовать и Правительство, так как оно вынуждало его считаться с прочно спаянным прогрессивным большинством Государственной Думы, чем разрушалась вся упорная предвыборная работа Правительства, стремившегося к созданию послушного ему большинства в Государственной Думе.

На прогрессивный блок немедленно же посыпались всякие нарекания из недр перечисленных элеметов, оставшихся вне соглашения. Его обвиняли во всяких небывалых замыслах взаимно противоречащих друг другу, в зависимости от того лагеря, из которого такие инсинуации исходили.

Ненависть к создавшемуся прочному ядру была так велика, что объединила два противоположных полюса в Государственной Думе и можно привести не один пример, когда крайние правые монархические и крайние левые социалистические партии оказывались в трогательном единении и голосовали вместе, стремясь затормозить работу прогрессивного блока, что, к сожалению, иногда и удавалось.

А между тем, значение прогрессивного блока было чрезвычайно. Соглашение это, создав прочное прогрессивное большинство, возвращало Государственной Думе ее поколебленный было авторитет, делало возможным планомерную работу законодательного учреждения и исключало возможность случайных голосований в существенных вопросах законодательства.

Программа блока была впервые открыто заявлена с Думской кафедры в ответ на декларацию Председателя Совета Министров И.Л. Горемыкина, сменившего на этом посту В.Н. Коковцева.

Особенно выпуклое значение наличия прогрессивного блока Думских фракций сказалось при объявлении войны.

Блок отказался от лица входящих в его состав партий на время войны от проведения каких бы то ни было своих программ, и всю свою работу решил направить в помощь Правительству в исключительно трудные времена войны. Впоследствии прогрессивный блок всеми возможными мерами боролся против пораженческого движения, несомненно насажденного в России германским шпионажем и агентурой.

Из изложенных мною обстоятельств его возникновения ясно видно, что прогрессивный блок в Государственной Думе явился последствием необходимости самообороны и борьбы с нарождающимся революционным движением в стране. Только полною неосведомленностью общества об этих причинах и можно объяснить себе все кривотолки и несправедливые нападки, которые сыпались на него со всех сторон.

В весеннюю сессию 1914 года в Государственной Думе прошел законопроект о большой военной программе, которая, вы-

полненная в два года, то-есть к 1917 году, делала нашу армию и численно, и по снаряжению значительно сильнее германской.

С момента утверждения этого закона Верховной властью, для нас, членов Государственной Думы, стало ясной неизбежность в самом ближайшем будущем вооруженного столкновения с Германией, которая не могла ждать нашего военного усиления.

С этого же момента революционная агитация, несомненно германского происхождения, среди рабочих разных заводов усилилась до чрезвычайных размеров. Хотя она явно существовала и раньше, но особенно усилилась с начала 1914 года.

Здесь несомненно была применена излюбленная система Германии, путем широкой подпольной агитации внести смуту в тылу воюющей с ней страны. В современных войнах, где техника играет едва ли не первенствующую роль, разрушить правильный транспорт тыла, лишая армию нормального подвоза провианта, интендантского и боевого снабжения, представлялось для Германии вопросом несомненно первостепенной важности. Посеять смуту в умы оставшегося дома населения, посеять недоверие к вождям своим среди русского воинства, путем возбуждения рабочих и подстрекательства их к забастовкам в целях затруднения промышленных работ, направленных к снабжению армии – это были бесспорно прямые задачи нашего врага и проводились им чрезвычайно умело и упорно в России.

Благодаря попустительству Правительства, препятствий эта пропаганда не встречала, и кроме указанных мотивов упорно сеялась преступная идея пораженчества, успеху которой способствовала неуверенность русского общества в том, что Правительство способно довести войну до победного конца.

Петроград в 1914 году, перед самой войной, был объят революционными эксцессами. Эти революционные эксцессы, возникшие среди рабочего населения Петрограда, часто влекли вмешательство вооруженной силы; происходили демонстрации, митинги, опрокидывались трамвайные вагоны, валились телеграфные и телефонные столбы, устраивались баррикады.

Не подлежит никакому сомнению, что и волнения среди фабрично-рабочего класса были результатом деятельности Германского Генерального Штаба. Так, например, произошли загадочные отравления работниц на табачных фабриках в Петрограде, которые не были раскрыты и так и остались загадками.

Забастовки возникали и организовывались без всяких видимых причин и только теперь стало ясно, где лежал корень всех этих событий. Надо было окончательно разложить и развратить русскую промышленность перед войной, и внести непоправимую смуту в русское общество. Семена большевизма на почве разжигания классовой ненависти сеялись, очевидно, щедрою рукою, и эта пропаганда, которую не поняли и с которой никто не боролся, конечно, сыграла видную роль в подготовке к Русской революции.

Все это происходило во время посещения России представителем дружественной нам державы – Президентом Французской Республики Пуанкарэ.

Волнения в столице были настолько сильны, что Президент вынужден был ездить по городу в сопровождении значительного военного конвоя. То же самое, хотя, разумеется, в меньшем масштабе, происходило и на местах. Велась энергичная агитация среди крестьян на почве земельных отношений и нельзя не отметить силу и влияние этой агитации. Землевладельцы должны хорошо помнить те условия, в которые были поставлены они, в виду частых волнений сельских рабочих и их постоянных забастовок в горячую пору. Справедливое стремление к увеличению площади своей пахатной земли получило совершенно неправильное направление, под влиянием той же агитации, и назвать состояние умов русской деревни в то время спокойным – было бы большой ошибкой и, конечно, германская агитация велась на этой почве весьма широко. Однако, за несколько дней до объявления войны, когда международное политическое положение стало угрожающим, когда маленькой братской нам Сербии – могущественной соседкой Австрией был предъявлен известный всем и неприемлемый для нее ультиматум, как волшебством сметено было революционное волнение в столице. Я был в это время за границей, в Германии, но, к счастью, мне удалось избежать немецкого пленения.

Вся германская пресса, очевидно, в целях подготовления общественного мнения Германии к войне, на все лады трубила о полном разложении России. Все газеты утверждали, что революция у нас вспыхнет не сегодня – так завтра, на все лады обрисовывалось возрастающее влияние Wundermonch'a (Чудомонаха) Распутина, ненавистного стране, но приобретшего исключительное влияние на Русскую Императорскую Чету и т.д., и т.д.

Объявление войны и общественные настроения

Вернувшись в Петроград перед самым объявлением войны, я был поражен переменой настроения жителей столицы. «Кто эти люди?» – спрашивал я себя с недоумением, – «которые толпами ходят по улице с национальными флагами, распевая народный гимн и делая патриотические демонстрации перед домом Сербского посольства».

Я ходил по улицам, смешивался с толпой, разговаривал с нею и, к удивлению, узнавал, что это рабочие, те самые рабочие, которые несколько дней тому назад ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады.

На вопрос мой: чем объясняется перемена настроения? я получил ответ: «Вчера было семейное дело: мы горячо ратовали о своих правах, для нас реформы, проектируемые в законодательных учреждениях, проходили слишком медленно, и мы решили сами добиться своего, но теперь – сегодня – дело касается всей России. Мы придем к Царю, как к нашему знамени, и мы пойдем за ним во имя победы над немцами».

Аграрные и всякие волнения в деревне сразу стихли в эти тревожные дни, и как велик был подъем национального чувства – красноречиво свидетельствуют цифры: к мобилизации явилось 96% всех призываемых, явились без отказа и воевали впоследствии на славу.

Настроение было далеко не революционное, а чисто патриотическое и воодушевленное. А между тем, в течение трех лет войны это настроение так изменилось, что обеспечило громадный успех вспыхнувшей революции.

Каким же образом произошла эта перемена, и что было причиной коренного изменения настроения масс, и где надо искать корень зла?

Готовность жертвовать всеми средствами и силами на благо Родины, ввиду начавшейся войны, превышала даже потребность в этих жертвах, но общий лозунг безусловно объединял всех: «Мы должны победить».

Всеми, хотя и смутно, понималось, что возникшая война является войной решающей в давнем споре между германцами и славянами, но настоящая цель войны и перспективы будущего в

случае победы, а также сущность происходящих событий, к сожалению, народным массам были неясны, как неясно было и то, что произойдет в случае поражения России и какие гибельные последствия ожидают нашу Родину в этом случае.

Война и Правительство

Вместе с этим, в самом начале войны, Правительство стало на совершенно ложную точку зрения. В целях укрепления монархического начала и престижа Царской власти, Правительство полагало, что войну должно и может выиграть одно оно – Царское Правительство, без немедленной организации народных сил в целях объединения всех в великом деле войны.

Правительство считало, что можно выиграть эту кампанию путем приказа и повеления, и тем самым доказать, что Царское Правительство стоит на надлежащей высоте понимания народной воли. Таково было, по крайней мере, мое впечатление из бесед с лицами, занимавшими крупные правительственные места, стоявшими тогда во главе управления страной. Я смело утверждаю, что в течение трехлетней войны это убеждение Правительства не изменилось ни на йоту.

Путем здоровой пропаганды не внедрялись в массы народа здоровые понятия о том, что несет за собою настоящая война, какие последствия могут быть от поражения России, и насколько необходимо дружное содействие всех граждан, не жалея ни сил, ни средств, ни жизней, ни крови для достижения победы. Ошибочная точка зрения неправильно понятых своих Государственных задач, постоянное опасение, как бы путем организации народа не создать почву для революционных очагов, и было роковой и коренной ошибкой всей внутренней политики нашего Правительства – не было в Правительстве необходимого доверия к народу. В этой позиции, занятой Правительством, кроются все причины, с моей точки зрения, дальнейших ошибок, допущенных в ведении войны и приведших нас к катастрофе. Правительство на первых же порах не отдало себе ясного отчета в том объеме, который может принять мировая война.

Правительство не хотело понять, что во всех главных отраслях и вопросах народного хозяйства, без коренной перемены направления внутренней политики в смысле доверия к здравому

смыслу русских граждан, оно не в состоянии будет одолеть тех небывалых еще запросов и той грандиозной работы, которая требует от него создания колоссальнейшей армии, необходимой, однако, для спасения Государства.

Влияние Распутина

К этому надо прибавить, что влияние Распутина, этого оракула Императорской четы, стало все более и более возрастать за это время, и с ним, или, вернее, с его кружком, считались все министры, и, как мы увидим ниже, Распутин и его кружок впоследствии приобрели такое значение, что только по его совету и указанию назначались министры и должностные лица. Влияние его можно объяснить чрезмерно мистическим настроением Императрицы, имевшей неограниченное влияние на своего супруга. Неизвестность исхода войны, опасность для династии в случае поражения заставляли царицу прибегать к воображаемому дару пророчества Распутина, чтобы попытаться поднять завесу над загадочным будущим.* Лично Распутин, в вопросах войны, держался чрезвычайно двусмысленно. Его речи по поводу войны, которые передавались из уст в уста, носили неопределенный, неясный характер, но скорее с оттенком пораженчества и, несомненно, ясно выраженной симпатией к Германии.

Война и Государственная Дума

Но для нас, членов Государственной Думы, вопрос был ясен. Нам, близко и подробно ознакомленным со всем ходом дипломатических переговоров, предшествовавших войне, со всеми обстоятельствами, приведшими к ней, было совершенно ясно, что дело идет о продолжительной и упорной борьбе, что вопрос идет о принципиальной борьбе германцев со славянами, что скоро и быстро война эта кончиться не может, так как Германия, несомненно, еще издавна лелеяла безумную надежду стать владычицей мира в полном объеме и смысле этого слова.

---

*Справедливость этого мнения находит себе подтверждение в изданных в «Общем Деле» письмах Императрицы Александры Феодоровны.

Неправильная позиция, занятая Правительством, внушала уже тогда опасение, что оно не справится с поставленной ему гигантской задачей, а руководствуясь лишь слепой целью поддержания престижа своей власти во что бы то ни стало и видя везде несуществующую еще и в зародыше революцию, оно, несомненно, наделает массу ошибок.

К борьбе с возникшей немедленно после объявления войны немецкой пропагандой Правительством не было ничего ни организовано, ни подготовлено. Старая привычка только повелевать и думать, что в том напряженном состоянии, в котором находилась страна, можно ограничиться приказом и требованием бессознательного исполнения, сыграла свою гибельную роль. Этой неправильной поставновкой внутренней политики Правительство посеяло само первые семена возникшей потом революции. Несмотря на неоднократные указания Государственной Думы, Правительство оставалось к ним глухим и продолжало проводить в жизнь указанную точку зрения. А между тем, факты указывали совершенно иной путь для внутренней политики. Государственная Дума была созвана 26 июля 1914 года по настоянию ее Председателя и только после личного доклада о сем Императору Николаю II. В этом историческом заседании не было партий. Это тем более знаменательно, что на партийной почве раньше этого бывали споры, доходящие до эксцессов, до скандалов, и Председателю Государственной Думы нужно было пускать в ход всю полноту своей власти, чтобы добиться хоть внешнего спокойствия и внешнего порядка.

В заседании 26 июля все партийные перегородки пали, все без исключения. Члены Думы признали необходимость войны до победного конца, во имя чести и достоинства дорогого Отечества, и дружно объединились между собой в этом сознании и решили всемерно поддерживать Правительство.

Без различия национальностей все поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что поражение невыносимого германского милитаризма является безусловно необходимым. Только один депутат (Чхеидзе) позволил себе выступить апологетом пораженчества, хотя и в туманных и неясных намеках. Он встретил, однако, суровый отпор своей непатриотической речи в Государственной Думе, и последствия доказали в дальнейшем близость Чхеидзе к германским кругам.

Достаточно прочесть стенографический отчет этого заседания, чтобы убедиться, насколько велик был национальный подъем и насколько все народности, входяшие в состав Российского Государства, представляли в этот момент одну семью, одушевленную одной целью и одним стремлением.

Правительство и Государственная Дума

Правительство осталось, однако, глухо к этому внушительному уроку. Свою точку зрения – подозрение в революционности страны, ни на чем не основанную, оно проводило даже в мелочах.

Я не буду утруждать внимание читателей перечислением многочисленных фактов, доказывающих такое мое утверждение, но один из них настолько характерен, что я не могу не поделиться с вами.

В начале войны, приблизительно в ноябре месяце 1914 года, я был вызван в Ставку Великим Князем Верховным Главнокомандующим Николаем Николаевичем, который заявил мне буквально следующее: «Я в безвыходном положении, – Армия без сапог, помогите!» Я ответил Великому Князю, что это дело, несомненно, можно быстро наладить, что этому можно быстро помочь, но что для этого нужно обратиться к общественным оргагнизациям, которые близко знают производительные силы своего района и, несомненно, успешно наладят это дело. Великий Князь назвал цифру требуемого количества сапог, цифру сравнительно небольшую: четыре миллиона пар. Легко себе представить, что значит для двухсотмиллионого населения России доставить Армии четыре миллиона пар сапог – эта цифра казалась мне совершенно ничтожной. Но желая оставаться вполне корректным, я испросил у Великого Князя письменное удостоверение, что указанное количество сапог необходимо, и с этим документом в руках явился в Петроград с заранее обдуманным планом действий. Несомненно, что Председатель Государственной Думы никогда не мог явиться нарушителем тех установленных законом норм и форм, которые действовали за силой закона. Поэтому для того, чтобы собрать съезд представителей общественных организаций, надо было обратиться за разрешением его к тогдашнему Министру Внутренних Дел – Маклакову.

И вот – какой разговор произошел между мною и Министром Внутренних Дел. Когда я ему изложил обстоятельства дела и предъявил письменное заявление Великого Князя Верховного Главнокомандующего, Министр Внутренних Дел, буквально, ответил мне нижеследующее: «Я не могу дать вам разрешение на созыв такого съезда; это будет нежелательной и всенародной демонстрацией в том направлении, что в снабжении Армии существуют непорядки. Кроме того, я не хочу дать этого разрешения, так как, под видом поставки сапог, вы начнете делать революцию». И сколько я ни убеждал Министра Внутренних Дел, что Русская Государственная Дума, действующая с согласия, ведома и пожелания Великого Князя Верховного Главнокомандующего, не может быть заподозрена, в особенности во время народной войны, в желании сделать революцию, Министр Внутренних Дел Маклаков упорно стоял на своем, – и мы расстались в озлоблении друг на друга.

Итак, из одиночного, но далеко не мелкого факта, а их можно привести многое множество, видно, как относилось Правительство к общественным начинаниям в самом начале войны, как оно относилось там, где дело шло о неисчислимых жертвах со стороны населения, к этому населению, желающему прийти на помощь нашим доблестным воинам. Тяжел был трагизм создавшегося положения. Горишь желанием помочь, и бескорыстная помощь ваша отвергается без существенных оснований. В этом духе Правительство продолжало свою политику и, мало -по-малу, одушевление, охватившее все слои русского народа, стало сменяться сначала равнодушием к делу войны, а затем подозрительностью к власти. Возник жгучий вопрос: может ли быть война выиграна усилием одного Правительства, способно ли оно на это?

Членам Государственной Думы, на первых же порах, стало ясным, что не хватит ни снарядов, ни патронов, в виду громадной их потребности. Мы с тревогой спрашивали себя, как же дело пойдет дальше? И чтобы снять с себя всякие упреки в отсутствии своевременной информации начальствующих лиц с истинным положением дела, Председатель Государственной Думы вновь выехал в Ставку и доложил Великому Князю Верховному Главнокомандующему, на основании точных, имеющихся у него данных и цифр, что размеры, которые принимает война, и ко-

лоссальные потребности в боевых припасах должны опрокинуть все нормы, установленные в этом отношении в расчетах снабжения орудий и винтовок достаточным количеством снарядов, патронов. Наш враг превышал нас не менее, чем в десять раз техническим оборудованием, и для того, чтобы упрочить наше положение, и чтобы не оставить Армию совершенно безоружной, без пороха, патронов, шрапнелей и орудий – необходимо было немедленно, с нашей точки зрения по крайней мере, призвать к энергичной деятельности всю промышленность страны и все общество. Только в этих мерах можно было видеть спасение России от грозящего ей разгрома.

Правительство и мобилизация страны на нужды военного времени

Великий Князь Верховный Главнокомандующий оказался вполне правильно осведомленным по этому вопросу и, вполне соглашаясь со мной, просил все усилия направить к тому, чтобы осветить вопрос, с такой же полнотой, не только ему, но и Государю Императору. Последствия этого были таковы: Военному Министру, Генералу Сухомлинову, все документальные данные были доложены. Сухомлинов все это должен был доложить Государю Императору, но доложил это, очевидно, в ином свете, ибо дело продолжало стоять на той же точке замерзания. Вследствие этого явилась необходимость в личном докладе Председателя Государственной Думы с материалами в руках, но и на этот доклад определенного ответа не последовало. Правда, были приглашены некоторые промышленники и заводовладельцы в Главное Артиллерийское Управление, но они были встречены в нем далеко невнимательно, и им предъявили такие невыполнимые условия, что стало ясно, что совместной работы с ними Правительство не ищет. Вследствие этого, большинство из этих лиц, видя невозможность что-либо сделать, не пошло на сделанный призыв, и дело оставалось на том же месте.

Последствия такого отношения Правительства к усилиям общества помочь общей беде, помочь общими усилиями и потушить разгорающийся пожар – скоро обнаружили себя. Министр Внутренних Дел заявил, что все сделает сам через губернаторов и Армию сапогами снабдит. Один мой знакомый мне

передавал следующий факт, имевший место в одной из губерний. «По моей дороге тянется странная процессия, – рассказывал он, – толпа крестьян, повидимому, очень мирная, окруженная, однако, стражниками и урядниками. На вопрос одному из них, которого я знал лично: 'куда вас ведут?' последовал оригинальный ответ: 'Мы, дескать, сапожники, гонят нас по нарядам в губернский город для шитья сапог на Армию'». И вот таким кустарным образом Министр Внутренних Дел проводил великое и ответственное дело снабжения Армии, истекавшей кровью на фронте.

Военно-артиллерийское ведомство, не желая, повидимому, доверять русской промышленности и не давая, поэтому, промышленности объединиться в прочные организации, очевидно, из страха кокого-то революционного движения, заказы свои делало за границей. Но результаты от этого были для нас очевидны. Доблестные союзники сами не были подготовлены к войне. У них все, что только было возможно, было мобилизовано для своих собственных военных нужд, и на русские заказы оставалось слишком мало производительных сил для срочного исполнения заказов, а дело велось в таких пределах, чтобы только грубо не нарушить принятых на себя условий и обязательств. Необходимость быстро создать огромную Армию, не существовавшую, например, в Англии, вызвала необыкновенное напряжение народного труда, а на нашу долю оставались только отбросы, которые опять-таки, за отсутствием надлежащего тоннажа, так как перевозка и доставка в Россию возможна была только через замерзающие северные порты, – опаздывали и прибывали чрезвычайно неаккуратно и, что всего хуже, создали вокруг заказов в России целую армию авантюристов, разобраться в доброкачественности которой Артиллерийскому ведомству не представлялось никакой возможности. Зачастую заказы отдавались в нежелательные и даже недобросовестные руки. Но так как Правительство было убеждено, что заказы придут своевременно, то в ожидании их поступления оно разрешало тратить снаряды, находящиеся в наличности в Армии в ограниченном количестве. Заказы из-за границы, однако, не приходили в срок, и положение получилось такое, что к весне 1915 года снарядов оказалось минимальное количество, и Армия буквально голодала в этом отношении.

Председателем Государственной Думы это обстоятельство было доложено Государю Императору Николаю II.

«Вы ошибаетесь, Михаил Владимирович, – ответил он мне, – вот ведомость на сделанные заказы снарядов, их должно хватить». – «Но, Ваше Величество, ведомости поступления заказов, повидимому, у Вас не имеется», ответил я. И этой ведомости действительно не оказалось в руках Императора.

Армия тогда сражалась почти голыми руками. При поездке моей в Галицию на фронт, весной 1915 года, я был свидетелем, как иногда отбивались неприятельсткие атаки камнями, и даже было предположение, вооружить войска топорами на длинных древках. И тем не менее, однако, эта нищая по снаряжению, но доблестная по духу Армия безропотно умирала, проливая свою кровь за честь и достоинство России, и все-таки одерживала победы.

Вот как в это время Правительство относилось к настойчивому желанию всех общественных элементов страны прийти ему на помощь, без различия партий и без всякой задней мысли, с исключительной целью поддержать Правительство в эту до нельзя тяжелую и трудную минуту.

Внутренняя политика Правительства

Не лучше обстояло дело и в политике Правительства по отношению к народностям, входящим в состав Российского государства. Наиболее ярким примером такого отношения является историческое знаменитое воззвание к полякам, выпущенное Верховным Главнокомандующим Великим Князем Николаем Николаевичем в самом начале войны. Воззвание это, обещанием самостоятельности Польше в целях примирения Польши с Россией в их вековом споре, имело целью привлечь окончательно симпатии как русских, так и зарубежных поляков к России, и объединить все славянские национальности против их общего врага. Воззвание это было, несомненно, санкционировано Верховной властью и составлено при участии Министра Иностранных Дел Сазонова. Иначе оно и быть не могло. Верховный Главнокомандующий, несмотря на значительный объем своих прав и власти, очевидно, не мог действовать без ведома и санкции главы Государства в таком кардинальном вопросе.

Однако, после обнародования упомянутого документа, рядом Министров крайних правых течений была подана Императору Николаю II докладная записка об опасности сделанного воззвания к полякам, в виду возможности расчленения Государства и откола от него Царства Польского. Повидимому, Император Николай II внял этому представлению, ибо Министром Внутренних Дел была дана соответствующая инструкция Варшавскому Губернатору в смысле желательности некоторого охлаждения возбужденного национального чувства поляков. Ему давалось поручение вылить на поляков как бы ушат холодной воды. Поляки всполошились. Последовал целый ряд депутаций от национальных общественных учреждений Польши в Петроград. Они приходили ко мне и умоляли меня объяснить Императору Николаю II, насколько гибельны могут быть последствия от такой двойственной политики. Я должен был испросить всеподданейший доклад для этого дела, но со стороны Императора Николая II встретил отрицательное и даже враждебное отношение. «Мы, кажется, поторопились!» – сказал он. Поторопились, но, ведь, в таком вопросе, раз сделан решительный шаг, вернуться назад нельзя. – Не значило ли это колебать престиж Царской власти, не значило ли таким путем расшатывать устои самого Государства, и не есть ли это яркий пример отсутствия понимания Правительством народных и государственных интересов.

Характер думской оппозиции

Государственная Дума видела также ясно, что и в другой отрасли народного хозяйства распоряжения Правительства заставляли желать много лушего. Коренным условием для успешного ведения кампании, несомненно, является правильная постановка транспорта и правильное движение по железнодорожным путям, тем более, что сеть железных дорог в России, как это хорошо всем известно, была далеко недостаточна и совершенно не приспособлена к тем громадным перевозкам, которые по ней должны были следовать. Что же сделало Правительство в этом направлении? Вместо того, чтобы объединить все управление железных дорог, действующих как на театре военных действий, так и в тылу, и координировать их одним общим планом, управ-

ление это было разбито на две самостоятельных группы. Железнодорожные пути, находящиеся в районе действующей армии, были подчинены, на диктаторских правах, отдельному лицу, ведающему передвижением войск, а внутри Империи – движение было подчинено Министру Путей Сообщения. Оба эти лица друг от друга не зависели и взаимно друг другу не подчинялись. Создать, таким образом, согласованный график движения, при условии недостаточности подвижного состава, явилось делом совершенно невозможным, и последствия скоро оказались печальными. Получалось постоянное скопление грузов внутри страны, пробки на узловых пунктах, недостаточность вагонов и паровозов, получился, по меткому выражению одного железнодорожного деятеля, слоеный пирог вагонов самого разнообразного состава грузов, разобрать который не представлялось никакой возможности, и многие скоропортящиеся грузы гибли по этой причине и становились негодными к употреблению. Были случаи, когда приходилось сжигать поезда, чтоб освободить пути.

И вместо того, чтобы понять свою ошибку, Правительство в этом направлении никакого улучшения и никакого согласования между движением железнодорожным на фронте и в тылу не сделало. Государственная Дума в своих заседаниях доводила до сведения верховных властей об этом обстоятельстве, указывая, что расстройство транспорта может гибельно отозваться на исходе кампании, что оно может повести к столь опасным осложнениям, что вне зависимости от доблести наших славных войск, вне зависимости от всенародных жертв, – может стоить нам поражения. Руководствуясь такими же соображениями, Министр Путей Сообщения – Рухлов – подал в отставку и был уволен. Нужно помнить при этом, что северные губернии России питаются почти исключительно привозным хлебом, что такая беда, как несвоевременная доставка продовольствия в северные губернии и промышленные области России, могла вызвать голодовку в этих местностях, выбить из колеи все хозяйство, не говоря уже о том, что остановка привоза топлива могла остановить работу заводов на оборону. Кроме этого, такое положение в тылу могло обеспокоить бойцов на фронте, которые, зная, что дома их семьи голодают, могли бы лишиться необходимого спокойствия и душевного равновесия.

Но все представления Государственной Думы оставались втуне.

Можно привести целый ряд фактов из этой области; у меня имеются соответствующие материалы, но я ограничусь указанием только на некоторые из них. Так, например, за все время войны не были ни разу использованы, в достаточной степени, водные пути сообщения внутри страны для подвоза дешевыми способами необходимого продовольствия к тем железнодорожным узлам, которые смогли бы, в свою очередь, довезти этот хлеб до указанных пунктов, сокращая этим требование на железнодорожный подвижной состав и их пробег. То же самое наблюдалось и в отношении организации продовольствия страны, и в отношении распределения продуктов первой необходимости.

В одних местностях таковых предметов оказывалось очень много, даже с избытком, а другие терпели в них острую нужду. И все это было последствием исключительной нераспорядительности Правительства, не желавшего внимать практическим указаниям общественных деятелей.

Другим примером полной безхозяйственности Правительства может служить совершенно напрасная гибель скота, реквизируемого для продовольстия армии.

Реквизиция шла без всякого плана и соответствия с потребностями армии в мясе. Забранный у населения скот соединялся в громадные гурты, которые передвигались за армией без плана и руководства и часто попадали поэтому не в назначенную для продовольствия местность, не находили там ни пастбищ, ни корма, ни достаточного водопоя. Если при этом принять во внимание расстройство транспорта, то само собою разумеется, что ни о каком правильном снабжении гуртов скота для армии не могло быть и речи. Гибель скота от голода, болезни и недостаточного ветеринарно-гигиенического надзора, исчисляли тысячами голов и нанесли населению неисчислимые убытки. Само собою разумеется, что это не могло ускользнуть от народного внимания и что малая заботливость Правительства о сохранении народного богатства и не довольно бережливое отношение к интересам жителей, ненужная и преступная растрата государственного хозяйства не могли усилить, а напротив, ослабляли с каждым днем доверие к государственной власти и даже раздражали против нее. То же самое наблюдалось и в отношении конского состава.

Безответственные воздействия

А между тем, на глазах у всех был яркий пример, как при обратной постановке вопроса возможно достижение блестящих результатов. Так было, например, с постановкой санитарного дела в Действующей Армии.

Санитарное дело в Армии, куда были допущены к работе общественные элементы, стояло всегда на должной высоте. Но даже столь яркий пример пользы и благих последствий сочетания всех сил страны в дружной работе с Правительством не убедил последнее применить его и в других отраслях управления, и двойственность внутренней политики продолжала проявляться во всем.

Так, например, министры вносили либеральные законы в Думу и защищали их, а в Государственном Совете безмолвствовали и даже голосовали, как члены Государственного Совета, против своих же законопроектов.

Вести дальше страну по этому пути было просто опасно, – это означало бы привести ее к опасной катастрофе. Общество живо это чувствовало, и его, конечно, охватывало беспокойство и тревога. Из этого состояния умов постепенно назревало убеждение, что Правительство неспособно выиграть войну, и стало вместе с тем очевидно для всех, что последствием поражения будет порабощение России Германией и все сопряженные с ним тяжелые экономические последствия. Все чувствовали, что мы идем к политической гибели и, естественно, что напряженное чувство сопротивления такой опасной политике подсказывало чувство оппозиционное, чувство возмущения и сопротивления тем правительственным действиям, которые не объединяли все производительные силы страны, а разъединяли их, и приводили в состояние неспособности к плодотворной работе, ослабляя энергию и народный творческий дух. Возрастало неудовольствие и на почве все большего и большего увеличения дороговизны предметов первой необходимости. Население негодовало ввиду усиленных наборов солдат, призываемых без видимой необходимости, что, в свою очередь, вызывало сокращение рабочих рук на местах. Но власть продолжала оставаться глухой к растущему неудовольствию населения и ко всем представлениям, которые постоянно делала Государственная Дума в этом направлении.

Таким образом война продолжалась среди указанного мною хаоса, который достиг своего апогея в апреле 1915 года, когда был сделан прорыв на фронте нашей Армии на Сане, когда Армия Радко-Дмитриева, сражаясь против сильнейшего в десять раз кулака Макензена, превосходящего наши силы не только численностью, но в значительной степени и снабжением, имела лишь всего по три снаряда на орудие и по двадцати пяти патронов на винтовку. Незадолго до этой катастрофы на фронте я был в Галиции и, в частности, во Львове, и был там как раз в то время, когда во Львов прибыл Император Николай II. Мне пришлось быть свидетелем всех местных торжеств по случаю приезда нашего Государя, во время которых я был удостоен приглашения к Высочайшему столу.

После обеда Государь сказал мне: «Думали ли вы, Михаил Владимирович, что мы встретимся здесь?» – «Нет, Ваше Величество, я не думал и, при настоящих создавшихся условиях, очень сожалею, что Вы, Государь, решились предпринять эту поездку». – «Почему?» – «Потому что через три недели Львов, вероятно, будет обратно занят немцами, и наша Армия будет оттеснена от занятых позиций». – «Вы, Михаил Владимирович, всегда меня пугаете и говорите мне только неприятные вещи». – «Я, Ваше Величество, не осмелился бы доложить Вам неправды. Я был на фронте и удивляюсь Верховному Главнокомандующему, как он допустил Вас приехать сюда при теперешнем положении вещей. Земля, на которую вступил Русский Монарх, не может быть дешево отдана обратно, но на ней будут пролиты потоки крови, а удержаться на ней мы не сможем».

К сожалению, я оказался пророком, и события пошли после торжеств во Львове и отъезда Государя Императора с головокружительной быстротой. Положение наше с каждым днем ухудшалось: был отдан Львов, было общее отступление в Польше и постепенно наши доблестные войска все больше и больше оттеснялись на восток. Вот как от Императора скрывали истинное положение вещей. В это время я из Галиции поехал в Ставку Верховного Главнокомандующего и здесь, к великой радости, увидел, что, наконец, Верховная власть склонна идти на уступки и готова призвать к сотрудничеству в делах войны все общест-

венные элементы. Была, наконец, получена возможность привлечь новые свежие силы страны к делу обороны и спасти Россию от окончательного разгрома.

В Ставке я указал Его Величеству, что все, что в целях обороны Государства должно быть сделано, нуждается в немедленном Его утверждении. И, наконец, получил предварительное согласие на привлечение общественных элементов в дело обороны Государства.

Император Николай II внял на этот раз голосу народных представителей. Были уволены пять Министров, наиболее враждебно настроенных к народному представительству, с Военным Министром Сухомлиновым во главе, и призваны были к власти наиболее популярные государственные деятели, и после сформирования кабинета была созвана Государственная Дума в августе месяце 1915 года.

Но одновременно с этими разумными и полезными начинаниями, Император Николай II предпринял шаг, который, по моему мнению, положил начало деморализации Армии и был первым толчком к сознательному революционному настроению в стране. Этот шаг было решение Императора Николая II отстранить Великого Князя Николая Николаевича от Верховного Командования и принять на свою ответственность это командование.

Прежде всего надо заметить, что Великий Князь не был виновен в той катастрофе, которая разыгралась на фронте в Галиции в мае 1915 года. Снабжение Армии не было в руках и распоряжении Верховного Главнокомандующего, который настойчиво и постоянно напоминал о всех дефектах этого снабжения и требовал решительных мер к упорядочению дела. Армия знала это хорошо, Великий Князь был очень популярен не только в Армии, но и во всей России, и незаслуженный удар по нем не мог не вселить некоторого беспокойства в умах сражавшихся, а также и оставшихся дома жителей. С другой стороны, Император Николай II брал на себя очевидно непосильную задачу и бремя – одновременно в небывало тяжелое время управлять уже начинавшей волноваться страной и вести совершенно исключительной трудности войну, приняв командование над более чем десятимиллионной армией, не будучи совершенно к этому подготовлен в стратегическом отношении. Дело осложнялось еще и

тем, что исчезал высший орган, перед которым Главнокомандующий был бы ответствен.

Русский царь добровольно и без всякой надобности брал на себя ответ в случае дальнейших военных неудач и кто же был бы в этом случае его судья? Революция дала грозный и кровавый ответ на этот вопрос. Дело осложнялось еще и тем, что с перенесением местопребывания Императора в Главную Квартиру – Ставку, неизбежно в нее переносилась атмосфера придворного быта, дух интриг и взаимных козней. Этот вредный дух неизбежно должен был влиться в Армию, что и случилось на самом деле, и гибельно отозваться на дисциплине высшего командного состава, а засим опуститься и в более низкие слои. Все это совершилось, начались назначения по протекции, которые ставили во главу крупных частей войск бездарных людей и влекли прискорбные неудачи.

Председатель Государственной Думы испросил немедленно Всеподданейший доклад и всеми силами старался отговорить Императора от этого намерения, но он оставался неумолим. После доклада председатель Государственной Думы отправил письменный мотивированный доклад по этому делу Его Величеству, но и это не помогло, и царь своего решения не изменил.

Особое Совещание по обороне государства

Возвращаясь к последовательному изложению событий, следует указать, что в виду катастрофы на фронте основной и главной задачей должна была быть забота об обеспечении Армии боевым снаряжением и предметами снабжения. В этих целях было основано Особое Совещание по обороне, в которое вошли: члены Законодательных Палат, представители промышленности, представители финансового мира и соответствующие представители от ведомств разного типа. Работа этого Совещания не могла быть гласной, так как касалась интимнейших сторон и секретнейших обстоятельств дела снабжения и вооружения Армии. Вот почему русское общество мало знакомо с плодотворной деятельностью этого учреждения, которое своим неусыпным трудом, о чем будет сказано ниже, способствовало делу снабжения Армии, особенно снарядами и другими предметами снаряжения, и поставило дело вооружения на такую высоту, ко-

торая превзошла самые смелые ожидания. Результаты работ Особого Совещания сказались довольно скоро. Уже к середине 1915 года Совещание вполне сорганизовалось: были привлечены к делу обороны все живые реальные силы страны, создался Военно-Промышленный Комитет (центральный) с отделами на местах, объединивший все заводы и всю русскую промышленность. Таким образом все, что могло работать в деле обороны, укрепления, снабжения и снаряжения Армии, было поставлено на ноги, фронт в скором времени был засыпан ящиками со снарядами и патронами, на которых руками рабочих было выгравировано: «Снарядов не жалеть!» Насколько плодотворна была работа Особого Совещания, свидетельствуют следующие факты: когда во время февральского переворота возникли неизбежные забастовки на заводах, работающих на оборону, и Особое Совещание потребовало от Начальника Главного Артиллерийского Управления сведения, в каком положении находится дело снаряжения и нет ли опасности, ввиду забастовок, в том, что дело снаряжения и поставка снарядов замнется и остановится и Действующая Армия будет поставлена в затруднительное положение, – то Начальник Главного Артиллерийского Управления доложил Совещанию, что если бы даже все заводы прекратили свою работу совершенно, то запасы снарядов так велики, что артиллерийский огонь от этого не уменьшится и запасов хватит на три месяца интенсивных боев. Из этого ясно вытекает, что снарядов и предметов снаряжения было изготовлено колоссальное количество, и при том, следует отметить, преимущественно русского производства, хотя, конечно, известная доля иностранных заказов стала, наконец, поступать.

Вторым доказательством огромности запасов снаряжения служит то, что в возникшей гражданской войне большевистские войска не терпели никакой нужды в снарядах и оружии, пользуясь теми складами и запасами, которые были припасены трудами Особого Совещания по обороне.

Итак, вот что значит правильный шаг Правительства в деле сплочения живых реальных сил страны во имя общей цели, вот что значит отрешиться от неправильной мысли, что войну может выиграть Правительство одно, без участия реальных творческих народных сил.

Результаты превзошли самые смелые ожидания. Интенсивная работа русской промышленности и ее развитие возбуждали нескрываемое удивление иностранцев и дали возможность Особому Совещанию, в свою очередь, крайне критически отнестись к существующим контрактам и заказам снарядов за границей, а это, конечно, в значительной мере явило возможность сокращения нашей задолженности союзникам.

Особое Совещание по обороне и Правительство

Верховная власть, решившаяся самостоятельно на подобный шаг, встретила, однако, отрицательное к нему отношение со стороны Правительства, которое не могло никак помириться с совершившимся фактом, что создался высший контролирующий аппарат – Особое Совещание по обороне на положении высшего государственного учреждения, – никому кроме Верховной власти отчетом не обязанный. Вначале Особое Совещание существовало и действовало в порядке 87 статьи, но впоследствии состоялось постановление Государственной Думы и Государственного Совета в законодательном порядке, утвердившее законодательным актом, санкционированным Верховной властью, учреждение и положение об Особом Совещании по обороне.

И тем не менее, Государственная Дума, собранная в августе месяце для того, как указывал Император Николай II в своем рескрипте Председателю Совета Министров, чтобы в трудную годину жизни Государства услышать мнение земли, была внезапно и без видимых причин распущена. Трудясь добросовестно над выяснением причин возникших в войне неудач и катастроф, Государственная Дума не проявила никакой агрессивности, и ее деятельность была направлена исключительно к устранению тех обстоятельств, которые привели к роковой беде. Само собой разумеется, что роспуск Государственной Думы, по непонятным причинам, ничем не вызванный с ее стороны, создал сугубое раздражение и озлобление против Правительства. Возвращаясь к Особому Совещению по обороне, нельзя не отметить, что деятельность его была не по нутру правящим кругам. Вторжение живого общественного элемента в замкнутые формы бюрократического строя раздражало правящие круги. Тысячи препон,

мелочей и трений тормозили работу, их приходилось преодолевать с большими затрудненями и на это уходила чуть ли не треть всей энергии работающих в Особом Совещании. И несмотря на то, что заседания Особого Совещания были закрытые, – скрыть этого обстоятельства от внимания общества было невозможно.

Правительство ухитрилось даже в настроении чисто патриотическом членов Государственной Думы и Государственного Совета, работающих в Совещании по обороне, видеть стремление к революции, и отношение его к Совещанию получилось совершенно неожиданное.

Правительство как бы задалось целью создать во что бы то ни стало оппозицию даже в среде Особого Совещания по обороне. Получилось убеждение, что идея необходимости революции никем иным так обязательно не была внушаема всем и каждому, как самим Правительством.

Постановления Особого Совещания утверждались Военным Министром, и пока во главе Военного Министерства стоял генерал Поливанов, дело шло более или менее гладко, но замена генерала Поливанова генералом Шуваемым сразу изменила взаимные отношения. Новый Военный Министр не видел надобности подчиняться постановлениям Особого Совещания, и все более и более приходилось вступать с ним в пререкания и доказывать необходимость дать ход решениям Совещания, которые им тормозились, и на эту борьбу уходило не мало драгоценного времени.

Диктатура в тылу

В половине 1916 года в Ставке возникло предположение, что все возрастающее неустройство тыла требует экстраординарных мер, и видным лицом Штаба Верховного Главнокомандующего был составлен проект об учреждении единоличной диктатуры для тыла Армии в виде облеченного чрезвычайными полномочиями лица, которому должны были подчиняться все учреждения как правительственные, так и общественные, по типу Главноуполномоченного по Санитарной Части (Принц Ольденбургский). Когда известие о таком проекте дошло до Председателя Государственной Думы и до ее членов, – у нас,

естественно, возникла тревога, что учреждение такой диктатуры еще более затормозит и запутает дело, создавая параллельно две диктатуры – Верховного Главнокомандующего на фронте и диктатуру в тылу. Председатель Государственной Думы, испросив с этой целью доклад, поехал в Ставку и, по возможности, старался убедить Государя Императора Николая II не только в бесполезности, но и опасности такой меры, которая таким образом могла окончательно разъединить театр военных действий и территорию тыла. Правительство, как таковое, должно было бы потерять всякое значение Государственной власти, принимая во внимание огромные полномочия проектируемого диктатора. Было совершенно ясно, что учреждение такой диктатуры может повлечь за собой опасные толки в народе, что Царь не справился с принятыми на себя задачами, что он не может одновременно командовать Армией и управлять Государством. Сверх того, утрачивалась всякая возможность общественного контроля. Между тем, только с осуществлением этого контроля являлась надежда на победу. Являлась еще и такая опасная альтернатива. Если таким лицом будет назначен член Царской фамилии, то легко может возникнуть династический вопрос. Если же будет назначено частное лицо из правящих классов, то пример Юаншикая в Китае, провозгласившего себя президентом Китайской Республики, мог бы оказаться довольно соблазнительным для вновь испеченного диктатора, и опасность новых смут и брожения угрожающе выдвигалась бы тогда на первый план, что, конечно, во время войны было опасно. Были поэтому исчерпаны все средства для того, чтобы убедить Императора от такого шага отказаться. К сожалению, попытка в этом направлении увенчалась успехом только на-половину: проект был на первых порах отвергнут Императором Николаем II, но бывший Председателем Совета Министров – Штюрмер – использовал его при содействии и влиянии темных безответственных сил, окружавших Императрицу, а именно Распутина и его присных. Негласно, секретным указом, Верховная власть диктаторские права указанного мною выше типа возложила на него, Штюрмера, как Председателя Совета Министров. Председатель Совета Министров Штюрмер, облеченный столь обширными полномочиями, оказался сразу же в коллизии с Особым Совещанием по обороне, остановил несколько его постановлений, уже утверж-

денных Военным Министром. Это вызвало в свою очередь в членах Особого Совещания, незнакомых еще с секретным указом Верховной власти, тревогу и недоумение, которое, в конце концов, вылилось в бурное объяснение с Военным Министром, и опять-таки, вместо планомерной и плодотворной работы создался прецедент для бесконечных подозрений, недоумений и трений.

Одновременно с этим появился и другой секретный указ, которым из состава Совета Министров выделился, так называемый, Малый Совет Министров под председательством Министра Путей Сообщения Трепова, в котором Штюрмер не участвовал. Малый Совет Министров находился в коллизии с Большим Советом и, конечно, ничего путного из этого не выходило. Когда я узнал об этом секретном указе и сообщил это товарищам, то после обсуждения дела мне было поручено переговорить об этом со Штюрмером.

Результат разговора оказался благоприятным, и через некоторое время Малый Совет Министров был упразднен. Из сказанного видно, насколько Правительство той эпохи было нерешительно в своих действиях. Принимая шаги в одном направлении, оно сейчас же от них отказывалось, и путем противоречивых постановлений, путем отказа от одного принципа в угоду другому – вносило такую сумятицу, такой сумбур в ответственную работу созданных уже учреждений, что, кроме вреда, опасного и гибельного, ничего другого ожидать было невозможно.

Политика Царского Правительства того времени отличалась необыкновенной двойственностью.

Политика в Польше, согласие привлечь в Особое Совещание представителей Законодательных Палат и одновременно доклад Министра Внутренних Дел о превращении Законодательной Думы в законосовещательную, позиция, занимаемая в Государственной Думе в одном направлении, в Государственном Совете в обратном, двойственное отношение к Распутину и постоянно скрытое недоверие к народному представительству, все это способно было только раздражать, но не успокаивать взволнованного войной обывателя.

Особое Совещание по обороне было, как я уже отметил, встречено не особенно сочувственно не только Правительством, но и Ставкой Верховного Главнокомандующего.

При самом возникновении Совещания оказалось, что существует при Главном Артиллерийском Управлении однородная комиссия по снабжению под председательством Великого Князя Сергия Михайловича. Ясно, что совместно однородные учреждения существовать не могли. Ясно, что явился бы целый ряд вопросов о взаимоотношениях, пределах власти той или иной комиссии, порядке сношений по заказам и т.п. Гибельное двоевластие погубило бы дело в корне. Много труда стоило убедить Великого Князя отказаться от председательствования и согласиться на упразднение двойственной его комиссии, состоявшей из должностных лиц, чиновников и неимевшей или не желавшей поэтому иметь постоянного общения с общественными и промышленными кругами, тогда как во вновь учрежденном Особом Совещании именно этот элемент и был особенно ценен. В смысле закрытия комиссии Великого Князя Сергия Михайловича Военным Министром генералом Поливановым и был представлен Всеподданейший доклад, и Великий Князь Сергий Михайлович был по болезни уволен от звания Начальника Главного Артиллерийского Управления и его комиссия по артиллерийскому снабжению была упразднена. Таким образом Особому Совещанию по обороне были развязаны руки, и оно являлось единственным распорядителем в деле снабжения армии боевыми припасами. Но в скором времени Великий Князь Сергий Михайлович был вновь назначен Главным Начальником по Артиллерийскому снабжению на фронте Действующей Армии и, конечно, чинил не одно препятствие начинаниям Особого Совещания. Пререкания со Ставкой по части снабжения были явлением обыденным, и как я уже говорил, очень много времени уходило на эти пререкания и много энергии приходилось тратить на улажение самых неожиданных и малозначащих недоразумений. Лично со мной прозошел такой инцидент.

В бытность в Петрограде французского министра снабжения социалиста Альберта Тома этот последний, часто меня посещавший, перед отъездом дал мне полномочие, в случае каких -либо задержек в заказах и вообще иных каких-либо недоразумений обращаться к нему и Генералиссимусу Жоффру с указанием на происходящие непорядки. «Мы поверим народным представителям и немедленно исполним все по Вашему требованию», – прибавил он. И вот в одном из заседаний вернувшийся из

Ставки Военный Министр Д.С. Шуваев сделал Особому Совещанию доклад о том, что переданный французскому правительству заказ на крайне необходимые для армии аэропланы не только не исполняется, но как будто бы даже к заказу этому французы относятся недоверчиво, и дело тормозится, аэропланы, между тем, до нельзя нужны. Тогда, вспомнив слова г. Альберта Тома, я заявил в заседании Особого Совещания, что если таковое найдет это нужными и полезным, то я немедленно составлю телеграммы на имя Генералиссимуса Жоффра и г. Альберта Тома, и если г. Военный Министр найдет это полезным, то я, вручая ему эти телеграммы, прошу его препроводить их адресатам по беспроволочному телеграфу.

Военный Министр и Совещание весьма сочувственно приняли такое решение вопроса и одобрили его как бы своим постановлением. Я тут же составил телеграммы и передал их генералу Беляеву, бывшему тогда Начальником Главного Штаба, которому тут же Военный Министр сделал распоряжение о немедленной их отправке.

Через два дня получился ответ от Генералиссимуса Жоффра и г. Альберта Тома, что ими сделано распоряжение о немедленной погрузке имеющихся готовых аэропланов желаемого типа и скорейшей заготовке остального заказа с таким расчетом, чтоб весь заказ был доставлен в Архангельск до закрытия навигации. Ответ этот своей благоприятной развязкой удовлетворил Особое Совещание, и вся переписка эта была записана в журнал. Казалось, не было совершенно никакого преступления – все было совершено гласно и на основании постановления Особого Совещания, одобренного Военным Министром. Это было летом 1916 года. Каково же было мое удивление, когда некоторое время спустя (недели через три) я получил оффициальное письмо от Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, в котором этот последний извещал меня, что Государь Император очень недоволен, что Председатель Государственной Думы выходит из круга своих прав, вмешиваясь в дела, не подлежащие его компетенции, и что он желал бы, чтоб этого больше не повторялось. Меня это письмо, даже не конфиденциальное, напечатанное на машинке, поразило как громом. В чем же заключался мой проступок, возбудивший неудовольствие Государя Императора? Я этого понять не мог. Очевидно Государю был

сделан неправильный доклад. Я догадывался, где корень этого дела. Когда я обратился к Военному Министру Шуваеву с упреком, что это его рук дело, он с негодованием отверг такое подозрение и даже вызвался немедленно ехать в Ставку и все разъяснить. Но я предпочел испросить личный Всеподданейший доклад и с документами в руках доложил подробно, как было дело. Выслушав меня внимательно, Государь Император сказал мне: «Да, вы были правы, мне дело не так доложили». Я испросил, однако, у Его Величества, чтоб он повторил свои слова в присутствии генерала Алексеева, подписавшего письмо ко мне, и Государь Император, снисходя к моей просьбе, Всемилостивейше ее исполнил. Инцидент был исчерпан, но недружелюбное отношение к членам Особого Совещания и в частности к Председателю Государственной Думы проявилось в этом случае особенно ярко. Другой инцидент, в котором Особому Совещанию пришлось выдержать борьбу со Ставкой произошел при следующих обстоятельствах. Из Ставки было прислано сообщение, на заключение Особого Совещания, что Английское Главное Командование вступило в Ставку со следующим предложением: ввиду того, что от действий германских подводных лодок утрата тоннажа торгового флота союзников весьма значительна, Английское Правительство предлагает весь русский торговый флот, находящийся в свободных морях, передать ему в его распоряжение и ведение, причем Английское Морское Министерство заявляло, что известный процент русских судов будет всегда обслуживать русские заказы, а остальное будет посвящено общим интересам. Ставка в своем извещении давала понять, что она готова согласиться с этим предложением, усматривая в нем гарантию большего порядка и планомерности в деле морских перевозок, ввиду того, что распоряжение каботажным флотом будет сосредоточено в одних руках. Двуличие этого предложения бросалось, однако, в глаза. Ясно было всем членам Особого Совещания, что для русских нужд оставлены будут подонки каботажного флота и что под видом общей пользы Англия просто на просто стремится наложить свою тяжелую руку на русское Государственное достояние. Являлся вопрос, вернется ли оно нам, принимая в соображение нашу задолженность союзникам. Являлся и другой вопрос, – в каком виде этот зарождающийся наш торговый флот был бы нам сдан, ибо понятно, что чужие

корабли были бы поставлены Английским морским министерством на самые опасные места. Это коварное предложение возмутило Особое Совещание и встретило в нем такой резкий отпор и критику, что представители английского посольства являлись к Председателю Государственной Думы с объяснениями и заявлениями о своей лояльности.

Особое Совещание так шумело по этому поводу, что в конце концов английское командование взяло свое предложение обратно.

Россия и союзники

Небезынтересно будет упомянуть об отношениях союзников к России вообще и, в частности, к Правительству и Государственной Думе. Для того, чтобы ярче осветить, как оценивали страны, союзные нам, отношение Государственной Думы к делу войны, – имеется достаточное количестов фактов в моем распоряжении. Так, например, иностарнная печать того времени писала следующее: «По словам союзных делегатов, неопределенность внутренней политики России учитывается общественным мнением союзных держав, как неблагоприятный признак для общего дела союзников. Особенно неблагоприятное впечатление производит не вполне благожелательное отношение к законодательным учреждениям. Продолжение такого рода неопределенной внутренней политики может вызвать в союзных странах охлаждение, что особенно нежелательно теперь, когда возникает вопрос о финансировании России. Деловые круги Европы, не имея твердой уверенности в политическом курсе России, воздержатся вступать в определенные с нею соглашения».

В начале 1916 года состоялся съезд делегатов иностранных держав в Петрограде, и отзывы этих представителей о настроении и общих событиях России представляют глубокий исторический интерес. По словам отдельных делегатов, неопределенность положения страны и общее недовольство Правительством считалось неблагополучным признаком для общего дела борьбы с Германией. Конечно, неправильные соотношения Правительства и общества в России могли вызвать охлаждение иностранцев и сомнение в благополучном исходе войны. Да и у самих русских уже появилось некоторое чувство безнадежности, и все же, не-

смотря на все указания, несмотря на все вопли о необходимости дружной работы Правительства с общественными элементами – идея эта, хотя бы во имя упрочения доверия союзников к России, не получила осуществления, и, конечно, продолжение такого настроения правящих кругов являлось крайне опасным для успешного окончания войны. Пораженческое движение в это время подняло голову, и выступления в этом направлении разного вида агитаторов стали учащаться. Отзывы отдельных лиц иностранных делегаций о положении дел в России и отношение к ней союзных держав чрезвычайно характерны. При посещении Государственной Думы делегаты говорили: «Французы горячо и искренно относятся к Государственной Думе и представительству русского народа, но не к Правительству. Вы заслуживаете лучшего Правительства, чем оно у вас существует». На совещании конференции с союзниками, делегаты иностранцы выражали свои мысли по поводу того, насколько они поражены единением всего русского народа и общества. «Это трогательное единение всей России, – сказал в одной из своих речей французский депутат, – имеет своею единственной целью достижение победы, и перед ним можно только преклониться». Но не такого мнения были иностранцы о наших министрах.

Когда я задал одному из них вопрос, какое впечатление на него произвел Председатель Совета Министров, то он ответил буквально: «Это народное бедствие». На такой же мой вопрос о другом министре – военном – последовал ответ: «Эта катастрофа». Другой представитель французского Правительства, которому я задал при его отъезде вопрос: «Как вы оцениваете состояние умов в России (это было в январе 1916 года), скажите откровенно мне ваше впечатление о всем виденном вами в России», – ответил, сделавшись сразу серьезным и вдумчивым: «Г-н Председатель, нужно быть очень богатым экономически, а морально быть очень уверенным в себе и верить в эту экономическую и моральную мощь свою, чтобы пребывать, в такой исключительный момент, в состоянии сладкой и безмятежной анархии, в которой находится Российское Правительство и Русское общество; сознательно или нет – я этого решить не берусь». Считаю здесь необходимым, говоря о союзниках, решительно опровергнуть взводимое на почтенного Английского посла сэра Бьюкенена обвинение, что он был душою переворота и рево-

люции и своей деятельностью воодушевлял и помогал революционным элементам России. Это совершенная неправда и клевета на глубоко всеми уважаемого политического деятеля; также точно неправда и клевета уверение, что с английскими агентами члены Государственной Думы имели сношения и подготовляли революцию. Государственная Дума IV-го Созыва состояла преимущественно из умеренных элементов и все предыдущее изложение настоящего труда свидетельствует, что большинство ее объединившееся в прогрессивный блок боролось именно с революционными течениями. Умеренные элементы в Государственной Думе более всего боялись, что накопленное в стране неудовольствие может легко вылиться в крайне нежелательные формы. Один из бытописателей той эпохи справедливо заметил, что «умеренная среда Государственной Думы в особенности боялась внутренних осложнений и вспышек во время войны. Ради этого страха люди золотой середины шли на уступки, старались примирять противоречия, а если нельзя примирить противоречия, то о них умалчивать. Ради этого они все время призывали страну к спокойствию. Беспокойство им представлялось опасным вдвойне: волнениями может воспользоваться не только враг внешний – немец, но и враг внутренний – реакция, желающая скорейшего заключения сепаратного мира с немцами». Это совершенно справедливая характеристика настроений думского большинства и ни о каких переговорах тайных или явных с Английским послом я никогда не слышал ни малейшего намека. В этом отношении все представители наших союзников были донельзя корректны и решительно отвергали всегда всякие попытки вмешательства их в наши внутренние дела.

Вот, какой хаос царил в правящих кругах и среди Государственной власти в этот страшный час, переживаемый Россией (да, пожалуй, и в общественных кругах). И надобно признать, что постепенное изменение настроения из патриотического в революционное и глухое недовольство коренились именно в недоверии всех мыслящих русских кругов к своему Государственному аппарату, который, очевидно, стоял не на высоте своего задания и не мог справиться с теми тяжелыми обстоятельствами, которые разрешить выпало на его долю.

Я еще раз должен напомнить, что с самого возникновения войны партии в Государственной Думе сгладились: был един-

ственный лозунг огромного большинства Государственной Думы – это всемерно помогать Правительству в его тяжелом деле ведения мировой войны и достижения победы во славу Отечества.

Дезорганизация власти

Обязанностью народных представителей являлось, таким образом, в это время стремление к изменению отношения Правительства к народу и общественным силам в целях побудить его пойти на путь объединения с отечественными производительными силами и сделать все возможное в этой области. Но шло ли Правительство навстречу ему? Я смело утверждаю, что нет. Чем дальше развивалась война, тем суровее и беспощаднее, если можно так выразиться, становилось отношение Правительства к обществу. Правительству везде снилась и грезилась возникающая революция и, вместо того, чтобы усмирить и успокоить взволнованные небывалыми жертвами и тяжкими сомнениями умы населения, Правительство делало, вероятно бессознательно, все возможное к тому, чтобы еще больше возбудить к себе всеобщее неудовольствие и заслуженное к себе недоверие.

Была ли Государственная власть предупреждена о надвигающейся беде? Привожу здесь мое письмо конца 1915 г. к Председателю Совета Министров Ивану Логиновичу Горемыкину.

Председатель Государственной Думы
19 декабря 1915 г.

Милостивый Государь Иван Логинович!

Пишу Вам под свежим впечатлением тех сведений и данных, которые обнаружились в только что бывшем заседании Особого Совещания по обороне и касаются катастрофического положения вопроса о перевозках по железным дорогам.

Этот вопрос поднят был в особом Совещании первого созыва, ему посвящены работы особой комиссии, но дальше разговоров, справок и вычислений дело не пошло, и та катастрофа, которая тогда предвиделась, ныне наступила.

Подробности выяснившегося положения заводов, работающих на оборону, которые должны при таких условиях остано-

виться, а также соображения о надвигающейся голодовке населения в Петрограде и Москве и сопряженных с нею возможных беспорядков, несомненно сообщены уже Вам г. Председателем Особого Совещания по обороне. Мне, как и всем членам Совещания, стало ясно, в какую пропасть идет отечество наше верными шагами, благодаря полной апатии правительственной власти, которая не принимает никаких активных и решительных мер к устранению возникающих грозных событий. Я считаю, что Совет Министров, председательствуемый Вами, обязан в силу этих обстоятельств безотлагательно проявить ту заботливость о судьбе России, которая составляет его государственный долг. Члены Особого Совещания по обороне предвидели все случившееся ныне, еще полгода тому назад, и Вы Иван Логинович, не можете отрицать, что обо всем этом я лично неодократно ставил Вас в известность, в ответ на что, однако, слышал лишь одно уверение, что это не Ваше дело и что Вы в дела войны вмешиваться не можете. Ныне такие ответы уже несвоевременны. Приближается роковая развязка войны, а в тылу нашей доблестной и многострадальной армии растет общее расстройство всех проявлений народной жизни и удовлетворения первейших потребностей страны. Бездеятельностью власти угнетается победный дух народа и вера в свои силы. И Ваш первейший долг, немедленно, не теряя ни минуты, проявить, наконец, полноту заботы об устранении всего, что мешает достижению победы. Мы, члены Государственной Думы, не можем, имея лишь совещательный голос, принять на себя ответственность за неизбежную катастрофу, что я и заявляю Вам категорически. Если Совет Министров не примет, наконец, тех мер, которые возможны и которые спасут родину от позора и унижения – ответственность падет на Вас, и если Вы, Иван Логинович, не чувствуете в себе сил нести это тяжелое бремя и не используете все имеющиеся средства для того, чтобы помочь стране выйти на стезю победы, то имейте мужество в этом сознаться и уступить свое место более молодым силам. Настал решающий момент, наступают грозные события, чреватые гибельными последствиями для чести и достоинства России. Не медлите, горячо прошу Вас об этом: Отечество в опасности.

Примите и проч. М. Родзянко

Невероятно быстрая и ничем не вызванная перемена и перетасовка Министров получила характер системы, и членом Государственной Думы Пуришкевичем с кафедры громко было метко охарактеризовано «Министерской чехардой». Ясно, что быстрая перемена глав ведомств наносила непоправимый ущерб планомерному течению дел, внося в работу ведомств сумбур, что, конечно, выгодно могло быть только нашим врагам. В прочность и долговечность назначаемых министров никто не верил, да не верили и они сами в себя. Последствием такого настороения было то, что энергии в работе не было. Никто из назначаемых не верил в то, что проектируемые меры или реформы удастся провести в жизнь за кратковременностью своего пребывания у власти. В ведомствах устраивались, при назначении нового Министра, пари или нечто вроде тотализатора на срок пребывания данного лица у власти.

Как назначались, например, Министры, столь быстро сменявшие друг друга? На этот вопрос я отвечу их собственными словами. Когда на пост Премьера был назначен Иван Логинович Горемыкин, я спросил его: «Как вы, Иван Логинович, при ваших преклонных годах, решились принять такое ответственное назначение?» Горемыкин, этот безупречно честный государственный деятель и человек, ответил мне, однако, буквально следующее: «Ах, мой друг, я не знаю почему, но меня вот уже третий раз вынимают из нафталина». Когда князь Голицын получил назначение Председателя Совета Министров, я его спросил: «Как вы, почтенный князь, идете на такой пост в столь тяжелое время, не будучи совершенно подготовлены к такого рода деятельности». Князь Голицын буквально ответил следующее: «Я совершенно согласен с вами. Если бы вы слышали, что я наговорил сам о себе Императору, я утверждаю, что если бы обо мне сказал все это кто-либо другой, то я вынужден был бы вызвать его на дуэль». Возможен ли был при этих условиях порядок!?

На почве жгучего страха за будущее Родины, на почве все возрастающего хаоса в транспорте, на почве все возрастающей дороговизны предметов первой необходимости, на почве ненужных наборов воинов, отрывающих рабочие руки от необходимой работы внутри страны, причем все эти неурядицы падали, главным образом, всей тяжестью на низшие слои народа, на не-

имущее население, – назревало такое недовольство, которое верными шагами вело народ к революционным эксцессам. Могло ли при видимом неустройстве народного хозяйства, при видимой, очевидной неспособности Правительства создать более или менее нормальные условия для того, чтобы, хотя бы сносно, но возможно было бы переносить тяготы войны и сопряженные с ней жертвы, могло ли отношение населения быть благожелательным к Правительству и, даже, к Верховной власти, и могла ли Государственная Дума, несмотря на свои сверхчеловеческие усилия, удержать назревающий взрыв? Я смело утверждаю и беру на себя ответственность за эти слова, что Государственная Дума IV-го созыва сделала все от нее зависящее для того, чтобы удалить все эти возникшие недоразумения. Но голос ее никогда ни Верховной властью, ни Правительством в достаточной мере не был услышан. Судите поэтому сами, насколько обвинение, падающее на Государственную Думу, в том, что она возглавила, подготовила, воодушевила и осуществила революцию – справедливо.

Никто из Министров не решался воздействовать сообща с Государственной Думой на политику внутреннюю, уклоняющуюся от правильного пути. Так было всегда и задолго до войны. Еще в 1912 г. по поводу конфискации брошюры профессора Московской Духовной Академии Новоселова, направленной против Распутина и начинавшейся словами «Quo usque tandem Catilina abutere patientia nostra», был предъявлен в Государственной Думе запрос по поводу этого незакономерного действия. Обстоятельство это грозило развернуться в общественный скандал. В целях предохранения Верховной власти от такой беды и желая сделать попытку прекратить вредное для Императора Николая II пребывание при дворе его пресловутого старца Распутина, я пытался склонить к совместному докладу Императору Председателя Совета Министров В.Н. Коковцева, Председателя Государственного Совета М.А. Акимова и Петроградского Митрополита Владимира; все эти три сановника отказались меня поддержать, и я вынужден был сделать доклад один. Между тем, несомненно, что совместный доклад об опасных последствиях все возрастающего влияния Распутина произвел бы значительное впечатление и, быть может, достиг бы цели. В конце 1916 г. я пытался убедить Председ. Совета Министров Кн. Н.Д.

Голицына и Председ. Госуд. Совета Ив. Гр. Щегловитова в необходимости уступок обществу. Я просил их совместно со мной сделать об этом доклад, заявляя им, что невозможно далее сдерживать народное возмущение; я получил резкий отказ. Мне было при этом заявлено, что Председатель Государственной Думы должен предпринять сверхчеловеческие усилия, но сдержать возникающие волнения. На мое возражение, что легче в пределах человеческого разума совершить благоразумный поступок, чем требовать сверхчеловеческих действий, последовал насмешливый ответ, что такое действие, какое я требую, не входит в пределы их власти.

Нельзя все же не отметить, что Император Николай II хорошо понимал, что ему необходимо помириться с народным представительством и загладить те ошибки, которые упорно продолжало делать его Правительство, – ошибки, роковые и во всяком случае неуместные во время народной войны. Но окружающие его люди, сама атмосфера придворной обстановки при недостаточно твердой воле, не давала ему возможности осуществить свои добрые намерения.

Нередко даже, сделав шаг вперед, он через некоторое время совершал обратный шаг и тем портил в корне прекрасное первоначальное впечатление. Так, например, когда, под впечатлением тяжких неудач наших в мае и июне 1915 г., было учреждено в порядке 87 ст. Особое Совещание по обороне, то Государь относился к нему с полным доверием, о чем мы знали через бывшего еще военным министром В.А. Сухомлинова.

Когда в августе 1915 г. Совещание это вылилось уже в форму закона, пройдя Законодательные Палаты, и было Высочайше утверждено, Государь Император пожелал его лично открыть, в первом же заседании и в своей речи заявил, что в минуту тяжелых переживаний он лично будет руководить нашими занятиями. В первое время он относился действительно с полным доверием к работам Особого Совещания. Но уже с отставкой Генерала Поливанова, и затем И.Л. Горемыкина это отношение под влиянием новых министров, в особенности председателя Сов. Министров Б.А. Штюрмера, значительно ухудшилось, как это видно из моих сообщений и, в конце 1916 года, когда тревога захватила все умы и члены Особого Совещания ходатайствовали перед его Величеством, в особой записке, о том,

чтобы он лично председательствовал в Совещании и выслушал бы полный доклад о действительном положении дела, ему угодно было отклонить это ходатайство, что вселило значительное неудовольствие.

Таким же добрым и правильным побуждением было и посещение Государем Госуд. Думы 9-го февр. 1916 г. Посещение это состоялось внезапно, без предупреждения, так что даже Председатель Думы узнал о нем за час до открытия Заседания. Следовательно, ничего не могло быть подготовленного или искусственного.

Небывалый энтузиазм, с которым был встречен Император Николай II в этот значительный день, не только членами Думы, но и многочисленной публикой на хорах, – энтузиазм искренний, неподдельный, не был ли явным указанием, как жаждал тогда весь русский народ полного, доверчивого единения со своим Царем, в дни небывалых лишений, жертв и страданий.

Государь это понял, но не доделал своего доброго начинания. Будь в этот день дано ответственное министерство, революции не было бы и война была бы выиграна.

Но окончательного согласия не состоялось, дело ограничилось одним лишь Высочайшим посещением, а Правительство продолжало подозрительно и недоверчиво относиться к народному представительству и вообще к общественным кругам, чем только углубляло и расширяло разделяющую их пропасть.

Деморализация Армии

Когда совершился переворот и, так называемое, углубление революции привело к тому, что страсти разнуздались и все дурные инстинкты выплыли наружу, получилось трагическое по своим тяжким последствиям для Государства разложение Армии, которая отказалась воевать и, под влиянием преступной агитации, ушла с фронта, обнажив его для противника, который не имел уже никаких препон для вторжения в страну. Впоследствии всю вину за эти прискорбные события взвалили на плечи Государственной Думы IV-го созыва; обвинения эти отчасти получили популярность и были приняты на веру, без критического и внимательного отношения к правдивости подобных слухов. Признаюсь откровенно, я всегда с болью в сердце выслушивал

эти обвинения, потому что направление, в котором работала Государственная Дума в течение десяти лет, как это видно из изложенных выше моих сообщений, и существо этой работы по отношению к родной отечественной Армии – вполне противоречат такому обвинению.

Для Государственной Думы, как читатель мог убедиться из вышеизложенного мною, не было более священной обязанности, как помогать возрождению Армии и флота в той или другой форме. И законодательное учреждение положило много сил и энергии для увеличения боеспособности наших войск и улучшения быта ее чинов.

Да, это тяжелое и незаслуженное обвинение. Поэтому надлежит обратиться к фактам, которые в достаточной мере могут осветить создавшееся положение.

С самого начала войны порядок укомплектования войск на фронте был установлен следующий: внутри Империи были созданы, так называемые, запасные батальоны, время от времени, по мере надобности, посылавшие различного вида пополнения на фронт, в составе маршевых рот. Эти запасные батальоны, досигавшие иногда небывалой цифры от 12 до 19 тысяч человек в каждом, были очень недостаточно оборудованы надежными инструкторами: кадровое офицерство почему-то задерживалось на фронте и лучшие опытные бойцы оставались в Действующей Армии в пылу огня.

Между тем, частыми усиленными наборами призывался под знамена в запасные батальоны далеко не обученный и совершенно сырой материал, который еще требовал тщательной и внимательной обработки, а сверх того требовалась разумная пропаганда в целях внушения призванным смысла и значения войны, а также и объема долга и обязанностей, сопряженных с этим для призываемых на службу.

Ничего этого не было. Запасные батальоны или поручались совершенно неопытным офицерам, или лицам, далеко не знакомым с порядком обучения войск, или даже таким, которые стремились избежать службы на фронте, и, таким образом, не представляли из себя надлежащий пример боевых опыта, доблести и знания современных условий войны.

Правда, что при недостатке, который чувствовался в офицерском составе, задача эта была не из легких, но при разумной

организации дела, путем отправки быстро производимых офицеров на фронт для замены ими кадровых офицеров и обратного откомандирования кадровых офицеров для обучения запасных войсковых частей – задача могла быть более или менее удовлетворительно разрешена.

Таким образом, вышеупомянутые запасные батальоны, о роли которых в перевороте я буду говорить впоследствии, были, если можно так выразиться, предоставлены самим себе без надлежащего надзора, без надлежащей инспекции, были плохо обставлены в материальном отношении, нуждались в обмундировке, продовольствии и даже оружии. Там, в самых недрах этих запасных батальонов, будущих бойцов на фронте, возникло глухое брожение и недовольство на почве разных недочетов, и там же к тому же работала во всю германская и революционная пропаганда.

Наборы и пополнение этих запасных батальонов производились без достаточно продуманной системы, без должного внимания к сохранению рабочих сил на местах, которые были необходимы для успешной работы в тылу. И если принять в соображение хронический недостаток винтовок, то нужно признать, что запасные батальоны представляли из себя зачастую просто орды людей недисциплинированных и мало-по-малу развращаемых искусными агитаторами германского производства.

Самая система призыва населения, оставшегося дома, к исполнению воинской повинности, как я уже говорил, не имела никакого плана и, не считаясь с хозяйственными условиями тыла, зачастую возбуждала этим вредное для дела недовольство населения. Так, например, призыв под знамена в 1916 г. был объявлен в конце июня месяца в самый разгар уборки хлебов, и только по настойчивому ходатайству Председателя Государственной Думы перед Верховной властью был перенесен на осенние месяцы. Но тем не менее набор был объявлен, смущение среди населения, работавшего на полях, было внесено. Конечно, такая мера отозвалась, с одной стороны, гибельно на успехах полевых работ, а с другой – подорвало доверие к власти, не считающейся с насущнейшими надобностями экономического быта страны.

Между тем, точного подсчета общего числа призванных на службу не было и различные учреждения, ведающие этой отра-

слью, утверждали разные цифры, которые разнились между собою на миллион и больше людей.

Ставка считала меньше призванных, мобилизационный отдел военного министерства значительно больше и, наконец, подсчет, сделанный по поручению Особого Совещания по обороне, после неудачного набора в рабочую пору, установил третью цифру, расходящуюся с двумя первыми.

Ставка имела основания требовать все новые наборы, что ясно видно из следующих обстоятельств.

Я не хочу порочить нашу доблестную Армию, а тем более доблестнейшее офицерство, которое кровью своею стяжало себе неувядаемую, бессмертную, всемирную славу, но справедливость требует указать, что симптомы разложения Армии были заметны и чувствовались уже на второй год войны. Так, например, в период 1915 и 1916 гг. в плену у неприятеля было уже около 2 миллионов солдат, а дезертиров с фронта насчитывалось к тому же времени около полутора миллиона человек. Значит, отсутствовало около 4-х миллионов боеспособных людей, и цифры эти красноречиво указывают на известную степень деморализации Армии.

Но это явление указывает на то, что с ним не было достаточной борьбы и против него не принимались достаточно решительные и суровые меры. Дисциплина очевидно расшатывалась и чувство долга по отношению к родине не развивалось и не укреплялось в достаточной мере в призываемых.

По подсчету, сделанному одним из членов Государственной Думы, получилось такого рода соотношение: число убитых из состава солдат выразится 15%, но по отношению к офицерству этот процент выразится цифрой 30%, а рененых еще больше.

Таким образом, по соотношению состава офицеров и солдат – убитых офицеров во время войны было в два раза больше.

Процентное отношение пленных ко всему солдатскому составу выражается цифрой около 20%, между тем как по отношению к офицерам это процентное обозначение выражается 3%. Дезертиров офицеров не было вовсе.

В полевых боях убыль здоровых солдат и раненых в палец была очень значительна. Как пример, приведу факт, который далеко не единственный: в одном из полков в битве под Гельчевым, 26 августа 1914 г., после боя оказалось на лицо только

1500 человек из трех с половиной тысяч, но через три дня к кухням собралось еще вполне здоровых 1500 человек.

Та же картина произошла после боя в одном из полков под Краковом.

Утверждаю, что эти случаи не единственные, но взяты мною, как точно проверенные, которые можно доказать документально.

Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой в 25% в среднем, и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались в виду полного отсутствия состава эшелона, за исключением начальника его, прапорщиков и других офицеров.

Здесь не место глубоко анализировать причины этих прискорбных и мрачных обстоятельств, но мне необходимо было осветить истинное положение и настроение Армии для того, чтобы, когда я буду говорить о полном разложении, последовавшем после переворота, которое инкриминируется всецело Государственной Думе, иметь возможность сослаться на то, что предшествовавшие события вовсе не служили доказательством полной скованности и строгой дисциплины в Армии. Кроме этого, я с большим огорчением должен констатировать, что далеко не всегда распоряжения высшего командного состава были на высоте своего положения. Так, например, было с блестяще подготовленной, блестяще начатой и имевший в начале успех операцией прорыва на Стоходе. Когда, под командованием генерала Брусилова, совершен был глубокий прорыв, и наши войска в начале имели крупный успех, этой операцией не было достигнуто поставленных целей и, главным образом, потому, что распоряжения командного состава не всегда обеспечивали успешные военные действия доблестных наших частей.

Я был на месте во время этих боев и знаю, что в силу недостаточной артиллерийской подготовки и невыполненных своевременно других условий – я говорю это со слов специалистов и участников боев, – например, Гвардейский корпус, пополненный блестяще за время своего отдыха в тылу, потерял до 60% своего состава вследствие неумелого командования, полного отсутствия воздушной разведки (на весь Гвардейский корпус было, кажется, только четыре аэроплана) и других причин.

Я не позволю себе винить отдельных лиц. Фронтовая Армия от генерала до солдата бестрепетно сражалась, исполняла честно свой долг и бесстрашно умирала во славу Родины. Но несовершенство организации и неправильная система назначений командного состава сыграла свою пагубную роль.

И тем не менее, нельзя не удивиться доблести и беззаветной отваге, с которой эти молодые войска шли в бой и ложились целыми ротами под губительным огнем противника.

Мне помнится такой разговор в одном из лазаретов Красного Креста, который мне приходилось ревизовать. В нем, в палате, находилось около 60 тяжело раненых. В этой палате была молодежь, цветущая, крепкая и сильная. Ранения были чрезвычайно тяжелы и, тем не менее, настроение было превосходное, бодрое и жизнерадостное. Один из раненых, старший унтер -офицер того же полка, кажется, если память мне не изменяет, Лейб-Гвардии Финляндского, участник Японской кампании, полный Георгиевский кавалер, обратился ко мне со следующими словами: «Господин Председатель, внушите этой молодежи, что так сражаться, как они сражаются, нельзя. Я опытный вояка, проделал Японскую кампанию, не выходил из строя за все время этой войны, – эта молодежь просто сумасшедшая, они без разбору лезут в самый огонь без надобности, при малейшем приказе идти в атаку идут на неприятельские проволчные заграждения без оглядки и без разума и гибнут совершенно напрасно и зря». На это молодые солдаты с насмешкой отвечали: «Ты старый, а мы молодые и смелые».

Вот, какой материал находился в руках командного состава. И как это ни странно сказать, но брожение в Армии в этот период 1916 г. начался, именно, с победных боев, так как, в конце концов, составилось убеждение, что все нечеловечские усилия воинов и принесенные ими жертвы оказались, в сущности, безрезультатны и бесплодны, ввиду неумелых и неудачных распоряжений, которые критиковались на все лады.

Кампания могла и должна была быть окончена тогда же полной победой, именно тогда, в этот период начинавшегося наилучшего снабжения Армии людскими пополнениями и предметами боевого снабжения: почетный и славный мир мог быть куплен ценою этих жертв и этого последнего напряжения народной энергии, а между тем этого-то достигнуто и не было.

Воздушная разведка была плохо поставлена.

Как я уже упоминал раньше, на весь Гвардейский корпус приходилось только 4 аэроплана. По докладу моему в Особом Совещании по обороне был резко поставлен вопрос о несовершенстве военной авиации, и была учреждена особая авиационная комиссия. Коренная реформа организации авиационного дела была решена, но достигнуто это решение было только в 1916 г. А между тем, в боях на Стоходе целые эскадрильи неприятельстких аэропланов появлялись над нашими резервами и снижались чуть не на 500 метров, безнаказанно расстреливая их из пулеметов.

Брожение в Армии началось на почве недовольства высшим командным составом. Это вызвано было перечисленными выше причинами, а также, несомненно, было результатом многолетней упорной агитации в войсках. Впоследствии недовольство это перенеслось на доблестное, ни в чем не повинное младшее офицерство и своим последствием имело ужасное пролитие дорогой нам офицерской крови, свидетелями чего мы все были с содроганием и отвращением при полном разложении Армии, после февральского переворота.

Не надо при этом забывать, что офицерский состав значительно изменился по своему составу за время войны. Вот довольно меткая характеристика этого изменения одного из военных корреспондентов: «Старое кадровое офицерство, воспитанное в известных традициях, вследствие значительной его убыли в боях стало лишь небольшим процентом по сравнению с новым офицерством, призванным под знамена во время войны и прошедшим иную школу в смысле критического отношения к традиционным представлениям о Государственном устройстве и порядке. В общем командный состав теперь проникнут более штатским духом и более близок к интеллигенции и ее понятиям, чем это было до войны, да, пожалуй, и в первое время войны».

Незадолго до переворота прибыла в Петроград группа офицеров с генералом Крымовым во главе. Между прочим, генерал Крымов заявил мне: «Так дальше идти нельзя. Благодаря полному отсутствию связи в распоряжениях и строго продуманного плана, назначению на высшие посты в Армии без разбора, наши блестящие успехи сводятся на нет, и в Армии, в ее солдатском составе растет недовольство и недоверие к офицерству вообще

и начальству в частности и, таким образом, Армия постепенно разлагается и дисциплине грозит полный упадок. Легко может быть, что при таких условиях солдаты откажутся идти вперед и, что всего ужаснее, под влиянием преступной агитации, с которой никто не борется и которой не умеют положить предел, Армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения. Таково грозное, все растущее настроение в полках».

Генерал Крымов, ныне покойный, покончил сам с собой во время прискорбных событий, имевших место в августе 1917 г. Я не посмел бы приписать ему то, что он не говорил, да и те офицеры, которые сообщали все это, живы еще, и я смело могу сослаться на них, и они удостоверят, что именно такое настроение и брожение в Армии было.

Из сказанного ясно, что почва для окончательного разложения Армии имелась налицо еще задолго до переворота, когда о нем еще не говорили громко и когда никто и не думал в правящих сферах, что революция так близка и так быстро наступит в столь ближайшем будущем.

Таковы были события, предшествовавшие перевороту. Позволю себе причины переворота, обусловливавшие его и его вызвавшие, разбить на четыре категории: к первой и самой главной категории я отношу чрезмерное усиление влияния темных безответственных сил, окружавших и завладевших волею и мыслею Верховной власти.

Безответственные силы и германский штаб

Влияние Распутина и всего кружка, окружавшего Императрицу Александру Феодоровну, а через нее – на всю политику Верховной власти и Правительства возросло до небывалых пределов.

Я не обинуясь утверждаю, что кружок этот, несомненно, находился под воздействием нашего врага и служил интересам Германии. Иначе нельзя себе объяснить беспричинного удаления действительно полезных государственных деятелей, которые в 1915 году, после погрома в Галиции, были призваны к власти в силу требования общественного мнения, и которые, при известном разумном направлении своей деятельности, в пол-

ном согласии с общественными силами страны могли бы, несомнено, довести страну до победы. Стоило появиться на высшем государственном посту талантливому и честному деятелю, как сейчас же из Распутинских сфер начиналось на него гонение, и он бывал удаляем со стремительной быстротой и без объяснения причин. А если такое лицо имело несчастье сделаться популярным в общественных кругах, то участь его была заранее предрешена. В тяжелые дни народной войны залог ее успеха, конечно, заключался в стройной организации всех факторов, обслуживающих потребности борьбы с врагом. Для врага не менее боеспособной армии была опасна правильная организация тыла, общее воодушевление и вера народа в своих вождей. А между тем, мы все видели, что все это последовательно разрушалось. Чьей-то невидимой рукой упорно, всеми возможными способами, вносилось в народ взаимное раздражение и недоверие, и все попытки соединить правящие круги с обществом терпели неизбежную неудачу. Кому же это было на руку? Только Германии. Кто руководил такой преступной политикой? Распутинский кружок. Связь и аналогия стремлений настолько логически очевидна, что сомнений во взаимодействии германского штаба и Распутинского кружка для меня, по крайней мере, нет: это не подлежит никакому сомнению.

Германский император предпринимал и другие шаги, чтобы привлечь на свою сторону видных общественных деятелей. Он подсылал к ним разных предателей России из пленных и оставшихся добровольно в Германии русских, в целях убедить заключить сепаратный мир. И я подвергся такому нападению, но после принятых мною сразу крутых мер эти попытки больше не повторялись.

Это трагическое явление, выросшее на почве печальной русской действительности, сложное, темное и недостаточно изученное – в результате оказалось гибельным для Православной церкви и для Царствующей династии, а главным образом для государства, потому что оно растлило народную душу и народные верования.

Подробные обстоятельства этой категории причин настолько мрачны и так гибельно отозвались на всех сторонах государственной жизни, что им, для полного освещения, необходимо было бы посвятить отдельную монографию, основанную на

действительных фактах, так как в общих чертах охарактеризовать это явление является крайне трудным, не ссылаясь на ряд мелких, но важных фактов.

Тем не менее, однако, несмотря на все тормоза этой категории причин, жизненность производительных сил страны и ее творческих сил подтверждаются теми фактами, которые я изложил в первой части своей работы.

Сумели же общественные организации, в виде земского и городского союзов, поставить на должную высоту санитарную часть армии, сумели же общественные элементы, призванные для этого, хотя и поздно, но снабдить Армию нашу снарядами и предметами боевого и иного снаряжения. Несмотря на кажущуюся разруху и общее недовольствие, они все же исполнили данную им задачу. Не есть ли это блестящее доказательство того, что огромный запас государственной энергии, которая таится в русском народе, проявляется блестяще там, где ему оказывают должное доверие и где в достаточной степени его организуют и пользуются плодами его богатого творчества.

Вторая категория причин, обусловивших наше государственное крушение, заключается в том, что неумелые и несогласованные распоряжения власти привели к окончательной разрухе экономических условий жизни населения, оставшегося в тылу, главным образом, расстроился транспорт, за сим финансы, обнаружилась общая безхозяйственность, отсутствие достаточной заботливости о пленных и раненых, выходящих из лазаретов, не создана была организация борьбы с возрастающей спекуляцией, которая сама по себе есть явление отрицательное и которая вызвала небывалое вздорожание предметов первой необходимости.

К этой категории причин нужно прибавить необыкновенно интенсивную немецкую агитацию, ведущуюся на немецкое золото, которой не было противопоставлено разумно организованной пропаганды на русские деньги, в целях парализования того губительного влияния, которое этой агитацией оказывалось в ущерб развитию и поднятию в высшей мере патриотического чувства.

К третьей категории причин, вызвавших легкость, с которой совершился переворот, я отношу начавшееся разложение Армии, о котором я только что говорил.

Наконец четвертая причина революции была чрезвычайная и во всем двойственность правительственной внутренней политики.

Эта система иметь два лика до нельзя раздражала русское общество, так как никто заранее не знал, как поступит завтра Правительство, так ли как сегодня, или совсем наоборот. В искренность заявления правительства русское общество поэтому перестало верить, зная, что оно меняло свой курс с поразительной легкостью. Так было с обращением к полякам, с отношением к Государственной Думе с одной стороны будто бы благожелательным, с другой явно враждебным. Так было с рядом существенных вопросов, уже мною перечисленных.

Все эти явления, вызывавшие негодование, одновременно подтачивали доверие страны к государственной власти, не умеющей наладить государственную жизнь, и лишали уверенности в завтрашнем дне и в победном исходе кампании.

Я утверждаю, что при совокупности этих причин, если бы и не было революции, война все равно была бы проиграна и был бы по всей вероятности заключен сепаратный мир, быть может, не в Брест-Литовске, а где-нибудь в другом месте, но, вероятно, еще более позорный, ибо результатом его являлось бы экономическое владычество Германии над Россией.

Последние попытки

Я уже раньше указывал, что умеренные партии не только не желали революции, но просто боялись ее. Различным думским фракциям было ясно, что революция во время разгара войны неизбежно приведет к развалу и разложению России. В частности, партия народной свободы, как стоящая на левом фланге умеренных групп и поэтому имевшая больше всех точек прикосновения с революционными партиями страны, была озабочена надвигающейся катастрофой более всех. Очевидно было, что если революционная волна разыграется в революционный шторм, то наиболее консервативным элементом и поэтому правым крылом оказалась бы партия к.-д., так как все стоящее правее кадет должно было быть неизбежно сметено. Положение партии кадетской в этом случае становилось бы крайне тяжелым, ибо на нее очевидно были бы направлены все удары и

громы развивающегося революционного вихря. Кадеты прекрасно сознавали это и предчувствовали, что они в свою очередь будут с большой жестокостью сброшены с арены политической борьбы. И тем не менее, однако, мы все понимали, что курс, принятый правительством, еще с большей вероятностью приведет к краху Государство. Поэтому решение сказать громко правду в законных рамках Учреждения Государственной Думы представлялось последним средством, могущим образумить как Верховную власть, так и призванное к власти Правительство.

При таком положении настроения Государства во всех его слоях Государственная Дума увидела для себя необходимость выйти из пассивного положения, ею занятого, исчерпав все средства воздействия в деле поворота государственной политики правительства на разумный путь.

В том, что в этот момент Государственная Дума стояла на правильном пути, можно привести, как доказательство, постановление Московского Губернского Собрания, которое имеется у меня в подлиннике: «Московское Губернское Земское Собрание чрезвычайной сессии горячо приветствует Государственную Думу в день ее открытия и взирает на предстоящее ей государственное дело с большими ожиданиями. Из докладов, рассмотренных Губернским Земским Собранием, явствует, что хозяйственное состояние Московской губернии стало угрожающим, что наступает тот час, когда мировая борьба должна развиться в последнем окончательном столкновении, когда Россия должна действовать как один человек и найти в себе силы нанести окончательный решающий удар. В этот исторический ответственный час общество обречено на молчание. Московское Губернское Земство, в полном сознании невероятных трудностей предстоящей работы, встречает создавшееся положение твердо со спокойной и неизменной готовностью продолжать свое ответственное дело. Московское Губернское Земство верит в силы русского народа, верит нашим могучим доблестным Армии и Флоту, верит, что народные представители найдут всеми ожидаемый путь к взаимному пониманию в стране общественных сил и власти, в единении которых единственный залог к тому, чтобы Россия с достоинством вышла из посланных ей судьбой тяжких испытаний».

Это же подтверждается и резолюцией Председателей Губернских Земских Управ.

«Милостивый Государь Михаил Владимирович!

Председатели Губернских Земских Управ, собравшиеся в Москве 25 октября для обсуждения продовольственного дела, сочли своим долгом подвергнуть обсуждению общее тревожное политическое положение страны. Вот итоги их единодушного мнения. Год тому назад на сентябрьском собрании уполномоченных Губернских Земств, представители земской России, в сознании своей ответственности и долга перед родиной, указывали на гибельность созданного правительством разъединения власти с народом. Высказывавшиеся тогда опасения получили теперь осуществление и правительственная политика дала свои роковые плоды. Могучий патриотический подъем всей страны остался неиспользованным властью.

Правительство не пошло даже на совместную работу с Государственной Думой, которая являла собою яркое отражение охватившего слои населения единодушия. За все время войны правительство пребывало сперва в скрытой, а затем в нескрываемой явной борьбе с народным представительством и всеми организованными общественными силами. Пожар мировой борьбы все более разгорается, ставя перед Россией новые сложные задачи. В то же самое время осложняется и наша внутренняя жизнь. Страна переживает последовательно острое расстройство в области транспорта, производства необходимых для населения предметов и наконец, даже продовольствия. Разъединенные, противоречивые, лишенные определенного плана и мысли действия и распоряжения правительственной власти, неуклонно увеличивают общую дезорганизацию всех сторон государственной жизни. На местах все эти распоряжения вызывают чувство недоумения, раздражения, а иногда и прямого возмущения и озлобления. Все распоряжения высшей власти как бы направлены к особой цели еще больше запутать тяжелое положение страны. Такой характер высшего управления явно проявляется в продовольственном вопросе, принимающем все более острое и опасное положение. Такой же характер носят условия, в которые поставлено за последние полгода производство мобилизации. Осуществление целого ряда мероприятий, связанных с нуждами войны, невольно приводят к выводу о допускаемой правительством не только бесцельной, но и прямо преступной растрате людских и матерьяльных сил страны.

Беспрерывная смена министров и высших должностных лиц государства в таких условиях, в которых она происходит в связи с постоянным изменением проводимой этими лицами политики, ведет к прямому параличу власти. Не пощажена даже и область международных отношений, с которой отныне окончательно связана участь России, та область, где нужна наибольшая твердость и устойчивость, где особенно нужен государственный опыт и прежде всего искренняя, не вызывающая в стране никаких подозрений, преданность интересам родины. Под влиянием всего этого в стране вполне созрело сознание, что стоящее у власти правительство не в силах успешно заключить войну и подготовить предстоящую ее ликвидацию с соблюдением истинных интересов России. Происходящая в правительстве частичная смена лиц не вносит изменений в общий правительственный курс. Она лишь в корне дезорганизует власть и подрывает последние остатки ее авторитета. Но этого мало. Мучительные, страшные подозрения, зловещие слухи о предательстве и измене, о тайных силах, работающих в пользу Германии и стремящихся путем разрушения народного единства и сеяния розни подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел. Естественно, что на этой почве возникают слухи о признании в правительственных кругах бесцельности дальнейшей борьбы, своевременности окончания войны и необходимости заключения сепаратного мира. Таково глубокое тревожное сознание, которое объединило всех собравшихся в Москве председателей Губернских Земских Управ при обсуждении современного положения России. С негодованием отвергая всякую мысль о бесславном и гибельном для будущих судеб России мире, они видят и долг чести, и залог спасения родины в неуклонном продолжении войны до конечной победы рука об руку с теми народами, которые вместе с нами ополчились за право и свободу. Земские люди исполнены веры в конечный успех бранного подвига русской армии. Но они явно сознают, что главная опасность нынешнего положения не во вне, а внутри страны. Сознание грозности настоящего положения и ответственности за судьбу родины должно стать источником дальнейшего напряжения всех народных сил и ее спасения. Начало войны и период после Галицийского отступления показали, чего может достиг-

нуть русский народ, сознавший надвигающуюся на Россию опасность. Председатели Губернских Земских Управ пришли к единодушному убеждению, что стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной и ведет ее по пути гибели и позора и единогласно уполномочили меня в лице Вашем довести до сведения членов Государственной Думы, что в решительной борьбе Государственной Думы за создание правительства, способного объединить все живые народные силы и вести нашу родину к победе, земская Россия будет стоять за одно с народным представительством.

Примите уверения в искреннем уважении и преданности

Князь Львов».

Тогда же я получил и письмо от Главноуполномоченного Всероссийского Союза Городов:

«Главноуполномоченный Всероссийского Городского Союза Помощи Больным и раненым воинам

Октября 31 дня 1916 г.
Москва

Милостивый Государь Михаил Владимирович!

Тревога и негодование все больше охватывают Россию.

Зловещие настроения, сменившие недавний высокий подъем духа, создаются не потому, что страна обессилена в борьбе, что в ней изменилось представление об ее историческом долге, а потому, что мероприятия правительства привели ее к невозможности в должной мере поддержать борющуюся армию, и достижение ее исторических задач становится все более затруднительным.

Россия полна неисчерпаемых духовных и материальных сил, несокрушима воля ее в единении с доблестными союзниками победить врага; свой долг перед будущим она сознает также глубоко и свято, как знает его и исполняет ее самоотверженная геройская армия.

Сознание этого долга чуждо, однако, тем, кто, пользуясь безответственностью, из побуждений враждебных России, скрываясь в безответственности и действуя самозванно, парализует своим злонамеренным влиянием власть.

Это сознание долга подавлено у тех, кто, случайно появляясь у власти в этой беспримерной борьбе, не сумел проявить ни одного высокого порыва, который мог бы внушить бодрость народу, призвать его к подвигу, дать ему возможность хотя бы поверить, что лица стоящие у власти служат интересам России.

Между тем, с каждым новым днем исчезает вера, рассеиваются надежды. С каждым новым днем становится очевиднее, что враждебные интересам России влияния претворяются в систему сложных мероприятий. Эти влияния направляют все усилия на борьбу с Россией и ее общественностью, на разъединение сил страны, ослабление ее мощи и создание неодолимых препятствий к тому, чтобы армии в полной мере была оказана должная помощь в великой ее борьбе.

В обществе невольно зреет сознание, что бесчисленные меры, которыми разрушается снабжение продовольствием населения и армии являются последствием не только неумения и непонимания, но и результатом действий направленных к тому, чтобы вызвать острую борьбу классов, разрушить единство земской и городской России и расстройством тыла затруднить продолжение борьбы.

Международная политика находится в сфере тех же губительных влияний. Преступная медленность проявленная в польском вопросе бросила Россию в новую опасность и поставила перед ней новые затруднения.

Среди этих явлений страну терзают зловещие слухи, что готовится постыдный мир, что принесенные страной бесчисленные жертвы и затраченные усилия напрасно погибают.

Мир без полной победы невозможен для России. Мир без согласия доблестных союзников – бесчестен. Замышляющие такой мир готовят предательство и измену.

Власть не может оставаться в руках тех, кто не умеет одолеть темных враждебных России влияний и организовать все живые силы страны на борьбу с врагом. Главный Комитет Всероссийского Союза Городов поручил мне просить Вас довести до сведения Государственной Думы, что наступил решительный

час – промедление недопустимо, должны быть напряжены все усилия к созданию, наконец, такого правительства, которое в единении с народом доведет страну до победы.

Главноуполномоченный Всероссийского Союза Городов
М. Челноков»

Здесь уместно сказать несколько слов о том, каким образом был в это тревожное время назначен Министром Внутренних Дел бывший товарищ Председателя Государственной Думы А.Д. Протопопов, назначение которого вызвало массу осложнений и раздражений. А.Д. Протопопов, бывший уездный, а засим Губернский Предводитель Дворянства в Симбирской губернии, был членом III-ей Государственной Думы и числился в партии октябристов, примыкая скорее к ее левому, более прогрессивному крылу. Таковых же политических убеждений он держался и в IV Думе. Когда депутация членов Государственной Думы и Государственного Совета в 1916 году должна была посетить союзные страны, во главе оной был поставлен А.Д. Протопопов, как товарищ Председателя Государственной Думы, и успешно справился со своей задачей. Ничто не предвещало в нем такой быстрой перемены фронта, какая воспоследовала в весьма скором будущем. Уже при возвращении депутации в Россию, Протопопов имел в Стокголме тайную и загадочную беседу и, невыясненные тогда, сношения с некиим г. Варбургом, немецким агентом. Тайна его беседы с Варбургом, однако, обнаружилась очень быстро и стала достоянием печати. Полного освещения обстоятельств этой беседы, ее сущности и политического значения, ее причин и последствий не удалось достигнуть, и дело так и осталось в тумане. Тем не менее, не имея еще никаких доказательств о каких бы то ни было замыслах г. Протопопова, я позволил себе указать на него, как на желательного Министра Торговли в предполагавшемся тогда Министерстве адмирала Григоровича, долженствовавшего сменить на посту премьера Штюрмера. Но это дело не состоялось. Основаниями к такой рекомендации было большое знакомство Протопопова с действительными нуждами торговли и промышленности, и те богатые материалы, которые он почерпнул во время поездки во главе Парламентской делегации в союзные страны. Каково же

было мое удивление, когда я узнал, что Протопопов вызван помимо меня в Ставку, якобы для доклада о своей поездке за границу, но вместе с тем ведет и таинственные переговоры со Штюрмером и всем Распутинским кружком. Протопопов в это время явно избегал меня, и мне с трудом удалось добиться с ним свидания и решительного разговора. Протопопов сознался, что ему предложен пост Министра Внутренних Дел и что он решил его принять. Возмущению моему не было границ на основании следующих обстоятельств. Принятие товарищем Председателя Государственной Думы поста Министра Внутренних Дел в Министерстве Штюрмера, после того, как Дума только что высказала свое резкое отрицательное отношение к премьеру и признала громко направление его политики вредным для Государства, и после того, что Протопопов подписал резолюцию прогрессивного блока Думских партий, являлось предательством Государственной Думы с его стороны, а явный и резкий поворот его, от исповедываемых им прогрессивных убеждений в лагерь крайней реакции, не сулил ничего хорошего в переживаемое тревожное время. Все это было мною определенно высказано г. Протопопову и предъявлено было оффициальное требование от предложенной ему кандидатуры решительно отказаться. Но Протопопов был непоколебим, и мы расстались врагами. Правительство Штюрмера хорошо знало, что делало, выдвигая и настаивая на кандидатуре Протопопова. Этим назначением предполагалось скомпрометировать Государственную Думу. Протопопов не мог справиться с задачами, выпадающими на его долю, и это было совершенно ясно Штюрмеру и Ко. Правительство в этом случае имело бы полное основание, указать стране, что оно пошло на уступки Государственной Думе, выдвинуло на ответственный пост излюбленного ею человека, признаваемого ею достойным быть товарищем Председателя Думы, и этот-то достойный человек, один из лучших народных представителей, оказался неспособным вести свой трудный, ответственный пост.

Такими последствиями явно подрывался бы авторитет Государственной Думы, не говоря уже о том, что пути, по которым пошел Протопопов, действуя через заклятых врагов Государственной Думы, являли собой явное предательство своих товарищей, ибо Правительство все свои мероприятия против Народного Представительства могло основать на авторитетном мнении

нового Министра Внутренних Дел, как члена Государственной Думы. Последней оставался только один выход – это, сразу стать в полную оппозицию к новому министру. Дальнейшие события ясно показали, в какую бездну вреда Государство было приведено этим назначением.

Перед открытием сессии осенью 1916 г. Председатель Государственной Думы собрал совещание из представителей партий, входящих в состав прогрессивного блока, и, изложив им в подробностях создавшееся грозное положение вещей и близость неминуемого общего взрыва, предложил попытаться еще раз предотвратить его, что, конечно, составляло, во время кровопролитнейшей войны, священную обязанность Государственной Думы. Доложив собравшимся в подробностях все доклады, сделанные мною Императору Николаю II, я просил членов Думы прийти мне на помощь. Мне было ясно, что моих предупреждений недостаточно, и я указывал на необходимость испросить коллективный доклад у Верховной власти, в составе собравшихся представителей партий, в присутствии которых я бы вновь повторил все свои доводы и указания на необходимость уступок, а присутствующие члены Думы поддержали бы при этом мои слова своими речами. Несомненно, что это было бы внушительным и авторитетным актом и усилило бы авторитет Председателя Государственной Думы. Но этому воспротивились представители кадетской партии в лице ее лидера, члена Думы Милюкова, который находил, что такое действие было бы актом неконституционным, и увлечение формой, в ущерб существу дела, одержало верх. А между тем, всем было ясно, что революция во время войны приведет неизбежно сперва к разложению Армии, а потом и Государства. Представители кадетской партии считали, что надлежит все высказать публично с думской трибуны и, выждав результаты такого шага, предпринять иные меры.

В виду полного разногласия в данном вопросе, предложение мое осталось открытым вопросом, и коллективный доклад Императору не состоялся. Мне уже в последствии стало известно, что группа членов Думы националистов добилась частной аудиенции у Государя Императора, докладывала ему, в свою очередь, о тревожном положении страны, но успеха не имела.

Памятуя о своем долге избранников народа, несущих ответственность перед ним за свои действия, Государственная Дума

решила громко высказать правду перед страной. Мы были правы в своем решении, мы должны были предпринять этот шаг, ибо проклятие населения, а, главным образом, проклятие граждан, еще не родившихся, впоследствии легло бы тяжким камнем на нашу совесть и на нашу память. Ответственность за окончательную гибель России мы должны были бы разделить с Правительством в таком случае, и Государственная Дума поэтому решилась высказать свое слово искренне и правдиво.

Предварительно состоялся доклад об истинном положении дел Государю Императору Николаю II, но предостережения этого оказалось недостаточно, чтобы переменить курс политики Правительства.

И в историческом заседании 1-го ноября 1916 года все было гласно и громко сказано. Как бы ни относиться к речам, произнесенным тогда с кафедры Государственной Думы, можно увидеть в них только боль за судьбу России, дорогого нашего отечества; нельзя увидеть там желание свержения власти, но указание на необходимость перемены лиц и системы управления, не желание переворота и стремление к тем ужасам, которые являются конечным результатом всякой революции, но лишь сердечную боль и печалование о судьбах России, могучей, и еще сильной, но неумело управляемой. Наши стенографические отчеты доказывают, что я прав.

Мало-по-малу в конце 1916 г. волнения среди низших слоев населения, наиболее обездоленного войной и всевозможными ненужными лишениями, дороговизна, отсутствие предметов первой необходимости и предметов питания – дошли до своего апогея. А к этому прибавилась еще жестокая политика Министра Внутренних Дел Протопопова, который стремился разогнать Государственную Думу, который направлял свои стрелы и громы на все мыслящее в России, который производил давление на Земский и Городской союзы.

Все, даже Дворянские Общества, тоже громко заявившие, что так дальше идти нельзя, было взято под подозрение.

Протопопов громко проповедывал, что роспуск Думы есть единственное средство для умиротворения страны.

Не ужас ли должен был обуять при виде происходившей вакханалии, которая начала разыгрываться.

Можно ли было оставаться безучастным зрителем при виде разрушения Государства.

Я позволю себе процитировать речь одного из крайних правых депутатов, небезызвестного Пуришкевича, который в одном из заседаний Думы, говоря о Протопопове, сказал нижеследующее: «Он хочет разгона Думы, о чем мы читали неоднократно. Он, несомненно, этого добивается, ибо он не смеет появиться среди своих бывших товарищей, и вопросы государственного спокойствия приносит в жертву личным счетам уязвленного самолюбия. Наряду с этими карами и бичами, которые раздаются направо и налево всем неугодным, мы видим приемы такой демагогии, которой мог бы позавидовать самый большой революционер. Делаются посулы крестьянам о наделении их землей, – я не знаю – за счет ли немцев или дворян; делаются посулы евреям не только расширения черты оседлости, но и полного равноправия; делаются посулы будущему составу Законодательных Палат путем увеличения в три раза окладов. Словом, куда ни обернешься, где можно искать, он берет искательством, где чувствует, что искательство не поможет, туда идет с бичем» . . .

Вот каково положение. При таких условиях Дума едва ли в состоянии не потерять должного равновесия, едва ли в состоянии работать так, как хотела, как может и должна была бы, если бы в каждом шаге главных руководителей внутренней жизни страны не видела скрытого или явного врага.

«Я сознаю, – заканчивает Пуришкевич, – бесцельность всяких речей в Думе, ибо между высшим священным источником власти и народом в эти тяжелые, исторические дни, – страшно даже подумать, – стоит стена . . . живущих только благополучием сегодняшнего дня лиц, которым нет дела до России и до ее, может быть, кровавого более, чем сейчас, будущего, которое ей уготовлено. Я сознаю бесцельность всяких речей и признаю бессодержательность в данный момент работы Думы. Никакая работа и никакие речи ничему не помогут. Я уверен, что удержу не будет и что Министр Внутренних Дел дойдет до таких пределов, которые никому не снились. Для борьбы со всей Россией Протопоповым будут пущены все средства, какие только можно себе вообразить. Какое ему, в сущности, дело до России!

Россия стоит сейчас, как древний Геркал в хитоне, пропитанном ядом крови кентавра. Он жжет ее. Она мечется в муках своего бессилия, Она взывает о том, чтобы правда русская дошла туда, где она должна быть понята, оценена и услышана. Рассвета еще нет, но он не за горами, и настанет день, я чую, как солнце правды взойдет над обновленной Родиной в час победы, но этого рассвета еще нет. Он потребует, может быть, новых жертв лучших сынов русского народа. Подождем, дадим им эти жертвы в твердой уверенности, что в конце концов, воссияет русская правда, и тот, кто должен услышать и почуять, почует ее, кто в эти тяжелые годы испытаний, ниспосланных России, стоит у престола, как верный Кочубей».

Тот же правый депутат Пуришкевич, обрисовывая весь ужас и мрак Распутинского влияния, закончил свою речь, обращаясь к присутствующим министрам, такими приблизительно словами: «Вы должны намедленно все ехать в Ставку, броситься к ногам Государя Императора и умолять его поверить всему ужасу Распутинского влияния и тяжелым и опасным последствиям такого положения вещей и изменить курс своей политики».

Мне кажется, что эта речь, яркая и образная, служит лучшим подтверждением того настроения, которое обуяло всех граждан Российского Государства в этот ужасающий по своему трагизму час.

Итак, решение свое сказать правду Государственная Дума привела в исполнение в исторических ноябрьских заседаниях 1916 г., а засим в заседаниях 14 февраля 1917 г.

Очевидно, что все было исчерпано, но все меры, принимаемые Государственной Думой для дружного взаимодействия с Правительством в интересах Государства, оказались напрасными.

А между тем, продовольственный вопрос в столице принимал все более и более острые формы: подвоз продуктов сокращался до минимума и злонамеренные люди, пользуясь этим обстоятельством, всячески настраивали все слои населения Петрограда во враждебном отношении к Правительству и вели сознательно к возникновению самого ужасного бунта – бунта голодного. Между тем, Государственная Дума хорошо помнила и понимала известную всем поговорку, что нельзя перепрягать лошадей, когда переезжаешь реку вброд.

Все старания Государственной Думы не возбуждать, а успокаивать население, были бесплодны, и вывести застрявший воз на сухое прочное место – оказалось задачей не по силам.

Между тем, упорные слухи о роспуске Государственной Думы только подливали масло в огонь.

Рабочие многочисленных заводов Петрограда решили было произвести демонстрацию в защиту Государственной Думы, а начальник Штаба Верховного Главнокомандующего того времени прямо заявил, что я должен испытать все средства для того, чтобы предотвратить Императора Николая II от роспуска Государственной Думы, так как если Государственная Дума будет распущена, то легко возможен отказ Армии сражаться.

Но тогда же Председатель Совета Министров, в одной из бесед с Председателем Государственной Думы, показал ему находящиеся в его распоряжении три указа, подписанные Императором Николаем II, без обозначения, однако, даты их обнародования. Первый указ был о полном роспуске Думы и назначении новых выборов, второй указ – о роспуске Государственной Думы до окончания войны, и третий указ – о роспуске Государственной Думы на неопределенное время. Каждым из этих указов Государственная Дума лишалась возможности доводить всю истинную правду до Верховной власти.

Таким образом уничтожался последний оплот источника правды и точного освещения состояния умов Государства.

Видя такое положение вещей и отлично понимая, что в случае роспуска Государственной Думы вся страна будет отдана в руки Протопопова, Распутина и компании, что протеста ни от кого уже последовать не может, что дело идет, несомненно, к сепаратному миру и позору России, я оказался вынужденным искать ту организацию общественного характера, которую упразднить и заставить молчать невозможно по самому существу дела. Я остановился на дворянских собраниях и вызвал телеграммами в Петроград из Москвы Губернского Председателя Дворянства Базилевского, и Председателя Съезда Объединенного Дворянства Самарина, его товарищей – князя Куракина и В.П. Карпова, и Петроградского Губернского Предводителя Сомова. Разъяснив им положение вещей и возможность моего ареста и высылки, я просил в этом случае их стать на страже интересов Родины и взять на себя долг бороться с теми оскорблениями, которые, несомненно, выпадут на ее долю.

Представители дворянства вполне разделили мою точку зрения и поняли мои опасения.* Они признали, что необходимо создать такое ядро людей независимых, которое, в случае разгона Думы, должно стать на страже интересов и достоинства России.

---

* Резолюция Новгородского Дворянского Собрания в январе 1917 года: Новгородское Дворянство в очередном Губернском Собрании, выслушав доклад о решениях XII Съезда Объединенных Дворянских Обществ по вопросам нестроений государственных, единодушно присоединяется к постановлениям Съезда и признает всю силу и значение их правдивости. Вместе с тем дворянство полагает своим священным долгом в переживаемую тревожную годину сказать слово правды перед Престолом и Родиной. Здесь, в самом Новгороде, где зародилась Великая Российская Держава, в тяжелую годину еще небывалых в истории Русской земли испытаний, должен раздаться твердый, нелицемерный голос первого сословия колыбели русской земли, предостерегающий Государя от того опасного пути, на который влекут его лукавые советники.

Тяжесть страшной войны с врагом человечества, требующий тесного непрерывного единения Царя с народом в единой мысли, в едином чувстве и единой воле внутреннего мира для достижения победы, усугубляется смутою, созданной правителями, вступившими в борьбу с единением всего русского народа, образовавшимся во имя победы и спасения Родины. Новгородское Дворянство полагает, что во время крайнего напряжения народной воли и мысли, только величавое спокойствие, свойственное мощному русскому духу, может помочь стране отойти от края бездны, над которой она поставлена. Только в тесном единении со своим законным, природным Государем придет Святая Русь к лучезарному окончанию правой распри, минуя гибельные внутренние потрясения, наступления которых с таким нетерпением ожидает наш лютый враг. Но к несчастью родины, правители, явившиеся порождением безответственного влияния, отвращают Лицо Царское от печальников земли ее избранников. Клевету и злобу на свой же народ несут они к престолу. Свое нерадение, свое неумение тщетно пытаются они прикрыть преступною ложью. Не в правде, а в лести полагают свой долг перед Царем. Русский народ знает свою грозную мощь, а видит угрожающее бессилие, русский народ знает беспредельные богатства своей земли, а испытывает тяжкие лишения. По всей земле Русской от подножья Престола до хижины бедняка не смолкает трепет тревоги народной. Роковая неправда толкает народ против его воли на беззаконие и кровавую месть. Из уст в уста передается зловещее слово: – измена. И остается у народа одна надежда: правдивый голос его избранников, обращенный к мудрости и силе духа своего Государя. Но если к величайшей скорби народной Государственная Дума и Государственный Совет не будут созваны и, являющиеся врагами общественного блага, правители, которым страна не верит, будут подкапываться под устои народного представительства, если светоч, озаряющий тернистые, кровавые пути к величию и счастью родины, будет затуманен, настанет мрак разнузданных страстей и неудержимой злобы. И тогда – Престол, Россия и ее упование будут ввергнуты в пропасть, в глубине коей погибнут лучшие силы и надежды России, ее честь, ее целость, ее достоинство, ее мощь и слава.

Они признали, что дворянство, которое нельзя ни упразднить, ни разогнать, обязано, в случае роспуска Думы, встать во главе движения для блага Родины и борьбы с предателями ее. В силу такого решения А.Д. Самарин испросил аудиенцию у Императора и еще раз должен был попытаться изложить всю правду о наростающих событиях, и было решено на 19 января созвать съезд Объединенного Дворянства для вторичного обсуждения создавшегося положения вещей. Кроме этого, из Москвы ко мне прибыли от Земского Союза князь Львов, М.В. Челноков от союза городов, А. Ив. Коновалов от съезда промышленников и фабрикантов, как представители союзов. Положение, по их мнению, было таково, что надо признать, что катастрофа уже наступила, и для спасения Отечества от гибели нужны экстраординарные меры. Они требовали, чтобы я приехал в Москву на их общий съезд и стал во главе движения в том смысле, чтобы еще раз гласно выразить желание о спасении страны. По их мнению, надо было ясно и твердо сказать свое правдивое слово, не страшась ответственности и репрессий. Но в виду открытия Государственной Думы 14 февраля, я не счел возможным исполнить их желания.

Исторические дни

Волнения начались на почве отсутствия продовольствия. Но это было предлогом, а об истинных причинах все возрастающего народного негодования я уже достаточно говорил.

По имевшимся в моем распоряжении сведениям, волнения, возникшие в столице, стали быстро передаваться в другие города.

Уже 25 февраля 1917 года волнения в столице дошли до своего апогея. Утром мне дали знать, что часть заводов, расположенных на Выборгской стороне, и на Васильевском острове, забастовала, и толпы рабочих двинулись по направлению к центру столицы.

Я объехал эти части города и убедился в том, что работы действительно прекращены, что возмущение народа, преимущественно в лице рабочих женского пола, дошло до крайней степени и что, действительно, толпы рабочих приближаются к центру столицы, в каких целях – мне еще неизвестно.

Волнение уже охватило заречную часть города. Возвращаясь назад через Литейный мост, я увидел, что набережные, как Французская, так и остальные, уже заняты отрядами войск, и тогда в моей голове созрел план немедленно добиться созыва Совета Министров и настоять перед ним, чтобы в этом заседании были представители Законодательной Палаты, Земского и Городского Самоуправления, дабы совместными усилиями выработать те меры, которые могли бы, хотя и временно, успокоить взволнованное население столицы.

В этих целях я посетил Министра Земледелия Риттиха, взял его с собой и поехал к генералу Беляеву, бывшему тогда Военным Министром. Изобразив ему положение дел, я указал, что это не просто волнение, что это начинается настоящая революция, и что надлежащие энергичные меры должны быть приняты безотлагательно. Я убедил Военного Министра своими доводами, и он сейчас же поехал к Председателю Совета Министров – князю Голицыну, откуда по телефону дал мне знать, что желаемое мною совещание будет в этот же день, 25 числа, собрано в мариинском дворце и что мне предоставляется право пригласить всех лиц общественных организаций, которых я сочту нужными.

Таким образом была еще раз сделана попытка спасти положение и принять необходимые для успокоения рабочих меры, в смысле снабжения продовольствием.

Совещание о продовольствии состоялось 25 февраля вечером и постановило, по настоянию представителей от общественных организаций, передать дело продовольствия в руки Городского Самоуправления и Земства по принадлежности.

Вот как оффициозная пресса отметила это событие:

«Совещание пришло к единственному заключению о немедленной передаче заведывания продовольственным делом в Петрограде Петроградскому Городскому общественному Управлению. Дабы юридически оформить такую передачу, экстренное Совещание пришло к соглашению между представителями законодательных учреждений и правительством, что в порядке думской инициативы будет возбуждено в Государственной Думе соответствующее законодательное предположение о расширении на время войны полномочий городских общественных управлений в смысле предоставления им права урегулирования продо-

вольственного дела. Означенное законодательное предположение предоставляется провести в спешном порядке. В полном соответствии с одобренными правительством предположениями привлечь население к заботам о продовольствии вечером 25 февраля в центральном военно-промышленном комитете собралась продовольственная комиссия в составе представителей больничных касс, кооперативов и выборных от рабочих. Неожиданно в заседание явился пристав Литейной части с сильным нарядом полиции и солдат и предъявил бумагу о задержании всех присутствующих на заседании. Устраивайте сколько угодно продовольственных обывательских комитетов, полиция будет их арестовывать. Вот и все решение вопроса, по поводу которого правительство, Дума и Совет готовы были прийти к единодушию».

Вот газетное сообщение. Но для членов Думы было ясно, что этими арестами искусственно раздувается пламя вспыхнувшей искры.

Рассмотрение закона в спешном порядке, однако же, продолжалось 26 февраля, но участь Думы тогда уже была предрешена и указ о перерыве занятий был подписан.

25 февраля я по телефону в Гатчину дал знать Великому Князю Михаилу Александровичу о происходившем и о том, что ему сейчас же нужно приехать в столицу, ввиду наростающих событий.

27 февраля Великий Князь Михаил Александрович прибыл в Петроград, и мы имели с ним совещание в составе Председателя Государственной Думы, его товарища Некрасова, секретаря Государственной Думы Дмитрюкова и члена Думы Савича. Великому Князю было во всей подробности доложено положение дел в столице и было указано, что еще возможно спасти положение: он должен был явочным порядком принять на себя диктатуру над городом Петроградом, понудить личный состав Правительства подать в отставку и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, манифеста Государя Императора о даровании ответственного министерства.

Нерешительность Великого Князя Михаила Александровича способствовала тому, что благоприятный момент был упущен.

Вместо того, чтобы принять активные меры и собрать вокруг себя еще непоколебленные в смысле дисциплины части

Петроградского гарнизона, Великий Князь Михаил Александрович повел по прямому проводу переговоры с Императором Николаем II, получил в своих указаниях полный отказ, и, таким образом, в этом отношении попытка Государственной Думы потерпела неудачу.

При этой беседе с Великим Князем и выше названными членами Государственной Думы присутствовал и Председатель Совета Министров Князь Голицын. Несмотря на все убеждения в том, что ему надлежит выйти в отставку, что это облегчит Государю Императору разрешение назревающего и все возрастающего конфликта, Князь Голицын оставался неумолимым в своем решении, объяснив, что в минуту опасности он своей должности не оставит, считая это позорным бегством, и этим только еще больше усложнил и запутал создавшееся положение.

В ночь с 26 на 27-е февраля мною был получен указ о перерыве занятий Государственной Думы, и таким образом возможности мирному улажению возникающего конфликта был положен решительный предел, и тем не менее Дума подчинилась закону, все же надеясь найти выход из запутанного положения, и никаких постановлений о том, чтобы не расходиться и насильно собираться в заседания, не делала.

Беспорядки начались с военного бунта запасных батальонов Литовского и Волынского полков. Рано утром началась в районе расположения этих полков перестрелка, и мне по телефону дали знать, что командир Литовского батальона (фамилию забыл) убит взбунтовавшимися солдатами и убито еще два офицера, а остальные гг. офицеры арестованы. С трудом удалось успокоить взволнованные части эти и убедить их выпустить арестованных офицеров. Таким образом, революция началась с военного бунта тех самых запасных батальонов, о печальном состоянии которых я писал выше.

Злоба озверевших людей сразу направилась на офицеров и так далее шло, как по трафарету, во всех бунтах и волнениях в полках впоследствии.

Среди дня 27 февраля произошли первые бесчинства: был разгромлен Окружный Суд и Главное Артиллерийское Управление, а также Арсенал, из которого было похищено около 40 тысяч винтовок рабочими заводов, которые сейчас же были розданы быстро сформированным батальонам красной гвардии.

Толпы народа, вооруженные чем попало, стали появляться тут и там на улицах города; вечером того же дня значительные толпы инсургентов запрудили уже собою улицы столицы, кое-где происходили беспорядки, столкновения между ними и вызванными частями войск.

Правительство заседало в Мариинском дворце, но никакого распоряжения, никакого распорядка, никакой попытки к подавлению в самом корне начинающихся беспорядков им сделано не было, потому что Правительством, в буквальном смысле слова, овладела паника. Насколько велика была паника и растерянность, видно из следующего обстоятельства: при известии о движении толпы на Мариинский дворец, в нем были потушены все огни и собрано некоторое количество оставшихся еще верными правительству войск для того, чтобы сопротивляться.

Однако, нападений не было, и, по словам одного из членов Правительства, когда снова зажгли огонь, то он, к своему удивлению, оказался под столом. Мне кажется, что такой, несколько анекдотичный рассказ, лучше всего может характеризовать настроение Правительства в смысле полного отсутствия руководящей идеи для борьбы с возникающими бесчинствами.

На улицах, между прочим, начиналась форменная резня, и ночь была проведена чрезвычайно тревожно.

27-го февраля Председатель Совета Министров, Князь Голицын, уведомил меня, что он подал в отставку, как и все члены Правительства.

Таким образом, создалось такое безвыходное положение, перед которым меркли все самые широкие революционные идеи.

При наличии военных действий и войны, при необходимости самого строгого порядка и самого ответственного исполнения Правительством своих обязанностей, при наличии нарождавшейся революции – в столице не оказалось центральной власти. Из Ставки никаких распоряжений от Императора Николая II не поступало, и город Петроград был предоставлен нарождающейся безбрежной анархии.

Как я уже говорил, был разгромлен Арсенал, горел Окружный Суд, горели и разгромлялись все полицейские участки, и от власти никаких указаний и распоряжений, что делать, не было. Государственной Думе ничего не оставалось другого, как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать

нарождавшуюся анархию и создать такую власть, которую бы послушались все, и которая способна была прекратить нарождающуюся беду.

Конечно, можно было бы Государственной Думе отказаться от возглавления революции, но нельзя забывать создавшегося полного отсутствия власти и того, что при самоустранении Думы сразу наступила бы полная анархия и Отечество погибло бы немедленно.

Дума была бы арестована и перебита в полном составе бунтующими войсками, и власть сразу очутилась бы у большевиков, а между тем Думу надо было беречь хотя бы как фетиш власти, который все же сыграл бы свою роль в трудную минуту.

Председатель Государственной Думы еще 26 числа послал Государю Императору телеграмму: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца». Но Царь не внял предупреждению главы народного представительства. 27 февраля Председателем Государственной Думы была отправлена еще более категорическая телеграмма Государю Императору:

«Положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра уже будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии». Но и на эту телеграмму Председатель Государственной Думы ответа не получил. Уже здесь в Сербии я еще раз получил от бывшего тогда начальника почтового управления г. Похвиснева уверение, что мои обе телеграммы были в точности доставлены по адресу. Только 28 февраля генерал Рузский уведомил, что Государь Император, наконец, решился даровать стране ответственное министерство и поручает Председателю Государственной Думы сформирование кабинета.

Этим манифестом, однако, положение запуталось еще более, ибо, пока происходили сомнения и колебания Императора Николая II, события шли своим чередом и разрешения от него не ожидали.

Временный Комитет Государственной Думы

Уже 27 февраля был образован Временный Комитет Государственной Думы для сношения с населением и для приведения расшатанных устоев в нормальное состояние, который обратился к населению со следующим воззванием: «Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого Правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и Армия помогут ему в трудной задаче создания нового Правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».

Между тем, вышеупомянутый манифест возвращал все происшедшее в старое русло, вернуть же вспять бурное революционное течение манифестом уже не представлялось возможным.

С другой стороны, Председателю Государственной Думы оставить Государственную Думу без главы, приняв в свои руки власть исполнительную, представлялось тоже совершенно невозможным, так как Дума была временно распущена, и выбирать ему заместителя было невозможно.

Отречение Николая II

Вследствие этого, Председатель Государственной Думы вынужден был отклонить предложение, переданное ему через генерала Рузского, и заявить, что при настоящем положении дел единственный исход для Императора Николая II – это отречься от престола в пользу сына.*

---

*В разговоре моем 2 марта 1917 г. с генералом Рузским мною были приведены и мотивы такого мнения. См. Архив Русской Революции. Т. III, Документы к воспоминаниям генерала Лукомского, стр. 255 сл.

Я утверждаю совершенно категорически, что эта комбинация, вне всякого сомнения, была бы принята, и волнения, по всей вероятности, в значительной мере были бы успокоены. Тем не менее, Император Николай II не поверил указаниям Председателя Государственной Думы и запросил своего Начальника Штаба и всех Главнокомандующих фронтами о том, каково их мнение по поводу указаний, сделанных ему Председателем Государственной Думы.

Телеграммы эти имелись в моем распоряжении, и, если не уничтожены в Петрограде, где они находятся, то, вероятно, документально можно будет восстановить то последующее, о чем я буду говорить.

Ответы Командующих фронтами и Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего были получены Императором Николаем II в тот же день. Все лица, запрошенные им, единогласно ответили, что для блага Родины Его Величеству нужно отказаться от престола.

Чтобы не быть голословным, помимо моего утверждения, что эти телеграммы в подлиннике были в моих руках, я процитирую выдержку из дневника Императора Николая II, в свое время опубликованного в печати: «2 марта. Четверг. Утром пришел Рузский и прочел мне длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что министерство из Членов Государственной Думы будет бессильно что-либо сделать, ибо с ним борется эс-дековская партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку Алексееву и всем Главнокомандующим. В 12 с половиной часов пришли ответы. Для спасения России и удержания Армии на фронте я решился на этот шаг. Я согласился, и из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал подписанный переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством; кругом измена, трусость, обман».

Привожу из доклада о поездке своей в Армию одного из членов Думы записанный со слов генерала Рузского рассказ о последних словах отрекшегося Императора: он снял с себя фуражку, стал перед образом, который был в углу вагона, пере-

крестился и сказал: «Так Господу Богу угодно, и мне надо было давно это сделать». Подписывая поданное генералом Рузским отречение и отдавая ему текст подписанный, он сказал: «Единственный, кто честно и беспристрастно предупреждал меня и смело говорил мне правду, был Родзянко», и с этими словами повернулся и вышел из вагона. Привожу эти слова, для меня дорогие и знаменательные, не для самовосхваления, а как доказательство, что от Царя ничего не было скрыто.

Для получения подлинного отречения Императора Николая II, Председатель Государственной Думы, который не имел возможности ни на один шаг оставить столицу по сумме разных причин, были командированы: Член Государственного Совета А.И. Гучков и Член Государственной Думы Шульгин. Лица эти, прибыв в Ставку в Псков, явились к Государю и получили уже готовое отречение в пользу Великого Князя Михаила Александровича.

Отречение было подписано 2 марта 1917 года.

Здесь уместно самым категорическим образом отвергнуть и опровергнуть все слухи о том, что командированными лицами производились какие-то насильственные действия, произносились угрозы, с целью побуждения Императора Николая II к отречению.

Вышеприведенный мною дневник Царя не оставляет в этом никаких сомнеий, и я с негодованием отвергаю все эти слухи, распускаемые крайними элементами, о наличии подобных действий со стороны лиц, безупречных по своему прошлому за время своей государственной деятельности.

Таким образом, Верховная власть перешла, якобы, к Великому Князю Михаилу Александровичу, но тогда же возник для нас вопрос, какие последствия может вызвать такая совершенно неожиданная поставновка вопроса и возможно ли воцарение Михаила Александровича, тем более, что об отказе за сына от престола в акте отречения не сказано ни слова.

Прежде всего, по действующему закону о престолонаследии царствующий Император не может отказаться в чью-либо пользу, а может этот отказ произвести лишь для себя, предоставляя уже воцарение тому лицу, которое имеет на то законное право, согласно акта о престолонаследии.

Таким образом, при несомненно возрастающем революционном настроении масс и их руководителей, мы, на первых же порах, получили бы обоснованный юридический спор о том, возможно ли признать воцарение Михаила Александровича законным. В результате получилась бы сугубая вспышка со стороны тех лиц, которые стремились опрокинуть окончательно монархию и сразу установить в России республиканский строй.

По крайней мере, член Государственной Думы Керенский, входивший в состав Временного Комитета Государственной Думы, без всяких обиняков заявил, что если воцарение Михаила Александровича состоится, то рабочие города Петрограда и вся революционная демократия этого не допустят.

Идти на такое положение вновь воцаряемому Царю, очевидно, в смутное, тревожное время было совершенно невозможно. Но что всего существенней – это то, что принимая в соображение настроение революционных элементов, указанные членом Государственной Думы Керенским, для нас было совершенно ясно, что Великий Князь процарствовал бы всего несколько часов, и немедленно произошло бы огромное кровопролитие в стенах столицы, которое бы положило начало общегражданской войне.

Для нас было ясно, что Великий Князь был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении он не имел и поэтому на вооруженную силу опереться бы не мог. Великий Князь Михаил Александрович поставил мне ребром вопрос, могу ли ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно, ибо, повторяю, твердой вооруженной силы не имел за собой. Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни одного поезда из него. Лучшей иллюстрацией может служить следующий факт: когда А.И. Гучков вместе с Шульгиным вернулись из Пскова с актом отречения Императора Николая II в пользу своего брата, то Гучков отправился немедленно в казармы или мастерские железнодорожных рабочих, собрал последних и, прочтя им акт отречения, возгласил: «Да здравствует Император Михаил!», но немедленно же он был рабочими арестован с угрозами расстрела, и Гучкова с большим трудом удалось освободить при помощи дежурной ро-

ты ближайшего полка. Несомненно, что были и сторонники Великого Князя Михаила, и его воцарение означало бы начало гражданской войны в столице. Возбуждать же гражданскую войну, при наличии войны на фронте и ясного понимания нами, что гражданская война вызовет такую смуту в тылу, которая лишит Действующую Армию нообходимого подвоза пищевых и боевых припасов, – на это мог решиться только Ленин, но не Государственная Дума, задача которой рисовалась в этот ужасный момент не в возбуждении страстей, а в умиротворении и приведении взволнованного моря народной жизни в должное успокоение. Такой мерой было, несомненно, отречение Императора Николая II и воцарение Цесаревича Алексея Николаевича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича.

Но упущение времени смерти невозвратной подобно, и было уже поздно. В революционную эпоху события мчатся с такой головокружительной быстротой, что то, что еще сегодня представлялось возможным, завтра делается уже невозможным к осуществлению. Так было и в этом случае.

Восставшее население столицы уже признало, что Государственная Дума приняла на себя власть, и поэтому пришлось ограничиться избранием Временного Комитета из состава Государственной Думы, которому и поручены были дальнейшие мероприятия по умиротворению столицы и страны.

Временный Комитет Государственной Думы и Петроградский Совет Рабочих Депутатов

Должен здесь отметить, что, в силу своего партийного состава, Государственная Дума принуждена была во Временный Комитет избрать представителей разных течений, и эта неоднородность состава Временного Комитета, как мы это увидим дальше, послужила значительным тормозом к его авторитету и к возможности, опираясь на реальную силу, принимать надлежащие меры к водворению порядка.

Гибельный недостаток, который красной нитью проходит через всю деятельность созданного Временным Комитетом Государственной Думы Временного Правительства, обнаружился на первых же порах. Когда обсуждался вопрос о том, надлежит ли Государственной Думе сразу вступить во всю полноту Госу-

дарственной власти в виду революционного настроения, член Государственной Думы Керенский, на требование Председателя Государственной Думы, в случае положительного разрешения вопроса предоставить в его руки полную власть во всем объеме и безусловно слепое повиновение всем его распоряжениям, заявил, что он признает это условие необходимым, но может ему подчиниться постольку, поскольку он не связан с состоянием его в должности товарища Председателя Совета Рабочих Депутатов.

Итак, в зародыше уже новая власть получила первородный грех – это двоевластие.

28 февраля Петроградский Совет Рабочих Депутатов выпустил воззвание:

«Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания. Терпеть больше стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своем недовольстве. Его встретили залпами. Вместо хлеба Царское Правительство дало народу свинец.

Но солдаты не захотели идти против народа и восстали против Правительства. Вместе с народом они захватили оружие, военные склады и ряд важных Правительственных учреждений.

Борьба еще продолжается, она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению. В этом спасение России.

Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию.

Вчера, 27 февраля, в столице образовался Совет Рабочих Депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп.

Совет Рабочих Депутатов, заседающий в Государственной Думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы народного правления в России.

Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда.

Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами.

Все вместе, общими силами будем бороться для полного устранения старого Правительства и созыва Учредительного Собрания, избранного на основе равного, прямого и тайного избирательного права».

Вы видите, что в этом воззвании демократические слои и наиболее революционные элементы призывались к исключительному единению и повиновению своему выборному органу – Совету Рабочих Депутатов. Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов, конечно, существовал, хотя и тайно, без перерыва, начиная с 1905 года, и своей агитационной деятельности не прекращал.

Изложенное мною должно убедить всякого, даже предубежденного против Государственной Думы, что последняя совершенно не была внутри себя подготовлена к вспыхнувшей революции и для воплощения таковой не имела никакого плана и никакой организации.

Существование подземных революционных вод, еле скрытых зыбкою почвою самодержавного режима, многими оспаривалось; оспаривалось, быть может, из боязни, впасть в оптимизм, увлечься надеждами, но то, что эти воды существуют, не было секретом. И, когда почву сорвали взрывом 26-27 февраля, они мощной рекой хлынули в пролом и вынесли на поверхность земли революционную идею пятого года, революционную тактику пятого года и революционную программу, вместившую важнейшие боевые лозунги того же пятого года, начиная с амнистии и свободы и кончая созывом учредительного собрания, подлежащего избранию на основе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов. Революция подготовлялась и организовалась вне стен Таврического Дворца в среде Исполнительного Совета Рабочих Депутатов, который имел несомненно определенные директивы и действовал по заранее тонко и всесторонне обдуманному плану, выдвигая впереди себя Государственную Думу как бы в виде народного революционного знамени. Вихрь революционной вспышки сыграл ему в руку, а слабость и нерешительность созданного Государственной Думой Временного Правительства, как будет видно из дальнейшего изложения, только способствовали дальнейшему, как принято выражаться, углублению революции. Даже зданием и помещением Государственной Думы сразу же в первый день овладели вооруженные

рабочие, чему воспротивиться было уже невозможно. Но, повторяю, однообразие плана, руководимого Советом Рабочих Депутатов, сказывалось и в деревне, и в провинции, и в городах, что подтверждается целым рядом документальных данных.

Фактически же 27 февраля партия социалистов овладела Петроградским гарнизоном и сделалась хозяйкой положения по этой причине, но до поры до времени скрывала свою игру. Наиболее крайние революционные элементы, расточая целый букет посул о грядущих благах путем завоевания их революцией, хотя не задумывались над вопросом, выполнимы ли эти посулы или нет, тем не менее имели громадный успех, и этим путем привлекали к себе массы, и войска гарнизона, и рабочих.

Но колебаться было уже поздно, да и невозможно ввиду поступавших тревожных известий о волнениях, начинавшихся в провинции. Председатель Государственной Думы должен был силою вещей решиться на возглавление Государственной Думой Государственной власти.

Еще считаю нужным подчеркнуть, что именно в это самое время члены Временного Комитета, избранного Государственной Думой, Чхеидзе и Керенский, сразу стали на знаменательную платформу «постольку-поскольку», и двоевластие это проявилось на первых же порах.

Повторяю еще раз, двоевластие красной нитью проходило через все действия созданного Временного Правительства, которое проявило слабость и бесхарактерность, не сумело справиться с этим двоевластием и подчинить себе, своей Верховной власти, все оттенки политической мысли.

Временное Правительство

Таким образом, в силу обстоятельств, носящих, несомненно, характер force majeur, конструкция власти в первые же дни революционной эпохи создалась такая: Временный Комитет Государственной Думы, избранный с самых первых часов начала революционного движения, явился источником Верховной власти.

Составляя и назначая Правительство, бесспорно, на законном праве, как единственный преемственный источник власти и как орган, замещающий министров в случае их ухода, он основал свое право на данном ему полномочии народного представительства.

Полнота власти исполнительной была передана Комитетом Временному Правительству, и Временное Правительство, говоря словами манифеста Великого Князя Михаила Александровича, по почину Государственной Думы возникшее, было признано не только всей Россией, но и иностранными державами, почему был избран именно тот состав лиц во Временное Правительство, который призван Временным Комитетом Государственной Думы к власти. Хотя, по первой мысли Императора Николая II, сформирование первого ответственного министерства он предполагал поручить Председателю Государственной Думы, но, как я объяснил это выше, принять эти поручения я не мог по разным властным причинам, и, кроме того, партия кадет решительно воспротивилась моему Министерству, о чем лидер их заявил Председателю Думской фракции земцев-октябристов. Без участия же кадетской партии образовать устойчивый кабинет было невозможно. Причины были следующие: Князь Львов одним из последних указов Императора Николая II был назначен Председателем первого ответственного перед Палатами Совета Министров и, таким образом, носил на себе преемственность власти, делегированной ему от лица еще не сверженной Верховной власти, а к тому же учитывая популярность Князя Львова, как руководителя деятельности Всероссийского Земского Союза и приемлемость его кандидатуры для всех политических групп, выбор Председателя Правительства оставался на нем. Все остальные министры были избраны из популярнейших общественных деятелей, каковыми являлись: Милюков, Шингарев, Гучков, Годнев, как бессменный работник по контрольным вопросам, Владимир Львов – знаток церковных вопросов, постоянный председатель комиссии Государственной Думы по церковным делам, Терещенко – крупный финансовый и популярный деятель в Киеве, и, наконец, Керенский, который должен был быть введен в состав кабинета по требованию демократических элементов, без соглашения с которыми не было никакой возможности водворить даже подобие порядка и создать популярную власть.

Указанный мною только-что зародыш двоевластия проявился на первых же порах и позволительно задать себе вопрос, была ли Государственная Дума вообще, а, в частности, ее Председатель, облечена тем полным доверием и той полнотой власти,

которая рисовалась на местах, в провинции, не преувеличено ли было в стране представление о могуществе над толпой Государственной Думы, и не было ли уже в столице на первых же порах такого тайного лозунга среди революционной демократии, в силу которого на первый план выдвигалась Государственная Дума только как щит, долженствующий прикрыть дальнейшие революционные действия.

Позволяю ответить на этот вопрос несколькими, чрезвычайно характерными фактами: 27 февраля, то есть в первый день переворота, неизвестно по чьему распоряжению, солдаты Петроградского гарнизона начали производить аресты, и одним из первых приведенных в Думу арестованных сановников старого режима был Председатель Государственного Совета И.Г. Щегловитов. Он был приведен ко мне группою солдат, мне совершенно неизвестных, кажется Преображенского полка, если память не изменяет мне, и когда я, пораженный этим произволом, для которого не сделано было никакого распоряжения, пригласил И.Г. Щегловитого пожаловать ко мне в кабинет, солдаты наотрез отказались выдать его мне, объяснив, что они отведут его к Керенскому или в Совет Рабочих Депутатов. Когда я попробовал проявить свой авторитет и строго приказал немедленно подчиниться моему распоряжению, то солдаты сомкнулись вокруг своего пленника и с самым вызывающим, дерзким видом показали мне на свои винтовки, после чего, без всяких обиняков, Щегловитов был уведен неизвестно куда.

Лозунги социальной революции

Инцидент этот послужил первым поводом к столкновению между мною и Советом Рабочих Депутатов, но он был улажен в виду того, что выпустить И.Г. Щегловитова на свободу – значило бы подвергнуть его просто-напросто самосуду толпы, а потому он был временно задержан в министерском павильоне Государственной Думы, а впоследствии, распоряжением Временного Правительства, был препровожден в Петропавловскую крепость.

2 марта в Государственную Думу, к ее Председателю, явился Семеновский полк в полном своем составе, но с малым числом офицеров, после моей приветственной речи, устроил мне

шумную овацию, проводил с криками «ура» в мой кабинет, где в это время собрался Временный Комитет Государственной Думы.

Но немедленно выступивший после моей речи оратор, член Государственной Думы Чхеидзе, стремился опорочить речь Председателя Государственной Думы, и посоветовал семеновцам, вновь потребовать меня, дабы я точно и определенно высказал свои взгляды по поводу учреждения в России демократической республики и разрешения вопроса о земле. Когда я пришел в зал к Семеновскому полку, настроение солдат было уже совсем не то, каким было прежде, а, напротив, было чрезвычайно агрессивным. Тем не менее, удалось полк, взволнованный речью члена Думы Чхеидзе, успокоить ссылкой но то, что все эти вопросы подлежат разрешению не председателя Государственной Думы и не Временного Правительства, а Учредительного Собрания.

3 марта явившийся тоже демонстративно в Государственную Думу 2-ой флотский экипаж держал себя еще более агрессивно, и офицеры, его приведшие, в большинстве случаев юные, только что произведенные мичманы, произносили тут же в зале зажигательные речи, причем один из них, в моем присутствии, без всяких обиняков заявил, что меня нужно, как заведомого «буржуя», расстрелять, что, повидимому, матросы были не прочь исполнить.

И только благодаря вмешательству других офицеров, изобразивших матросам всю нелепость их поведения по отношению к Государственной Думе и ее Председателю, мне удалось избежать в этот момент расстрела.

Таким образом, из этих трех фактов можно вывести заключение, что авторитет и полнота власти Государственной Думы и ее Председателя, в столице, по крайне мере, стояли не так высоко, как казалось с места. Требовался огромный такт, огромное самообладание и выдержка, чтобы среди разбушевавшегося моря народных страстей столицы удержать так или иначе равновесие и не допустить возникновения гражданской войны, губительной во всех отношениях и опасной для удачного завершения кровопролитнейшей борьбы, находящейся в самом апогее своего развития.

Из приведенных мною примеров ясно видно, что уже 27 февраля сформировавшийся Совет Рабочих Депутатов, присоеди-

нивший к себе еще название Солдатских Депутатов, имел определенную программу действий в смысле превращения политически национального переворота в социальную революцию, основанную на беспощадной классовой борьбе под лозунгом «углубления революции». Его целью уже тогда, очевидно, была жестокая борьба с буржуазией во имя победы пролетариата и водворения его владычества, и, конечно, проводимые впоследствии кровью и железом в жизнь социалистические учения большевиков были в некоторой степени исповедуемы и этой частью революционной демократии, зараженной теориями интернационализма.

Точно также очевидно и то, что успехи социалистических партий были обязаны абсолютной солидарности с ними и готовности поддерживать их везде и всегда тех запасных батальонов, о которых я говорил уже, а в частности батальонов Петроградского гарнизона. Создавая эти батальоны без надлежащего за ними надзора, правительство создало в сущности «вооруженный народ», который в полной своей разнузданности и выполнил кровавые дела.

Руководители движения не считались вовсе с национальными запросами России, но вели свое дело осторожно, идя как бы в союзе с буржуазными элементами в деле подавления нарождающейся анархии и приведения страны к порядку. Эту скрытую цель Временный Комитет и Временное Правительство не уяснили себе в достаточной степени и своевременно не поставили вопрос ребром, о чем будет сказано ниже.

Достаточно упомянуть здесь, что производимые в столице, якобы, самочинные аресты совершались без ведома Временного Комитета Государственной Думы и его распоряжения.

Временный Комитет неоднократно объявлял о незакономерности таких арестов, но они продолжались с поразительной планомерностью, причем производившими их воинскими чинами постоянно указывалось имя члена Государственной Думы Керенского, как руководителя этих действий.

Волнение в обществе было чрезвычайно и порождало невероятное количество затруднений.

Собравшийся, если память мне не изменяет, 3-го марта офицерский состав Петроградского гарнизона, собравшись в числе около ста тысяч человек, в здании Собрания Армии и Фло-

та, вынес самые резкие резолюции до требования ареста Императора Николая II; их многочисленная депутация явилась ко мне ночью во Временный Комитет с целью поддержать свои резолюции, и с трудом удалось успокоить взволнованную до невозможности публику. В то же время начались агрессивные действия и настроение солдат против своих офицеров, образовалась группа офицеров-республиканцев, и революционное движение стало принимать все более и более острый и сложный характер.

В скором времени вспыхнул Кронштадский бунт, известный всем по своему кровопролитному характеру, и, не взирая на численное превосходство Петроградского гарнизона над Кронштадтским, Временное Правительство ничего сделать с этим бунтом не могло, так как части Петроградского гарнизона не соглашались идти усмирять своих взбунтовавшихся товарищей.

Номинальный характер власти Временного Правительства

Мало-по-малу Совет Рабочих Депутатов, присоединивший к себе имя и Солдатских Депутатов, развивался все более и более, получая поддержку из провинции, главным образом от запасных батальонов, находящихся на местах, о которых я говорил выше.

Приобретая моральную силу и авторитет в глазах революционной демократии, а, вернее сказать, рабочего пролетариата в столице и на местах, он немедленно приступил к изобличению Государственной Думы вообще и ее Председателя в частности в контрреволюционности и повел атаку на Временное Правительство.

На чем же основывалось такое обвинение Государственной Думы в контрреволюционности со стороны революционной демократии. Как я уже говорил, Государственная Дума не хотела революции во время войны, отлично понимая, что переменить Государственный и связанный с ним общественный строй, произвести это потрясение и благополучно довести войну до конца – такое действие выше сил и энергии какого бы то ни было народа. Но, как видите, сила хода исторических событий оказалась сильнее нашей воли, и Государственная Дума была вовлечена и невольно связана с революцией. Революция пришла снизу, помимо Думы. Но пока дело шло о спасении России, пока

революция базировалась на сознании необходимости, во что бы то ни стало, достигнуть победы, страна могла оправдать позицию, занятую народным представительством. Но когда классовые интересы и классовая борьба под лозунгами «углубления революции» стали затушевывать национальный интерес, затемнять величие родины, ввергая ее в бездну несчастий и позора, и когда ее вели по пути отказа защищать честь, достоинство и целость родины, когда приходилось ответить на вопрос: за революцию и против России, или обратно, за Россию и против революции, то, конечно, Государственная Дума не могла поступить иначе, как отвергнуть такой вопрос, и потому прослыла очагом контрреволюции.

Таким образом, вместо согласованных действий Временного Правительства со всеми слоями населения, получалось резко и характерно выраженное двоевластие.

Член Правительства Керенский, занимавший тогда пост Министра Юстиции, состоял одновременно с этим и товарищем Председателя Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и не только получал директивы отсюда, но вынужден был на первых порах постоянно являться на собрания Совета, давать объяснения и, естественно, в качестве причастного к этой организации лица, вносить порученные директивы и требовать их проведения в недрах Временного Правительства.

Здесь уместно будет дать, хотя бы, краткую характеристику А.Ф. Керенского, этого яркого и гибельного для России государственного деятеля. А.Ф. Керенский для меня, хорошо его знающего, был совершенно ясен. В высшей степени беспринципный человек, легко меняющий свои убеждения, мысли, не глубокий, а, напротив, чрезвычайно поверхностный, он не представлял для меня типа серьезного государственно мыслящего человека. Его речи в Государственной Думе, всегда нервно истеричные, были в большинстве случаев бессодержательны, в виде фейерверка громких, звонких фраз, и не всегда даже соответствовали его внутреннему настроению. Так, например, в начале лета 1916 года, когда стало очевидным, что Государственной Думе нет больше дела и члены Думы стали поговаривать, что пора бы распустить их на каникулы по домам, Керенский разразился громовой речью по адресу своих товарищей членов Думы. Он упрекал их в нежелании положить свои труды на

пользу Родины, укорял их в том, что они будто бы готовы судьбу Отчизны отдать в бесконтрольное распоряжение бездарного, равращенного Правительства, сыпал на их головы упреки в измене и угрожал народным гневом. Речь была страстная, горячая и стремительная. Я председательствовал в это время, и, когда А.Ф. Керенский кончил, я, передав председательствование своему Товарищу, направился к выходу из зала заседания. Здесь меня встретил Керенский и сказал: «Когда же, наконец, Михаил Владимирович, вы нас распустите – пора и по домам, нам больше делать нечего?» Когда же я высказал ему свое несказанное удивление по поводу несоответствования таких слов с содержанием только что произнесенной им речи, я получил в ответ такие слова: – «одно дело кафедра, где требуется подчинение партийным лозунгам, чтоб нанести удар врагам, а другое – это существо дела, обсужденное беспристрастно». В этом ответе Керенский сказался весь по всему своему существу. Я смело утверждаю, что никто не принес столько вреда России, как А.Ф. Керенский. Любитель дешевых эффектов, рисующийся демагогическими принципами, Керенский был всегда двуличен, заигрывал со всеми политическими течениями и не удовлетворял решительно никого, – безвольный, без всяких твердых государственных принципов, бесспорно тайно покровительвовавший большевикам.

Ведь несомненно кроме того, что Керенский способствовал ввозу в Россию в запечатанных, для видимости только, вагонах того букета главарей большевизма, которые, добившись, при помощи, главным образом, тех же революционированных запасных батальонов, власти, залили кровью и покрыли позором всю матушку Россию. Это он, несомненно из тайного сочувствия к большевикам, но быть может и в силу иных соображений, побудил Временное Правительство согласиться на этот преступный акт. Керенский не мог не понимать, к чему поведет эта свобода проповеди коммунизма и анархии, и тем не менее не принял мер к ограждению Родины от ее растлевающего влияния. Комментарии тут излишни.

Хотя Керенский и балансировал во все стороны, однако же справедливость требует напомнить, что некоторое время он был всеобщим оракулом, вождем и любимцем. Им увлекались все, веря его заманчивым обещаниям, из которых он, однако же, ни одного не выполнил.

Так же точно и Временное Правительство неожиданно для меня оказалось тоже не чуждо влияния Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, обнаружив сильный крен в его сторону. Сразу по своем вступлении во власть оно стало как бы игнорировать Временный Комитет Государственной Думы, но чутко прислушивалось к мнениям и прениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Была даже учреждена специальная комиссия, называющаяся «контактной», для согласованности действий. Однако, никаких мер для связи своих действий с Временным Комитетом Государственной Думы Правительство не приняло.

Ошибки Временного Правительства

21 апреля состоялось выступление некоторых частей Петроградского гарнизона, выразившееся в уличных манифестациях с плакатами, на которых было написано: «Долой Милюкова! Долой Временное Правительство!»

Коренная и роковая ошибка князя Львова, как Председателя Совета Министров, и всех его товарищей заключалась в том, что они сразу же в корне не пресекли попытку поколебать вновь созданную власть, и в том, что они упорно не хотели созыва Государственной Думы, как антитезы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, на которую, как носительницу идеи Верховной власти, Правительство могло бы всегда опираться и вести борьбу с провозглашенным принципом «углубления революции», знаменующим на самом деле лишь развитие национально политической революции в социально интернациональную.

А между тем, в конце концов, необходимость в такой конструкции власти была признана, и, распустив Государственную Думу, Правительство Керенского создало Совет Российской Республики при Временном Правительстве, который вскоре пал под давлением и пулеметами большевиков. Поэтому совершенно непонятно, почему Правительство князя Львова на первых же порах отшатнулось и старалось отмежеваться от Государственной Думы, тогда еще весьма популярной в стране и обладающей всеми возможностями быть буфером для Правительства при напоре на него чрезмерно революционного течения.

Временное Правительство оказалось, таким образом, однобоким и, под настойчивым напором гласной кафедры Совета

Рабочих и Солдатских Депутатов, имевших свой печатный орган, не имело, с другой стороны, опоры в более умеренных элементах страны, не создало такого учреждения, вокруг которого эти умеренные элементы могли бы объединиться и дать Временному Правительству надежную точку опоры.

Временному Правительству пришлось танцевать на одной левой ноге, не имея фундамента под правой, а поэтому оно, очевидно, и потеряло равновесие, было вовлечено в водоворот все возрастающего революционного настроения столицы и удержаться на своих принятых позициях – умиротворения страны и доведения ее до Учредительного Собрания – конечно, не было уже в силах.

Вот та грубая ошибка, которую совершил князь Львов в силу своего безволия, а также и умеренные элементы, входившие тогда в состав руководителей внутренней жизни страны.

Мог ли бороться с таким явлением Временный Комитет Государственной Думы?

Несколько выше мною было указано, что фактически 27 февраля 1917 года реальной силой войска завладели социалистические партии, скрывая, однако, до поры до времени это обстоятельство и прикрываясь Государственной Думой, как временным щитом. Но в таком же точно положении оказалось буржуазное Временное Правительство, потому что войска Петроградского гарнизона поддерживали его «постольку-поскольку» его деятельность была согласована с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Таким образом, при нежелании созданного Временным Комитетом Правительства считаться с первым, Комитету, не обладавшему уже силой штыка, оставался только один путь борьбы – платонические протесты, на которое Временное Правительство перестало даже обращать внимание, хотя само оно оказывалось бессильным при напоре на него с левой стороны. Между тем, влияние Совета Рабочих и Солдатских Депутатов возрастало очень быстро, распространяясь преимущественно среди Армии и рабочих классов. Так, все прибывающие из Армии депутаты, являясь сначала к Председателю Государственной Думы, шли засим в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и с невероятной легкостью усваивали его теории и миросозерцание, возвращаясь в Армию уже сторонниками Совета. Явление это было повальное и принесло свои пагубные плоды, расшатав в корне дисциплину в войсках.

Для широкой публики остается невыясненным вопрос, почему Государственная Дума как бы стушевалась на первых же порах и не проявила достаточной жизненности, не собираясь в заседания и не продолжая своей законодательной работы.

Причины этого явления довольно сложны и лежат, с одной стороны, в самом существовании революционного переворота, а с другой – находят себе объяснение отчасти в неподготовленности членов Государственной Думы к упорному сопротивлению в революционной борьбе и в сущности отношений к вопросу о созыве Государственной Думы в данный момент различных думских фракций.

Не надо забывать, что Государственная Дума 26 февраля указом Императора Николая II была распущена и занятия ее прерваны на неопределенный срок одновременно с Государственным Советом.

Таким образом, юридически при действующей конституции Государственная Дума собраться не могла, но когда Временному Комитету Государственной Думы, как то разъяснено выше, пришлось возглавить начавшееся революционное движение и взять всю власть в свои руки, явился естественный вопрос, что и акт отречения Императора Николая II с передачей Верховной власти Великому Князю Михаилу Александровичу и отречением от нее последнего, должны состояться в публичном заседании Государственной Думы.

Государственная Дума, таким образом, явилась бы носительницей Верховной власти и органом, перед которым Временное Правительство было бы ответственным. Таков был проект Председателя Государственной Думы. Но этому проекту решительно воспротивились, главным образом, деятели кадетской партии, а с нею, само собою разумеется, и все левое крыло Государственной Думы. Как ни настаивал Председатель Государственной Думы на необходимости созыва Государственной Думы, юристы кадетской партии резко возражали ему на основании следующих аргументов: во-первых, говорили они, при созыве Государственной Думы является юридическая необходимость и созыва Государственного Совета, если считать, что действующая конституция остается в силе. С их точки зрения, однако, невозможно было бы подвести обоснованного юридического фундамента под такое толкование. Во-вторых, деятели кадет-

ской партии считали, что созыв Государственной Думы явился бы сам по себе бесцельным, так как Государственная Дума в составе своем, несомненно, была буржуазная и сделалась бы объектом атаки в целях ее свержения со стороны крайних элементов для учреждения Национального или иного собрания, более демократического и более подходящего к революционному настроению страны. В третьих, указывалось, что при настоящем положении страны должно быть Правительство, обладающее абсолютной полнотой власти, до права законодательствовать включительно, так как события, сопровождающиеся революционными эксцессами, могли бы потребовать принятия экстраординарных мер, и необходимость в этом случае санкций Государственной Думы, как это проектировал Председатель Государственной Думы, с их точки зрения, тормозила бы только планомерную деятельность Правительства, направленную к упорядочению дела войны и внутренней жизни Государства. Форма опять победила существо. Деятели кадетской партии просто не хотели иметь действующую Думу, чтобы пользоваться во всей полноте своею властью. Опять-таки существо дела принесено в жертву форме.

Таким образом, положение становилось чрезвычайно запутанным. Если припомнить при этом, что еще 27 февраля был созван Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, водворившийся, под защитой некоторых частей Петроградского гарнизона, в здании Государственной Думы, – то станет совершенно ясным, что конфликт между Государственной Думой и нарождающимся революционно-демократическим органом начал уже назревать с самого начала, остановить же развитие этого явления представлялось почти невозможным.

Если принять при этом еще в соображение отказ признания необходимости созыва Государственной Думы всем левым ее крылом, до партии октябристов, то созыв Государственной Думы – при таких условиях упорного нежелания левого крыла созвать Государственную Думу – привел бы к тому, что было бы ясно всей России и всему миру, что в Государственной Думе существует раскол во взглядах на ее тактику и дальнейшую организацию Государства.

Возражающие просто не посещали бы Государственной Думы, что для меня было совершенно ясно. Пришлось бы под

давлением возбужденных умов приступить к новой конструкции Государственной Думы, путем кооптирования в нее революционной демократии, – пришлось бы, может быть, созвать всех Членов всех четырех Государственных Дум и объявить их Национальным Собранием, а это в свою очередь, послужило бы значительным тормозом к успешному и быстрому созыву Учредительного Собрания. На последнем условии сошлись, однако, все партии, обещая в этом случае объединиться вокруг созданного Временного Правительства, поддерживать его и передать ему всю полноту власти. Пришлось поэтому избрать этот средний путь.

Не надо забывать при этом, что если бы Государственная Дума, возглавившая собою переворот, и была, несомненно, авторитетна и популярна в стране, и признавалась бы ею, как действительный источник Верховной власти, то это явление продолжалось бы недолго, а в отношении настроения столицы, как мною уже представлен целый ряд примеров, обнаружилась бы сразу же подозрительность к Государственной Думе революционных элементов, в смысле ее контрреволюционности.

При таких условиях Председатель Государственной Думы не мог принять на себя ответственность созыва Государственной Думы и признал более правильным выждать время, когда – для него было ясно, по крайней мере ясным казалось, – Временное Правительство будет вынуждено обратиться к Государственной Думе для того, чтобы в ней найти опору против чрезмерного развития революционных эксцессов. Но Временное Правительство на первых же порах слишком преувеличивало значение своей популярности, силы и влияния своей власти, а потому ошибочно не использовало популярности Государственной Думы и вовсе не учло того обстоятельства, что крайние революционные демократические и социалистические круги на самом деле отнюдь не намерены были предоставить всю полноту власти Временному Правительству, состоящему в большинстве своем из буржуазных элементов, и что атака на него воспоследует в ближайшие дни.

Считаю теперь уместным сказать несколько слов о том, насколько обвинение Государственной Думы в том, что она на первых порах революции развратила Армию, по существу своему справедливо.

Приказ № 1-й

Прежде всего я буду говорить об истории пресловутого приказа № 1.*

Приказ № 1.

*1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского Округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 3-го сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4. Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5. Всякого рода оружие, как то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем районных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т.п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности обращение с ними на «ты», воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Установилось довольно твердое убеждение, что этот приказ № 1 написан и издан Государственной Думой или, вернее, Временным Комитетом ее, и был издан за подписью Военного Министра Гучкова. Но простое сопоставление исторических дат разрушает в корне обвинение и подозрение.

Приказ № 1 появился утром 2 марта 1917 года, когда Временное Правительство, в состав которого вошел, как Военный Министр, Гучков, еще не существовало, оно было сформировано днем 2-го марта, и декрет об его сформировании Правительствующему Сенату был опубликован Временным Комитетом за моею подписью лишь 3 марта.

Таким образом, Гучков, как Военный Министр, такого приказа подписать не мог. Он не входил в состав Временного Комитета Государственной Думы 1 марта, а был привлечен к активной деятельности только 3-го марта.

Кроме того, я категорически заявляю, что Гучков такого приказа не подписывал и никакого участия в его составлении не принимал.

Что же касается до Государственной Думы, то из предыдущего моего сообщения ясно видно, что отношение Думы к Армии было вовсе не таково, чтоб задаваться целью ее разрушить. С другой стороны фактически не было времени так быстро составить и издать столь опасный и вредный в Государственном смысле приказ. Логическое течение дела уже поэтому исключает всякую возможность инкриминировать Государственной Думе издание приказа № 1.

Наконец, ведь совершенно очевидно, что если Дума возглавляла революцию, то ей прежде всего необходима была бы строго дисциплинированная и послушная армия, а не орда диких, разнузданных людей, не признающих ни властей, ни авторитетов. Разложение и уничтожение боеспособности армии могло быть на руку тем, для кого сильная скованная армия представляла внушительную угрозу, то есть Германии, и вот почему я ни одной минуты не сомневаюсь в немецком происхождении приказа № 1.

По крайней мере начальник одной из дивизий действующей армии, номер ее ускользнул из моей памяти, генерал Барковский, прямо заявил мне, что этот приказ в огромном количестве был доставлен в расположение его войск из германских окопов.

Вечером 1 марта в созданную при Временном Комитете Военную Комиссию, под председательством Члена Думы Энгельгардта, явился неизвесный солдат от лица избранных представителей Петроградского гарнизона, потребовавший выработки приказа, регулирующего на новых основаниях взаимоотношения офицера и солдата, на что Энгельгардт ответил резким отказом, указав на то, что Временный Комитет находит недопустимым издание такого приказа.

Тогда солдат этот заявил полковнику Энгельгардту: «не хотите, так мы и без вас ободеймся».

В ночь с 1-го на 2-е марта приказ этот был напечатан в огромном количестве экземпляров распоряжением Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, которому абсолютно подчинялись рабочие всех типографий Петрограда, и неизвестным Временному Комитету распоряжением был разослан на фронт.

Когда это дошло до сведения Временного Комитета, а Временного Правительства тогда еще не существовало, Комитетом было сделано постановление о том, что этот приказ считается не действительным и незаконным.

Произошло крупное объяснение с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, и в результате этот последний выпустил в одном из номеров своих «Известий» другой приказ, в котором объявлялось для всеобщего сведения, что приказ № 1 обязателен только для Петроградского гарнизона и войск Петроградского Военного Округа.

Но, конечно, вредное дело было сделано.

Благодаря чрезвычайно активной работе, направленной уже тогда против Временного Комитета Государственной Думы, я не могу с уверенностью утверждать, что распоряжение Временного Комитета, аннулирующее силу и значение приказа №1, было своевременно напечатано и своевременно получено на фронте.

В книге г-на Клод Анэ «Русская революция», изданной в Париже в 1918 году, мы находим следующее заявление одного из главных деятелей Совета Рабочих и Солдатских Депутатов г-на Иосифа Гольденберга: Приказ № 1 не был ошибкой, это была необходимость. Это не есть редакция Соколова, это есть выражение единогласной воли Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. В тот день, когда мы создали революцию, мы поняли, что если мы не разрушим прежнюю армию – то она в свою

очередь раздавит революцию. Нам надо было выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы выбрали последнюю и применили, смею сказать, гениальным образом необходимые средства.

Поэтому самым решительным, самым категорическим образом заявляю, что ни Временный Комитет, ни Государственная Дума решительно не при чем в его издании, а наоборот, принимались все возможные в то время и зависящие от них меры к аннулированию его значения и даже к уничтожению его, и что Гучков никогда такого приказа не подписывал.

Возможно, однако, что приказ этот и появился в некоторых экземплярах с подписью Гучкова, но это было не что иное, как политический шантаж и заведомый подлог.

По всей вероятности участие Гучкова в издании приказа № 1 смешивают с участием его в до нельзя ошибочном и вовсе ненужном учреждении Военной Комиссии Генерала Поливанова, результат работы которой вылился в пресловутой декларации прав солдата. Но опять-таки Гучков повинен только в учреждении вредной комиссии Генерала Поливанова, но когда революционное течение взяло в этой комиссии верх и получился прискорбный результат, Гучков отказался подписать декларацию, создался министерский кризис, Гучков вышел в отставку и декларация была подписана Керенским.

Действующая Армия и Государственная Дума

Тем не менее, Временный Комитет Государстенной Думы учел возможные последствия издания этого приказа, и вследствие этого немедленно были сформированы партии из Членов Государственной Думы и откомандированы в Действующую Армию на фронт для того, чтобы путем личных бесед с солдатами и офицерами разъяснить смысл и существо происшедших в столице событий, значение совершившегося переворота и те обязанности, которые новая форма правления возлагает на Действующую Армию. Я позволю себе предложить одно из моих воззваний к армии, которое сохранилось у меня в подлиннике и которое ярко подчеркивает мое отношение к офицерам и армии.

Братья Офицеры и Солдаты!

Свершилось великое дело. Могучим порывом народа низвержен старый строй. Народившаяся свобода сулит светлое будущее нашей родине и великой России. В эти радостные дни русский народ шлет свой горячий привет дорогой, доблестной, самоотверженной армии.

Братья Офицеры и Солдаты!

Враг не дремлет и зорко следит за Вами и за нами. Падение старой власти встревожило его, ибо он понимает, что освобожденный народ с большей силой поведет войну к победоносному концу. Но у него осталась одна надежда – коварная надежда. Он надеется на расстройство фронта, на волнение среди Вас, он крепко надеется на несогласие между офицерами и солдатами. Братья офицеры и солдаты! Напрягите все Ваши силы и помогайте друг другу, старайтесь во что бы то ни стало сохранить мир между собой, сохранить порядок и дисциплину. Ибо если взволнованные вестью о свободе, вы хоть на мгновение расстроите свои ряды, враг может воспользоваться этим и нанесет Вам страшный удар. А ведь победа нам так необходима. Необходима теперь больше, чем прежде, необходима для того, чтобы сберечь эту долгожданную свободу, которая наконец, после тяжкой борьбы пришла к нам.

Братья, неужели мы отдадим немцам свободную Россию?

Да не будет этого. С Богом на врага.

Председатель Государственной Думы
М. Родзянко

Точного и ясного понимания настроения Действующей Армии и отношения ее к перевороту мы еще составить себе не могли за отсутствием сведений и быстротой развивавшихся событий, но самый факт, что все командующие фронтами, начиная с Великого Князя Николая Николаевича, посоветовали Императору Николаю II отречься от престола, служил достаточным показателем, что к перевороту, совершившемуся в Петрограде, относятся в Армии поло-

жительно, а то, что проект текста отречения был составлен в Ставке и послан Императору в Псков, ярко подтверждает эту мысль.

О том, как относилась Государственная Дума, ее Временный Комитет и Председатель, лучше всего можно судить по нижеследующим документам. 27 февраля мною были сказаны следующие слова 9-му запасному кавалерийскому полку в конце речи: «Приглашаю вас, братцы, помнить, что воинские части только тогда сильны, когда они в полном порядке и когда офицеры находятся при своих частях. Православные воины, послушайте моего совета. Я старый человек, я вас обманывать не стану, – слушайте офицеров, они вас дурному не научат и будут распоряжаться в полном согласии с Государственной Думой. Да здравствует Святая Русь!»

На Московском Государственном Совещании в августе 1917 года в обращении моем к Правительству были сказаны г-ну Керенскому такие слова: «Ваша вина – это дезорганизация Армии, которая не сумела противостоять неприятельскому натиску. Причина этой дезорганизации не в войсках. Я видел, как наша Армия без ружей отбивалась от вооруженного неприятеля лопатами и топорами, а теперь эти герои оказываются преисполненными страха. Неужели Правительство не имело силы, а если имело, то почему не употребило ее для того, чтобы остановить преступную агитацию, которая развратила нашего солдата и сделала его небоеспособным?»

В резолюции IV Государственной Думы на том же Московском Совещании в пункте 2-м говорится: «Для достижения указанных целей боеспособность Армии должна быть установлена в кратчайший срок путем полного устранения политики из Армии вплоть до избрания Учредительного Собрания. Необходимо восстановление дисциплинарной власти начальников, ограничение деятельности комитетов исключительно хозяйственными функциями, проведение прав солдата и гражданина, строгое соответствие его гражданских и военных обязанностей предоставление Верховному Главнокомандующему возможности осуществить во всем объеме права, предоставленные ему законом, необходимые для единого руководства делом Армии».

Если к этому прибавить, что Армия еще задолго до переворота носила в себе признаки разложения, о чем я говорил рань-

ше, то быстрота, с которою это разложение фактически совершилось, станет понятной.

Революция сразу смела все традиционные устои в Армии, не успев создать новые, и спустила вековое политическое знамя. Солдаты, видя это и не ощущая цели дальнейшей борьбы, просто потянулись домой в виду начавшихся смут в тылу и, конечно, под влиянием преступной пропаганды. Это самовольное обратное шествие по домам шло преступной и кровавой дорогой.

Все, что было возможно, для пресечения этих явлений Государственной Думой было сделано, но еще раз повторяю, что развитие революционного настроения среди пролетариата приняло такие формы, бороться с которыми уже не представлялось возможным, не имея поддержки в вооруженной силе, которая, выбитая из колеи, отказалась повиноваться Государственной Думе и Временному Правительству. Исторический ход событий остановить было невозможно.

Активная и упорная работа элементов враждебных Государственной Думе принесла свои обильные плоды, и значение Государственной Думы, не имеющей уже опоры ни в войсках, ни во Временном Правительстве, было сначала мало-по-малу поколеблено и в народных массах, а затем начало бледнеть и терять свое значение.

Народная мысль пошла за теми проповедниками, которые заведомо и неосновательно сулили ей рай земной, прекрасно понимая, однако, что выполнить этого они не могут.

Возбужденные умы и легковерные сердца приняли это обещание на веру и пошли за теми лживыми учителями, которые сулили им недобросовестно то, чего дать не могли. Государственная Дума делать таких обещаний не могла, не поступившись своим достоинством и авторитетом, и на путь дешевых посул не пошла.

Вот логические причины того обстоятельства, что в период наибольшего развития революционного движения, когда оно достигло зенита – высшей точки своего проявления, – Государственная Дума, как элемент законности и порядка, а не разрушения, должна была уступить место более активным и агрессивным элементам революции.

Я не буду более утомлять внимания читателей развитием и объяснением тех обстоятельств и событий, которые привели

наше Отечество к настоящему положению. Из изложенного ясно видно, что иного хода событий ожидать было нельзя. Однако, слава Богу, народный ум начинает просветляться.

Все лже-учителя потеряли, конечно, свой авторитет; идеи коммунизма, идеи, якобы, правильного распределения всех земных благ поровну между всеми – потерпели полное крушение.

Для всех стало очевидно, что вместо пресловутого лозунга, – равенство, братство и свобода, – стране преподносится жесточайший деспотизм, основанный на насилии, крови, убийствах и таком произволе, о котором не мечтало никогда и самодержавное Правительство, уступившее ему место.

Выводы

Какие же выводы надлежит сделать из всего сказанного?

Последовательное изложение мною наростания сначала оппозиционных, а потом революционных настроений приводит к первому бесспорному выводу: невозможно и неправильно приписывать краткосрочной работе одного лица или даже одной группе лиц всю вину за вспыхнувшую революцию и отечественную разруху. Последовательные ошибки в управлении Государством, в целом ряде десятилетий, вот причина возникновения революции в России. Правящие классы не отдавали, или не хотели отдавать себе отчета в том, что русский народ вырос из детской распашонки и требовал иного одеяния и иного к себе отношения.

Постепенное развитие образования, развитие русской науки и литературы, общение с более передовыми, культурными странами, увеличившееся сознание в необходимости уважения прав каждого гражданина, сознание в несомненном праве населения знать, что его ожидает завтра, и в праве участия в решении своей судьбы – все эти запросы народной совести встречали постоянный суровый отпор Государственной власти, явно не желавшей уступить своих позиций и привилегий. Упорная борьба на этой неблагодарной для Государственной власти почве вызвала тот исторический ход событий, предотвратить и задержать ответственные последствия которого и оказалось задачей непосильной слишком поздно призванному к деятельности народному представительству. Последнее, как элемент эволюции, но не

революции, не могло, конечно, устоять против долго сдерживаемого народного негодования. Недаром великий сердцевед и патриот Бисмарк в своих мемуарах говорит, что всякая революция сильна не столько своими эксцессами и отказом признавать существующую власть, сколько той долей правды, которая вложена в ее идею. И эта глубокая мысль встречает подтверждение и в нашей Русской революции, уже впоследствии развившейся в дикий разгул неудержимой пугачевщины. Ведь происшедший в феврале 1917 года переворот был встречен всей страной спокойно и с одобрением. Наша Армия – цвет населения – сильная и вооруженная, тоже не возражала против него и, очевидно, была за переворот. Неужели же не ясно, что от Армии зависело положить решительный предел всяким революционным начинаниям, как от силы реальной и непобедимой внутри страны.

Однако, этого не последовало, а, следовательно, Армия революцию признала и против нее не восстала.

Из этого обстоятельства вытекает и второй вывод. Политика Государственной власти после освободительного движения 1905 года была в корне неправильной.

Лозунг: сначала успокоение, а потом реформы, оказался нежизненным, так как народное волнение и беспокойство имело корнем своим потребность неотложных реформ, которые доказали бы, что курс Государственного корабля решительно изменен, и это обстоятельство, бесспорно, внесло бы и успокоение.

Из моей работы видно, как гибельно и пагубно отозвалось на целости Государства возникшее с первых же пор революционного движения двоевластие, основанное на недоверии, на классовой борьбе, двоевластие, возбуждающее и пробуждающее низменные, дурные инстинкты. Да будет это обстоятельство нам ярким примером того, как опасны для нашего собственного бытия раздоры там, где должно быть единство и всеобщее понимание.

Не будем забывать, как низко мы пали в сонме народов в силу разложения национальной Государственности, под влиянием содеянных нами ошибок за целый ряд лет и, преимущественно, за время смутного времени последних дней.

Россия в момент развязки мировой войны оказалась совершенно одна, оставленная своими союзниками и предоставленная, поэтому, самой себе. Мы сами, своими руками, разрушили

нашу красавицу Мать-Родину. Обуреваемые революционными страстями и вспыхнувшей взаимной ненавистью на почве классовых интересов и низменных побуждений, мы не сумели понять, что только в самой себе, черпая силы в родном народном творчестве, – возможно сохранение целости и нерушимости Отечества. Мы сами, увлекаемые ложными теориями, правда, приведенные в это состояние всей неурядицей прошлых десятилетий, – положили начало разложению Государства и растлили народную душу.

Преступная пропаганда интернационализма, – очевидно, беспочвенная – сделала, однако, свое дело. Потухли и принижены были национальные идеи, принижено было и уважение к самим себе.

Да, Россия одна, и она только сама в себе должна черпать силу для своего возрождения, и, я скажу, слава Богу. Пусть те страдания, которые выпали на нашу долю, сметут без остатка все лживые понятия об интернационализме, о ненадобности, даже вреде, национальной идеи, о вреде народной гордости и достоинства.

Да, Россия осталась одна в розыгрыше мировой эпопеи, который теперь совершается.

Единая, Великая, Неделимая, Мощная и самостоятельная Россия никому не нужна кроме нас, русских, и наших единственных братьев славян, с которыми нас связывает общность национальных интересов, хотя, быть может, не всеми славянскими народами вполне уясненная себе и понятая.

Сильная и могучая Россия даже опасна всем, кроме славянского мира.

И мы видим теперь, как прежние союзники в одинаковой степени как и былые и настоящие враги упорно не желают помочь России избавиться от ига большевизма и стать на твердые ноги. Но пусть убедяться все, что всемирного мира без самостоятельной сильной России быть не может.

И если революция, причинившая нам столько горя и страдания, пролившая потоки крови братской, измучившая всех и каждого, ценою этих страданий приведет нас к убеждению в необходимости спаять себя в одно целое, прочное ядро; если последствием всех кровавых событий террора окажется прочное возрождение всеми понятой и навсегда усвоенной национальной

идеи, уважения самих себя Русских людей, и убеждение в наличии огромных и неиссякаемых духовных и материальных богатств нашего родного Отечества войдет в плоть и кровь Русского народа, – если произойдет такая эволюция народной мысли и возродится неудержимое стремление нации создать исключительно своими руками из себя действительно мощный, культурный народ, руководимый исключительно велениями Русского сердца, Русского ума и Русских интересов, то я скажу, что революция сделала в народном самосознании огромное завоевание.

Нам не на кого рассчитывать. А между тем есть ли согласие между нами? Всюду партийность и взаимное непонимание. Партийность может окончательно погубить Россию.

Сейчас нам нужно быть ни правыми, ни левыми, ни социалистами, ни буржуями, ни монархистами, ни республиканцами – нам нужно быть прежде всего Русскими людьми, безмерно любящими Отечество свое и верующими в его силы, и, не смотря на все наше временное унижение, мы должны воспрянуть в духе уважения к себе, к своей национальной идее.

На нас, Русских людей, выпало тяжелое испытание обнаружить силу духа не только во внешней борьбе, но и во внутренней – с собственным бессилием и малодушием. Да сумеют русские граждане-патриоты выстоять до конца так же, как выстояли назад тому 300 лет Русские люди в ужасную и в то же время славную эпоху смутного времени иноземного нашествия, да найдут русские люди в себе эту доблесть!

Все пережитое нами, несомненно, есть болезнь, болезнь тяжкая, но болезнь к росту, – болезнь, после выздоровления от которой Русская Государственность должна расцвесть еще более мощной и страшной по силе своей для всех.

К прошлому возврата нет и быть не должно, но Россия должна воскреснуть на основаниях горячего и безграничного чувства патриотизма, чувства любви к своей родной земле, чувства сознания необходимости вновь воссоздать, и в лучшем устройстве, нашу великую Родину, памятуя, что в течение тысячи лет наши предки создавали ее путем горя, страдания и потоков крови, в цепях рабства и угнетения, в тяжких лишениях и бесправии.

И если последствия тяжких, грубых ошибок управления неправомерными взаимоотношениями граждан и иными им подобными причинами нас довели до национального унижения, до

оскорбления национальной гордости, – то пусть переживаемые нами страдания, горе и позор послужат источником очищения нас от этих пороков.

И пусть из этих страданий мы поймем, что только вокруг иных начал народной жизни может создаться мощное и сильное Государство.*

М.В. Родзянко

---

* Считаю долгом добавить к этому слова сказанные моим отцом незадолго до смерти: Россия возродится на Церкви.

Е.Ф. Родзянко

Елизавета Феодоровна Родзянко (1883-1985), невестка М.В., которая вела постоянные записи во время рассказов о происходящем М.В., по которым была составлена книга «Крушение Империи», со своим мужем М.М. Родзянко (1884-1956), старшим сыном М.В.

Добавление к книге «Крушение Империи» М.В. Родзянко
Е.Ф. Родзянко
1962-1963

Вопреки создавшемуся в некоторых кругах мнению, что Дума подготовляла, а Родзянко **сделал** революцию, она для Михаила Владимировича вспыхнула неожиданно. Это видно из последних слов его записок: «Дума продолжала заниматься текущими вопросами, а левые ее члены ничем себя не проявляли».

Еще 23-го февраля на улицах появились небольшие толпы народа. Волнение было о недостатке хлеба в лавках. Мужу моему и мне рассказывал Литвинов-Фалинский, крупный промышленник: «Я много имел дела с рабочими, – говорил он, – и легко улавливал настроение всякой толпы. Мне было ясно, что волнения улягутся скоро сами собой. В это время я встретил на улице Терещенко. Он в каком-то радостном возбуждении меня спросил: 'Ну, как вам нравятся народные волнения?' – 'Ничего особенного, – сказал я, – это скоро само потухнет'. – 'А если мы дадим приказ рабочим выходить на улицу?' – 'Тогда другое дело', – ответил я».

Как только Михаил Владимирович убедился, что власть бездействует и надо что-то предпринять, «мое первое побуждение было, – рассказывал он потом, – это сейчас же ехать к Государю, быть с ним и ему помочь, но меня физически не пустили, окружавшие меня толпой члены Думы и грозились задержать поезд, в котором я буду ехать. – 'Вы не можете оставить столицу, видите все стекаются в Думу. Кто же будет распоряжаться?'» Действительно все стихийно направлялось в Думу. Шли рабочие, шли солдаты, даже в строю со своими офицерами. Шли юнкера, шли и штатские люди, интеллигенция, даже и самые благонамеренные. Об этом мне говорила уже в 19 году в Анапе вдова генерала Дубасова, дом которого был против Таврического сада. «И как мы надеялись тогда, что Дума все спасет!»

Все приходившие в Думу требовали видеть и говорить с Председателем Думы. И он выходил, объяснял, успокаивал, а также выезжал на заводы, где были волнения.

В то же время Михаил Владимирович посылал в Ставку телеграмму за телеграммой, объясняя создавшееся положение и просил распоряжений, но никакого ответа из Ставки не поступало. Когда мы убежали из имения в город Новомосковск, у меня в руках была «дежурная книга», которую взял из Ставки офицер сводного полка Головкин. В ней все записывалось по часам, и в то время, что столица бунтовала, Государь, как обычно, в свое время завтракал, выезжал на прогулку, принимал в определенные часы доклады, как будто ничего не случилось. Я сравнила записи: как было в сентябре, так же точно размеренно текла жизнь в конце февраля. Головкин рассказывал, что в Ставке ходили слухи о каких-то телеграммах от Родзянко, но никто ничего толком не знал. «Генерал Алексеев шел с докладом к Государю и я заметил, – сказал Головкин, – что тотчас после него к Государю шел Воейков».

А тем временем, в Петрограде в кабинете Председателя Государственной Думы толпились ее члены. Они растерялись, но были охвачены каким-то необычайным возбуждением. Тот же Литвинов-Фалинский говорил нам (помню точно его слова): «Все были упоены нектаром революции, единственно, абсолютно трезвым оставался Михаил Владимирович». Жившая рядом с домом, где жил М.В., воспитательница наших детей В.В. Уссаковская говорила мне: «Все тогда были радостные, а М.В., когда выезжал из своего дома, поражал меня своим выражением лица. Он был в глубокой, грустной задумчивости, и сердце мое тогда тревожно сжималось». О настроении в провинции нам рассказывал И.А. Задонский уже в эмиграции: «Известие о революции вызвало всеобщий восторг, и я должен признаться честно, что я сам, встречаясь со знакомыми, поздравлял их, и мы обнимались и целовались». Вся интеллигенция в России как бы сошла с ума. Однако, народ вначале не принимал в этом восторге никакого участия, напротив, он как бы замер. Муж был тогда мировым судьей. Он был поражен, что в течение трех месяцев после революции к нему не поступало ни одного судебного дела. Не было краж, не было взаимных оскорблений. Эта картина резко изменилась, когда с фронта пришли домой вооруженные солдаты.

Возвращаюсь к тому, что происходило в Думе в эти первые дни переворота. Считаю нужным привести письмо Николая Эн-

гельгарта (он служил в канцелярии Думы). Письмо написано было вдове Михаила Владимировича после его смерти. Выражая сочувствие ее горю, он говорил в письме: «Как сейчас помню, члены Думы обступили М.В. в его большом Думском кабинете и убеждали его взять власть в свои руки. – Господа, как я могу сделать это, – ведь это прямой революционный акт! – Но члены Думы настаивали, обступили, убеждали... М.В. сидел, опустив голову, глубоко задумавшись... И как бесконечно жаль было его в эту минуту... Наконец он встал и, обращаясь к членам Думы, сказал: 'Хорошо, я согласен, но прошу вас поддержать меня и не покидать'. Члены Думы единодушно обещали свою поддержку. Но прошло некоторое время и, по одиночке, почти все они покинули столицу, и М.В. остался один. Приняв это решение, М.В. написал Государю свою, всем известную телеграмму, в которой говорил, что анархия охватила столицу, власти бездействуют, и он принужден взять власть в свои руки.

Между тем события разворачивались в Петрограде не днями и часами, но даже минутами. Образовался совет рабочих депутатов. Они явились в Думу и стали распоряжаться. Выходили к народу уже вместо Председателя Думы и, конечно, с самыми возбуждающими речами. Тщетно слались телеграммы в Ставку. Члены Думы возмущались бездействием Ставки и начали говорить о том, что Государь должен отказаться от престола в пользу сына, который будет царствовать при регентстве Великого Князя Михаила Александровича, очень популярного среди солдат, особенно после того, что он был в Дикой Дивизии на фронте.

Родзянко вызвал генерала Рузского по прямому проводу и имел с ним два разговора (см. III том *Архива Революции*, стр. 255).

Когда стало известно о разговоре М.В. с ген. Рузским, член Думы Гучков, не советуясь с М.В., решил ехать за отречением в Ставку и ушел из Думы. Для М.В. это было неожиданностью. Зная о личной неприязни Гучкова к Государю, он очень взволновался и просил Шульгина, правого члена Думы, поехать с ним. Михаил Владимирович говорил нам: «Я боялся какой-нибудь выходки со стороны Гучкова».

Между тем генерал Рузский, после разговоров по прямому проводу с Родзянко, получил от Государя его отречение в поль-

зу сына, которое он собирался передать телеграфно и затем переслать М.В., но узнав, что два члена Думы едут за отречением, он посчитал нужным задержать его опубликование и оставил отречение у себя.

М.В. говорил нам: «Это была роковая ошибка. При отречении в пользу сына еще что-нибудь можно было спасти: Le roi n'est plus – vive le roi. Преемственность власти не была бы нарушена. Войска можно было бы немедленно привести к присяге. Второе же отречение принятое Гучковым и Шульгиным 'и за сына', погубило все. К сожалению сенатора Трегубова не было в Ставке, он знал основные законы и не допустил бы отречения за себя и за сына. Когда М.В. узнал о содержании второго отречения, он был в ужасе. Приехав домой, он сказал своей жене: «Теперь все погибло», и был бледен как смерть.

Между тем Гучков, вернувшись в Петроград, не поехал прямо в Думу, а пошел в железно-дорожный батальон и там провозгласил ура императору Михаилу Александровичу. Его тотчас арестовали и только через четыре часа удалось его освободить и он с отречением явился в Думу.

Надо сказать, что Михаилу Владимировичу с большим трудом удалось уговорить представителей рабочих и солдатских депутатов на отречение Государя в пользу сына при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Они тогда еще не чувствовали своей силы и на это согласились, очевидно надеясь добиться власти при малолетнем Царе. Когда же они узнали, что отречение в пользу Вел. Князя Михаила Александровича, негодованию их не было предела и всюду в Думе раздавались возгласы: «Родзянко подвел, Родзянко нас обманул!»

А тем временем со всей России приезжали делегаты в Думу к Родзянко. Они приезжали всю весну и нам Михаил Владимирович писал: «Все ждут спасения от меня, а я уже выбит из седла и ничего сделать не могу».

М.В. Родзянко не искал власти для себя, он думал все время только о Родине, о спасении ее, сохранении фронта и о победе над врагом. О том, как развивались события после переворота, можно прочесть в труде Михаила Владимировича изданном в 1923 году «Государственная Дума и февральская 1917 года революция». Эта брошюра с добавлениями к брошюре 19 года была издана в Белграде и переплетена вместе с «Крушением Империи» в экземпляре сохранившемся в семье.

Мне хочется здесь оставить для потомства изложение тех попыток Михаила Владимировича для спасения Родины, которые не оставляли его до самой смерти.

Скоро после принятия власти, Временное Правительство поняло, что власть ускользает у них из рук, что война может быть проиграна, и тогда все бросились на фронт уговаривать солдат воевать. Больше всех уговаривал Керенский и стоустая молва называла его не главнокомандующим, а «главноуговаривающим». Умоляли и Михаила Владимировича поехать. Он это сделал, хотя сознавал, что так все остановить невозможно.

Не помню теперь когда летом, кажется, в июле, в Петроград прибыл Ленин со своими сторонниками. Их арестовали. Михаил Владимирович рассказывал нам, что он поехал к князю Львову, председателю Временного Правительства, и настойчиво убеждал его «ликвидировать» всех приехавших. «Я убеждал его, рисовал ему во что может вылиться дальнейшее, даже кричал, но князь Львов мне отвечал спокойно – 'Как это возможно! Наша революция великая бескровная'. – Мы видим теперь, – добавил Михаил Владимирович, – какая она бескровная».

Осенью Михаил Владимирович принял участие во Всероссийском Церковном Соборе, а после этого вернулся в Петроград и решил оттуда пробраться на юг к генералу Алексееву. Это ему удалось. Под видом больного старика с приклеенной бородой он пробрался на юг, принял участие в Ледяном Походе и в трудные минуты со всеми, кто был в обозе, ходил в атаку. Он был одним из первых свидетелей гибели генерала Корнилова. Под Екатеринодаром шла интенсивная бомбардировка наших позиций противником. Генерал Корнилов, человек безграничной храбрости, несмотря на советы многих не покидал хату, вокруг которой ложились снаряды. Он, склонясь над картой, изучал обстановку боя. Кто-то (я сейчас не помню) подошел к Михаилу Владимировичу и сказал: «Пойдите вы, скажите ему уйти, может быть вас он послушает». Михаил Владимирович направился к этой хате, но он не успел дойти. Разорвавшаяся бомба попала в хату и генерал Корнилов был убит.

Когда генерал Деникин встал во главе Добровольческой Армии, Михаил Владимирович настойчиво советовал ему издать обращение к народу, как бы манифест, что занятая помещичья земля и разграбленное имущество закрепляется за теми, кто

ими сейчас владеет. При продвижении Добровольческой Армии это могло иметь решающее значение. Но в тылу генерала Деникина было много помещиков, которые этому решению горячо воспротивились; и Добровольческая Армия, продвигаясь, отдавала крестьян во власть этих помещиков. Они требовали возврата своего имущества и говорят бывали случаи, что за старую телегу или оглоблю требовали новую. Конечно это не располагало население к Добровольческой Армии. Ее встречали с колокольным звоном, а провожали проклятиями. А большевики тем временем твердили крестьянам: «Все ваше, все народное». Генерал Деникин и его окружение не вняли совету Михаила Владимировича и, увидев, что они недальновидные политики, Михаил Владимирович решился на еще одну попытку спасти положение – призвать Великого Князя Николая Николаевича возглавить белое движение.

Популярность Великого Князя Николая Николаевича среди казаков была безгранична. В каждой хате во время Ледяного Похода можно было видеть его портрет. За ним, по мнению Михаила Владимировича, пошли бы не только казаки, но и весь русский народ в тылу у большевиков.

Великий Князь Николай Николаевич был в то время в Крыму во власти немцев. Надо было его оттуда вызволить. Случай скоро представился, и казалось все благоприятствовало задуманному. Михаил Владимирович встретил в Добровольческой армии некоего прапорщика Шмидта, который и лицом и ростом и сложением был поразительно похож на Великого Князя Николая Николаевича. Прапорщик Шмидт, смеясь, рассказывал, как один солдат подошел к нему, вытянулся во фронт и сказал: «Я вас узнал, ваше императорское высочество!» – Узнал, так и молчи – ответил ему Шмидт. У Михаила Владимировича зародилась мысль послать этого прапорщика к Великому Князю Николаю Николаевичу с пропуском туда и обратно. И чтобы с обратным пропуском приехал уже сам Великий Князь. Прапорщик Шмидт должен был испросить свидание с Великим Князем. Они должны были обменяться одеждой, прапорщик остаться и заменить Великого Князя. Конечно, он рисковал в лучшем случае арестом, а может быть и жизнью.

И прапорщик Шмидт на все согласился.

В Крыму проживала тогда в то время княгиня Зинаида Юсупова, двоюродная сестра жены Михаила Владимировича. Через нее предполагалось предупредить обо всем Великого Князя и убедить его согласиться стать во главе Добровольческой Армии. И Михаил Владимирович тотчас приступил к делу. Он снесся с нами (мы жили тогда в Новомосковске Екатеринославской губернии) и поручил мужу прислать к нему для важного поручения молодого офицера Миоковича, серба по происхождению, сына управляющего имением Екатерины Михайловны Родзянко, двоюродной сестры Михаила Владимировича. Муж снабдил его деньгами и необходимыми документами. Миокович благополучно приехал к Михаилу Владимировичу, был послан в Крым и передал княгине Юсуповой письмо. В нем Михаил Владимирович объяснял все княгине и просил ее взять на себя труд переговорить с Великим Князем Николаем Николаевичем и постараться убедить его для спасения Родины встать во главе Добровольческой Армии. Миокович привез и ответ от княгини. Она была у Великого Князя, говорила с ним и сообщала, что Великий Князь на все согласен, но при одном условии: чтобы генералы пожелали его призвать и ему подчиниться.

Оставалось, казалось бы, самое легкое, получить согласие генералов. К отчаянию Михаила Владимировича генералы ответили: «Нет, он нам только помешает, мы справимся и без него» . . . – Таким образом все провалилось.

Многоразличны отзывы современников о Михаиле Владимировиче. Одни упрекают Родзянко в недостатке авантюризма. Другие, что он искал власти для себя. И те, и другие глубоко ошибаются. Он был горячо любящий Государя, верноподданый своего Царя. Он любил Россию и готов был положить жизнь за нее. Будучи председателем Думы, и сознавая сколько у него недоброжелателей среди советников Государя, он говорил нам: «Будьте готовы, меня могут сослать в Сибирь». И все же он продолжал делать то, что подсказывала ему совесть. Его родной брат Павел Владимирович говорил: «Все погубило институтское воспитание». Мало кто знает, что Михаил Владимирович рано лишился матери и его воспитывала его бабушка начальница Екатерининского института в Петербурге. Скончалась она, когда ему было 18 лет и, умирая, она сказала: «Помни

Миша, есть один путь в жизни, – путь чести». И честным Михаил Владимирович был всегда. Приводя в порядок записи, он ничего не скрыл, ничего не смягчил из того, что было записано, и кто прочитает его «Крушение Империи», может быть уверен, что все изложено там стенографически верно. О «пути чести» завещанном бабушкой, он не забыл до конца своей жизни, и может быть потому люди, близко с ним соприкасавшиеся, так его уважали, ценили и горячо любили.

Один из моих родственников сказал мне: «Михаил Владимирович был как древняя Кассандра, которой дано было все предвидеть, обо всем пророчествовать, но которой никто не хотел верить». И таков действительно и был жизненный путь Михаила Владимировича.

Когда теперь, спустя много лет, оглядываешься на прошлое и мысленным взором охватываешь последние годы царствования императора Николая II, невольно приходишь к заключению, что русская революция была попущением Божиим, а может быть, и была в Плане Высшего Промысла Божия. Быть может, все произошло, чтобы пробудить духовные силы в России, да и не только в России, но и во всем человечестве.

Поистине трагична судьба Михаила Владимировича Родзянко.

Как видно из его записок, всю силу своего недюжинного ума и огромной силы воли, он положил на предотвращение революции, которую предвидел с 1911 года, о которой предупреждал Государя еще тогда в своем докладе. Волею Божией он оказался во главе Думы, когда она вспыхнула. Не раз он говорил нам, что надеялся спасти Государя, прося его отречься в пользу сына. Войска сразу можно было бы привести к присяге. Была бы непосредственная преемственность власти. «Le Roi n'est plus, vive le Roi». Независящие от Родзянко обстоятельства все спутали, и он тяжело остаток дней своих переживал это. Да простит ему Господь его невольные прегрешения.

Елизавета Родзянко
1962 год.

Добавление №1

Четвертый созыв **Засед. I**

Стенографический отчет

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Сессия V

Заседание первое.

Вторник, 1 ноября 1916 г.

Заседание открывается в 2 ч. 26 м. пополудни под председательством М.В. Родзянко.

Председатель: Объявляю заседание Государственной Думы открытым. Во время перерыва наших занятий скончались: (идет перечень лиц), не угодно ли будет Государственной Думе почтить память их вставанием. (Все встают). Панихида будет отслужена завтра в 1 час дня.

Поступило заявление от Члена Государственной Думы Сувчинского об отказе его от звания Члена Государственной Думы в виду избрания его Членом Государственного Совета. Затем поступило заявление от Члена Государственной Думы Протопопова об отказе его от звания Товарища Председателя Государственной Думы. (Голос слева: пусть уйдет из Думы совсем; довольно. Звонок Председателя). Прошу не шуметь.

Гг. Члены Государственной Думы. Мы собираемся здесь в пятый раз с начала мировой борьбы. Минуло 27 месяцев войны. Она все ширится, захватывая новые территории и вовлекая новые народы. Потребности войны растут и множатся и властно подчиняют себе все повседневные заботы, повелительно требуя все новых неизбежных жертв. Тяжелым гнетом налегла на нашу родину эта кошмарная война, вселяя в колеблющиеся умы сомнения и тревоги при виде усложняющихся изо дня в день условий народной жизни. Война затягивается. Военные действия делаются все более и более упорными и жестокими, а потому потребуют от нас еще большего напряжения и усилия. Наш враг подбит, но силы его еще не исчерпаны и не сломлены. Он

защищается с упорством отчаяния, предчувствуя, что будет поражен. Вот при каких условиях мы приступаем снова к нашим занятиям после большого, скажу слишком длительного, их перерыва. (Рукоплескания; голоса слева: браво; верно). И первейшей обязанностью Государственной Думы должна быть спокойная и тщательная оценка положения и немедленное устранение того (голос слева: не того, а кого), чего быть не должно и что мешает стране достигнуть единой намеченной цели. (Голоса слева: верно). Гг. Члены Государственной Думы, война должна быть выиграна (голоса: верно), чего бы это стране ни стоило, во что бы то ни стало. (Бурные и продолжительные рукоплескания правой, центра и левой). (Голоса: верно; браво). С Божьей помощью Россия этого добьется. (Бурные и продолжительные рукоплескания правой, центра и левой; голоса: браво; верно). Война уже вызвала к жизни невольно бездействовавшие силы страны и силы эти показали свою мощь, – они неисчерпаемы. Когда в минувшем году раздался призыв Царя, воспрянула Россия и, дружно приступив к усиленной, упорной работе, снабдила всем необходимым свою доблестную армию. (Рукоплескания справа, в центре и слева). В работе, не покладая рук, нашли мы выход из беды и удивили мир своим единодушием и силой сопротивления насевшим полчищам врага. Теперь настал черед еще сильнее напрячь всю волю и все силы и, не взирая на связанные с войной тяготы, еще усерднее работать для победы и помнить твердо лишь одно: мы победить должны во что бы то ни стало. (Бурные рукоплескания правой, центра и левой). Какие же пути ведут нас к этой цели? Мы знаем их: спокойствие внутри страны, вера в свои силы, твердость духа в испытаниях и твердо сказанная правда здесь, в этих стенах. (Бурные рукоплескания правой, центра и левой). Правительство должно узнать от вас, что нужно для страны. (Голос слева: уйти ему). В часы борьбы и напряжения народных сил нельзя гасить народный дух ненужными стеснениями. (Рукоплескания в центре и слева). Правительство не может итти путем, отдельным от народа (голоса: верно), но, сильное доверием страны, оно должно, возглавив общественные силы, итти не врозь, а вместе с ним, в согласии с народными стремлениями, стезею победы над врагом. Вне этого пути итти нельзя (голоса слева: правильно), и уклонение от него лишь может задержать успех и отдалить победу. (Голо-

са слева: долой их, пусть уйдет правительство). Внутри себя страна не будет смутой помогать врагу, отказом от труда на пользу родине, не будет ослаблять и колебать всю силу народной воли. (Голоса: правильно). И с полной верой в силы родины могучие, как рок, мы скажем вновь: Святая Русь, никто тебя не сломит, ты устоишь пред бурею, как грозная скала. (Рукоплескания в центре и слева). Гг. Члены Государственной Думы, сегодня при возобновлении наших занятий я не могу обойти молчанием отрадный факт, что дружная семья народов, воюющих вместе с нами во имя высоких принципов правды и справедливости, увеличилась еще одним сочленом, разделяющим эти принципы и примкнувшим к числу борющихся за них. Этому союзнику, доблестному румынскому народу я предлагаю послать наш сердечный привет и искренние пожелания успехов и неувядаемой боевой славы. (Голоса: просим). Я предлагаю приветствовать присутствующего здесь ее представителя – Румынского посланника. (Члены Государственной Думы стоя приветствуют бурными рукоплесканиями находящегося в ложе дипломатического корпуса Румынского посланника Константина Диаманди). Наш сердечный привет к нашим старым испытанным союзникам. (Члены Государственной Думы стоя приветствуют находящихся в ложе дипломатического корпуса представителей союзных держав. Аджемс: да здравствует Англия, ура. Члены Государственной Думы стоя приветствуют находящегося в ложе дипломатического корпуса Великобританского посла сэра Бьюкенена). Поздравим их с достигнутыми ими блестящими успехами за минувшую летнюю кампанию и выразим здесь наше восхищение стойкости и доблести их войск. В тесном единении с нашими союзниками, гг., мы ведем кровавую распрю. И здесь уместно еще раз припомнить, как много сделали они для общего дела и как прочно, дружно и согласно мы стремимся к общей цели – к победе. Здесь надо вспомнить, что нет разногласий между нами: напротив – наша дружба все крепнет и развивается, и нестерпимы нашему врагу такое дружное согласие и такая сила, которую преодолеть нельзя, которая растет и ширится. Нет ухищрений, которых враг не пускал бы в ход с коварной целью сначала расшатать, а вслед затем и опрокинуть окрепший прочно наш союз. (Голоса: верно). Напрасно, однако же, его усилия, – ничто не может поколебать нашу твердую веру в наших друзей, и не создаст ни подозрений, ни сомнений. (Голоса: верно, пра-

вильно; рукоплескания справа, в центре и слева). Мы крепко связаны между собой пролитой кровью и жертвами, уже понесенными. Напрасны вражеские козни. Россия дала свое слово на общую борьбу с союзными народами до полной и окончательной победы. (Голоса: правильно). Россия не предаст своих друзей (рукоплескания центра, левой и справа; голоса: верно) и с презрением отвергнет всякую мысль о сепаратном мире. (Рукоплескания центра, левой и справа; голоса: браво). Россия не изменит тем, кто бок-о-бок с ее сынами доблестно сражается за великое и правое дело. (Рукоплескания центра, левой и справа; голоса: браво). Прошло уже 27 месяцев войны, и неизменно стойко и бесстрашно, от генерала до солдата, борются с врагом, не щадя сил и жизни, наши сыны и братья, наша славная, неутомимая армия. (Рукоплескания правой, центра и левой; голоса: браво). Отважно и неустанно рассекая морские волны, бдительно охраняет наши берега наш доблестный и бравый флот. (Рукоплескания правой, центра и левой). Они наша слава, они – наша надежда, и с ними наше благословение. И отрадно русскому сердцу слышать то, как думают о них наши соратники. Во мне еще звучат слова, сказанные в Петрограде недавно представителем союзной доблестной английской армии. Он говорил: «я видел русского солдата в тылу и на боевых позициях, во время отдыха и под огнем, и всегда чувствовал, что только кроткий, задушевный славянский народ мог создать таких благородных и добродушных героев. В тяжелую пору, которая, слава Богу, прошла навсегда, когда у русской армии не хватало оружия, русскому солдату иногда приходилось грудью итти против колоссальных немецких пушек, не имея возможности защищаться. В мире еще не было видно такой сверхестественной храбрости». Вот, что сказал о нашей армии наш верный союзник, и в этих простых теплых словах мы узнаем тебя, наш храбрый серый воин, мы узнаем тебя, в душевной простоте не ожидающего ни выгод, ни наград, идущего бесстрашно в смертный бой за веру, Царя и отечество. С вами, неустрашимые борцы, наша любовь и уважение и наши молитвы. Стойте крепко за родину, бейте врага нещадно, – мы знаем хорошо, что вы не посрамите русской земли. Гг., я предлагаю Государственной Думе послать привет доблестным армии и флоту в лице их Верховного Вождя – Государя Императора. (Рукоплескания правой, центра и левой; голоса: просим).

Добавление №2

РЕЧЬ ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ МИЛЮКОВА

1-го Ноября 1916 г.

Председательствующий (Варун-Секрет): Член Государственной Думы Милюков.

Милюков (г. Петроград): Гг. Члены Государственной Думы. С тяжелым чувством я вхожу сегодня на эту трибуну. Вы помните те обстоятельства, при которых Дума собиралась больше года тому назад 19 июля 1915 г. Дума была под впечатлением наших военных неудач; она нашла причины этих неудач в недостатке военных припасов и указала причины недостатка в поведении Военного Министра Сухомлинова. Вы помните, что страна в тот момент, под впечатлением грозной опасности, ставшей для всех очевидной, требовала объединения народных сил и создания министерства из лиц, к которым страна могла относиться с доверием. И вы помните, что тогда с этой кафедры даже Министр Горемыкин признал, что «ход войны требует огромного, чрезвычайного подъема духа и сил». Вы помните, что власть пошла тогда на уступки. Ненавистные обществу министры были тогда удалены до созыва Думы. Был удален Сухомлинов, которого страна считала изменником (голоса слева: он и есть), и в ответ на требование народных представителей, в заседании 28 июля, Поливанов объявил нам, при общих рукоплесканиях, как вы помните, что создана следственная комиссия и положено начало отдачи под суд бывшего военного министра. И, гг., общественный подъем тогда не прошел даром. Наша армия получила то, что ей было нужно, и во второй год войны страна перешла с тем же подъемом, как и в первый. Какая, гг., разница теперь на 27-м месяце войны! Разница, которую особенно замечаю я, проведший несколько месяцев этого времени за границей. Мы теперь перед новыми трудностями, и трудности эти не менее сложны и серьезны, не менее глубоки, чем те, перед которыми стояли мы весной прошлого года. Правительству понадобились героические средства для того, чтобы бороться с общим расстройством народного хозяйства.

Мы сами те же, что прежде; мы те же на 27-м месяце войны, какими были на десятом и какими были на первом. Мы по -прежнему стремимся к полной победе, по-прежнему готовы нести необходимые жертвы и по-прежнему хотим поддерживать национальное единение. Но я скажу открыто: есть разница в положении. Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе (голоса: верно), ибо по отношению к этой власти ни попытки исправления, ни попытки улучшения, которые мы тут предпринимали, не оказались удачными. Все союзные государства призвали в ряды власти самых лучших людей из всех партий. Они собрали кругом глав своих правительств всё то доверие, все те элементы организации, которые были налицо в их странах, более организованных, чем наша. Что сделало наше правительство? Наша декларация это сказала. С тех пор, как выявилось в четвертой Государственной Думе то большинство, которого ей раньше не доставало, большинство, готовое дать доверие Кабинету, достойному этого доверия, с этих самых пор все почти члены Кабинета, которые сколько-нибудь могли рассчитывать на доверие, все они, один за другим систематически должны были покинуть Кабинет. И если прежде мы говорили, что у нашей власти нет ни знаний, ни талантов, необходимых для настоящей минуты, то, гг., теперь эта власть опустилась ниже того уровня, на каком она стояла в нормальное время нашей русской жизни. (Голоса слева: верно, правильно). И пропасть между нами и ею расширилась и стала непереходимой. (Голоса слева: верно). Гг., тогда, год тому назад, был отдан под следствие Сухомлинов. Теперь он освобожден (Голоса слева: позор). Тогда ненавистные министры были удалены до открытия сессии. Теперь число их увеличилось новым членом. (Слева голоса: верно; справа голос: Протопопов?) Не обращаясь к уму и знаниям власти, мы обращались тогда к ее патриотизму и к ее добросовестности. Можем мы сделать это теперь? (Голоса слева: конечно, нет).

Во французской Желтой книге был опубликован германский документ, в котором преподавались правила, как дезорганизовать неприятельскую страну, как создать в ней брожение и беспорядки. Гг., если наше правительство хотело намеренно поставить перед собою эту самую задачу или, если бы германцы захотели употребить на это свои средства: средства влияния или

средства подкупа, то ничего лучшего они не могли бы сделать, как поступать так, как поступало русское правительство. (Слева голоса: правильно; Родичев: к сожалению это так). И вы, гг., имеете теперь последствия. Еще 13 июня 1916 г. с этой кафедры я предупреждал, «что ядовитое семя подозрения уже дает обильные плоды», что «из края в край земли русской расползаются темные слухи о предательстве и измене». Я цитирую свои тогдашние слова, – что, «слухи эти забираются высоко и никого не щадят». Увы, гг., это предупреждение, как и все другие, не было принято во внимание. В результате, в заявлении 28 председателей губернских управ, собравшихся в Москве 29 октября этого года, вы имеете следующее указание: «Мучительное, страшное подозрение, зловещие слухи о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии и стремящихся путем разрушения народного единства и сеяния розни подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел. Естественно, что на этой почве возникают слухи о признании в правительственных кругах бесцельности дальнейшей борьбы, своевременности окончания войны и необходимости заключения сепаратного мира».

Гг., я не хотел бы итти навстречу излишней, быть может, болезненной подозрительности, с которой реагирует на все происходящее взволнованное чувство русского патриота. Но как вы будете опровергать возможность подобных подозрений, когда кучка тёмных личностей руководит, в личных и низменных интересах, важнейшими государственными делами. (Слева рукоплескания и голоса: верно). У меня в руках номер «Берлинер Тагеблат» от 16 сентября 1916 г., и в нем статья под заглавием: «Мануйлов, Распутин, Штюрмер». Сведения этой статьи отчасти запоздали; отчасти эти сведения неверны. Так, немецкий автор имеет наивность думать, что Штюрмер арестовал Манасевича -Мануйлова, своего личного секретаря. Гг., вы знаете, что это не так, и что люди, арестовавшие Манасевича-Мануйлова и не спросившие Штюрмера, были за это удалены из Кабинета. Нет, гг., Манасевич-Мануйлов слишком много знает, чтобы его можно было арестовать; Штюрмер не арестовал Манасевича-Мануйлова, Штюрмер освободил Манасевича-Мануйлова. (Слева рукоплескания и голоса: верно; Родичев: к несчастью, правда). Вы

можете спросить, кто такой Манасевич-Мануйлов, почему он нам интересен? Я вам скажу, гг., Манасевич-Мануйлов это бывший чиновник русской тайной полиции в Париже, известная «Маска» «Нового Времени», сообщающий этой газете пикантные подробности из жизни революционного подполья. Но он, – что для нас интереснее, – есть также исполнитель особых – секретных – поручений. Из этих поручений одно может вас заинтересовать сейчас. Несколько лет тому назад Манасевич -Мануйлов попробовал было исполнить поручение германского посла Пурталеса, назначившего крупную сумму, говорят около 800.000 р., на подкуп «Нового Времени». Я очень рад сказать, что сотрудник «Нового Времени» вышвырнул г. Манасевича -Мануйлова из своей квартиры, и Пурталесу стоило не мало труда затушевать эту неприятную историю. Но вот, гг., на какого рода поручения употребляли не так давно личного секретаря Министра Иностранных Дел Штюрмера. (Слева продолжительный шум и голоса: позор).

Председательствующий: Прошу гг. Членов Государственной Думы соблюдать спокойствие.

Милюков: Мануйлов, Распутин, Штюрмер, – в статье называются еще два имени: кн. Андронников и митрополит Питирим, как участники назначения Штюрмера вместе с Распутиным (шум слева), позвольте мне остановиться на этом назначении несколько подробнее – я разумею на назначении Штюрмера Министром Иностранных Дел. Я пережил это назначение за границей, оно у меня сплетается с впечатлениями моей заграничной поездки. Я просто вам расскажу по порядку то, что я узнавал по дороге туда и обратно, а выводы вы уж сделаете сами. Итак, едва я переехал границу, несколько дней после отставки Сазонова, как сперва шведские, потом германские и австрийские газеты принесли ряд известий о том, как встретила Германия назначение Штюрмера. Вот, что говорили газеты: я прочту выдержки без комментарий: «Berliner Tageblatt» – «Личность Сазонова давала союзникам гарантию прочности иностранной политики последних пяти лет. Штюрмер во внешней политике есть белый лист бумаги. Несомненно, он принадлежит к кругам, которые смотрят на войну с Германией без особого воодушевления».

«Kölnische Zeitung» – «Мы, немцы, не имеем никакого основания жалеть об этой новейшей перемене в русском правительстве, Штюрмер не будет препятствовать возникающему в России желанию мира». «Neues Wiener Tageblatt» – «Хотя слово теперь не за дипломатами, но все же это облегчение, когда уходит человек, на котором тяготеет вина за начало войны». «Reichspost» – «Штюрмер во всяком случае будет свободнее в своих отношениях к 'Downing Street'». *«Дер Бунд» – Это германофильский орган, издающийся в Берне; он ставит в связь назначение Штюрмера с сообщениями русских газет, что в середине июля в Ставке было заседание, на котором обсуждалась возможность заключения мира.**

Особенно интересна была передовая статья в Neue Freie Presse от 25 июля. Вот, что говорится в этой статье: «Как бы ни обрусел старик Штюрмер (смех), все же довольно странно, что иностранной политикой в войне, которая вышла из панславистских идей, будет руководить немец. (Смех). Министр президент Штюрмер свободен от заблуждений, приведших к войне. Он не обещал» – гг., заметьте – «он не обещал, что без Константинополя и проливов он никогда не заключит мира. В лице Штюрмера приобретено оружие, которое можно употреблять по желанию. Благодаря политике ослабления Думы Штюрмер стал человеком, который удовлетворяет тайные желания правых, вовсе не желающих союза с Англией, он не будет утверждать, как Сазонов, что нужно обезвредить прусскую военную касту».

Откуда же берут германские и австрийские газеты эту уверенность, что Штюрмер, исполняя желание правых, будет действовать против Англии и против продолжения войны? Из сведений русской печати. В московских газетах была напечатана в те же дни записка крайних правых, – опять, гг., записка крайних правых, всякий раз записка крайних правых (Замысловский: и всякий раз это оказывается ложью) доставленная в Ставку в июле перед второй поездкой Штюрмера. В этой записке заявляется, что хотя и нужно бороться до окончательной победы, но

---

*Курсивом печатается то, что Председателем Думы было изъято из стенографического отчета.

нужно кончить войну своевременно, а иначе плоды победы будут потеряны вследствие революции (Замысловский: подписи, подписи), эта старая для наших германофилов тема, но она развивается в ряде новых нападок. (Замысловский: подписи, пускай скажут подписи).

Председательствующий: Член Государственной Думы Замысловский, прошу вас не говорить с места.

Милюков: Я цитирую московские газеты. (Замысловский: клеветник, скажите подписи, не клевещите).

Председательвующий: Член Государственной Думы Замысловский, покорнейше прошу вас не говорить с места. (Замысловский: дайте подписи, клеветник). Член Государственной Думы Замысловский, призываю вас к порядку. (Вишневский 1: мы требуем подписи, пусть не клевещет). Член Государственной Думы Вишневскмй 1, призываю вас к порядку.

Милюков: Я сказал вам свой источник – это московские газеты, из которых есть перепечатки в иностранных газетах. Я передаю те впечатления, которые за границей определили мнение печати о назначении Штюрмера. Я и говорю, что мнение иностранного общества, вызванное перепечаткой известия, бывшего в Московских газетах, такое, что в Ставку доставлена записка крайних правых, которые стоят на той точке зрения, что нужно поскорее кончить войну, иначе будет плохо, потому что будет революция. (Замысловский: клеветник, вот вы кто; Марков 2: он только сообщил заведомую неправду; голос слева: допустимо ли это выражение с мест, г. Преседательствующий?).

Председательствующий: Я повторяю, Член Государственной Думы Замысловский, что призываю вас к порядку.

Милюков: Я не чувствителен к выражениям г. Замысловского. (Голоса слева: браво). Повторяю, что старая тема развивается на этот раз с новыми подробностями. Кто делает революцию? вот кто. Оказывается, ее делают городской и земский союзы, военно-промышленный комитет, съезды либеральных организаций. Это самые несомненные проявления грядущей революции. «Левые партии, утверждает записка, хотят продолжать войну, чтобы в промежутке организоваться и подготовить революцию». Гг., вы знаете, что кроме приведенной записки существует целый ряд отдельных записок, которые развивают ту

же мысль, есть обвинительный акт против городской и земской организаций, есть и другие обвинительные акты, которые всем известны. Так вот, гг., та idée fixe – революция, грядущая со стороны левых, – та idée fixe, помешательство на которой, обязательно для вновь поступающего всякого члена Кабинета. (Голоса слева: правильно). И этой idée fixe приносится в жертву все: и высокий национальный порыв на помощь войне, и зачатки русской свободы, и даже прочность отношений к союзникам.

В этом последнем обстоятельстве я особенно убедился, продолжая свое путешествие и доехав до Лондона и Парижа. Тут я застал свежее впечатление отставки Сазонова. Должен вам засвидетельствовать, что это было впечатление какого-то полного вандальского погрома. Гг., вы только подумайте. С 1907 г. закладывались основы теперешней международной конъюнктуры. Постепенно, медленно, как это всегда бывает, устранялись старые подозрения, старые предрассудки, приобреталось взаимное доверие, создавалась уверенность в прочности сложившихся отношений в будущем. И только, гг., на почве этой уверенности в прочности отношений, – в том, что они продолжатся и после войны, только на этой почве и могла укрепиться готовность поступиться старыми взглядами в пользу национальных русских интересов. Только на почве сложившейся полной уверенности друг в друге могло быть подписано то соглашение о Константинополе и проливах. И вот союзники обнаружили удивительную настойчивость в борьбе и готовность приносить жертвы. Они обманули в этом отношении все ожидания наших врагов и превысили наши собственные. Вот-вот, казалось, Россия пожнет плоды своих трудов и плоды работы двух министров иностранных дел за этот период времени, когда сложилась необычайная, редкая, единственная, может быть, в истории политическая конъюнктура, начало которой ознаменовано деятельностью короля Эдуарда VII. И вот, гг., как раз в этот момент на месте опытных руководителей, пользующихся личным доверием, – что ведь тоже есть капитал, и притом капитал, который трудно приобрести, – является «белый лист бумаги», неизвестный человек, незнакомый с азбукой дипломатии (голоса слева: правильно) и готовый служить всяким подозрительным влияниям со стороны. Гг., вы поймите последствия этой перемены. Когда министерст-

вом управлял Сазонов, в Англии и Франции знали, что то, что говорят наши послы, это говорит русское правительство. А какая же могла быть вера тем же послам, когда за ними становился Штюрмер? Конечно, гг., налаженные десятилетиями отношения в одну минуту не разрушаются капризами отдельного лица, и в этом отношении права была печать союзная и наша, когда говорила, что с переменой лица не переменилась русская политика. Но ведь в деликатном деле дипломатии есть оттенки. Есть кружевная работа и есть топорное шитье. И кружевная работа только возможна при особенной обстановке, при особенно благоприятных условиях. Гг., я видел разрушение этих тончайших деликатнейших фибр междусоюзной ткани. Я видел это разрушение, на моих глазах оно шло в Лондоне и в Париже. Вот что сделал г. Штюрмер, и может быть не даром он не обещал нам приобретение Константинополя и проливов. Я спрашивал себя тогда: по какому же рецепту это делается?

Я проехал дальше, в Швейцарию, отдохнуть, а не заниматься политикой; но и тут за мной тянулись те же темные тени. На берегах Женевского озера, в Берне, я не мог уйти от прежнего ведомства г. Штюрмера, от Министерства Внутренних Дел и от департамента полиции. Конечно, Швейцария есть место, где скрещиваются всевозможные пропаганды, где особенно удобно можно следить за махинациями наших врагов, и понятно, что тут в особенности должна быть развита система «особых поручений». Но среди них есть поручения особого рода, которые вызывают к себе наше особое внимание. Ко мне приходили и говорили: спросите, пожалуйста, там, в Петрограде, чем здесь занимается известный Ратаев? Спросите, зачем сюда приехал какой-то неизвестный мне чиновник Лебедев? Спросите, почему эти чиновники департамента полиции оказываются постоянными посетителями салонов русских дам, известных своим германофильством. Гг., оказывается, что г-жа Васильчикова имеет преемниц и продолжательниц. Я не буду называть вам имени той дамы, перешедшей от симпатии к австрийскому князю к симпатии к германскому барону, салон, который на Виа-Курва во Флоренции, а потом в Монтрё в Швейцарии, был известен открытым германофильством хозяйки. Теперь эта дама, приблизительно в это самое время, переселилась из Монтрё сюда, в

Петроград. Газеты в высокоторжественных случаях упоминают её имя. Проездом через Париж обратно я застал еще свежие следы ее пребывания. Парижане были скандализированы германскими симпатиями этой дамы, и я должен с сокрушением прибавить, – ее отношениями к русскому посольству, – в которых, впрочем, наш посол не виноват. Кстати сказать, это та самая дама, которая начала делать дипломатическую карьеру г. Штюрмера, попытавшись несколько лет тому назад походатайствовать, чтобы ему дали место посла в одном из второстепенных государств Европы. Я должен сказать, что тогда эти предложения были найдены смешными, и просьба успеха не имела. (Смех). Что я хочу сказать этими указаниями? Гг., я не утверждаю, что я непременно напал на один из каналов общения. Но это – одно из звеньев той однородной ткани Несса, которая очень плотно облегает известные общественные круги. Чтобы открыть пути и способы той пропаганды, о которой недавно еще откровенно нам говорил сэр Джордж Бьюкэнен, нужно судебное следствие, вроде того, которое было произведено над Сухомлиновым. Когда мы обвиняли Сухомлинова, мы ведь тоже не имели тех данных, которые это следствие открыло. Мы имели то, что имеем теперь – инстинктивный голос всей страны и ее субъективную уверенность. (Рукоплескания). Гг., я может быть не решился бы говорить о каждом отдельном из моих впечатлений, если бы не было совокупности, и в особенности, если бы не было того подтверждения, которое я получил, переехав из Парижа в Лондон. В Лондоне я наткнулся на прямое заявление, мне сделанное, что с некоторых пор наши враги узнают наши сокровеннейшие секреты и что этого не было во время Сазонова. (Возгласы слева: ага). Если в Швейцарии и Париже я задавал себе вопрос: нет ли за спиной нашей официальной дипломатии какой-нибудь другой, то здесь уже приходилось спрашивать о иного рода вещах. Прошу извинения, что, сообщая о столь важном факте, я не могу назвать его источника. Но, если это мое сообщение верно, то г. Штюрмер, быть может, найдет следы его в своих архивах. (Родичев: он уничтожит их). Я миную Стокгольмскую историю, как известно, предшествовавшую назначению теперешнего Министра Внутренних Дел и произведшую тяжелое впечатление на наших союзников. Я могу гово-

рить об этом впечатлении, как свидетель. Я хотел бы думать, что тут было только проявление того качества, которое хорошо известно старым знакомым Александра Дмитриевича Протопопова – неумение считаться с последствиями своих собственных поступков. (Слева голос: ваш лидер). По счастью в Стокгольме он был уже не представителем депутации, так как депутации в то время не существовало: она частями возвращалась в Россию. То, что Александр Дмитриевич Протопопов сделал в Стокгольме, было сделано в наше отстуствие. (Марков 2: вы делали то же самое в Италии). Но все же, гг., не питая никакого личного подозрения, я не могу сказать, какую именно роль эта история сыграла в той уже известной нам прихожей, через которую, вслед за другими, прошел и Александр Дмитриевич Протопопов, на пути к министерскому креслу. (Слева шум и голоса: великолепно, это Распутин). Там, вероятно, эти вещи любят. (Голоса справа: какая прихожая?). Я вам назвал этих людей: Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер. Это та «придворная партия», победой которой, по словам «Neue Freie Presse», было назначение Штюрмера. *«Дер Зиг дер Гофпартей, ди зих ум ди юнге Царин группирт).»**

Во всяком случае, я имею некоторые основания думать, что предложения, сделанные германским советником Варбургом Александру Дмитриевичу Протопопову, были повторены более прямым путем и из более высокого источника. Вот почему я нисколько не был удивлен, когда из уст британского посла я выслушал тяжеловесное обвинение против того круга лиц в желании подготовить путь к сепаратному миру. Может быть я слишком долго останавливался на г. Штюрмере? (Голоса: нет, нет). Но, гг., ведь на нем преимущественно сосредоточились те чувства и настроения, о которых я говорил раньше. Я думаю, что эти чувства и настроения не позволили ему занимать это кресло: он слышал те возгласы, которыми вы встретили его приход. Будем надеяться вместе, что он больше сюда не вернется. (Слева рукоплескания, шум и голоса: браво). Да, гг., большая разница между той нашей встречей, которая происходила

---

*Курсивом печатается то, что Председателем Думы было изъято из стенографического отчета.

при Горемыкине – 15 июля 1915 г. и даже в феврале 1916 г. – и той встречей, которая происходит теперь. Не похожи эти встречи, как не похоже и общее положение страны. Тогда мы могли говорить об организации страны при помощи думского законодательства. Если бы нам в то время дали возможность провести намеченные нами и подготовленные законы, в том числе закон о волости, то Россия не стояла бы теперь в такой беспомощности перед вопросом об организации продовольственного дела. Это было тогда. Но теперь, гг., вопрос о нашем законодательстве отодвинут на второй план. Теперь мы видим и знаем, что с этим правительством мы так же не можем законодательствовать, как не можем с ним вести Россию к победе. (Голоса слева: верно). Прежде мы пробовали доказывать, что нельзя же вступать в борьбу со всеми живыми силами страны, нельзя вести войну внутри страны, если вы ее ведете на фронте, необходимо использовать народный порыв для достижения национальных задач, что вне этого возможно только мертвящее насилие, которое только увеличивает ту опасность, которую хотят этим насилием предупредить. Теперь, гг., кажется, все убедились, что обращаться к ним с доказательствами бесполезно: бесполезно, когда страх перед народом, перед страной своей слепит глаза и когда основной задачей становится поскорее кончить войну, хотя бы вничью, чтобы только поскорее отделаться от необходимости искать народной поддержки. (Голоса слева: верно). 10 февраля 1916 г. я кончил свою речь заявлением, что мы не решаемся больше обращаться к «государственной мудрости власти» и что я не жду ответа на тревожные вопросы от теперешнего состава Кабинета. Тогда мои слова показались некоторым излишне-мрачными. Теперь мы идем дальше, и, может быть, эти слова будут светлее и ярче. Мы говорим этому правительству, как сказала декларация блока: мы будем бороться с вами; будем бороться всеми законными средствами до тех пор, пока вы не уйдете. (Голоса слева: правильно, верно). Говорят, один Член Совета Министров, и это Член Думы Чхеидзе верно слышал, услыхав, что на этот раз Государственная Дума собирается говорить об измене, взволнованно воскликнул: «я может быть дурак, но я не изменник». (Смех). Гг., предшественник этого Министра был несомненно умным министром, так же как предшественник Ми-

нистра Иностранных Дел был честным министром. Но их теперь ведь нет в составе Кабинета. Да и разве же не все равно, гг., для практического результата, имеем ли мы дело в данном случае с глупостью или изменной? *Когда вы целый год ждете выступления Румынии, настаиваете на этом выступлении, назначаете даже заблаговременно срок выступления, а в решительную минуту у вас не оказывается на месте ни войск, ни возможности быстро подвезти их по единственной одноколейной дороге, и таким образом вы еще раз упускаете благоприятный момент нанести решительный удар на Балканах, – как вы назовете это: глупостью или изменой? (Голос слева: одно и то же). Когда, вопреки нашим неоднократным настояниям, начиная с января 1915 г. и кончая июлем 1916 г., причем еще в феврале я говорил о попытках Германии соблазнить поляков и о надеждах Вильгельма получить полумиллионную армию, – когда, вопреки всему этому, намеренно тормозят дело, и попытка умного и честного Министра решить, хотя бы в последнюю минуту, вопрос в благоприятном смысле, кончается уходом этого Министра и новой отсрочкой, а враг наш наконец пользуется нашим промедлением; – что это глупость или измена? (Голос слева: измена). выбирайте любое, последствия те же.**

Когда с все большей настойчивостью Дума напоминает, что надо организовать тыл для успешной борьбы, а власть продолжает твердить, что организовать страну значит организовать революцию, и сознательно предпочитает хаос и дезорганизацию, – что это: глупость или измена? (Голоса слева: это измена; Аджемов: это глупость; смех). Гг., мало того, когда на почве этого общего недовольства и раздражения, власти намеренно занимаются вызыванием народных вспышек – потому что участие Департамента полиции в весенних волнениях на заводах доказано – так вот, когда намеренно вызывают волнения и вспышки путем провокации и притом знают, что это может служить мотивом для прекращения войны, – что, это делается сознательно или бессознательно? *Когда в разгар войны, «Придворная Пар-*

---

*Курсивом печатается то, что Председателем Думы было изъято из стенографического отчета.

*тия» подкапывается под единственного человека, создавшего себе репутацию честности у союзников (Шум...), и когда он заменяется лицом, о котором можно сказать все, что я сказал раньше, то что это ... (Жилин 2: а ваша речь глупость или измена?). Моя речь есть заслуга перед Родиной, которой вы не сделаете. Нет, гг., воля ваша, уж слишком много глупости. (Замысловский: вот это верно). Как будто бы трудно объяснить все это только одною глупостью.**

Нельзя поэтому и население очень винить, если оно приходит к такому выводу, который я прочел словами председателей губернских управ.

Вы должны понять и то, почему и у нас сегодня не остается никакой другой задачи, кроме той задачи, которую я уже указал: добиваться ухода этого правительства. Вы спрашиваете, как же мы начинаем бороться во время войны? Да ведь, гг., только во время войны они и опасны. Они для войны опасны, и именно поэтому во время войны и во имя войны, во имя того самого, что нас заставило соединиться, мы с ними теперь боремся. (Голоса слева: браво; рукоплескания). Гг., вы понимаете, что сегодня у меня не может быть никакой другой темы, кроме этой. Я не могу подражать Члену Государственной Думы Чхеидзе и заниматься нашей внутренней политикой. Сегодня не время для этого, и я ничего не отвечу на его ссылки на меня и нападки. За меня отвечает содержание той декларации, которая здесь прочтена. Мы имеем много, очень много отдельных причин быть недовольными правительством. Если у нас будет время, мы о них скажем. Но все частные причины сводятся к этой одной общей; к неспособности и злонамеренности данного состава правительства. (Голоса слева: правильно). Это наше главное зло, победа над которым будет расносильна выигрышу всей кампании. (Голоса слева: верно). И потому, гг., во имя миллионов жертв и потоков крови, во имя достижения наших национальных интересов, – чего нам Штюрмер не обещает, – во имя нашей ответственности перед народом, который нас сюда послал, мы будем бороться, пока не добьемся той настоящей от-

---

*Курсивом печатается то, что Председателем Думы было изъято из стенографического отчета.

ветственности правительства, которая определяется тремя признаками нашей общей декларации: одинаковое понимание членами Кабинета ближайших задач текущего момента, их согласие и готовность выполнить программу большинства Государственной Думы и их обязанность опираться не только при выполнении этой программы, но и во всей их деятельности, на большинство Государственной Думы. Кабинет, не удовлетворяющий этим признакам, не заслуживает доверия Государственной Думы и должен уйти. (Голоса: браво; бурные и продолжительные рукоплескания левой, центра и в левой части правой).

Алфавитный указатель имен

ОГЛАВЛЕНИЕ

Крушение Империи

Государственная Дума и 1917 года и февральская революция

Общественные настроения до войны

Объявление войны и общественные настроения

Цена 16.00 долл.

